

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

2025. Том 12, № 1

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2025

Журнал «Гуманитарные и юридические исследования» (Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya) – рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий работы, изучающие различные проявления многообразия восточной и западной цивилизаций.

Миссия журнала **«Гуманитарные и юридические исследования»** – способствовать развитию исследований, посвященных цивилизациям Запада и Востока, специфике их взаимоотношений; публикация оригинальных статей, обзоров по истории цивилизаций, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств, рецензий монографий, сборников статей, материалов международных и всероссийских конференций. Важное место в деятельности журнала отводится расширению международного сотрудничества с научным сообществом государств дальнего и ближнего зарубежья в рамках актуальных проблем истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных стран.

Цель журнала заключается в выявлении и публикации научных исследований высокого уровня по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии России и зарубежных стран, опирающихся на современные теоретико-методологические подходы, максимально широкий круг источников и соблюдающих этику издания научных публикаций. Значительное внимание в редакционной политике уделяется анализу сложных и дискуссионных тем истории, филологии, юриспруденции России и зарубежных государств, цивилизационного взаимодействия и межкультурного диалога, специфики развития различных цивилизаций и их культурных кодов, интеллектуального наследия западных и восточных цивилизаций.

Редакционная коллегия поддерживает междисциплинарные исследования и академическую полемику, рассматривая его как основу для представления различных точек зрения научных школ, мировоззренческих концепций, методологических подходов в современной гуманитаристике.

В журнале «Гуманитарные и юридические исследования» публикуются научные работы по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств. Журнал вводит в научный оборот архивные и другого рода документы; публикует информацию о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах, юбилеях известных российских и зарубежных ученых.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Разделы журнала: Исторические науки (всеобщая история, отечественная история, источниковедение); юридические науки (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; финансовое право; налоговое право; бюджетное право; земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; административное право; административный процесс); филологические науки (теория языка).

ISSN 2409-1030

<https://doi.org/10.37493/2409-1030>

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Выходит 4 раза в год

Дата выхода первого номера: 16.05.2014.

Сведения о переименовании: журнал «Юридические исследования» (свидетельство ПИ № ФС7751091 от 4 сентября 2012 года) в 2014 году был переименован и ныне выходит под названием «Гуманитарные и юридические исследования»

Тираж 500 экз.

Свободная цена. Дата выхода в свет текущего номера: 23.05.2025.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»
Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1. Телефон: (8652) 75-28-64.
Email: gujournal@ncfu.ru; сайт: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

Адрес издательства Научной библиотеки ФГАОУ ВО «СКФУ»:
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1.

Материалы журнала открытого доступа в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License, которая разрешает их использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы.

Авторское право на оригинал-макет и оформление принадлежит журналу, авторское право на статьи – авторам.

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific bulletin

ISSN 2409-1030

2025. Volume 12, No. 1

Published four times a year

Stavropol
2025

“Humanities and law research” journal

“Humanities and law research” journal is a peer-reviewed open access academic journal that publishes papers analyzing various manifestations of the diversity of Eastern and Western civilizations.

The mission of “Humanities and law research” journal is to contribute to the development of research on the civilizations of the West and the East, the specifics of their relationships; publication of research articles, reviews on the history of civilizations, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries, reviews of monographs, collections of articles, works of international and AllRussia conferences. An important area in the journal’s activities is the development of international cooperation with the scientific communities in for eign countries in the framework of topical issues of the history of civilizations of the East and the West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries.

The purpose of the journal is to identify and publish toplevel research works on the history of civilizations of the East and West, philology of Russia and foreign countries which are based on modern theoretical and methodological approaches as well as a wide range of sources and follow the academic publication ethics.

Considerable attention in the editorial policy is paid to the analysis of complex and controversial topics of history, philology, jurisprudence of Russia and foreign countries, civilizational interaction and intercultural dialogue, the specifics of the development of various civilizations and their cultural codes, the intellectual heritage of Western and Eastern civilizations. The Editorial Board supports interdisciplinary research and academic discussions, considering it as a basis for presenting various points of view of scientific schools, concepts, methodological approaches in modern humanities.

“Humanities and law research” journal publishes academic papers on the history of civilizations of the East and West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries. The journal introduces archival and other documents into academic circulation; provides information about new publications, scientific congresses, conferences, seminars, jubilees of prominent Russian and foreign scholars.

The journal publishes papers in Russian and English.

Sections of the journal:

Historical sciences (World History, National History, Source Studies); Legal sciences (theory and history of law and the state; constitutional law; constitutional litigation; municipal law; civil law; business law; family law; international law; financial law; tax law; budget law; land law; natural resource law; environmental law; agrarian law, criminal law and criminology; penal law; administrative law; administrative process); Philological sciences (theory of language).

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

ISSN 2409-1030

<https://doi.org/10.37493/2409-1030>

Published four times a year

Release date of the first issue: 05.16.2014.

Information about the renaming: the journal “Legal research” (certificate PI No. FS77-51091 dated September 4, 2012) was renamed in 2014 and is now published under the name “Humanities and law research”

Circulation: 500 copies

Free price. Publication date of the current issue: 05.23.2025.

Postal code 94078 “Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines”.
The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

The address of the editorial office and publisher: 1, Pushkin Street, Stavropol 355017.

Telephone: +7 (8652) 75-28-64

Email: gujournal@ncfu.ru; website: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

The address of the publishing house of the Scientific Library of the NCFU:

1, Pushkin Street, Stavropol 355017.

Journal content is an open access under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 License, which permits use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited.

Copyright for the original layout and design belongs to the journal,
copyright for the articles belongs to the authors.

© North-Caucasus Federal University, original layout, design, 2025

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Научно-теоретический журнал

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

Крючков И. В. – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Заместитель главного редактора

Смирнов Д. А. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права, директор юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Ответственный секретарь

Амбарцумян К. Р. – кандидат исторических наук, доцент, доцент департамента мировой политики и зарубежного регионоведения Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Редакционный совет

Исмаил Тогрул – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор, профессор, заведующий отделом политологии и международных отношений Университета Кахраманмараса Сутчу Имама (г. Мерсин, Турция);

Мамонов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Пушкин, Россия);

Мелконян А. А. – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения, директор Института истории НАН Армении (г. Ереван, Армения);

Мюллер В. – д-р ист. наук, профессор, профессор института восточно-европейской истории Венского университета (г. Вена, Австрия);

Репина Л. П. – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия);

Саваи Ф. – д-р ист. наук, профессор, профессор института истории Реформатского университета Кароли Гаспара (г. Будапешт, Венгрия);

Фролов Д. Д. – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии (г. Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор, Бард-колледж (Аннандейл-он-Гудзон, США);

Анисимов А. П. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Волгоград, Россия);

Артамонова Е.А. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северо-Кавказский федеральный университет, профессор (г. Ставрополь, Россия);

Бакаева О. Ю. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Беликов А. П. – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Блинов А. Г. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Борисова Т.Г. – д-р. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой родных языков и лингводидактики Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь, Россия);

Бредихин С. Н. – д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Булыгина Т. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гладышев А. В. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия);

Грязнова В. М. – д-р. филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гусаренко С. В. – д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Демченко Т. И. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Дроздова А. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Ежова Е. Н. – д-р. филол. наук, профессор, профессор департамента медиакommunikаций Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Каменский М. В. – д-р филол. наук, доцент, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Каширина Т. В. – д-р. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета (г. Москва, Россия);

Клюковская И. Н. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Клычников Ю. Ю. – д-р. ист. наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия);

Колесникова М. Е. – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, директор гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Краснова И. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Кузьминов П. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик, Россия);

Ласкова М. В. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Мехди Хоссейни Тагиабад – профессор, директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (г. Тегеран, Иран);

Мирошниченко Н. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета (г. Ставрополь, Россия);

Мухачёв И. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Навасардова Э. С. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Позднышов А. Н. – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Попов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Радбиль Т. Б. – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия);

Рыженков А. Я. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета (г. Волгоград, Россия);

Савина В. С. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (г. Москва, Россия);

Серебрякова С. В. – д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Старилов Ю. Н. – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия);

Цихорацкий П. – д-р. ист. наук, профессор, профессор Вроцлавского университета (г. Вроцлав, Польша);

Чаннов С. Е. – д-р юрид. наук, профессор, Заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия);

Чичман Л. – д-р полит. наук, Университета Иштвана Сечени (Дьер, Венгрия);

Шварц И. – д-р филос. наук, профессор Венского университета (г. Вена, Австрия);

Шебзухова Т. А. – д-р ист. наук, профессор, директор Пятигорского института (филиал) Северо-Кавказского федерального университета (г. Пятигорск, Россия);

Щербакова Л. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Шибкова О. С. – д-р филол. наук, профессор, департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Ширяева Т. А. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск, Россия).

Переводчик

Марченко Т. В. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия).

HUMANITIES AND LAW RESEARCH
Scientific bulletin

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution
for Higher Education "North-Caucasus Federal University"

Editor-in-Chief

Igor V. Kryuchkov – Doctor of History, Professor, Professor, Russian History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Vice Editor-in-Chief

Dmitrii A. Smirnov – Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute, Head of Administrative and Financial Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Executive editor

Karine R. Ambartsumyan – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor, World Politics and Foreign Regional Studies Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Editorial Council

Togrul Ismail – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Professor, Head of the Department of Political Science and International Relations at Kahramanmaras Sutcu Imam University (Mersin, Turkey);

Vadim V. Mamonov – Doctor of Law, Professor, Head of State Law Department, Pushkin Leningrad State University (Pushkin, Russia);

Ashot A. Melkonyan – Doctor of History, Academician of National Academy of Sciences of Armenia, Director of Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan, Armenia);

Wolfgang Müller – Doctor of History, Professor, East European History Department, University of Vienna (Vienna, Austria);

Lorina P. Repina – Doctor of History, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Ferenc Szávai – Doctor of History, Professor, Professor, Institute of History, Károly Gaspar Reformed University (Budapest, Hungary);

Dmitrii D. Frolov – Doctor of Social and Political Sciences, Scientific Officer of the National Archives of Finland (Helsinki, Finland).

Editorial Board

Viktor Yu. Apryschenko – Doctor of History, Professor, Bard College (Annandale-on-Hudson, USA);

Alexey P. Anisimov – Doctor of Law, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law Department, Russian Academy of National Economy and Public Service (Volgograd branch, Russia);

Elena A. Artamonova – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Olga Yu. Bakaeva – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Alexandr P. Belikov – Doctor of History, Associate Professor, Professor of Russian History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandr G. Blinov – Doctor of Law, Professor, Head of Criminal and Criminal Executive Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Tatiana G. Borisova – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Native Languages and Linguodidactics Department Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol, Russia);

Sergey N. Bredikhin – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamara A. Bulygina – Doctor of History, Professor, Professor of History of Russia Department, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Andrey V. Gladyshev – Doctor of History, Professor, Professor of Modern and Contemporary History Department, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia);

Violetta M. Gryaznova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Sergey V. Gusarenko – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamila I. Demchenko – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandra M. Drozdova – Doctor of Law, Professor, Professor of Legal Culture and Protection of Human Rights Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Elena N. Ezhova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Media Communications Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Mikhail V. Kamenskii – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tatiana V. Kashirina – Doctor of History, Professor, Head of International Relations and Foreign Policy of Russia Department, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia);

Irina N. Klyukovskaya – Doctor of Law, Professor, Head of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Yurii Yu. Klychnikov – Doctor of History, Professor, Professor of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology Department, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia);

Marina E. Kolesnikova – Doctor of History, Professor, Head of Russian History Department, Director of the Humanitarian Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Irina A. Krasnova – Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Petr A. Kuzminov – Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russia);

Marina V. Laskova – Doctor of Philology, Professor, Head of Translation and Information Technology in Linguistics Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);

Nadezhda V. Miroshnichenko – Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State and Municipal management of Stavropol State Agricultural University (Stavropol, Russia);

Igor V. Mukhachev – Doctor of Law, Professor, Head of Constitutional and International Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Mehdi Hosseini – Professor, Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University, (Tehran, Iran);

Eleonora S. Navasardova – Doctor of Law, Professor, Head of Environmental Law, Land and Law of Employment Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexey N. Pozdnyshov – Doctor of Law, Professor, Head of Faculty of Law, Rostov State Economic University (RINKH) (Rostov-on-Don, Russia);

Vasilii V. Popov – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Timur B. Rudbil – Doctor of Philology, Professor, Head of theoretical and applied linguistics Department, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia);

Anatolii Ya. Ryzhenkov – Doctor of Law, Professor, Professor of Civil and International Private Law, Volgograd State University (Volgograd, Russia);

Victoriya S. Savina – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Civil Law Disciplines Department, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia);

Svetlana V. Serebriakova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Saratov, Russia);

Yurii N. Starilov – Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Head of the Administrative and Administrative Procedural Law Department, Voronezh State University (Voronezh, Russia);

Piotr Cichoracki – Doctor of History, Professor of Wrocław University (Wrocław, Poland);

Sergey E. Channov – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technologies, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

László Csicsmann – Doctor of Political Sciences, Professor, István Széchenyi University (Győr, Hungary);

Iskra Schwarcz – Doctor of History, Professor, Professor of Vienna University (Vienna, Austria);

Tatiana A. Shebzuhova – Doctor of History, Professor, Director of Pyatigorsk Institute (branch) of the North Caucasus Federal University (Pyatigorsk, Russia);

Ludmila M. Shcherbakova – Doctor of Law, Professor; Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Oksana S. Shibkova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tatiana A. Shiryaeva – Doctor of Philology, Professor, Head of English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia).

Translator

Tatiana V. Marchenko – PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Агеева В. А., Жбанникова М. И., Трапш Н. А. Документальные комплексы о донских оstarбайтерах в региональных архивах: опыт комплексной источниковедческой характеристики.....	11
Ануфриенко М. С. «Мы в таком унынии, как голубь унывает при удалении детей...»: южный вектор внешнеэкономических связей населения северного Кавказа в конце XVIII – начале XIX вв.....	16
Баженов Е. А. «Gloria Orbis Terrarum»: Феодосий II как единоличный август Римской империи (по данным нумизматики).....	23
Березутская А. А. Система правоохранительных органов Северного Кавказа к вопросу о механизме исполнения правосудия на рубеже XIX – XX вв.....	34
Борисенко К. С. Греческое меньшинство (греки) в переписях населения Турции 1927 и 1935 гг.....	42
Вагабова Э. Р. Особенности развития азербайджанской литературы и просветительства до 1917 г.: персоналии и историко-культурный контекст.....	52
Виноградный Б. А. Министерство иностранных дел империи Габсбургов: история создания, принципы комплектования и подготовки кадров.....	62
Дмитриев В. А. Вторая половина 1930-х гг. в истории Российского этнографического музея.....	72
Ермаков О. В. Экономические взаимоотношения России и Финляндии в конце XIX – начале XX вв.....	80
Козлов С. С. К вопросу о медико-санитарном состоянии городов Юга России на примере г. Нахичевани-на-Дону в конце XIX – начале XX вв.....	87
Криулин А. М. Трансформация внешнеполитических взаимоотношений между Великобританией и Южно-Африканской Республикой (Союзом) в 1950 – 1970-е годы: причины и особенности.....	93
Лаванд С. История апостолов Варнавы и Павла из Антиохии.....	103
Рыбин Д. В. Право на жизнь и смертная казнь в Российской империи в воззрениях либеральных легалистов на рубеже XIX – XX веков.....	109
Таучелов Б. Г., Макиева Е. Г. Проблема безопасности на Южном Кавказе в политике Грузии (2012 – 2022 гг.).....	116

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Винокуров В. А. Взаимоуважение государства и личности: проблемы наличия в российском законодательстве.....	122
Долгополов К. А., Буркин Д. О. Взаимодействие частного и публичного регулирования отношений недропользования.....	128
Трофимов М. С. Проблематика компетенции органов местного самоуправления в сфере охраны окружающей природной среды и экологической безопасности в современной Российской Федерации.....	133

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Алейникова Т. В. Специфика динамики содержания номинации розовый и ее производных в русском языке.....	140
Буров А. А., Бурова Г. П. Эвристический ресурс номинации в русском языке (на материале поэтического текста).....	148
Воркачев С. Г. Рефлексы страсти в словообразовании русского языка (на материале лексикографического дискурса).....	155
Кибкало Р. И. Научно-популярный текст как результат междискурсного взаимодействия.....	164
Нечай Ю. П. Лексические репрезентанты концепции времени в художественных текстах Э.М. Ремарка.....	171

РЕЦЕНЗИИ

Слышкин Г. Г. Марченко Т. В. Поликодовая специфика прецедентности в медиадискурсе / Т. В. Марченко; Ставрополь: Ставропольское издательство «Параграф», 2024. 252 с. 500 экз.....	177
--	-----

НЕКРОЛОГИ

Дударев Сергей Леонидович (05.09.1951 – 29.03.2025).....	180
---	-----

CONTENTS

HISTORY SCIENCES

Ageeva VA, Zhbannikova MI, Trapsh NA. Documentary complexes about Don Ostarbeiters in regional archives: a case study of complex source characteristics.....	11
Anufrienko MS. “We are as despondent as a dove is despondent when its children are removed...”: the southern vector of foreign economic relations of the population of the north Caucasus at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries.....	16
Bazhenov EA. “Gloria Orbis Terrarum”: Theodosius II as the sole Augustus of the Roman Empire (according to numismatics).....	23
Berezutskaya AA. The system of law enforcement authorities in the North Caucasus: on the mechanism of justice execution at the turn of the 19th – 20th centuries.....	34
Borisenko KS. The Greek minority (Greeks) in the Turkish population censuses of 1927 and 1935.....	42
Vagabova ER. Features of the development of Azerbaijani literature and education before 1917: personalities, historical and cultural context.....	52
Vinogradny BA. The ministry of foreign affairs of the Habsburg empire: history of establishment, recruitment and training principles.....	62
Dmitriev VA. The Russian Ethnographic Museum in the second half of the 1930s.....	72
Ermakov OV. Economic relations between Russia and Finland in the late XIX – beginning of XX centuries.....	80
Kozlov SS. On the medical and sanitary condition of the cities of the South of Russia by the example of the city of Nakhichevan-on-Don in the late 19th - early 20th centuries.....	87
Kriulin AM. Transformation of foreign policy relations between Great Britain and the South African Republic in the 1950s – 1970s: causes and features.....	93
Lavand S. The story of the Apostles Barnabas and Paul of Antioch.....	103
Rybin DV. The right to life and death penalty in the Russian Empire in the views of liberal legalists at the turn of the 19th and 20th centuries.....	109
Tauchelov BG, Makieva EG. The security issue in the South Caucasus in the policy of Georgia (2012 – 2022).....	116

LEGAL SCIENCES

Vinokurov VA. Mutual respect of the state and the individual: the problems of existence in Russian legislation.....	122
Dolgopолоv KA, Burkin DO. Interaction of private and public regulation of subsoil use relations.....	128
Trofimov MS. Problems of competence of local self-government bodies in the field of environmental protection and environmental safety in the Russian Federation under present-day conditions.....	133

PHILOLOGICAL SCIENCES

Aleynikova TV. Specifics of the dynamics of the content of the nomination pink and its derivatives in the Russian language.....	140
Burov AA, Burova GP. Heuristic resource of nomination in the Russian language (based on poetic text).....	148
Vorkachev SG. Reflexes of passion in word formation of the Russian language (based on lexicographical discourse).....	155
Kibkalo RI. Popular scientific text as a result of inter-discourse interaction.....	164
Nechai YuP. Lexical representatives of the concept of time in literary texts by E.M. Remarque.....	171

REVIEWS

Slyshkin GG. Marchenko T. V. Polycode features of precedence in media discourse. Stavropol: Stavropol publishing house “Paragraf”; 2024. 252 p. 500 copies.....	177
--	-----

OBITUARIES

Dudarev Sergey Leonidovich (05.09.1951 - 29.03.2025).....	180
--	-----

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

Научная статья

УДК 94(47).084.8

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.1>

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ О ДОНСКИХ ОСТАРБАЙТЕРАХ В РЕГИОНАЛЬНЫХ АРХИВАХ: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОЙ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Валентина Анатольевна Агеева¹, Марина Исмамовна Жбанникова²,
 Николай Алексеевич Трапш^{3*}

^{1,2,3} Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета («РИНХ»)

(д. 48, ул. Инициативная, г. Таганрог, 347936, Российская Федерация)

¹ Кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и филологии
Ageewa.75@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9921-4364>² Научный сотрудник
mzhbannikova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1712-1541>³ Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории
tirpizn@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8886-9098>

* Автор ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Представленная статья характеризует исследовательскую проблему, связанную с системной оценкой источниковой базы, позволяющей реконструировать принудительную депортацию «восточных рабочих» с оккупированной территории Ростовской области в Третий рейх. Значительный объем ретроспективной документальной информации, характеризующий избранную проблематику, находится в региональных архивах и последовательно вводится в научный оборот. В настоящее время актуальной задачей является комплексное обобщение эвристических результатов, определяющих возможные перспективы эпистемологической практики. **Материалы и методы.** Эмпирический фундамент проведенного исследования составили документальные комплексы Государственного архива Ростовской области, включая Таганрогский филиал, Центра документации новейшей истории Ростовской области, Центра хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области. Методологическую основу исследовательской практики определили традиционные эвристические подходы, ориентированные на системный поиск ретроспективной документальной информации. **Анализ.** Проведенное исследование позволило уточнить общий состав и содержательные характеристики дифференцированных документов, отражающих значимые события тотального геноцида мирного советского населения в период Великой Отечественной войны. В региональных архивах Ростовской области имеются документальные комплексы, характеризующие различные аспекты целенаправленной депортации местных жителей на принудительные работы в Германию и использованные в рамках исследовательской практики отечественных и зарубежных

историков. **Результаты.** Авторский анализ позволил сформировать целостное представление об эпистемологическом потенциале рассматриваемых источников, определяемом как реальным количеством, так и видовым многообразием представленных документов. Современный тренд научного изучения избранных документальных комплексов определяется своеобразным микроисторическим поворотом, позволяющим сосредоточить основное внимание на конкретных образах отдельных личностей, ставших невинными жертвами преступной политики нацистских оккупационных властей.

Ключевые слова: архив, источник, Третий рейх, эвристика, принудительные работы, биржа труда, нацистский режим, оккупация, администрация, регистрационная карта, опросный лист

Для цитирования: Агеева В. А., Жбанникова М. И., Трапш Н. А. Документальные комплексы о донских оstarбайтерах в региональных архивах: опыт комплексной источниковедческой характеристики // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 11-15. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.1>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01114, <https://rscf.ru/project/23-28-01114/>

Статья поступила в редакцию: 15.11.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.02.2025.

Статья принята к публикации: 25.03.2025.

Research article

DOCUMENTARY COMPLEXES ABOUT DON OSTARBEITERS IN REGIONAL ARCHIVES: A CASE STUDY OF COMPLEX SOURCE CHARACTERISTICS

Valentina A. Ageeva^{1*}, Marina I. Zhbannikova², Nikolai A. Trapsh^{3*}

^{1,2,3} Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) of the Rostov State University of Economics («РИНХ»)

(48, Initiative St., Taganrog, 347936, Rostov region)

¹ Cand. Sc. (History), Associate Professor, Dean of the Faculty of history and philology
Ageewa.75@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9921-4364>² Research associate
mzhbannikova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1712-1541>³ Cand. Sc. (History), Associate Professor
tirpizn@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8886-9098>

* Corresponding author

© Агеева В. А., Жбанникова М. И., Трапш Н.А. 2025

Abstract. Introduction. The article characterizes the research problem associated with the systemic assessment of the source base, allowing to reconstruct the forced deportation of “Eastern workers” from the occupied territory of the Rostov region to the Third Reich. A significant volume of retrospective documentary information characterizing the problems in focus is located in regional archives and is consistently introduced into scientific circulation. At present, a relevant task is a comprehensive generalization of heuristic results that determine the possible prospects of epistemological practice. **Materials and Methods.** The empirical foundation of the study was formed by documentary complexes of the State Archives of the Rostov Region, including the Taganrog branch, the Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region, the Center for Storage of Archival Documents in Shakhty, Rostov Region. The methodological basis of the research practice was determined by traditional heuristic approaches focused on a systemic search for retrospective documentary information. **Analysis.** The research allowed clarifying the general composition and substantive characteristics of differentiated documents reflecting significant events of total genocide of the peaceful Soviet population during the Great Patriotic War. In regional archives of the Rostov region there are documentary complexes characterizing various aspects of the targeted deportation of local residents for forced labor in Germany and used in the research practice of domestic

Введение. Фундаментальная проблема, связанная с системным изучением различных проявлений нацистского геноцида, осуществившегося на оккупированной территории СССР в период Великой Отечественной войны, традиционно привлекает пристальное внимание отечественных и зарубежных исследователей. Значимым элементом преступной политики гитлеровского режима являлась последовательная депортация мирных советских граждан на принудительные работы в Германию, испытывавшую существенный дефицит трудовых ресурсов в условиях расширяющейся мобилизации. В настоящее время в отечественной историографии имеются обобщающие работы, характеризующие различные аспекты насильственного перемещения «восточных рабочих» в Третий рейх и последующей отраслевой эксплуатации депортированных лиц [9; 6; 7]. Системным объектом научного анализа стали и региональные особенности, связанные с целенаправленным отбором перемещаемых советских граждан и качественными условиями принудительной трудовой деятельности в Третьем рейхе [1; 2]. Исследовательская практика охватила и базовые стереотипы индивидуального и массового сознания, характеризующие ментальные образы отдельных оstarбайтеров и сформировавшиеся в послевоенный период [8]. Многочисленные исследования, посвященные «восточным рабочим», опираются на дифференцированную источниковую базу, включающую как личные нарративы, профильные интервью и эпистолярные свидетельства, так и разнообразные законодательные, организационно-распорядительные и информационно-справочные материалы, сохранившиеся в федеральных и региональных архивных фондах. Отдельные источники получили специальную характеристику, позволяющие оценить принципиальные возможности использования реконструированного эмпирического материала в дальнейшей исследовательской практике [3]. Однако до настоящего времени отсутствует комплексное исследование, посвященное системной оценке источниковых комплексов, находящихся в отечественных архивах и характеризующих значимые аспекты последовательной депортации мирных советских граждан на принудительные работы в Германию. Масштабно ограниченные и описательные оценки соответствующих материалов присутствуют в историографических обзорах большинства известных научных трудов, но имеющаяся проблема не может быть решена посредством механической интеграции обособленных очерков и требует последовательного разрешения, начиная с уровня конкретных регионов. В

and foreign historians. **Results.** The analysis allowed forming a holistic idea of the epistemological potential of the sources under consideration, determined by both the actual number and the species diversity of the presented documents. The modern trend of scientific study of selected documentary complexes is determined by a kind of microhistorical turn, allowing focusing on specific images of individuals who became innocent victims of the criminal policy of the Nazi occupation authorities.

Keywords: archive, source, Third Reich, heuristics, forced labor, labor exchange, Nazi regime, occupation, administration, registration card, questionnaire

For citation: Ageeva VA, Zhbannikova MI, Trapsh NA. Documentary complexes about Don Ostarbeiters in regional archives: a case study of complex source characteristics. *Humanities and law research*. 2025;12(1):11-15. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.1>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Acknowledgements: the study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01114, <https://rscf.ru/project/23-28-01114/>

The article was submitted: 15.11.2024.

The article was approved after reviewing: 18.02.2025.

The article was accepted for publication: 25.03.2025.

представленной статье подобный обобщающий анализ осуществляется на основе выявленных материалов, находящихся на постоянном хранении в государственных архивных учреждениях Ростовской области и иллюстрирующих локальные аспекты преступной политики Третьего рейха по отношению к «восточным рабочим».

Материалы и методы. Источниковую базу предлагаемого исследования составили дифференцированные документальные комплексы, выявленные в профильных фондах Р-3613 «Комиссия при исполнительном комитете Ростовского областного Совета депутатов трудящихся по учету ущерба и злодеяний, причиненных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам города Ростова-на-Дону и Ростовской области» и Р-3979 «Ростовская на Дону городская проверочно-фильтрационная комиссия при УНКВД по РО (1945-1946г.)» Государственного архива Ростовской области (далее ГАРО), Р-513 «Таганрогское городское управление бургомистерства», 514 «Таганрогская городская Биржа труда при Бургомистерстве г. Таганрога» и Р-619 «Ортскомендатура г. Таганрог (документальные материалы периода временной оккупации)» Таганрогского филиала Государственного архива Ростовской области (далее ТФ ГАРО), Р-1886 «Ростовская областная чрезвычайная комиссия по учету ущерба и злодеяний, причиненных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам г. Ростова и Ростовской области» Центра документации новейшей истории Ростовской области (далее - ЦДНИРО), Р-795 «Полицейское управление г. Морозовска РО», Р-796 «Тарасовское районное управление РО (1942 г.)», Р-1044 «Материалы об ущербах и разрушениях причиненных немецко-фашистскими захватчиками г. Шахты Ростовской области» Центра хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области (далее ЦХАД) [4; 5; 10-18].

Методологическим основанием представленного исследования стал междисциплинарный подход, понимаемый как исследовательская технология синхронного применения отраслевых эпистемологических технологий в целях системного познания единого объекта. Значимым аспектом исследовательской практики являлась микроисторическая компаративистика, предполагающая качественное сравнение идентичных по внешним видо-вым признакам документальных комплексов, сформированных нацистскими административными структурами и советскими управленческими и правоохранительными органами. В отдельных случаях авторским коллективом применялся текстологический вариант традиционного

контент-анализа, упрощающего системную характеристику содержательно сходных или тождественных документов, которые в силу индивидуальных содержательных особенностей не могут рассматриваться как массовые источники.

Анализ. Главным источником эмпирической информации, характеризующим целенаправленную депортацию мирного населения Ростовской области на принудительные работы в Третий рейх, являются профильные материалы Комиссии при исполнительном комитете Ростовского областного Совета депутатов трудящихся по учету ущерба и злодеяний, причиненных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам города Ростова-на-Дону и Ростовской области (далее ЧГК). В советский период масштабный документальный комплекс был по конъюнктурным основаниям разделен на три обособленных сегмента, находящихся в разных архивных учреждениях. В частности, в ГАРО находится известный фонд Р-3613 «Комиссия при исполнительном комитете Ростовского областного Совета депутатов трудящихся по учету ущерба и злодеяний, причиненных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам города Ростова-на-Дону и Ростовской области», а в ЦДНИРО - Р-1886 «Ростовская областная чрезвычайная комиссия по учету ущерба и злодеяний, причиненных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам г. Ростова и Ростовской области» [4; 15]. Третья часть единого документального комплекса оказалась в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР), а в настоящее время находится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ; фонд Р-7021 «Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР»). Применительно к соответствующим документам, находящимся в региональных архивах Ростовской области, можно выделить целый ряд характерных особенностей, определяющих содержательные характеристики верифицируемого эмпирического материала.

Основная часть публично-правовых актов имеет копияный характер, позволяющий идентифицировать основные признаки, определяющие подлинность конкретного документа. Комплексный анализ внешней формы актовых материалов позволяет утверждать, что удостоверяющие знаки (печати и подписи) и хронологическая система соответствуют действующим на момент создания нормативным требованиям. Материальные носители не имеют унифицированного формата, что определяется разным качеством используемой бумаги. Почерковедческое исследование позволяет идентифицировать конкретные тексты в полном объеме, не прибегая к практическому использованию специальных технических средств.

Формулярный анализ показывает повсеместное совпадение абстрактного, конкретного и индивидуального формуляра, что определяется высокой степенью нормативной унификации делопроизводственной практики. В начальных протоколах фиксируется содержательное тождество интитуляции (обращения к должностному лицу или органу) и инскрипции (описания адресата). В основной части содержательно дифференцируются преамбула и наррация (описание содержания документа). В конечном протоколе присутствует унифицированные реквизиты, фиксирующие дату и место выдачи, а в удостоверяющей части представлена единая субскрипция, (формула, выражающая существо удостоверяющего действия) и подпись.

Делопроизводственные материалы представлены несколькими видами, среди которых необходимо выделить докладные записки, протоколы, рапорты, справки, свидетельские показания, сведения и списки. Докладные записки, как правило, интегрируют информацию публично-правовых актов, адаптируя фактический материал для административного анализа. Протокольная часть относится к судебно-следственной документации и в общих признаках оформления соответствует синхронным нормативным требованиям. В структуре протоколов присутствуют необходимые идентифицирующие реквизиты, в том числе личные подписи участников следственных действий. Канцелярский язык соответствует хронологическому типу, информация фиксируется в полном объеме и без очевидных смысловых исключений.

Наиболее дифференцированный характер по внешним и содержательным признакам имеют свидетельские показания и так называемые сведения, формировавшиеся по результатам опроса местных жителей. В большинстве случаев они имеют четко фиксируемого адресата, но тексты не имеют унифицированного характера и представляют сложность для почерковедческого анализа. Информация, изложенная очевидцами, использовалась как ЧГК, так и местными органами безопасности, включавшими выявленные факты в дела после перекрестной проверки. Отобранные документ идентифицировались по названиям, как правило, связанным с конкретным пострадавшим лицом. В отдельных случаях отсутствуют датировки, что усложняет верификацию приводимых данных. Отсутствие четкой внутренней структуры и характер текстового изложения сближают указанные материалы с нарративными источниками личного происхождения.

В рамках практического изучения выделенных фондов сформировались следующие примеры, иллюстрирующие исходные цели исследовательской практики. В частности, в деле № 5 «Акты о зверствах немецко-фашистских оккупантов по районам: Егорлыкскому, Красногвардейскому и Криворожскому» находится «Акт № 1060 Комиссии исполнительного комитета Криворожского районного совета депутатов трудящихся Ростовской области о грабежах и насильственном угоне на работы в Германию жителей слободы Никольской Нижне-Покровского сельсовета», содержащий персональные сведения о 17 жителях [4]. В деле № 8 «Акты о зверствах немецко-фашистских оккупантов по районам: Пролетарскому, Песчанокоспскому, Раздорскому Родионово-Несветаевскому, Романовскому, Сальскому, Семикаракорскому» содержится «Акт № 813 Чрезвычайной государственной комиссии о насильственном вывозе на работы в Германию населения станицы Раздорской», позволивший выявить значимую информацию о 16 местных оstarбайтерах [4]. В деле № 9 «Акты о зверствах немецко-фашистских оккупантов по районам: Скосырскому, Селивановскому, городу Таганрог, Таганрогскому/сельскому/району, Целинскому, Цымлянскому, Чертовскому, городу Шахты, и Новошахтинску» выявлены подробные списки гражданских лиц, угнанных на принудительные работы в Германию из г. Шахты в 1942-1943 гг. (всего 5687 человек; указаны ФИО, год рождения, место работы, место жительства на момент угона) [4]. В деле № 13 «Акты и списки граждан, расстрелянных немцами увезенных в тюрьму и немецкое рабство по Орджоникидзовскому району г. Ростова-на-Дону (23 октября 1943г. – 15 сентября 1944 года)» выявлены особые родительские заявления в ЧГК о принудительной отправке местных детей в Германию [4]. В деле № 15 «Акты и заявления на увезенных в Германию по Октябрьскому району г. Ростова-на-Дону» были выявлены и исследованы еще 336 подобных заявлений, в которых содержится значимая информация о точной дате окончательной отправки в Германию, а также в отдельных случаях - о месте учебы в предшествующий период [4]. В деле № 18 собраны пер-

сональные и статистические сведения о 9699 советских гражданах лицах, уведенных в немецкое рабство в период второй оккупации г. Ростова-на-Дону (Ф.И.О., год рождения, место жительства на момент угона на принудительные работы в нацистскую Германию).

Применительно к рассматриваемой проблематике значительный интерес для потенциальных исследователей представляет небольшой фонд Р-3979 «Ростовская на Дону городская проверочно-фильтрационная комиссия при УНКВД по РО (1945 – 1946 г.)» (85 дел), содержащий целый ряд личных документов с фотографическими изображениями, стандартных для «восточных рабочих» и выдававшихся в территориальных границах Третьего рейха с обязательной привязкой к конкретному месту принудительной трудовой деятельности [5]. Внимательного анализа заслуживают и опросные листы проверочно-фильтрационных комиссий при УНКВД различных уровней, не только содержащих дифференцированные персональные данные недавних оstarбайтеров, но и характеризующих реальное отношение к данной категории советских граждан со стороны административных и правоохранительных органов. В частности, в исследованных делах № 9 и № 10 содержатся подробные списки гражданских лиц, прибывших в рамках репатриационного процесса в г. Ростов-на-Дону с 10 августа 1945 г. по 19 июля 1946 г. [5].

Специфической особенностью архивных учреждений Ростовской области является широкая представленность документальных комплексов, созданных нацистскими оккупационными властями. Подобная ситуация определяется длительной оккупацией западных районов рассматриваемого административно-территориального субъекта, способствовавшей последовательному формированию ответственного бюрократического аппарата, используемого Третьим рейхом. В частности, в фонде Р-619 «Ортскомендатура» ТФ ГАРО присутствуют дифференцированные материалы, характеризующие управленческую деятельность гитлеровских властей и коллаборационистских структур, связанную с насильственной депортацией местных жителей на принудительные работы в Германию [14]. В фонде Р-513 «Таганрогское городское управление бургомистерства» выявлены личные письма угнанных таганрожцев, имеющие обратные немецкими адресами. В контексте избранной темы наибольшим информационным потенциалом обладает фонд Р-514 «Таганрогская городская Биржа труда при Бургомистерстве г. Таганрога», в многочисленных делах которого сконцентрированы транспортные листы оккупационного периода, включающие персональные данные на 17 204 «восточных рабочих» (ФИО, год рождения, место жительства, в некоторых случаях - сведения о профессиональной и социальной принадлежности на момент угона на принудительные работы в Третий рейх) [11; 12]. Интересные материалы сосредоточены и в аналогичном фонде Р-516 «Финансовый отдел Таганрогского городского финансового отдела при Бургомистерстве. 1942 – 1943 г.», содержащий дифференцированные данные, характеризующие реальную занятость мирного населения и принципиальные особенности административного отбора потенциальных оstarбайтеров [13]. Применительно к послевоенной адаптации вернувшихся «восточных рабочих» необходимо обратить особое внимание на фонд 165 «Исполнительный комитет городского совета депутатов трудящихся г. Таганрога», находящийся в ТФ ГАРО и содержащий поименные учетные списки, фиксирующие объективную динамику официального трудоустройства репатриированных лиц [10].

В ЦХАД также отложились документальные комплексы, сформированные нацистскими оккупационными властями в отдельных административно-территориальных субъектах (фонды Р-681 «Раздорская районная сельскохозяйственная управа РО», Р-796 «Тарасовское районное управление РО (1942 г.)») и характеризующие

функционировавшие механизмы объективного контроля региональной занятости и нормативного отбора на принудительные работы в Третий рейх [17]. Кроме того, в фонде Р-795 «Полицейское управление г. Морозовска РО» хранится дело № 15, включающее более 600 учетных карточек местной биржи труда, представляющих особую ценность как для комплексной реконструкции целенаправленной депортации гражданского населения на принудительные работы в Третий рейх, так и для последующей реконструкции конкретных судеб региональных «восточных рабочих» [17]. Следует отметить также и то существенное обстоятельство, что в фонде Р-1044 «Материалы об ущербах и разрушениях причиненных немецко-фашистскими захватчиками г. Шахты Ростовской области» имеются масштабные списки местных жителей, угнанных в немецкое рабство по Октябрьскому и Ворошиловскому районам г. Шахты [18].

Результаты. Объективные результаты источниковедческого анализа полностью опровергают распространенное представление о том, что актовые материалы ЧГК и другие судебно-следственные документы, фиксирующие реальные факты нацистского террора, создавались по шаблонным схемам советскими органами государственной безопасности, привлекавших проверенных очевидцев, которые вынуждены были переписывать клишированные показания. Почерковедческая экспертиза, равно как и герменевтический анализ документальных текстов, свидетельствуют о самостоятельной фиксации свидетельских данных, различающихся как по эмпирическому составу, так и по внешнему эмоциональному настрою. Необходимо учитывать и тот очевидный факт, что в условиях военного времени отсутствовали технологические и организационные возможности для практической подготовки огромного числа клишированных показаний, опирающихся на разные факты и личные оценки. Следовательно, привлеченные материалы ЧГК являются важнейшим документальным подтверждением тотального геноцида гражданского населения оккупированных советских территорий.

Архивные документы подтверждают активное участие в немотивированных репрессивных действиях против советских граждан всех уполномоченных представителей нацистского государства, находившихся в территориальных границах Ростовской области. Рассмотренные документальные комплексы опровергают устойчивые мифологические представления о том, что массовое уничтожение гражданского населения осуществлялось исключительно карательными органами СС и СД, которые были признаны преступными организациями Международным военным трибуналом в Нюрнберге. Активную роль в целенаправленном геноциде советских граждан сыграла и германская армия, отдельные подразделения которой осуществляли массовые расстрелы в период первой оккупации Ростова-на-Дону в 1941 году. Кроме того, масштабное документальное подтверждение получило прямое участие в карательных акциях против мирного населения многочисленных коллаборационистов, неизменно использовавшихся оккупационными властями в качестве движущей силы массового террора. Наконец, официальное определение физического геноцида, содержащееся в известной конвенции ООН, не ограничивает данное явление исключительно неправомерным уничтожением социальных, этнических или профессиональных групп. В контексте указанного обстоятельства значительные интерес представляют архивные документы, характеризующие деятельность гражданских сегментов нацистской оккупационных властей, прямо причастных к насильственному уgonу советских граждан в Германию и последовательному созданию неблагоприятных условий для повседневной жизнедеятельности местного населения (ограниченное продовольственное обеспечение, принудительное выселение из личных жилых помещений, постоянное использование на некавали-

фицированных работах особой трудоемкости). Следовательно, привлеченная документальная информация способствовала целенаправленному формированию

доказательной базы, описывающей характерные особенности состоявшегося геноцида.

Литература

1. Агеева В. А., Трапш Н. А. Насильственное перемещение гражданского населения города Таганрога на принудительные работы в Третий рейх: опыт комплексной характеристики // *Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология»*. 2023. № 5(63). С. 158–165.
2. Гаража Н. А. Об использовании труда оstarбайтеров Кубани в экономике Третьего Рейха // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2012. № 4(24). С. 37–44.
3. Гаража Н. А. Письма оstarбайтеров как источник микросоциальной истории и истории повседневности Великой Отечественной войны (на материалах коллекции писем оstarбайтеров в фондах государственного архива Республики Крым) // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2016. № 4. С. 24–30.
4. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-3613.
5. ГАРО. Ф. Р-3979.
6. Данченко Е. Л. Батраки поневоле. Принудительный труд «восточных рабочих» в сельском хозяйстве нацистской Германии (1941–1945). Воронеж: Издательство Воронежского государственного педагогического университета, 2012. 168 с.
7. Клитцинг Е. Повседневный опыт принудительного труда «восточных рабочих» в сельском хозяйстве национал-социалистической Германии // *Журнал региональной истории*. 2017. Т. 1. № 2. С. 42–50.
8. Кринко Е. Ф., Захарина Е. А. «Восточные рабочие»: динамика представлений и образов в СССР и современной России // *Наследие веков*. 2020. № 2. С. 45–56.
9. Полян П. М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М.: РОССПЭН, 2002. 818 с.
10. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (далее – ТФ ГАРО). Ф. Р-165. Оп. 4. Д. 25, 44, 45.
11. ТФ ГАРО. Ф. Р-513.
12. ТФ ГАРО. Ф. Р-514.
13. ТФ ГАРО. Ф. Р-516.
14. ТФ ГАРО. Ф. Р-619.
15. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 1886.
16. Центр хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области (далее – ЦХАД). Ф. Р-795.
17. ЦХАД. Ф. Р-796.
18. ЦХАД. Ф. Р-1044. Оп. 1. Д. 69.

References

1. Ageeva VA, Trapsh NA. Forced displacement of the civilian population of Taganrog to forced labor in the Third Reich: an experience of complex characteristics. *Izvestiya Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. The series "History and Philology"*. 2023;5(63):158-165. (In Russ.).
2. Garaza NA. On the use of labor of Kuban workers in the economy of the Third Reich. *Izvestia of higher educational institutions. The Volga region. Humanities*. 2012;4(24):37-44. (In Russ.).
3. Garaza NA. Letters of ostarbeiters as a source of micro social history and the history of everyday life of the Great Patriotic War (on materials of the collection of ostarbeiters letters in the funds of the State Archive of the Republic of Crimea). *Humanities and law research*. 2016;4:24-30. (In Russ.).
4. The State Archive of the Rostov region (GARO). F. R. 3613.
5. GARO. F. R. 3979.
6. Danchenko EL. Forced laborers. Forced labor of "Oriental workers" in the agriculture of Nazi Germany (1941-1945). Voronezh: Publishing House of Voronezh State Pedagogical University; 2012. 168 p. (In Russ.).
7. Klitzing E. The daily experience of forced labor of "Eastern workers" in agriculture in National Socialist Germany. *Journal of Regional History*. 2017;1(2):42-50. (In Russ.).
8. Krinko EF, Zakharina EA. Ostarbeiters: the dynamics of perception and images in the USSR and Modern Russia. *Heritage of Centuries*. 2020;2:45-56. (In Russ.).
9. Polyan PM. Victims of two dictatorships. The life, labor, humiliation and death of Soviet prisoners of war and ostarbeiters in a foreign land and at home. Moscow: ROSSPAN; 2002. 818 p. (In Russ.).
10. Taganrog branch of the State Archive of the Rostov region (TF GARO). F. R-165. Inv. 4. D. 25,44, 45.
11. TF GARO. F. R-513.
12. TF GARO. F. R-514.
13. TF GARO. F. R-516.
14. TF GARO. F.R-619.
15. The Center for documentation of the modern history of the Rostov region (CDNIRO). F. 1886.
16. The center for the storage of archival documents in Shakhty, Rostov region (TSHAD). F. R-795.
17. TSHAD. F. R-796.
18. TSHAD. F. R-1044. Inv. 1. D. 69.

Научная статья

УДК 94 (470.6) "18"

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.2>

«МЫ В ТАКОМ УНЫНИИ, КАК ГОЛУБЬ УНЫВАЕТ ПРИ УДАЛЕНИИ ДЕТЕЙ...»: ЮЖНЫЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.

Максим Сергеевич Ануфриенко

Пятигорский государственный университет (д. 9, ул. Калинина, Пятигорск, 357501, Российская Федерация)

Аспирант

makoso@list.ru; <https://orcid.org/0009-0000-3873-1106>

Аннотация. Введение. В работе раскрывается значение торгового обмена для горцев Северного Кавказа в конце XVIII – начале XIX веков. Такие экономические контакты носили устойчивый характер и позволяли выстраивать коммуникативные связи как внутри региона, так и за его пределами. В кавказоведении эта часть жизни местных народов традиционно пользуется вниманием со стороны исследователей, которые анализируют, что и как обменивали и покупали жители региона. Даются оценки влияния торговли на политическую ситуацию в крае, ее социокультурные последствия. **Материалы и методы.** В статье использованы различные виды источников – как уже введенные в научный оборот, так и выявленные автором в Государственном архиве Краснодарского края. Привлекаются нарративные материалы, позволяющие дать оценку изучаемому явлению глазами современников. В ходе проведенного исследования автор опирался на различные теоретические и концептуальные подходы, принципы историзма, объективности. Использованы как общенаучные методы исследования, в частности, анализ и синтез, так и специальные – историко-сравнительный, историко-типологический. **Анализ.** Не подвергая сомнению сам факт наличия торговли у северокавказских народов, мы должны констатировать ее преимущественную ориентацию на внешние связи. Российское направление следует рассматривать отдельно, так как в итоге именно оно станет доминирующим в коммерческих контактах автохтонного населения. Но помимо него, существовали и имели устоявшиеся традиции мено-

вые отношения с другими народами, готовыми приобретать товары северокавказских горцев и предлагавшими им свою продукцию. **Результаты.** Торговые контакты играли важную роль в системе жизнеобеспечения населения Северного Кавказа. Шел обмен продуктами земледелия и скотоводства на различные ремесленные изделия. В качестве перспективных рынков, на которые ориентировались северокавказские общества, выступали Восточная Грузия, Персия, Османская империя. Уровень местной торговли не выходил за рамки обмена, но даже в таких масштабах коммерческая деятельность приводила к постепенному встраиванию горцев в орбиту культурных и политических парадигм своих торговых партнеров, способствовала интеграционному сближению.

Ключевые слова: торговля, обмен, купцы, горцы, Северный Кавказ, Персия, Восточная Грузия, Османская империя

Для цитирования: Ануфриенко М. С. «Мы в таком унынии, как голубь унывает при удалении детей...»: южный вектор внешнеэкономических связей населения Северного Кавказа в конце XVIII – начале XIX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 16–22. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.2>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 16.09.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.12.2024.

Статья принята к публикации: 21.01.2025.

Research article

“WE ARE AS DESPONDENT AS A DOVE IS DESPONDENT WHEN ITS CHILDREN ARE REMOVED...”: THE SOUTHERN VECTOR OF FOREIGN ECONOMIC RELATIONS OF THE POPULATION OF THE NORTH CAUCASUS AT THE END OF THE 18TH – BEGINNING OF THE 19TH CENTURIES

Maxim S. Anufrienko

Pyatigorsk State University (9, Kalinina St., Pyatigorsk, 357501, Russian Federation)

Postgraduate student

makoso@list.ru; <https://orcid.org/0009-0000-3873-1106>

Abstract. Introduction. The work reveals the importance of trade exchange for the highlanders of the North Caucasus at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries. Such economic contacts were sustainable and made it possible to build communication ties both within the region and beyond. In Caucasian studies, this part of the life of local peoples traditionally receives attention from researchers who analyze what and how the inhabitants of the region exchanged and bought. An assessment is made of the impact of trade on the political situation in the region and its sociocultural consequences. **Materials and Methods.** The article uses various types of sources - both those already introduced into scientific circulation and those identified by the author in the State Archive of the Krasnodar Krai. Narrative

materials are used to evaluate the phenomenon being studied through the eyes of contemporaries. In the course of the study, the author relied on the principles of historicism and objectivity, which made it possible to consider the phenomenon under study in connection with the political, socio-economic and cultural processes that took place both in the region and in adjacent territories. Both general scientific research methods, in particular analysis and synthesis, and special ones - historical-comparative, historical-typological – were used. All this made it possible to analyze the external vector of trade priorities of the peoples of the North Caucasus, showing its importance for the life support system of local societies. **Analysis.** Without questioning the very fact of the existence of trade among the North Caucasian

© Ануфриенко М. С., 2025

peoples, we must state its primary orientation towards external relations. The Russian direction should be considered separately, since in the end it will become dominant in the commercial contacts of the autochthonous population. But besides it, there were and had well-established traditions of barter relations with other peoples who were ready to purchase the goods of the North Caucasian highlanders and offered them their products. **Results.** Trade contacts played an important role in the life support system of the population of the North Caucasus. There was an exchange of agricultural and livestock products for various handicrafts. The promising markets that North Caucasian societies were oriented towards were Eastern Georgia, Persia, and the Ottoman Empire. The level of local trade did not go beyond exchange, but even on such a scale, commercial activity led to the gradual integration of the highlanders into the orbit of the cultural and political paradigms of their trading partners and contributed to integration rapprochement.

Введение. Торговый обмен играл важную роль в жизни народов Северного Кавказа. Даже при наличии натурального хозяйства местное население не могло полностью обойтись без приобретения необходимых вещей, произвести которые самостоятельно было затруднительно либо невозможно. Такие экономические контакты носили устойчивый характер и позволяли выстраивать коммуникативные связи как внутри региона, так и за его пределами. В кавказоведении эта часть жизни местных народов традиционно пользуется вниманием со стороны исследователей, которые анализируют, что и как обменивали и покупали жители региона. Учёными даются оценки влияния торговли на политическую ситуацию в крае, ее социокультурные последствия. Отсюда и присутствие сюжетов, связанных с торговлей как в обобщающих трудах, посвященных экономическому развитию Кавказа [6; 16; 27 и др.], так и в исследованиях, непосредственно акцентирующих внимание на данном виде деятельности [37; 19; 21 и др.]. При наличии обширной историографии эвристическая привлекательность данного направления в кавказоведении далеко не исчерпана. В частности, вызывает интерес изучение приоритетов в торговых связях местных народов, внешнего вектора в этом виде деятельности.

Материалы и методы. В статье использованы различные виды источников – как уже введенные в научный оборот, так и выявленные автором в Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК). Привлекаются нарративные материалы, позволяющие дать оценку торговли глазами современников. В ходе проведенного исследования автор опирался на принципы историзма, объективности, что позволило рассмотреть изучаемое явление во взаимосвязи с политическими, социально-экономическими и культурными процессами, происходившими как в регионе, так и на сопредельных территориях. Используются как общенаучные методы исследования, в частности, анализ и синтез, так и специальные – историко-сравнительный, историко-типологический. Все это позволило проанализировать внешний вектор торговых приоритетов народов Северного Кавказа, показав его значение для системы жизнеобеспечения местных обществ.

Анализ. Рассматривая ситуацию на примере Северо-Западного Кавказа, можно отметить тот факт, что изучающие торговлю специалисты акцентируют внимание на внешних связях адыгского этнического массива. Так, А.Ю. Чирг, справедливо ставя вопрос о том, что в поле зрения ученых попадали прежде всего примеры, связанные с контактами черкесов и русских, а другие направления их коммерческой деятельности игнорировались, вновь выделяет лишь внешние связи местных

Keywords: trade, exchange, merchants, highlanders, North Caucasus, Persia, Eastern Georgia, Ottoman Empire

For citation: Anufrienko MS. "We are as despondent as a dove is despondent when its children are removed...": the southern vector of foreign economic relations of the population of the North Caucasus at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries. *Humanities and law research*. 2025;12(1):16-22. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.2>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 16.09.2024.

The article was approved after reviewing: 18.12.2024.

The article was accepted for publication: 21.01.2025.

племен (Османская империя, Западная Европа) [35, с. 246]. Данный факт не противоречит особенностям хозяйства адыгской малой семьи, которая занималась земледелием, скотоводством, различными кустарными промыслами и ремеслами, т.е. тем же, чем и их соседи в регионе [28, с. 85]. И такая ситуация сложилась уже в средние века. Примечательно, что утверждение о том, что «кабардинцы были широко связаны со многими народами Северного Кавказа», не подкрепляется фактами, в то время как внешние торговые контакты подтверждены археологическими и письменными источниками [29, с. 137; 10, с. 166].

О скромных успехах в развитии северокавказской торговли говорит ее преимущественно меновый характер. К примеру, известно, что блюдо для замешивания теста оценивалось в пять килограммов шерсти, а за один килограмм сыра можно было получить десять деревянных ложек и т.п. [36, с. 40]. Своих денег в регионе не было. Использовались монеты иностранной чеканки или векселя. Отметим, что такая ситуация сложилась достаточно давно, по крайней мере, к XVI столетию, и к началу интересующего нас периода не претерпела существенных изменений [6, с. 72]. Был достигнут определенный предел в развитии экономики региона, выйти за рамки которого без внешнего вмешательства народы Северного Кавказа не могли. Успехи в развитии отдельных ремесел не меняли общей картины господства натурального хозяйства [30, с. 22].

Наметившееся к изучаемому периоду расширение объемов торговли нашло отражение в появлении скупщиков, которые объезжали различные селения и приобретали у жителей их продукцию. Если таковых не было, товар реализовывался на мелком сельском базаре. Отмечается, что особенно в ханских владениях всё замыкалось «рамками своего аула и ближайших деревень» [27, с. 382]. Усиливавшаяся феодальная власть осознавала угрозу, исходившую от свободных торговых контактов, которые делали человека независимым от воли владельца, и потому стремилась ограничить его экономические вольности.

Мы склонны разделить вывод о том, что «горцы, разбитые на большое количество полугосударств и этнических групп, не жили общей экономической жизнью и были политически разобщены между собой» [27, с. 383]. Но данное утверждение нуждается в некотором дополнении. Создать единое экономическое пространство с общностью хозяйственных интересов и специализацией отдельных районов только на конкретном виде деятельности было затруднительно. Выжить в условиях сурового ландшафтно-климатического своеобразия края без комплексного хозяйства, направленного

ного на максимальное удовлетворение потребностей за счет собственных ресурсов, было невозможно. Для этого требовались развитые товарно-денежные отношения, чего в условиях доминирования патриархального уклада с его натуральным способом ведения хозяйства местный социум не имел. Нужен был серьезный внешний «раздражитель», роль которого в дальнейшем сыграет Россия. До этого момента наметившиеся внутрирегиональные экономические связи, которые ассоциировались прежде всего с торговыми контактами, достигли своего предела и не позволяли вывести процесс интеграции на качественно новый уровень.

Итак, не подвергая сомнению сам факт наличия торговли у северокавказских народов, мы должны констатировать ее преимущественную ориентацию на внешние связи. Российское направление следует рассматривать отдельно, так как в итоге именно оно станет доминирующим в коммерческих контактах автохтонного населения. Но помимо него, существовали и имели устоявшиеся традиции меновые отношения с другими народами, которые готовы были приобретать товары северокавказских горцев и предлагали им свою продукцию.

Давним партнером в торговле была Восточная Грузия. В работах встречаются даже такие определения, как «житница для народов, граничивших с ней» [16, с. 136]. Речь в данном случае шла не только о закупке продовольствия. Горцы охотно приобретали и различные промышленные товары, которые были необходимы в хозяйстве и быту. Собиравшие сведения об аварцах российские военные отмечали, что они «получают хлеб, соль и вообще все первые потребности жизни» с территории Картли-Кахетии, и зависимость от этих поставок настолько велика, что они без них «существовать не могут» [5, с. 528]. В свою очередь, жители Северного Кавказа привозили на рынки Закавказья свои изделия (преимущественно бурки, сукно и т.п.). Грузинские цари ценили подобные отношения и старались подогревать интерес горцев к продолжению этих мирных и взаимовыгодных связей. В качестве инструмента выступала фискальная политика, которая давала возможность приезжавшим для обмена северокавказским горцам не платить налоговые и таможенные сборы. В «Списке освобожденным издревле от пошлины» числились «осетинцы, принадлежащие Грузии, а из иностранцев по древним обычаям кабардинцы, лезгины и осетинцы» [2, с. 481].

Такой подход позволял снизить накал враждебности между народами Кавказа, хотя и не являлся гарантией прекращения набегов на плоскостные земли, практикуемых горцами. Те, кто сумел наладить торговое партнерство, старались избегать вражды, невыгодной обеим сторонам. В опубликованных А.П. Берже документах мы находим следующую характеристику таких связей: «Анцухское общество всегда прежде к Грузии было миролюбиво, имело сюда свои торги и пасло скот свой в границах грузинских». Речь идет фактически об экономической интегрированности данного дагестанского общества в грузинское экономическое поле, что имело важные военно-политические результаты. Ими хотела воспользоваться и российская администрация, призывавшая не отвергать прежние достижения и убеждая горцев впредь оставаться «добрыми соседями к Грузии» [2, с. 657].

Подобные сюжеты будут воспроизводиться в переписке неоднократно. Более того, лезгины готовы были даже выдавать аманатов в качестве залога верности,

стремясь сохранить столь нужные им торговые отношения [3, с. 599]. Доходило до того, что в обращении к начальству применялись весьма витиеватые и цветастые фразы («мы в таком унынии, как голубь унывает при удалении детей, так воспрещено караванам нашим ездить туда» [Цит. по: 16, с. 138]), которые, по мнению отправителя, должны были продемонстрировать, насколько миролюбивых жителей гор затрагивают запреты на поддержание экономических связей.

В настоящий момент достаточно хорошо известен перечень товаров, который предлагался сторонами. Жители горного Дагестана стремились приобретать хлеб, спрос на который никогда не уменьшался. К другой группе товаров относились различные ремесленные изделия, особенно ткань. Важно отметить, что сами горцы взимали плату за проезд по своей территории бумажной материей: за оказанные услуги следовало «им платить холстом» [18, с. 93]. Что касается привычного эквивалента стоимости, то «там на деньги достать ничего невозможно, а больше в их потребу идет холст, гребни, костяные иглы, наперстки медные, мишура и тому подобные мелочи» [18, с. 94]. Предметы роскоши приобретались довольно редко, что позволяет получить представление о социальном портрете ориентированных на грузинский рынок покупателей. Это были многочисленные представители населения среднего достатка, каких в условиях господства патриархального равенства было большинство в горских обществах, мало подверженных имущественному расслоению. Они являлись главным потребителем товаров первой необходимости [19, с. 28–29]. Помимо селений Дагестана, Тифлис также стал местом притяжения для желающих совершить обмен выходцев из горной Чечни, Осетии, Ингушетии. Здесь, по словам современника, было «много купцов или скорее только разносчиков, у которых здесь находят материи, мелочный товар, съестные припасы и другие москательные (бытовой химии. – М.А.) товары» [17, с. 108]. Кроме столичного рынка, к услугам покупателей были еще и периферийные: Они, Цхинвали, Шилда, Телава и Душети [19, с. 28].

В свою очередь горцы привозили продукцию животноводства и изделия своих кустарей (войлок, одежда, предметы конской сбруи, шубы, выделанные меха, деревянную посуду и т.п.). Отмечается, что если со стороны Восточной Грузии мы видим не только товары местного производства, но и завезенные из других стран («здесь внешняя торговля производится с Турецкою империею, Персиею, Индию и Бухарию» [4, с. 238]), то выходцы с Северного Кавказа предлагали исключительно продукцию собственного производства [19, с. 29]. Низкий уровень развития торговли не породил желания заниматься продажей транзитных товаров. Всё, что приобреталось во владениях грузинских царей шло прежде всего на удовлетворение своих потребностей.

Обратим внимание на то, что реализаторами изделий горцев зачастую выступали армянские купцы. Посетивший Телава И.А. Гильденштедт отмечал, что здесь имеются «мелочные лавки армян с плохими шелковыми и хлопчатобумажными материями и лезгинскими товарами» [17, с. 90]. Наличие стационарных торговых точек говорит о регулярности поставок горских мастеров, которые нашли нишу для своей продукции на местном рынке.

В этой связи отметим вывод русского чиновника С.Д. Бурнашева, который накануне присоединения Картли-

Кахетинского царства к России писал: «Осетинцы и кабардинцы были всегда дружны с Грузией и по требованию царскому служат и ныне ему на войне за деньги» [12, с. 22]. Сложилось взаимовыгодное партнерство, обусловленное давними экономическими контактами. Резонно предположить, что в его основе лежали торговые отношения, постепенно приведшие обе стороны к достаточно высокому уровню интеграции.

В то же время нельзя идеализировать и преувеличивать возможности торговых контактов для решения политических задач. Регулярные связи между Восточной Грузией и лезгинскими обществами не останавливали горские набеги. Они были настолько разорительны, что поставили Картли-Кахетию на грань катастрофы [24, с. 18]. Хотя подобный исход был невыгоден выходцам с Северного Кавказа, они не отказывались от сиюминутных выгод, превратив «хищничество» в отдельный вид промысла [11, с. 92–93].

Важной представляется следующая констатация, касающаяся осетино-грузинских связей, которую, на наш взгляд, можно расширить и распространить на другие горские народы Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Ее сформулировал Г.Д. Тогошвили, отметивший, что «экономические отношения Осетии в основном сводились к отношениям с грузинским миром, ибо в тот период только грузинская экономика давала возможность пополнения экономики Осетии. Что же касается других народов, непосредственно граничащих с осетинами – кабардинцев, балкарцев и чечено-ингушских племен, то они ни своим уровнем развития, ни характером хозяйствования почти ничем не отличались, а в ряде случаев даже находились на более низком уровне...» [33, с. 206].

Еще одним торговым партнером, на которого ориентировалось население Северо-Восточного и Центрального Кавказа, была Персия. Однако к началу интересующего нас периода внутренняя ситуация в Иране не давала возможности расширить его торговые обороты в крае. Купцы подвергались грабежам и поборам, причем защитить их было попросту некому. Даже русские купцы, несмотря на поддержку со стороны правительства, не чувствовали себя в безопасности. Чего уж говорить о тех, кто действовал на свой страх и риск, не имел за плечами могущественного покровителя и пытался доставить товары из Персии и обратно. Не устраивала большинство населения Северного Кавказа и номенклатура товаров, которую могла предложить сопредельная страна. Это были преимущественно предметы роскоши и нефть, потребность в которых была невелика и составляла интерес небольшой социальной группы в лице местной элиты. Единственными привлекательными товарами были недорогая материя и оружие, но последнее завозилось в небольшом количестве [21, с. 134–135].

Для персов Северный Кавказ был частью транзитного пути на те рынки, которые сулили большую выгоду и могли проявить заинтересованность в их продукции. Таким качеством обладало Московское царство и ее наследница Российская империя. Путь шел через Дербент, являвшийся крупнейшим торговым хабом региона. На нем замыкались как внешние, так и внутренние товаропотоки, идущие с юга на север и обратно. Их пополняла продукция и горских народов. Осознавая свою выгоду от такого положения, правители Дербента старались обеспечить безопасность проезжавших по их территории караванов [23, с. 148–149]. Кроме того, возводились

караван-сарай, где купцы могли отдохнуть и пополнить запасы продовольствия, нанять у местного населения транспорт, если в этом была необходимость.

Значительная часть персидской торговли находилась в руках армянских купцов, которые даже имели свою кампанию Нор-Джуги. Некоторые из них, будучи подданными персидского шаха, предпочли в итоге пойти под руку российского правителя и, обосновавшись на Северном Кавказе, продолжили поставлять иранские товары [1, с. 187].

Для народов, проживавших на северо-западе края, основным торговым партнером долгое время выступала Османская империя. Возможность использования кораблей делала перевозку товаров рентабельной и позволяла перевозить большое количество самого разного груза. В итоге сформировались устойчивые связи между черкесами и турками, приведшие к появлению ориентированных на османов групп населения. Конфессиональная близость, родственные (через гаремы) связи прекрасно дополняли коммерческую интеграцию. Отмечалось, что анатолийское купечество «обратило все капиталы» для поддержания связей с Черноморским побережьем Кавказа [14, л. 1].

Османские торговцы находили поддержку у своего правительства. Турецкая крепость Анапа, помимо сугубо военного предназначения, сделалась форпостом коммерческой экспансии Порты в регионе. Здесь были обустроены купеческие склады, которые охранял гарнизон крепости. Когда горцы приходили по торговой надобности к стенам укрепления, то им выделялось место как за пределами фортификации, так и внутри нее. Никто другой не мог воспользоваться этой площадкой, дававшей турецким negociантам существенное преимущество [37, с. 460]. Из одной только Новороссийской бухты ежегодно уходило около 120 судов, груженных шкурами, зерном и т.п. товаром, который затем появлялся на рынках Турции и даже находил английских покупателей [35, с. 247].

По мнению Н.Н. Раевского, ту власть, которую османы сумели получить среди местных черкесских обществ, они заработали благодаря торговле. Де-факто оставаясь независимыми, черкесы не платили никому дани, но при этом свободно пропускали турецких купцов внутрь своих земель [8, с. 339]. Долгое время турки могли пользоваться своей монополией на торговлю с Черкесией, что в итоге стало приносить как политические, так и социокультурные результаты.

Даже проиграв военное противостояние России, османы старались сохранить свое торговое присутствие в регионе. настолько привлекателен был местный рынок, что купцы готовы были рисковать и вступали в конфронтацию с российскими властями [25, с. 26 – 27]. Причина крылась в эксклюзивном товаре, который готовы были предоставлять черкесы – рабах. Если раньше местным «пленопродавцам» приходилось конкурировать с крымчаками, то после присоединения Крыма к России черкесы стали доминировать на этом рынке [20, с. 39].

Ничто не могло сравниться по стоимости с «живым товаром», спрос на него оставался высоким, особенно когда речь шла о юных претендентках, достойных занять место в гареме. Но если Россия не проявляла заинтересованности в невольниках, то, соответственно, ее привлекательность в глазах местных «поставщиков» уступала османской. Данный вид деятельности, судя по материалам фольклорных источников, считался престижным и был, с точки зрения современников, проявлением молодечества [26, с. 98].

Из числа местных уроженцев сформировались даже специализирующиеся на работорговле купцы, хорошо отладившие этот вид коммерции. В культурном плане они были «отуречены», хотя сами являлись представителями племен натухайцев и абадзехов. Достаточно услышать их имена – Хаджи Оглу Саид, Кимки Осман и т.п. Были среди них и выходцы не из черкесской среды, например, «Мегмет Вели из Дагестана». Они предпочитали проживать в Анапе, но при этом имели целую сеть своих комиссионеров среди соплеменников.

В обмен на невольников купцы доставляли наиболее ходовой среди горцев товар: соль, шелковые и бумажные ткани. Пожалуй, это тот редкий случай, когда из числа горцев сформировался слой профессиональных торговцев. Организация канала поставок «живого товара» не терпела случайных людей и была делом «узкой специализации».

В отличие от горцев Северо-Восточного Кавказа, которые также не чурались продавать рабов, но ограничивались преимущественно лишь взятыми в бою или набеги пленниками, черкесы «обыкновенно продаются по собственному желанию и воле родных, иногда же и без всякой платы предлагают себя к отвозу на турецкие рынки, в надежде променять горькую нищету на довольство и новый образ жизни» [7, с. 279–280]. Примечательно, что даже матери обучали своих дочерей, как себя вести и как «рекламировать» свои женские прелести потенциальному покупателю [22, с. 111].

Но так было далеко не всегда. Имеются свидетельства о похищении людей, не желавших оказаться в руках турецких работорговцев и сумевших спастись, перебежав на российскую сторону. Так, некий Девлет Натхо, который «бежал с двумя женами и детьми» и нашел укрытие в русском укреплении, рассказал, что его «черкесы притесняли, хотели отнять имение и детей воровали» [13, л. 130]. О своих злоключениях поведал вышедший в Навагинское укрепление Хот Гусейн, захваченный в плен абадзехами и проданный «в убыхское владение» [15, л. 2]. Все эти сведения были получены из опросных листов, в которых имелся шаблонный список вопросов, задаваемых каждому такому беглецу. Довольно часто в них встречались пояснения, что этот человек выбежал под покровительство России. К настоящему времени в научный оборот введены уже сотни документов, которые рисуют достаточно мрачную, с точки зрения человека нашего времени, картину невольничьего «бизнеса», жертвами которого становились не только иноплеменники, но и сами выходцы из горской среды [32, с. 34]. Считается, что ранее торговля людьми сопровождалась еще большим разбоем, но была «несколько смягчена» армянскими купцами, приехавшими из Крыма и Порты. С их появлением «укоренилась правильная и добровольная продажа людей за товары, привозимые из Турции» [22].

Данный вид торговой активности выработал свои ритуалы, способы взаимодействия, устраивавшие продавца и покупателя. Турецкие купцы буквально «бросались навстречу», чтобы узнать есть ли столь желанный товар, как девушка. Если предлагалась женщина, чья цена была в четыре раза ниже, то и она являлась вы-

годным приобретением. За несколько рейсов можно было заработать столько денег, чтобы «покойно доживать свой век». Если покупателей на один товар было несколько, они бросали жребий, кому из них он достанется, и довольный победитель принимался договариваться о цене. Делалось это через переговорщика, подходившего то к группе продавцов, то к находившимся поодаль покупателям. В конкретном описываемом случае стороны сговорились за две лошади и два вьюка бумажной материи. Сидевшая в спокойствии всё это время «рабыня» принялась плакать и проклинать своих «обидчиков», но внезапно успокоилась и, явно довольная, отправилась к новому владельцу. Такое поведение, по словам знающего человека, было частью необходимого ритуала, который «ничего не значит, это такой закон у марушек (женщин)». Бросается в глаза обыденность и привычность сделки, которую получил возможность наблюдать российский разведчик Ф.Ф. Торнау. Такая манера искать коммерческий компромисс сложилась явно давно, и она «ежедневно повторялась по черкесскому берегу» [31, с. 231–233].

По оценкам российских властей, число проданных невольников составляло ежегодно около 4000 человек. Как уже отмечалось, многие черкешенки становились женами османских влиятельных лиц. Через этих женщин устанавливались родственные контакты между кавказскими племенами и представителями турецкой власти. Сотни семей черкесов и кабардинцев перебрались во владения султана и оказались «поселены по черноморскому берегу Азиатской Турции». Из их числа нашлись уздени, которые «ежегодно путешествуют в Черкесию и вывозят невольников для продажи в Турции» [7, с. 287]. Никакая другая держава не проявляла такого интереса к рабам, как Османская Порта. Создав под этот запрос емкий, сулящий немалые выгоды рынок, империя султана сумела сформировать на Северном Кавказе свою социальную опору, уже не только экономически, но и политически и культурно ориентированную на Стамбул.

Результаты. Торговые контакты играли важную роль в системе жизнеобеспечения населения Северного Кавказа. Шел обмен продуктов земледелия и скотоводства на различные ремесленные изделия. Однако собственной ресурсной базы не хватало, отсюда и поступление значительной части товаров из внешних источников. Нередко в качестве торговых представителей выступали армянские купцы, которые имели обширные связи в Закавказье и на Ближнем Востоке. Горцы предпочитали использовать их посреднические услуги, так как самим реализовывать свой товар считали делом не престижным, да и не оправдывавшим понесенных затрат. В качестве перспективных рынков, на которые ориентировались северокавказские общества, выступали Восточная Грузия, Персия, Османская империя. Уровень местной торговли не выходил за рамки обмена, но даже в таких масштабах коммерческая деятельность приводила к постепенному встраиванию горцев в орбиту культурных и политических парадигм своих торговых партнеров, способствовала преодолению обособленности и враждебности, присущей локальности.

Литература

1. Аганесова Д. В., Суздальцева И. А. Армянские общины Дагестана в XVIII – XIX вв. Махачкала: «Народы Дагестана», 2007. 244 с.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А. П. Берге. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1866. Т.I. (далее – АКАК). 816 с.
3. АКАК. 1870. Т.IV. 1113 с.

4. АКАК. 1873. Т.V. 1170 с.
5. АКАК. 1878. Т.VII. 994 с.
6. Алексеева Е. П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI – XVII вв. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1957. 150 с.
7. Архив князя Воронцова. Книга 39. М.: Университетская типография, 1893. 532 с.
8. Архив Раевских. Т.III. СПб: Тип. М. А. Александрова, 1910. 718 с.
9. Аутлева С. Ш. Адыгские историко-героические песни XVI – XIX веков. Нальчик: Эльбрус, 1973. 226 с.
10. Бижев А. Х., Хаширов М. Ю. Адыгское крестьянство в годы Кавказской войны. Нальчик: Кабардино-Балкарский университет, 2000. 225 с.
11. Ботсвадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа в грузинско-русских политических взаимоотношениях XVI–XVIII веков. Тбилиси: Издательство «Мецниереба», 1974. 106 с.
12. Бурнашев С. Д. Картина Грузии, или Описание политического состояния Царств Карталинского и Кахетинского, сделанное пребывающим при Его Высочестве царе Карталинском и Кахетинском Ираклии Темуразовиче полковником и кавалером Бурнашевым в Тифлисе в 1786. Курс: Типография Курского приказа общественного призрения, 1793. 38 с.
13. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 1693.
14. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д.10.
15. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1418.
16. Гасанов М. Р. Из истории экономических взаимоотношений Дагестана и Грузии (конец XVIII – начала XIX в.) // Развитие феодальных отношений в Дагестане (тематический сборник). Махачкала: ИИЯЛ ДагФАН СССР, 1980. С. 134–154.
17. Гильденштедт И. А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. СПб: Петербургское Востоковедение, 2002. 508 с.
18. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии / под ред. А. А. Цагарели. Т.1: С 1768 по 1774 год: с картой Закавказья 1771 года. СПб: Комиссия печатания государственных грамот и договоров, 1891. 518 с.
19. Дибирова А. И. Предметы торговли в торгово-экономических связях Дагестана и Грузии в XVIII – начале XIX века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 1. С. 28–29.
20. Епифанцев А. А. Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? Москва: ООО «ИПЦ “Маска”», 2010. 356 с.
21. Илясова А. А., Гранкин Ю. Ю. Торговый фактор в системе политико-экономического развития Северного Кавказа в XVIII – первой половине XIX веков. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. 224 с.
22. Каменев Н. Бассейн Псекупса // Кубанские войсковые ведомости. 1867. № 28. С. 111.
23. Касумов Н. К. Дербент – ворота Кавказа. Дербент: б.и., 2007. 480 с.
24. Клычников Ю. Ю. «Всероссийская империя служила защитой, помощью и убежищем»: Георгиевский трактат в истории русско-грузинских отношений / Под ред. проф. Ю. Ю. Гранкина. Пятигорск: ПГУ, 2023. 66 с.
25. Клычников Ю. Ю., Цыбулькинова А. А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / под ред. и с предисл. Б. В. Виноградова. Пятигорск: РИА КМВ, 2011. 256 с.
26. Л. Л. Адыгские тексты // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1898. Выпуск 25. Отдел III. С. 1–99.
27. Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – в начале XIX в. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1957. 408 с.
28. Меретуков М. А. Хозяйство у адыгов (XIX – начало XX в.) // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Майкоп: АНИИЭЯЛИИ, 1980. Выпуск III. С. 3–91.
29. Нагоев А. Х. Средневековая Кабарда. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. 230 с.
30. Покровский М. В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар: Книжное издательство, 1989. 319 с.
31. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф. Ф. Торнау. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999. 508 с.
32. Судьбы кавказских пленников / сост. Е.С. Тютюнина. Под ред. и с послесл. В. Б. Виноградова. Армавир – Нальчик: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах, 1998. 39 с.
33. Тогошвили Г. Д. Избранные труды по кавказоведению. Владикавказ: Издательство «Ир», 2012. Т. I. 479 с.
34. Черкесские невольничьи повествования (сборник документов) / Автор-составитель и автор вводной статьи А. А. Черкасов // Былые годы. 2020. Т. 57–1. № 3–1. Спец. выпуск. С. 1415–2266.
35. Чирг А. Ю. Культура жизнеобеспечения адыгов // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Майкоп, 1991. Выпуск VIII. С. 246–274.
36. Шавхелшвили А. И. Из истории взаимоотношений Грузии и Чечено-Ингушетии (XVI – первая половина XIX в.) // Взаимоотношение народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 38–44.
37. Шамрай В. С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с Закубанскими горскими народами. С 1792 по 1864 год // Кубанский сборник. 1901. Т.VIII. С. 355 – 522.

References

1. Aganesova DV, Suzdaltseva IA. Armenian communities of Dagestan in the 18th–19th centuries. Makhachkala: “Peoples of Dagestan”; 2007. 244 p. (In Russ.).
2. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission / ed. AP. Berger. Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1866. Vol. I. (ACAC). 816 p. (In Russ.).
3. ACAC. Tiflis, 1870. Vol. IV. 1113 p. (In Russ.).
4. ACAC. Tiflis, 1873. Vol. V. 1170 p. (In Russ.).
5. ACAC. Tiflis, 1878. Vol. VII. 994 p. (In Russ.).
6. Alekseeva EP. Essays on the economy and culture of the peoples of Circassia in the 16th – 17th centuries. Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House; 1957. 150 p. (In Russ.).
7. Archive of Prince Vorontsov. Moscow: University Printing House, 1893. Book 39. 532 p. (In Russ.).
8. Raevsky archive. St. Petersburg: Printing house of MA Alexandrov, 1910. T.III. 718 p. (In Russ.).
9. Outleva SSH. Adyghe historical and heroic songs of the 16th-19th centuries. Nalchik: Elbrus; 1973. 226 p. (In Russ.).
10. Bizhev AKh, Khashirov MYu. Adyghe peasantry during the Caucasian War. Nalchik: Publishing House “Kabardino-Balkaria University”; 2000. 225 p. (In Russ.).
11. Botsvadze TD. The peoples of the North Caucasus in Georgian-Russian political relations of the 16th – 18th centuries. Tbilisi: Metsniereba Publishing House; 1974. 106 p. (In Russ.).

12. Burnashev SD. Picture of Georgia, or Description of the political state of the Kingdoms of Kartalin and Kakheti, made by Colonel and Cavalier Burnashev, who was staying under His Highness the King of Kartalin and Kakheti Irakli Temurazovich, in Tiflis in 1786. Kursk: Printing house of the Kursk order of public charity, 1793. 38 p. (In Russ.).
13. State Archive of the Krasnodar Krai (GAKK). F. 249. Inv. 1. D. 1693 (In Russ.).
14. GAKK. F. 260. Inv. 1. D. 10 (In Russ.).
15. GAKK. F. 261. Inv. 1. D. 1418 (In Russ.).
16. Gasanov MR. From the history of economic relations between Dagestan and Georgia (late 18th – early 19th centuries) in *Razvitie feodal'nyh otnoshenij v Dagestane (tematicheskij sbornik)*. Makhachkala: IYAL DagFAN USSR, 1980. P: 134-154.
17. Gildenshtedt IA. Travel through the Caucasus in 1770–1773. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies; 2002. 508 p. (In Russ.).
18. Charters and other historical documents of the 18th century related to Georgia / ed. AA Tsagareli. Vol. 1: From 1768 to 1774: with a map of Transcaucasia in 1771. St. Petersburg: Commission for Printing State Charters and Treaties, 1891. 518 p. (In Russ.).
19. Dibirova AI. Items of trade in trade and economic relations between Dagestan and Georgia in the 18th – early 19th centuries. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki*. 2007;(1):28-29. (In Russ.).
20. Epifantsev AA. Unknown Caucasian War. Was there genocide of the Circassians? Moscow: LLC “IPC “Mask”; 2010. 356 p. (In Russ.).
21. Ilyasova AA, Grankin YuYu. Trade factor in the system of political and economic development of the North Caucasus in the 18th – first half of the 19th centuries. Pyatigorsk: Publishing House PGLU; 2013. 224 p. (In Russ.).
22. Kamenev N. Psekups Basin. *Kubanskije vojskovye vedomosti*. 1867;(28):111. (In Russ.).
23. Kasumov NK. Derbent is the gateway to the Caucasus. Derbent; 2007. 480 p. (In Russ.).
24. Klychnikov YuYu. “The All-Russian Empire served as protection, help and refuge”: Treaty of St. George in the history of Russian-Georgian relations. Ed. by prof. YuYu Grankina. Pyatigorsk: Publishing House PGU; 2023. 66 p. (In Russ.).
25. Klychnikov YuYu, Tsybulnikova AA. “So the laws crowd out violent freedom...”: the struggle of Russian statehood against predation in the North Caucasus (historical essays). Ed. and with a foreword by BV. Vinogradova. Pyatigorsk: RIA KVMV; 2011. 256 p. (In Russ.).
26. LL. Adyghe texts in Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus. Tiflis; 1898. Issue. 25. Division III. P. 1-99. (In Russ.).
27. Magomedov RM. Socio-economic and political system of Dagestan in the 18th – early 19th centuries. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House, 1957. 408 p. (In Russ.).
28. Meretukov MA. Economy of the Circassians (XIX – early XX century). In *Kul'tura i byt adygov (etnograficheskie issledovaniya)*. Maykop. 1980; (3): 3-91.
29. Nagoev AKh. Medieval Kabarda. Nalchik: Publishing Center EI-Fa; 2000. 230 p. (In Russ.).
30. Pokrovsky MV. From the history of the Circassians at the end of the 18th – first half of the 19th century: Socio-economic essays. Krasnodar: Book publishing house; 1989. 319 p. (In Russ.).
31. Secret mission to Circassia of the Russian intelligence officer Baron FF Tornau. Nalchik: Publishing Center EI-Fa; 1999. 508 p. (In Russ.).
32. The fate of Caucasian captives. Compiled by ES Tyutyunina. Edited and with an afterword by VB. Vinogradova. Armavir-Nalchik: Advertising and information agency in Kavminvody, 1998. 39 p. (In Russ.).
33. Togoshvili G.D. Selected works on Caucasian studies. Vladikavkaz: Publishing House Ir; 2012. Vol. I. 479 p. (In Russ.).
34. Circassian slave narratives (collection of documents). Author-compiler and author of the introductory article A.A. Cherkasov. *Bylye gody*. 2020;57-1(3-1):1415-2266. Special issue.
35. Chirg AYu. Circassian life support culture. *Kul'tura i byt adygov (etnograficheskie issledovaniya)*. Maykop. 1991;(8):246-274. (In Russ.).
36. Shavkheleshvili AI. From the history of relations between Georgia and Checheno-Ingushetia (XVI – first half of the 19th century) in *Vzaimootnoshenie narodov CHEcheno-Ingushetii s Rossiej i narodami Kavkaza v XVI – nachale XIX v. Grozny*; 1981. 38-44 p. (In Russ.).
37. Shamray VS. A brief outline of exchange (trade) relations along the Black Sea cordon and coastline with the Trans-Kuban mountain peoples. From 1792 to 1864. *Kubanskij sbornik. Ekaterinodar*. 1901;(8):355-522. (In Russ.).

Научная статья
УДК 94(37).09
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.3>

«GLORIA ORBIS TERRARUM»: ФЕОДОСИЙ II КАК ЕДИНОЛИЧНЫЙ АВГУСТ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ (ПО ДАННЫМ НУМИЗМАТИКИ)

Егор Антонович Баженов

Российский государственный гуманитарный университет (д. 6. Миусская пл., Москва, 125047, Российская Федерация)
Аспирант, преподаватель
egor-bazhenov@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0000-8461-4808>

Аннотация. Введение. В историографии существует мнение, что последним правителем единой Римской империи был Феодосий I Великий и после его смерти в начале 395 г. н. э. Римское государство больше никогда не объединялось под властью одного правителя. Однако известно, что в течение V в. н. э. несколько восточно-римских императоров получали власть над обоими частями Римской державы. Одним из таких правителей являлся Феодосий II. Подобное положение дел нашло свое отражение как в нумизматических памятниках, так и в письменных источниках, созданных как в Западной, так и в Восточной части Римской империи. Также в статье подчеркивается важность монетной пропаганды в Римской державе и ее массовый характер. **Материалы и методы.** В рамках работы были использованы общенаучные методы исследования таких как: анализ, синтез, дедукция. Был применен индуктивный метод, историко-генетический метод. Историко-типологический метод позволил выделить консульские образы на монетах Феодосия II и Валентиниана III. В рамках историко-сравнительного метода производилось сопоставление образов и символов в монетной чеканке. Также стоит отметить, что в рамках статьи производилось сопоставление данных нумизматики с письменными историческими источниками. **Анализ.** Автор отмечает, что целый ряд монет, отчеканенных от имени Феодосия II и Валентиниана III, как в Западной, так и в Восточной части Римского государства являются наглядным отражением недолгого «вос-

соединения» обеих частей Империи во главе Феодосием II, который на несколько месяцев стал единоличным августом во всем Римском мире. Также автор обращает внимание, на то, что Феодосий II воспринимался и позиционировался в хронике западно-римского хрониста V в. н. э. Идация как «монарх», т. е. как единоличный правитель. **Результаты.** Таким образом, объединение всей Римской империи при Феодосии II подтверждается целым рядом источников, что позволяет скорректировать ряд существующих представлений о политической истории Римского государства V в. н. э.

Ключевые слова: Римская империя, Феодосий II, Валентиниан III, нумизматика, монеты, символы, пропаганда

Для цитирования: Баженов Е. А. «Gloria Orbis Terrarum»: Феодосий II как единоличный август Римской империи (по данным нумизматики) // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 23–33. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.3>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: публикация подготовлена в рамках работы по научному проекту РГГУ «Человек, общество и власть в Римской империи в условиях трансформации» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Статья поступила в редакцию: 17.11.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.01.2025.

Статья принята к публикации: 25.02.2025.

Research article

“GLORIA ORBIS TERRARUM”: THEODOSIUS II AS THE SOLE AUGUSTUS OF THE ROMAN EMPIRE (ACCORDING TO NUMISMATICS)

Egor A. Bazhenov

Russian State University for the Humanities (6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russian Federation)
Postgraduate student, lecturer
egor-bazhenov@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0000-8461-4808>

Abstract. Introduction. In historiography, there is a concept that the last ruler of the unified Roman Empire was Theodosius I the Great, and after his death, in the early 395 AD, the Roman State never again became united under one ruler. However, during the 5th century AD, several Eastern Roman emperors gained power over both halves of the Roman Empire, including Theodosius II. This fact is reflected in numismatic and written sources, which created in Western and Eastern part of Roman State. The author also emphasizes the importance of monetary propaganda and its mass character in the Roman Empire. **Materials and Methods.** The work used general scientific research methods such as analysis, synthesis and deduction. The inductive and historical-genetic methods were applied. The historical-typological method allowed identifying consular images on the coins of Theodosius II and Valentinian III. Within the framework of the historical-comparative method, a comparison of images and symbols

in coin minting was made. It is also worth noting that within the framework of the article, a comparison of numismatic data with written historical sources was made. **Analysis.** The article notes that a number of coins minted in the name of Theodosius II and Valentinian III, in both the western and eastern parts of the Roman Empire, are a clear reflection of the brief | “reunification” of the two halves of the Empire under Theodosius II’s leadership, who became sole augustus of the entire Roman world for a few months. The author also points out that Theodosius was portrayed as a sole leader in the chronicles of the Western Roman historian Hydatius in the 5th century AD. **Results.** The unification of the entire Roman Empire under Theodosius is confirmed by several sources, allowing us to revise some existing concepts about the political history of the Roman state in the 5th AD.

Keywords: Roman Empire, Theodosius II, Valentinian III, numismatics, coins, symbols, propaganda

For citation: Bazhenov EA. "Gloria Orbis Terrarum": Theodosius II as the sole Augustus of the Roman Empire (according to numismatics). *Humanities and law research*. 2025;12(1)23-33. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.3>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

Acknowledgments: the article was prepared within the framework of the research project of the Russian State

Введение. Римский мир в эпоху поздней античности претерпел множество трансформаций, которые затронули практически все сферы жизни римского общества, включая организацию императорской власти. В историографии существует позиция, что Феодосий I Великий (379–395 гг. н. э.) перед смертью стал на несколько месяцев (с сентября 394 г. н. э. по январь 395 г. н. э.) последним правителем единой Римской империи [3, с. 41; 9, с. 24; 13, с. 26; 17, с. 689]. Согласно подобной позиции после его смерти Римская держава окончательно распалась на Западную и Восточные части, которые были постоянно разделены [29, р. 604] вплоть до 476 г. н. э. [23, р. 99] или до времен Юстиниана [26, р. 182] и больше не объединялись под властью одного правителя. По мнению Р.М. Эррингтона после Феодосия Великого ни один восточно-римский правитель даже и не думал править на Западе напрямую [24, р. 1].

Однако необходимо отметить, что у Феодосия I всегда были соправители [10, с. 233] в ранге августа, что было вполне обычной римской практикой того времени. Так, в период с 379 по 382 гг. н. э. соправителем Феодосия был Грациан, а с 379 по 392 гг. н. э. Валентиниан II. Последние годы своего правления Феодосий правил совместно с сыновьями Аркадием, который стал августом в 383 г. н. э. и Гонорием, провозглашенным августом в 393 г. н. э. Таким образом, формально Феодосий Великий не был единоличным августом даже в последние месяцы своего правления и имел двух августов-соправителей в лице сыновей [28, р. 203].

Также известно, что единственным августом в обеих частях Римского государства после смерти Либия Севера в 465 г. н. э. на протяжении практически двух лет был восточно-римский государь Лев I Макелла [12, с. 77]. Таким образом, вполне можно утверждать, что, по крайней мере формально, Римская держава «объединилась» под властью одного императора в этот период. Однако Лев I был не единственным (и не первым) восточно-римским правителем, которому удалось стать единоличным августом на территории обеих частей Римской империи в V в. н. э. Таковым являлся и Феодосий II в 425 г. н. э. Тому есть, на мой взгляд, немало свидетельств. В первую очередь нумизматических.

Материалы и методы. Основу источниковой базы исследования составили памятники римской нумизматики 420-х гг. н. э. Исследователи отмечают важную роль нумизматики в исторических исследованиях, но подчеркивают, что академические историки редко используют монетный материал в своих работах, а если он и привлекается, то зачастую лишь в качестве иллюстративного. Между тем античные монеты благодаря многообразию сюжетных композиций и высокому качеству исполнения могут успешно привлекаться для изучения политической и культурной истории [5, с. 5].

Один из крупнейших польских нумизматов Р. Керновский отмечал, что монета, постоянно передаваемая из рук в руки, имела большие шансы повлиять на воображение своих пользователей, но при условии, что по-

Humanitarian University "Individual, society and power in the Roman Empire in the context of transformation" (grant competition "Student project research teams of the Russian State University for the Humanities").

The article was submitted: 17.11.2024.

The article was approved after reviewing: 18.01.2025.

The article was accepted for publication: 25.02.2025.

мещенное на ней сообщение было понятно и выражено на языке характерном для данного культурного круга, и соответствовало интеллектуальному развитию получателя [11, с. 6–10].

Однако, как и любого источника, у интерпретации памятников нумизматики есть свои ограничения. Многие монеты, как правило, снабжены легендами (надписями), которые украшают аверс или реверс монеты. Монетные легенды можно рассматривать как некие сообщения правителей своим подданным. В рамках данной статьи особый акцент сделан на различных политических высказываниях, которые зафиксировались в памятниках нумизматики. Но подобные сообщения, выраженные путем монетных легенд, по большому счету, были адресованы довольно ограниченной группе лиц, а конкретно лицам знакомых с искусством чтения, т. е. грамотной аудитории. В этой связи, важно обращать внимание и на изображения, помещенные на монетах. Сообщения, выраженные посредством различных изображений, были доступны гораздо более широкому социальным слоям [11, с. 97], поэтому в рамках этого исследования большое внимание уделено и композиционным построениям, символам власти, инсигниям, представленным на монетах.

Также необходимо подчеркнуть и ряд характерных особенностей нумизматической пропаганды в Римской политической культуре. Ряд исследователей отмечают, что еще с древних времен гражданских войн конца Республики монеты стали одним из наиболее эффективных средств политической пропаганды. Монетная чеканка отражала лозунги политических лидеров Рима, эволюцию их программ и направленность их идей. Символы и надписи на монетах привлекали сторонников и играли важнейшую роль в формировании общественного мнения и сознания римлян последних десятилетий Римской республики [1, с. 9; 2, с. 48–50].

По мнению М.Г. Абрамзона, с установлением принципата Августа официальная пропаганда приобрела размах государственного предприятия, и монеты продолжили активно воздействовать на массы. Оставаясь прерогативой высшей власти монеты, являлись важнейшим инструментом репрезентации. Каждый из августов, цезарей или узурпаторов стремился заявить о своих претензиях на престол именно выпуском монет [1, с. 9–12].

В период домината число монетных типов резко сокращается, но монеты продолжают активно использоваться как средство пропаганды [1, с. 12]. Более того, в этот период римской истории за деятельностью монетных дворов был установлен жесткий контроль со стороны императорской власти. Самостоятельность монетариев строго ограничивалась требованиями официальной пропаганды [8, с. 177]. Исследователи отмечают, что контроль, подавляющий местную инициативу, осуществлялся настолько хорошо, что даже выделка монет становится все более однообразной на территории всего римского государства [16, с. 185]. Таким образом, во времена Феодосия II памятники

римской нумизматики были послушным орудием в руках имперской власти и служили проводником ее идей.

Немаловажно подчеркнуть, что существует предположение, что многие из дошедших до нас монетных типов, созданных за весьма долгое правление Феодосия II, были сделаны согласно личным вкусам и предпочтениям константинопольского государя [25, р. 137]. В этой связи, нельзя полностью исключать и того, что Феодосий мог и лично принимать какое-то участие в создании новых монет.

Анализ. Также необходимо упомянуть и ряд обстоятельств, которые позволили Феодосию II стать единоличным августом всей Римской империи. 15 августа 423 г. н. э. умер Гонорий – государь западных областей Римской империи, который был дядей Феодосия II. Феодосий на тот момент уже более десятка лет был единоличным августом восточных областей. После смерти Гонория Феодосий II номинально являлся единоличным правителем уже не только Востока, но и Запада Римской империи. Однако Феодосий в течение трех месяцев так и не назначил себе соправителя [25, р. 227] и в конечном итоге, согласно Прокопию Кесарийскому – восточно-римскому писателю VI в. н. э. «римские придворные избрали василевсом одного из дворцовых воинов по имени Иоанн» (Procop. V.V. I. 3. 5–6; пер. А. А. Чекаловой) [4]. Иоанн, как известно, сделал себе карьеру чиновника и дослужился до должности старшего секретаря (*primicerius notariorum*) [7, с. 333], которая была довольно значительной и относилась к разряду высших гражданских должностей [22, с. 488]. Став императором Иоанн пытался добиться своего признания в Константинополе, но успеха не возымел и оставался в глазах Феодосия II узурпатором [7, с. 333; 22, с. 488; 27, р. 129]. Таким образом, по мнению константинопольского двора единственным августом во всем Римском мире продолжал оставаться только Феодосий II.

Несмотря на это, Иоанн чеканил некоторое время монеты от имени Феодосия II на Западе, продолжая в этом

отношении политику Гонория [25, р. 227–228]. В этом контексте весьма показательными являются золотые монеты, отчеканенные в Равенне (уже от имени августа Иоанна), с легендой «VICTORIA AVGVSTORVM» (победа августов) (RIC X Johannes 1905) (Рис. 1) [30]. Подобные монеты уже выпускались от имени Феодосия II (RIC X Honorius 1342) или Гонория (RIC X Honorius 1338) также в Равенне в 422 г. н. э., т. е. незадолго до кончины последнего. Таким образом, Иоанн демонстрировал своего благожелательное отношение к константинопольскому государю и готовность к компромиссу, продолжая подавать Феодосия II как правителя и западных областей Империи.

Здесь крайне важно подчеркнуть, что после 395 г. н. э., несмотря на раздел Римской державы на две части, римляне продолжали видеть свое государство единым, но во главе с двумя (а иногда и более) августами. В связи с этим, декларативно любой, признанный обоими дворами (западным и восточным), римский государь V в. н. э., по крайней мере формально, считался правителем всей Римской державы. Хоть и на деле западные и восточные правители вмешивались в дела друг друга достаточно редко, но, несмотря на это, чувство единства Империи сохранялось [22, с. 401, 435]. В 423 г. н. э., после провозглашения Иоанна императором, позиция западного и восточного дворов различалась. Иоанн не признавался Константинополем как законный правитель, а поэтому даже декларативного контроля над восточными провинциями не имел. Более того, по большому счету, власть Иоанна распространилась лишь на Италию и небольшую часть Галлии [25, р. 227]. В свою очередь, Феодосий II еще со времен Гонория имел признание на Западе. При Иоанне, как о том свидетельствуют в том числе и нумизматические памятники, эта ситуация не изменилась, и, как минимум, формально Феодосий II все еще являлся правителем и в западной части Империи даже с точки зрения нового западно-римского августа и его сторонников.

Рисунок 1. Тремисс, отчеканенный от имени Иоанна в Равенне в 423–425 гг. н. э. Монетный тип: RIC X Johannes 1905. Экземпляр из собрания Британского музея (= British Museum). Музейный номер: G3,RIG.480 / Figure 1. Tremissis minted in the name of Johannes in Ravenna in 423–425 AD. Coin type: RIC X Johannes 1905. Specimen from the collection of the British Museum. Museum number: G3,RIG.480

Согласно позиции Ю.Б. Циркина, создавшийся после смерти Гонория, политический вакуум Феодосий II и его жена Пульхерия решили использовать для нового объединения Империи. Как отмечает указанный исследователь, под «воссоединением» восточные римляне, вероятно, видели только установление господства одной части Римского государства над другой [22, с. 487]. Однако стоит также отметить и тот факт, что еще Феодосий I дважды силовым путем (в 388 и 394 г. н. э.) вмешивался в дела Западной части Римской державы, когда в ней, по мнению восточно-римского государя, приходили к власти узурпаторы [22, с. 340–349, 358–362]. Поэтому Феодосий II лишь продолжал ту практику, которая сложилась еще в конце IV в. н. э., возможно, подражая в том числе деяниям своего великого деда.

Пойти войной против нового западного августа сразу Феодосий II не смог из-за проблем на персидской границе, а потому война началась только в 425 г. н. э. [22, с. 488–489]. В ходе непродолжительного конфликта войска Феодосия одержали победу. По приговору Галлы Плацидии (матери будущего Валентиниана III), которая была вновь провозглашена августой и ставшая, таким образом, фактической правительницей Западной части Империи [22, с. 488; 27, р. 128–129], узурпатор Иоанн был схвачен и был казнен либо в мае, либо в июне этого же года [7, с. 336].

Согласно Сократу Схоластику – восточно-римскому историку V в. н. э., после убийства узурпатора Иоанна Феодосий был озабочен выбором правителя для западных областей. Таким образом, позднеантичный автор косвенно сообщает, что какое-то время в Римском мире был только один правитель – Феодосий II. Далее Сократ Схоластик отмечает, что в конечном итоге выбор пал на Валентиниана III, которого Феодосий отправил в западные области. Константинопольский государь также намеревался посетить Италию с целью лично объявить своего двоюродного брата правителем Западной части Империи и своим примером пресечь потенциальные мятежные настроения среди западных римлян. Однако поездка сорвалась из-за болезни Феодосия и вместо

него был послан патрикий Илион с царским венцом (Socr. Schol. Hist. eccl. VII. 24; пер. СПбДА под ред. И. В. Кривушина) [20]. Однако, несмотря на то, что Сократ Схоластик был современником данных событий, в его рассказе есть некоторые неточности. Так, Феодосий II еще до казни Иоанна рассматривал Валентиниана как будущего правителя Западной части Римского государства. В пользу этого говорит тот факт, что еще в 424 г. н. э. Валентиниан фактически был объявлен потенциальным западно-римским государем и был провозглашен цезарем в октябре 424 г. н. э. Этот титул, отсылающий к Юлию Цезарю, традиционно в императорское время обозначал наследника престола [27, р. 128–129], а в период домината он был титулом младшего соправителя, подчиненного августу. Однако титул цезаря фактически был упразднен с 360-х гг. н. э. [22, с. 400], но Феодосий II целенаправленно возродил его. Причем скорее всего в «традиционном» варианте. Согласно мнению Ю.Б. Циркина, Феодосий объявив Валентиниана цезарем, сделал его не младшим соправителем, а именно наследником трона [22, с. 488–489]. В таком ранге Валентиниан стал консулом совместно с Феодосием II в 425 г. н. э. [22, с. 488; 27, р. 128–129]. Этот год отмечен в хронике Марцеллина Комита как год консульства Феодосия (11-го по счету) и «цезаря Валентиниана (Valentiniane Ceasare)» (Marc. Com. s.a. 425) [19].

В честь совместного консульства Феодосия и будущего Валентиниана III в Константинополе были отчеканены золотые монеты от имени константинопольского августа, чей образ был запечатлен на аверсах (RIC X Theodosius II (East) 233; RIC X Theodosius II (East) 234; RIC X Theodosius II (East) 235) (Рис. 2). На реверсах изображены фигуры Феодосия II и Валентиниана III в консульских одеяниях и с консульскими инсигниями. Весьма примечательна сюжетная композиция реверсов рассматриваемых монет. Так, на троне восседает только одна фигура – Феодосия II. Валентиниан III такой чести не удостоился, вероятно, в силу своего более низкого политического статуса и подчиненного, зависимого положения от константинопольского правителя. Также бо-

Рисунок 2. Солид, отчеканенный от имени Феодосия II в Константинополе в 425 г. н. э. Монетный тип: RIC X Theodosius II (East) 234. Экземпляр из собрания Американского нумизматического общества (= American Numismatic Society). Идентификатор: 1956.13.11 / Figure 2. Solidus minted in the name of Theodosius II in Constantinople in 425 AD. Coin type: RIC X Theodosius II (East) 234. Specimen from the collection of the American Numismatic Society. Identifier: 1956.13.11

лее низкий статус юного Валентиниана подчеркивается на анализируемых солидах и тем, что фигура, изображающая его, запечатлена без диадемы. Важна и надпись на реверсах рассматриваемых монет – «SALVS REI PVBLICAE» (благополучие государства). Необходимо отметить, что понятие «государство» употреблено в единственном числе. Эта надпись является наглядным подтверждением того тезиса, что, несмотря на раздел Империи в 395 г. н. э. и его последствия, римляне все еще воспринимали Восточную и Западную части Римской державы как единое целое, которая в момент рассматриваемых событий вновь встала под начало одного августа.

Подобный идейный посыл можно было бы списать лишь на пропаганду константинопольского двора, рассчитанную в первую очередь на восточных римлян. Однако по сведениям церковного историка и богослова V в. н. э. Филосторгия известно, что в ходе военных действий против войск Иоанна в 425 г. н. э. военачальник Феодосия II Аспар, сопровождаемый Галлой Пладицией и юным цезарем Валентинианом, занял с армией большой город Аквилею, которая входила в состав Западной части Римской империи (Philost. XII. 13) [21]. Этот факт также нашел свое отражение в памятниках нумизматики. До наших дней сохранились солиды (RIC X Theodosius II (West) 1805) (Рис. 3), которые были отчеканенные на монетном дворе этого города от имени Феодосия II. Вновь его образ был запечатлен на аверсах. На реверсах же снова изображены фигуры Феодосия II и Валентиниана III в консульских облачениях и с консульскими регалиями, но на троне все также восседает только одна фигура, которая олицетворяет Феодосия II. Фигура же Валентиниана III (которая вновь изображена без диадемы) стоит рядом по правую руку от восточно-римского государя, т.е. композиция этих солидов полностью дублирует ряд константинопольских солидов 425 г. н. э. Судя по всему, эта композиция должна была подчеркивать неравенство властных полномочий и статуса Феодосия и Валентиниана, а также, вероятно, отражало и претензии Феодосия II на верховное положение

как на Западе, так и на востоке Римской державы. Легенда на реверсах, рассматриваемых аквилейских солидов, также аналогична константинопольским – «SALVS REI PVBLICAE» (благополучие государства). Вполне очевидно, что монеты с таким идейным наполнением в Италию принесли на законечниках своих мечей и копий восточно-римские войска под командованием Аспара [25, р. 150]. Таким образом можно отметить, что и западно-римской, и восточно-римской аудитории на монетах наглядно демонстрировалось наличие лишь одного августа и таким образом единоличного верховного правителя в единой Римской империи – Феодосия II.

Важно отметить, что после провозглашения Валентиниана III августом в октябре 425 г. н. э. он неоднократно занимал должность консула вместе с Феодосием II в 426, 430, 435 гг. н. э. (Marc. Com. s.a. 426, 430, 435). Это также нашло свое отражение и на монетах. В качестве конкретных примеров можно привести солиды, отчеканенные от имени Феодосия II (RIC X Theodosius II (East) 237; RIC X Theodosius II (East) 239) (Рис. 4) и Валентиниана III (RIC X Theodosius II (East) 242; RIC X Theodosius II (East) 243; RIC X Theodosius II (East) 244), в Константинополе в период между 425 и 429 г. н. э. На реверсах рассматриваемых монет оба августа, облаченные в консульские одежды и держащие консульские инсигнии, уже сидят вместе на одном троне, а головы на этот раз обоих правителей украшены диадемами и нимбами. Это является наглядной демонстрацией возросшего политического статуса юного Валентиниана III, а также демонстрацией того факта, что в Римской империи теперь два равных правителя, а не один, как это было в 425 г. н. э. Заслуживает внимания то, что левая фигура явно меньше правой, вероятно, это является указанием либо на юный возраст Валентиниана III, либо на его зависимое положение от Феодосия II. Обе интерпретации допустимы, на мой взгляд, и не противоречат друг другу. Реверсы вновь украшает надпись «SALVS REI PVBLICAE» (благополучие государства). Таким образом, несмотря на появление второго августа, Римское государство официально на монетах продолжило оставаться единым.

Рисунок 3. Сольд, отчеканенный от имени Феодосия II в Аквилее в 425 г. н. э. Монетный тип: RIC X Theodosius II (West) 1805. Экземпляр из собрания Берлинского нумизматического кабинета (= Munzkabinett auf der Staatlichen Museen zu Berlin). Инвентарный номер: 18206385 / Figure 3. Solidus minted in the name of Theodosius II in Aquileia in 425 AD. Coin type: RIC X Theodosius II (West) 1805. Specimen from the collection of Munzkabinett auf der Staatlichen Museen zu Berlin. Object number: 18206385

Рисунок 4. Солид, отчеканенный от имени Феодосия II в Константинополе в 425–429 гг. н. э. Монетный тип: RIC X Theodosius II (East) 239. Экземпляр из собрания Берлинского нумизматического кабинета (= Munzkabinett auf der Staatlichen Museen zu Berlin). Инвентарный номер: 18213887 / Figure 4. Solidus minted in the name of Theodosius II in Constantinople in 425–429 AD. Coin type: RIC X Theodosius II (East) 234. Specimen

Рассмотренные выше «консульские» монеты Феодосия не являются единственными нумизматическими памятниками, отражающими статус Феодосия II как единоличного августа. В качестве примера можно привести солиды, отчеканенные в Риме в 425 г. н. э. (RIC X Valentinian III 2001) (Рис. 5) от имени августа Валентиниана III в честь его коронации. На реверсах представлены фигуры Феодосия (слева) и Валентиниана (справа). Учитывая подобную композицию, не исключено, что поездка Феодосия II на Запад, о которой сообщает Сократ Схоластик, действительно сорвалась в самый последний момент, поскольку на монетах очевидно подразумевалось (по крайней мере идейно) участие в церемонии двух римских государей. Пусть церемония с участием обоих императоров так и не состоялась в действительности, она оказалась запечатленной в памятниках нумизматики. Возвращаясь к композиции

рассматриваемых солидов, весьма примечательно, что фигура Валентиниана вновь изображена меньшей по размеру, что вновь может указывать либо на возраст Валентиниана III, либо на его зависимое положение. В остальном фигуры правителей изображены одинаково. Они облачены в доспехи, каждый из государей в руках держит длинный крест и сферу – символ высшей власти [6, с. 38]. Валентиниану III возлагает венец на голову рука Бога (manus Dei). Однако на рассматриваемых нумизматических памятниках коронуется только один государь – Валентиниан III. Таким образом и на этих солидах подчеркивается, что какое-то время до этого Феодосий II был единоличным августом всей Римской империи. Реверсы монет подобного типа украшены надписью «VICTORIA AVGGG» (победа августов), которая, вероятно, отсылает к выигранной войне у узурпатора Иоанна [26, р. 133].

Рисунок 5. Солид, отчеканенный от имени Валентиниана III в Риме в 425 г. н. э. Монетный тип: RIC X Valentinian III 2001. Экземпляр из собрания Британского музея (= British Museum). Музейный номер: 1860,0329.221 / Figure 5. Solidus minted in the name of Theodosius II in Rome in 425 AD. Coin type: RIC X Valentinian III 2001. Specimen from the collection of the British Museum. Museum number: 1860,0329.221

Необходимо отметить, что о единоличном правлении Феодосия II сообщают и западно-римские письменные источники. В частности, современник событий испанский епископ V в. н. э. Идаций в своей «Хронике» сообщает, что после смерти Гонория Феодосий «получает единоличную власть (monarchiam tenet imperii)», а «Иоанн устанавливает тиранию (Joannes arripit tyrannidem)» (Hyd. Chron. 73–74 (s.a. 424); пер. А.О. Корчагина и И.Д. Лапкина) [18]. Таким образом, хронист не признавал Иоанна и считал его узурпатором. В его восприятии единственным легитимным правителем в Римской державе являлся в этот период только Феодосий. На мой взгляд, этот эпизод примечателен тем, что является примером того как западные римляне воспринимали смену власти в их части Империи. Данное сообщение указывает на то, что в восприятии западного римлянина единственным законным правителем может являться восточный государь. На мой взгляд, немаловажно, что слова испанского епископа находят свое подтверждение в памятниках нумизматики. В 424–425 гг. н. э. в Константинополе от имени Феодосия II выпускались фоллисы (AE3) (RIC X Theodosius II (East) 421) и солиды (RIC X Theodosius II (East) 232) с легендой реверсов «GLOR ORVIS TERRAR» (слава мира или слава «круга земель»), т. е. всего известного мира. Солиды с аналогичной надписью на реверсе чеканились и в Фессалониках (RIC X Theodosius II (East) 361; RIC X Theodosius II (East) 362; RIC X Theodosius II (East) 363; RIC X Theodosius II (East) 362; RIC X Theodosius II (East) 365) (Рис. 6). Важно отме-

тить, что на этой монетной легенде можно проследить римскую идею мирового господства, которая пропагандировалась еще со времен поздней Республики и особенно в период правления Октавиана Августа.

Как отмечалось в историографии, в исторических и литературных сочинениях, в имперской пропаганде и в сознании римлян закрепилось мнение, что именно этот принцепс подчинил вселенную, «круг земель» (Orbis Terrarum) римскому народу, претендуя на глобальное господство над всем известным миром [14, с. 514–515; 15, с. 22, 322, 437, 474, 501, 547–548, 585–586, 589, 602, 641–643, 771, 777–778, 793–795, 837, 847, 849, 886]. Это привело к тому, что понятия Orbis Terrarum и Orbis Romanus (Orbis Noster) в римском восприятии совпадали. В свою очередь также совпадали и категории Orbis Romanus и Pax Romana [22, с. 372]. Таким образом, на рассматриваемых нумизматических памятниках Феодосия II можно проследить не только традиционное римское стремление к мировому господству, но и пропаганду своего верховенства в Римском мире. Подтверждением подобных взглядов Феодосия может служить композиция реверсов. На них представлена только одна фигура – фигура государя (вероятно, символизирующая самого Феодосия), которая облачена в воинское одеяние, держит сферу, увенчанную крестом, и военное знамя. Сфера («державное яблоко») является не только символом высшей власти, но и аллегорией того самого Orbis Terrarum [22, с. 372].

Рисунок 6. Сольд, отчеканенный от имени Феодосия II в Константинополе в 424–425 гг. н. э. Монетный тип: RIC X Theodosius II (East) 232. Экземпляр из собрания Британского музея (= British Museum). Музейный номер: 1867,0101.987 / Figure 6. Solidus minted in the name of Theodosius II in Constantinople in 424–425 AD. Coin type: RIC X Theodosius II (East) 232. Specimen from the collection of the British Museum. Museum number: 1867,0101.987

Таким образом, Феодосий на рассматриваемых монетах буквально держит вселенную и что еще важнее (особенно в контексте данной работы) весь Римский мир в своих руках, что наглядно демонстрирует его устремления на единоличную власть во всей Империи. Весьма примечательно, что рассматриваемые монеты являются одним из первых примеров изображения сферы, увенчанной крестом, которая впоследствии в таком варианте станет одной из важнейших регалий многих христианских правителей. Появление такого изображения, вероятно, являлось выражением личной религиозности Феодосия II, известного своим трепетным отношением к вопросам христианской веры, а также

отражением сакрального (уже с христианской точки зрения) характера власти константинопольского правителя [25, р. 75, 138]. Таким образом, можно предположить, что Феодосий не только демонстрировал свои претензии на весь «круг земель», но и подчеркивал, что эти притязания имеют в том числе и божественное происхождение.

Также возможно, что воинское облачение и знамя на рассматриваемых монетах отражают готовность восточно-римского августа отстаивать свое верховенство в Империи военным путем, что в конечном итоге и было осуществлено. Как видно, «слава мира» сосредотачивается и замыкается конкретно и исключительно на пер-

соналии Феодосия II. Эту идею, как и свои претензии на единоличное правление константинопольский государь ретранслировал в монетах разных номиналов (и в дорогом золоте, и в дешевой меди), чтобы вероятно, распространить этот концепт среди как можно большего числа римлян.

Стоит отметить, что восточно-римский государь Маркиан был еще одним римским правителем, который использовал аналогичную композиционную конструкцию на своих монетах и легенду «GLOR ORVIS TERRAR» (слава всего мира или слава «круга земель»). В частности, подобное прослеживается на его солидах, отчеканенных в Фессалониках (RIC X Marcian 523) (Рис. 7). Составители «The Roman Imperial Coinage» датируют эти монеты 450–457 г. н. э., т.е. периодом всего правления Маркиана. Ф. Грирсон и М. Майс также пишут, что точная дата производства этих монет неизвестна, но в их появлении они видят не случайность, а преднамеренную политическую акцию [25, p. 158]. Примечательно, что Идаций, рассказывая о событиях 455 г. н. э., сообщает, что император Валентиниан III был убит в Риме. После него государем провозглашается Петроний Максим, но вскоре и он погибает во время волнений в Вечном городе. В том же году «галльскими войсками и почетными мужами провозглашается августом Авит», а Маркиан «уже на четвертый год своего правления получает единоличную власть (*obtinet monarchiam*)» (Hyd. Chron. 153–158 (s.a. 455); пер. А.О. Корчагина и И.Д. Лапкина). Таким образом, Идаций не признает всех свершившихся в Западной части Империи переворотов и для него вновь единственным легитимным правителем является константинопольский государь, который, в свою очередь, на своих монетах вновь сосредотачивает и замыкает «славу всего мира» на своей конкретной персоне. Вскоре после своего прибытия в Рим Авит отправил послов в Константинополь, «чтобы сделать правление августов согласным». Переговоры прошли успешно, и Идаций сообщает, что «Маркиан и Авит в согласии пользуются первенством в римском государстве (*Marcianus et Avitus concordēs principatu Romani utuntur imperii*)» (Hyd. Chron. 162 (s.a. 455); пер. А.О. Корчагина и И.Д. Лапкина). С этого момента испанский хронист считает Авита легитимным государем.

Исходя из вышесказанного, отмечу, что монеты Маркиана с легендой реверса «GLOR ORVIS TERRAR»

(слава мира или слава «круга земель») стоит датировать 455 г. н. э., поскольку в период, последовавший после смерти Валентиниана III, константинопольский государь в восприятии римлян (и восточных, и западных) был единоличным правителем римского мира, что незамедлительно отразилось в памятниках нумизматики. Не исключено, что, выпуская такие монеты, Маркиан завуалированно угрожал западно-римским правителям войной, поскольку претензии Феодосия II на исключительное первенство в Римском мире в свое время были «подкреплены» силой оружия. Поскольку в настоящее время известен только один тип подобных монет, выпущенных от имени Маркиана, вероятно, их производство было довольно скоротечным и весьма ограниченным. В пользу этого свидетельствует и предположение Ф. Грирсон и М. Майса об использовании штемплей времен Феодосия II для чеканки рассматриваемых солидов Маркиана [25, p. 158]. Возможно, это связано с тем, что надобность в их производстве вскоре отпала (поэтому не появилось нужды создавать новые штемпели или разрабатывать новые монетные типы) после достижения компромисса между Маркианом и Авитом. Так или иначе, но константинопольский двор отреагировал на изменившуюся ситуацию в Западных провинциях довольно быстро и вновь использовал монетную пропаганду для демонстрации своих исключительных прав на весь Римский мир, прибегнув к, вероятно, уже хорошо известной и апробированной во времена Феодосия II композиции.

Учитывая общую тенденцию к сокращению монетных типов в эпоху домината появление нескольких новых и даже весьма уникальных монетных типов в период между 423 и 425 г. н. э. демонстрирует, на мой взгляд, пристальное внимание администрации (возможно и лично) Феодосия II к вопросам монетной пропаганды, которая осуществлялась в том числе непосредственно на передовой боевых действий – в Аквилее, занятую восточно-римскими войсками по ходу конфликта с Иоанном, чтобы, вероятно, как можно быстрее донести позицию константинопольского двора до западных римлян. Также весьма немаловажно, что именно монеты 420-х гг. н. э. в целом являются самыми разнообразными в композиционном плане за все более чем сорокалетнее правление Феодосия II [25, p. 142].

Рисунок 7. Салид, отчеканенный от имени Маркиана в Фессалониках в 455 г. н. э. Монетный тип: RIC X Marcian 523. Экземпляр из собрания Британского музея (= British Museum). Музейный номер: 1860,0330.997 / Figure 7. Solidus minted in the name of Theodosius II in Thessaloniki in 455 AD. Coin type: RIC X Marcian 523. Specimen from the collection of the British Museum. Museum number: 1860,0330.997

Результаты. В целом можно заключить, что Феодосий II довольно активно позиционировал себя как единоличного августуса в обеих частях Римского государства. Об эффективности подобной пропаганды непосредственно в ходе событий 423–425 г. н. э. судить трудно, но в некоторых исторических сочинениях как восточных, так и западных римлян V в. н. э. Феодосий воспринимался в этот период как верховный и единоличный правитель всего Римского мира. Также необходимо подчеркнуть, что Феодосий II являлся не только декларируемо, но и фактически являлся единственным августом (ввиду полного отсутствия конкурентов на эту должность) на протяжении практически четырех месяцев (примерно с июля по 23 октября 425 г. н. э.). Также немаловажно, что восточно-римские войска, вероятно, в течение этого промежутка времени находились, как минимум, в Аквилее (занятой по ходу кампании против Иоанна) и Равенне, поскольку под ее стенами вскоре после казни узурпатора состоялась битва между опоздавшими западно-римскими войсками (состоящими преимущественно из гуннов) под командованием Аэция и восточно-римскими во главе с Аспаром [27, р. 132]. Возможно, что какой-то восточно-римский военный контингент находился и в Риме во время церемонии коронации Валентиниана III, сопровождая патрикия Илиона. Исходя из этого можно предположить, что какой-то степенью контроля над частью западных областей Империи Феодосий II также все-таки обладал.

В свою очередь Феодосий I «объединял в последний раз Римскую империю» на четыре с половиной месяца (с сентября 394 г. н. э. по 17 января 395 г. н. э.), т. е. сроки «соединения» двух частей Римской державы под властью Феодосиев вполне сопоставимы. Принципиальным и важным, по крайней мере с формально-юридической точки зрения, отличием между ситуациями конца 394 – начала 395 г. н. э. и 425 г. н. э. является то, что в 425 г. н. э., вновь, как и некогда во времена раннего принципата (до Марка Аврелия и Луция Вера),

в Римском мире был лишь один август и фигура равная Феодосию II по титулу отсутствовала. Рассматриваемые ситуации отличаются и тем, что в отличие от Феодосия I Феодосий II в период краткого «объединения» обеих половин Империи западные территории так и не посетил. Однако, если довериться сообщению Сократа Схоластика, такое намерение или идея у него все-таки была. В свою очередь это сообщение церковного восточно-римского автора косвенно подтверждается и нумизматическими данными. К тому же, некоторые значимые города Италии были заняты восточно-римскими войсками, что подразумевает некоторую степень контроля и управления ими со стороны Константинополя. Таким образом, тезис Р.М. Эррингтона о том, что никто из восточно-римских правителей после Феодосия I даже и не думал управлять Западом напрямую можно немного скорректировать, поскольку полностью исключать такое намерение у Феодосия II, на мой взгляд, не стоит.

Также не вполне корректным является представление и о том, что Феодосий I был последним римским императором, который правил в обеих частях Римской империи, поскольку таковыми идейно, юридически и фактически (в силу отсутствия других августов в Римском мире) являлись как Лев I в 465–467 г. н. э., так и Феодосий II на протяжении июля–октября 425 г. н. э., который в своей монетной пропаганде довольно активно и разными способами подчеркивал свой исключительный статус правителя всего «круга земель». Подобные претензии нашли положительный отклик, вероятно, не только у восточных римлян, напрямую подчиненных Феодосию II, но и у какой-то части западных (по крайней мере у испанского епископа Идация).

Таким образом, представление 395 г. н. э. как даты окончательного и необратимого раздела Римского государства на две части также нуждается в некоторым переосмыслении, что открывает новые горизонты и перспективны в области изучения римской политической истории эпохи домината.

Список сокращений

Hyd. Chron. – Хроника Идация
 RIC – The Roman Imperial Coinage
 Marc. Com. – Хроника Марцеллина Комита
 Socr. Schol. Hist. eccl. – Церковная история Сократа Схоластика
 Philost. – Церковная история Филосторгия
 Procop. B.V. – Война с Вандалами Прокопия Кесарийского

Литература

1. Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи. М; Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 1995. 656 с.
2. Ахиев С. Н. Монетная пропаганда в позднереспубликанском Риме // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2015. № 4(15). С. 47–52.
3. Богданов Д. Е. Борьба Западного и Восточного дворов римской империи в конце IV века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2017. Вып. 44. № 22(271). С. 41–45.
4. Война с Вандалами Прокопия Кесарийского / Пер. с древнегреч. А.А. Чекаловой // Прокопий Кесарийский Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М.: Наука, 1993. С. 176–315.
5. Гарипзанов И. Х. Каролингское монетное дело и римская имперская традиция. Казань: Хэтер, 2000. 165 с.
6. Грабар А. Император в византийском искусстве / Пер. с фр. Э.С. Смирновой. М.: Ладомир, 2000. 238 с.
7. Грант М. Римские императоры: Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н. э. – 476 г. н. э. / Пер. с англ. М. Гитт. М.: Терра–Книжный клуб, 1998. 400 с.
8. Данилов Е. С. Сумерки римских богов: лозунги безопасности на монетной чеканке IV века // Античные культы в пределах полисов и империй. Сборник статей по итогам Второго Всероссийского междисциплинарного научного семинара (20–21 июня 2020 г.). М.: Тропа, 2021. С. 173–183.
9. Егоров А. Б. Римская Империя и христианство в IV в. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 1 (17). С. 13–26.
10. Казаков М. М. Начало последней династии Римской империи // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 4(52). С. 220–236.
11. Керсновский Р. Монета в культуре Средних веков / Пер. с польск. Т.Ю. Стукаловой. М.: Государственный исторический музей, 2018. 600 с.

12. Кравчук А. Галерея византийских императоров / Пер. с польск. Н.В. Селивановой. М.; Екатеринбург: У-Фактория, Астрель, 2011. 414 с.
13. Кузнецов В. Н. Проблемы социально-экономического реформирования Римской империи в эпоху Феодосия Великого // Казанская наука. 2015. № 8. С. 26–29.
14. Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 688 с.
15. Межеричский Я. Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 992 с.
16. Мэттингли Г. Монеты Рима с древнейших времен до падения Западной Империи. М.: Collector's Book, 2005. 254 с.
17. Уколова В. И. Поздняя Римская империя // Всемирная история: В 6 т. Т. 1: Древний мир. М.: Наука, 2011. С. 669–694.
18. Хроника Идация / пер. с лат. А.О. Корчагина и И.Д. Лапкина // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. 2022. № XXVI. С. 117–192.
19. Хроника Марцеллина Комита / Пер. с лат. Н.Н. Болгова. Белгород: БелГУ, 2010. 229 с.
20. Церковная история Сократа Схоластика / пер. с древнегреч. СПбДА под ред. И. В. Кривушина. М.: РОССПЭН, 1996. 368 с.
21. Церковная история Филосторгия / Пер. с древнегреч. В. А. Дорофеевой // Церковные историки IV–V веков. М.: РОССПЭН, 2007. С. 520–585.
22. Циркин Ю. Б. Политическая история Римской империи. Т. 2. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 588 с.
23. Cameron A. The Later Roman Empire: AD 284–430. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1993. 238 p.
24. Errington R. M. Roman Imperial Policy from Julian to Theodosius. Chapel Hill (NC): The University of North Carolina Press, 2006. 336 p.
25. Grierson Ph., Mays M. Catalogue of Late Roman Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection: From Arcadius and Honorius to the Accession of Anastasius. Washington (DC): Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1992. 499 p.
26. Jones A. H. M. The Later Roman Empire (284–602): A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. I. Cambridge: Basil Blackwell, 1964. 522 p.
27. Kenneth A. Empress Galla Placidia and the Fall of the Roman Empire. Jefferson: McFarland, 2020. 222 p.
28. Sandberg K. The So-Called Division of the Roman Empire in AD 395. Notes on a Persistent Theme in Modern Historiography // *Arctos*. 2008. Vol. 42. p. 199–213.
29. Schultz C. E., et al. History of the Roman People. 7th ed. London; New York: Routledge, 2019. 756 p.
30. The Roman Imperial Coinage. Vol. X: The Divided Empire, AD 395–491 / Ed. by J. P. C. Kent. London: Spink & Son, 1994. 509 p.

References

1. Abramzon MG. Coins as the Means of the Propagation of the Official Policy of the Roman Empire. Moscow, Magnitogorsk: Magnitogorsk House of Printing; 1995. 656 p. (In Russ.).
2. Akhiev SN. The "Coin Propaganda" in the Late Roman Republic. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodny'e otnosheniya*. 2015;(4):47-52. (In Russ.).
3. Bigdanov D. E. The Struggle Between the Western and Eastern Courts of the Roman Empire at the End of the 4th Century. *Nauchny'e vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*. 2017;(44):41-45. (In Russ.).
4. The Vandal War by Procopius of Caesarea. Transl. by AA Chekalova. Procopius of Caesarea. The Persian War. The Vandal War. The Secret History. Moscow: Nauka; 1993. p. 176-315. (In Russ.).
5. Garipzanov IH. Carolingian coinage and Roman Imperial tradition. Kazan: Heter; 2000. 165 p. (In Russ.).
6. Grabar AH. The Emperor in Byzantine Art. Moscow: Lodomir; 2000. 238 p. (In Russ.). (=Grabar A. L'empereur dans l'art byzantin: recherches sur l'art officiel de l'empire d'Orient. Paris: Les Belles lettres/College de France, 1936. 350 p.).
7. Grant M. The Roman Emperors: A Biographical Guide to the Rulers of Imperial Rome, 31 BC–AD 476. Transl. by M Gitt. Moscow: Terra-Book Club, 1998. 400 p. (In Russ). New York; London: Barnes & Noble, Weidenfeld and Nicolson; 1985. 367 p.).
8. Danilov ES. Twilight of the Roman Gods: Security Mottos on 4th Century Coins in Ancient Cults within the Cities and Empires: A Collection of Articles Based on the Results of the Second All-Russian Interdisciplinary Scientific Seminar, June 20–21, 2020, Yaroslavl. Moscow: Tropa; 2021. P. 173-183. (In Russ.).
9. Egorov AB. The Roman Empire and Christianity in the 4th Century. *Vestnik Istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoj Duxovnoj Akademii*. 2024;(1):13-26. (In Russ.).
10. Kazakov MM. The Beginning of the Last Dynasty of the Roman Empire. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020;(4):220-236. (In Russ.).
11. Kersnovsky R. Coin in the culture of the Middle Ages. Trans by TYu Stukalova. Moscow: State Historical Museum, 2018. 600 p. (In Russ.). (= Kersnowski R. Moneta w kulturze wieków średnich. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1988. 484 s.)
12. Kravchuk A. Gallery of the Byzantine Emperors. Trans. by VS Selivanova. Moscow; Ekaterinburg: U-Faktoriya, Astrel, 2011. 414 p. (In Russ.). (= Krawczuk A. Poczet cesarzy bizantyjskich. Warszawa: Iskry, 1992. 229 s.)
13. Kuznetsov VN. Problems of Social and Economic Reformation of the Roman Empire in Age of Theodosius the Great. *Kazanskaya nauka*. 2015;(8):26-29. (In Russ.).
14. Mashkin NA. The Principate of Augustus: Origin and Social Reality. Moscow; Leningrad: The USSR Academy of Sciences Press; 1949. 688 p. (In Russ.).
15. Mezheritskiy JYu. Emperor Augustus' "Restored Republic". Moscow: Russian foundation for science and education; 2016. 992 p. (In Russ.).
16. Mattingly H. Roman Coins from the Earliest Times to the Fall of the Western Empire. Moscow: Collector's Book; 2005. 254 p. (In Russ.). (= Mattingly H. Roman Coins from the Earliest Times to the Fall of the Western Empire. London: Methuen; 1928. 300 p.)
17. Ukolova VI. The Later Roman Empire. The World History: In 6 vols. Vol. 1: Ancient World. Moscow: Nauka; 2011. P. 669-694. (In Russ.).
18. The Chronicle of Hydatius. Transl. by AO Corchagin and ID Lapkin. *Aristeas: journal of classical philology and ancient history*, 2022;(26):117-192. (In Russ.).
19. The Chronicle of Marcellinus Comes. Transl. by NN Bolgov. Belgorod: The Belgorod State University Press, 2010. 229 p. (In Russ.).
20. Church History by Socrates Scholasticus. Transl. by Saint Petersburg Theological Academy and IA Krivushin (Ed.). Moscow: ROSSPEN; 1996. 368 p. (In Russ.).
21. Church History by Philostorgius. Transl. by VA Dorofeeva. Church historians of IV–V AD. Moscow: ROSSPEN; 2007. P. 520-585. (In Russ.).
22. Zirkin YuB. The Political History of the Roman Empire. Vol. 2. Saint-Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Press; 2019. 588 p. (In Russ.).

23. Cameron A. *The Later Roman Empire: AD 284–430*. Cambridge (MA): Harvard University Press; 1993. 238 p.
24. Errington RM. *Roman Imperial Policy from Julian to Theodosius*. Chapel Hill (NC): The University of North Carolina Press; 2006. 336 p.
25. Grierson Ph, Mays M. *Catalogue of Late Roman Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection: From Arcadius and Honorius to the Accession of Anastasius*. Washington (DC): Dumbarton Oaks Research Library and Collection; 1992. 499 p.
26. Jones AH. M. *The Later Roman Empire (284–602): A Social, Economic and Administrative Survey*. Vol. I. Cambridge: Basil Blackwell; 1964. 522 p.
27. Kenneth A. *Empress Galla Placidia and the Fall of the Roman Empire*. Jefferson: McFarland; 2020. 222 p.
28. Sandberg K. The So-Called Division of the Roman Empire in AD 395. Notes on a Persistent Theme in Modern Historiography. *Arctos*. 2008;(42):199–213.
29. Schultz CE, et al. *History of the Roman People*. 7th ed. London; New York: Routledge; 2019. 756 p.
30. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. X: *The Divided Empire, AD 395–491*. Ed. by JPC Kent. London: Spink & Son; 1994. 509 p.

Научная статья
УДК 347.99(470.62)
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.4>

СИСТЕМА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ СЕВЕРНОГО КAVКАЗА: К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ ИСПОЛНЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ.

Анастасия Алексеевна Березутская

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)
Специалист центра научных грантов и исследовательских программ департамента науки
berezutskaya.staisyvil@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0004-8953-9068>

Аннотаци. Введение. Данная статья посвящена 160-летию Судебной реформы 1864 года. Реформирование современной судебной системы исторически связано с Судебной реформой Александра II, которая оказала большое влияние на процесс преобразования в сфере уголовного и гражданского судопроизводства России. Введение института принудительного исполнения в лице судебных приставов способствовало реальному воплощению в жизнь одного из главных принципов правосудия – достижения справедливости путем обязательности исполнения судебных решений. **Материалы и методы.** При исследовании данной проблемы использованы материалы императорской России – нормативные правовые акты, отражающие принципы устройства и деятельности института судебных приставов на рубеже XIX–XX веков. **Анализ.** На основе Учреждении судебных установлений в статье представлен детализированный анализ результатов структуры и работы судебных приставов. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что

создание структуры пореформенных правоохранительных органов второй половины XIX – начала XX вв., как для России в целом, так и для региона в частности, стало ядром «исполнительного» механизма судебной системы.

Ключевые слова: судебная реформа, правоохранительная система, судебные приставы, Северный Кавказ, Терская и Кубанская области, Ставропольская губерния

Для цитирования: Березутская А. А. Система правоохранительных органов Северного Кавказа: к вопросу о механизме исполнения правосудия на рубеже XIX – XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. № 1. С. 34–41. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.4>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 27.10.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.01.2025.

Статья принята к публикации: 25.02.2025.

Research article

THE SYSTEM OF LAW ENFORCEMENT AUTHORITIES IN THE NORTH CAUCASUS: ON THE MECHANISM OF JUSTICE EXECUTION AT THE TURN OF THE 19TH – 20TH CENTURIES

Anastasia A. Berezutskaya

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)
Specialist, center of scientific grants and research programs, department of science
berezutskaya.staisyvil@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0004-8953-9068>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the memorable date of the 160th anniversary of the Judicial Reform of 1864. It should be noted that the reform of the modern judicial system is associated with the Judicial Reform of Alexander II, as it had a great impact on the transformation process in the field of criminal and civil proceedings. The introduction of the institution of compulsory enforcement in the person of bailiffs led to the fact that the service contributed to the implementation of one of the main principles of justice – making the execution of court decisions mandatory. **Materials and Methods.** Materials such as pre-revolutionary normative legal acts reflecting the principles of the organization and activity of the institute of bailiffs at the turn of the XIX–XX centuries were used in the study of the topic. **Analysis.** With the reference to the establishment of judicial institutions, the article presents a detailed analysis of the results of the structure and work of bailiffs. **Results.** Based on the results of the study, it can be concluded that the creation of a post-

reform law enforcement structure in the second half of the XIX – early XX centuries, both for Russia as a whole and for the region in particular, becomes the core of the executive mechanism of the judicial system.

Keywords: judicial reform, law enforcement system, bailiffs, North Caucasus, Tersk and Kuban regions, Stavropol province

For citation: Berezutskaya AA. The system of law enforcement authorities in the North Caucasus: on the mechanism of justice execution at the turn of the 19th – 20th centuries. *Humanities and law research*. 2025;12(1):34-41. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.4>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 27.10.2024.

The article was approved after reviewing: 18.01.2025.

The article was accepted for publication: 25.02.2025.

Введение. История развития любой правовой системы тесно связана с её классификацией по периодам. Система судебных приставов в своём развитии прошла несколько этапов, а их названия различаются в зависимости от их наименования в то или иное время.

Такие теоретические вопросы, как особенности судебной системы Северного Кавказа, а именно формирование местного самоуправления в разные исторические этапы, влияние российской правовой системы на практику судоустройства и судопроизводства в ре-

гионе в период реформ Александра II, остаются актуальными в науке права и истории государства. Особый историко-правовой интерес представляет вопрос о формировании системы судебных приставов на Северном Кавказе, изучение которого раскрывает процесс становления пореформенной судебной системы Северного Кавказа.

Анализ показывает, что органы принудительного исполнения в лице службы судебных приставов сыграли ведущую роль в реорганизации и развитии судебной системы в рассматриваемый нами исторический период. Через призму функционирования института судебных приставов можно проследить политику государства, как в центре страны, так и ее реализацию на местах. Особенно это применимо для социально-экономических оценок развития региона, т.к. судебные приставы стояли на страже исполнения судебных решений, важных не только истцам – физическим, но и юридическим лицам, возмещавшим таким образом свои финансовые потери. Примечательно, что создание рассматриваемой нами службы судебных приставов нашло отражение в восстановлении этого института на современном этапе реализации курса правовых реформ в Российской Федерации, что еще раз подчеркивает актуальность взятой нами темы исследования.

Материалы и методы. Методология работы базируется на совокупности методов научного познания социальных процессов, отраженных в системном подходе к предмету исследования: диалектико-материалистический метод познания окружающего мира и метод историзма, позволивший рассмотреть объект исследования в процессе исторического развития страны. Применялись и частно-научные методы: функциональный, экстраполяции, моделирования, сравнительного, проблемного, текущего, выборочного анализа, конкретизации, аналогии, синтеза.

В результате проведения исследования были использованы и методы, характерные для смежной с историей гуманитарной областью знаний – юридической науки, такие как историко-правовой, сравнительно-правовой, логико-юридический, формально-юридический, конкретно-социологический.

Анализ. Судебная реформа Александра II 1864 года была одной из самых последовательных из Великих реформ в развитии Российской империи. Согласно произведенным преобразованиям, суды стали независимыми от администрации, появились должности адвоката и судебных следователей, предусматривалась несменяемость судей, а также вводились суды присяжных, кассационный и апелляционный порядок обжалования судебных приговоров и решений, была реорганизована прокуратура, в результате прокурор стал одной из сторон в процессе. Суд стал осуществляться на началах устности, гласности, состязательности, а также свободной оценки деятельности, которая основана на принципе внутреннего убеждения судьи [10, с. 335].

Работа над судебной реформой, начавшись в 1857 году, продолжалась до 1860 года под руководством главноуправляющего II отделением императорской канцелярии Д.Н. Блудова. Он стремился усовершенствовать существующую систему, несколько сократив количество судов. При этом предусматривалось ввести образовательный или служебный ценз для квалификации судей и установить должности адвокатов, которые имели право оспаривать канцелярский доклад и т.д. Но эти проекты не были поддержаны Государственным со-

ветом. Его соединённые департаменты внесли предложение разработать общие основания судебной реформы [6, с. 180-182].

Работу над судебной реформой с 1861 года продолжил государственный секретарь Д.П. Бутков. Значительный вклад в реформу внёс статс-секретарь Государственного совета С.И. Зарудный. Было предложено не реформировать старые суды, а заменить их новыми, организованными по совершенно иным принципам. Реформированию судебной системы активно содействовал министр юстиции Д.Н. Замятин. Судебная реформа была утверждена Александром II 20 ноября 1864 года после одобрения Государственным советом [4, с. 21–32].

Одним из нововведений судебной реформы стало введение системы, при которой судебные решения должны были исполнять судебные приставы. Председатели окружных судов или судебных палат назначали судебных приставов на места. Институт принудительного исполнения существовал и в дореформенном законодательстве, однако их полномочия несколько отличались. В начале XVIII века институт исполнительного производства был упразднён, а его полномочия возлагались на специальных служащих, состоящих при судах. После екатерининских реформ, институт приставов был возрожден. Однако приставы стали чиновниками другого ведомства. Накануне Судебной реформы 1864 г. законодатель принял решение восстановить институт исполнительного производства, роль судебного пристава стали выполнять полицейские чины. После создания Министерства юстиции, функции исполнения судебных решений стали исполнять становые приставы при Министерстве юстиции, а на полицейских приставов возлагались функции дознания [1, с. 13–14].

Отнесение судебных приставов к судебной власти закрепилось на законодательном уровне. Это мы можем проследить в Учреждении судебных установлений (далее – УСУ). Согласно ст. 6–11 УСУ почти все организационные формы, которые обеспечивали правосудие таких, как следователи, нотариусы, судебные приставы, относили к «составу судебных мест». Далее в ст. 925 Устава гражданского судопроизводства (далее УГС), прописывалось, что деятельность по исполнению судебного решения службой судебных приставов, суд не имел права контролировать. Единственное полномочие, которое имелось у судов того периода, было привлечение судебных приставов к дисциплинарной ответственности. Данный факт регламентировался в ст. 329 УСУ. Институт судебных приставов состоял при кассационных департаментах Правительствующего сената, при окружных судах для исполнения действий, возлагаемых на них уставами уголовного и гражданского судопроизводства и настоящим Учреждением.

Судебные приставы в течение первого года службы проходили испытательный срок в качестве «исполняющего должность». После испытательного срока судебный пристав официально назначался на должность.

Обязанности и ответственность судебных приставов регулировались во втором отделении УСУ в ст. 321–332 данного законодательного акта. На судебных приставов возлагалась функция исполнения судебных решений и другие обязанности, входящие в компетенцию суда при котором они состояли, а также они отвечали за соблюдение тяжущимися повесток и бумаг по делам, порученным кассационным департаментом или председателем судебной палаты.

Судебный пристав не мог принимать на себя решения, касающиеся его семьи. Также он был обязан вести книгу учёта, возложенных на него обязанностей и представлять её для проверки. В статье 331 УСУ предусматривалось, что в случае причинения убытков судебным приставом вследствие противоправных действий в ходе выполнения им вверенных служебных обязанностей третьим лицам, независимо от привлечения дисциплинарной или уголовной ответственности, возмещение за такого рода убытки должно было производиться из залога, внесённого им по решению суда. Если сумма залога была недостаточной для возмещения убытков, то ее недоимка должна была быть взыскана из другого имущества виновного лица.

В УСУ 1864 г. вопросы по организации и деятельности судебных приставов регламентировались в разд. 9 гл. 1 «О лицах, состоящих при судебных местах». «Судебные приставы состоят при кассационных департаментах Правительствующего Сената, при судебных палатах и при окружных судах для исполнения действий, возлагаемых на них уставами уголовного и гражданского судопроизводства и настоящим Учреждением» (ст. 297 УСУ). Судебные приставы состояли при окружных судах или судебных палатах, и избирались председателями этих окружных судов или судебных палат. Те судебные приставы, которые состояли при кассационных департаментах Сената, избирались на места обер-прокурорами из лиц, которые достигли 21-летнего возраста (ст. 299 УСУ), «по надлежащему удостоверению в благонадежной нравственности», а также способностях кандидатов выполнять принимаемые на себя обязанности (ст. 300 УСУ) [17].

Согласно ст. 310 УСУ председатели судебных мест имели право дополнительно привлекать за вознаграждение полицейские чины для исполнения обязанностей судебных приставов [17].

Изучая вопрос о взаимодействии судебных приставов с другими правоохранительными органами, мы не можем не рассмотреть роль прокуратуры в судебной системе Российской империи. Какого-то специального закона о прокурорском надзоре издано не было. Однако его деятельность регламентировалась Основными положениями о прокуратуре (1862 г) и Судебными уставами (1864 г.) [18, с. 431].

Согласно реформе, роль прокуратуры состояла не только в надзоре за деятельностью в судебной области. Она также могла принимать меры прокурорского воздействия в отношении полиции и военной власти для помощи в исполнении служебных полномочий судебными приставами [11, с. 49]. В тоже время, согласно УСУ, кассационные департаменты, судебные палаты и окружные суды вели основные надзорные полномочия за должностными лицами судебного ведомства, тогда как «чины прокурорского надзора по праву наблюдений за охраной законов о всех замеченных ими упущениях судебных мест или должностных лиц судебного ведомства, смотря по важности случая, или сообщают председателям судебных мест, или же доносят в порядке подчиненности прокурорам палат, которые со своей стороны представляют о том министру юстиции» [7, с. 13].

В соответствии УСУ у прокуроров не было права осуществлять надзор за деятельностью судебных приставов. Такие полномочия были только у суда. Помимо судебных органов обер-прокуроры, состоящие при кассационных департаментах, рассматривали жалобы на действия судебных приставов, которые в итоге привлекали их к установленной законом ответственности [6, с. 353–354].

Таким образом, судебные уставы ограничили сферу прокурорского надзора за делами судебных приставов. Фактически происходило сосредоточение сил прокуратуры на надзоре за судом, следствии и поддержании обвинения [7, с. 16].

Судебная власть в России прошла долгий эволюционный путь своего развития, прежде чем ее основные элементы распространились и на Ставрополье. Существовавшая форма правления в России не предусматривала выделения судебной власти в самостоятельную ветвь в структуре управления страны. Напротив, с укреплением личной власти императора, складыванием абсолютистской монархии наблюдалось еще более усиливавшееся бесправие народа и сосредоточение всей власти в руках императора. К середине XIX в. перестал отвечать современным реалиям и дореформенный уголовный процесс, которому была свойственна при решении судебных вопросов теория формальных доказательств. До проведения реформ для судов было характерно огромное количество бумажной работы. Таким образом, судебный процесс рассмотрения уголовных дел, действовавший в то время, наводит на мысль, что оценки совершения преступления в состоянии аффекта или иных щадящих, оправдывающих ситуаций для судьи не существовало, он просто подписывал готовый бланк решения, составленный секретарём. Фактически единственным доказательством вины была бумага, составленная чиновником [8, с. 107–108].

Незадолго до даты нового отсчета времени в развитии судебной власти на Ставрополье начатая по завершении Кавказской войны реорганизация судебной системы на Кавказе привела наместника на Кавказе Великого князя М.Н. Романова к мысли о том, что введение в Ставропольской губернии в действие судебных уставов возможно даже при отсутствии в ней земских учреждений, столь необходимых для действия выборных мировых судей и без введения суда присяжных [16, с. 21–25]. Новые административные и судебные учреждения на Ставрополье должны были вступить в силу в 1868 г. Поэтому 27 марта 1868 г. наместник Кавказский издал распоряжение подчинённым ему управлениям о возможности проведения в губернии судебной реформы в соответствии с императорским указом Правительствующему сенату 9 декабря 1867 года «О введении судебных уставов 20 ноября 1864 г., и дополнительных к ним законов об охранительном порядке судопроизводства и положения о нотариальной части 14 апреля 1866 г.» [5, с. 208].

По указу «О введении судебных уставов 20 ноября 1864 г. в действие в Ставропольской губернии» были введены в штат Ставропольского окружного суда четыре должности судебных приставов [12, с. 39–45].

Анализируя данные в таблице, мы обратились к документам, в которых нашли информацию о становлении института судебных приставов в Ставропольской губернии. Так, 2 февраля 1868 года поступило первое прошение на имя председателя суда от пятигорского уездного стряпчего коллежского асессора Ф. Губаревского с просьбой принять его на должность судебного пристава. Аналогично 10 марта уже от бухгалтера Александропольского военного госпиталя губернского секретаря С. Бенедиктовича, позже столоничальник Ставропольской Палаты уголовного и гражданского суда титулярный советник Елфимов подал прошение 9 апреля 1868 г., а 12 апреля, бывший надзиратель больницы Ставропольской губернской гимназии Гурский подал аналогичное прошение председателю суда. К каждому прошению

Таблица 1/ Table 1

Личный состав Ставропольского окружного суда / Personnel of the Stavropol District Court¹

были приложены квитанции об уплате денежного залога. В Ставропольской губернии он составлял 200 рублей, что соответствовало требованию ст.302 УСУ, по которому обязательным условием для допуска кандидатов к исполнению обязанностей судебного пристава являлось внесение им залога для покрытия убытков, которые могли быть в соответствии ст.331 УСУ произведены по судебному решению из представленного им суммы. Размер залога устанавливался в каждом судебном округе решением министра юстиции и был равен годовому жалованию судебного пристава, установленному в размере 600 рублей. Данная сумма была присуща только приставу в штате Ставропольского окружного суда. В Терской и Кубанской области был определен аналогичный залог для судебных приставов в 1871 г. [19, с. 87–88].

В итоге были приняты положительные решения по кандидатурам Губаревского, Елофимова, Гурского и Воинова. Они до 22 апреля 1869 года были исполняющими обязанности судебного пристава, согласно Судебным уставам. После прохождения испытательного срока, они 22 апреля 1869 были назначены по распоряжению председателя Ставропольского окружного суда, о чем в документе было указано следующим образом: «Исполняющих к 17 апреля 1868 года должности судебных приставов при Ставропольском окружном суде коллежских ассесоров Воинова и Губаревского, титулярного советника Елофимова и дворянина Гурского, я на основании 308 ст. УСУ утверждаю в настоящих должностях». Требования к образованию кандидатов не было, однако в Ставропольском окружном суде на должность судебного пристава избирались из достаточно об-

разованных людей. Подтверждение этому мы находим в дальнейших назначениях. Так, например, в 1869 г. назначили на должность судебного пристава 2-го стана Пятигорского уезда Манжос-Белого, помощника секретаря окружного суда. Династия Манжос-Белых внесла важный вклад в развитие юстиции в Ставропольской губернии. Последний представитель этой семьи – Семен Иванович Манжос-Белый – стал товарищем председателя Ставропольского окружного суда по административному отделению в 1917 г. Деятельность судебных приставов строго регулировалась. Согласно нормам УСУ, на судебных приставах возлагалось выполнение судебных вердиктов, а также других действий по решению судебных мест и их председателей. Например, представитель приставов Сената или судебных палат был обязан представлять документы о тяжущихся повесток и бумаг по делам.

19 мая 1869 года по Высочайше утверждённому мнению Государственного совета был установлен размер денежного вознаграждения для данных лиц судебного ведомства: «О распространении таксы вознаграждения судебным приставам на губернии, в коих вводятся судебные уставы в полном объеме, или мировые судебные учреждения отдельно от общих». В Ставропольской губернии эти вопросы решались особым земским присутствием [19, с. 105–107].

Завершение Кавказской войны ознаменовалось на Тереке и Кубани переселенческим процессом гражданского населения и связанного с этим ростом численности населения. Из Европейской части России хлынул поток переселенцев на Кавказ. Это в свою очередь потребовало изменений в том числе и в судебной системе. Поэтому завершив преобразование судебной системы на Ставрополье, власти Северного Кавказа обратили свой взор на органы правосудия Кубанской и Терской области, созданные в 1860 году [5, с. 210].

Ситуация, сложившаяся в казачьих областях, требовала, как можно скорее принять радикальные меры в су-

¹ Составлено: Высочайше утверждённый 9 декабря 1867 г. штат Ставропольского окружного суда // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLII. Отделение 2-е. 1867. – С. – Петербург: Типография II-го отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1871. – С. 798

дебной системе и судопроизводстве. В своё время Кубанскую и Терскую области вывели из-под юрисдикции общего закона. Поэтому вплоть до 1864 года в этих регионах Северного Кавказа население преимущественно состояло из лиц казачьих войск, представителей горских народов и небольшого числа, представленного гражданским населением городов. Власть на Кубани и Терек носила двойственный характер: военно-административная для большинства населения и гражданская для жителей городов и слободок. Судебная система была столь же разнородной – это препятствовало эффективно осуществлять правосудие [13, с. 271].

Характеризуя особенности деятельности института судебных приставов в ходе судебной реформы на Кубани и Терек в 1864 году, в первую очередь следует остановиться на вопросах комплектования кадров и повышения их уровня образования, социально-бытовых условий и материального обеспечения. Одна из самых значительных проблем в Кубанской и Терской областях заключалась в том, что члены аппарата чиновников, вступивших в должности судебных приставов, зачастую даже не заканчивали высшие учебные заведения по направлению юридического образования. Часть из них не окончили даже полный гимназический курс, в то время как в Ставропольской губернии на должность судебного пристава избирались претенденты преимущественно из образованных кандидатов [14].

1 января 1871 г. в Екатеринодарский окружной суд были назначены на должность судебных приставов: Леонид Николаевич Азанчевский, Иван Александров-

вич Плещеев, Иван Михайлович Шахов, Захар Павлович Фирсов, Михаил Федорович Хилинский. Имелись отдельные судебные приставы, состоявшие при двух съездах мировых судей Кубанской области [3, с. 3–4].

Что касается Терека, то в 1863 году пост начальника Терской области занял Михаил Тариелович Лорис-Меликов. В связи с тем, что Кавказская война только закончилась, и на Северном Кавказе было относительно не спокойное время, у Лорис-Меликова была твёрдая позиция, что только военные смогут поддерживать условия мира, поэтому он считал нецелесообразным уменьшать их количество. С одной стороны, политика в Терской области была направлена на реализацию реформ, с другой пресекались любые попытки вмешательства в государственную политику [2, с. 23].

Анализируя деятельность судебных приставов в Кубанской и Терской областях, следует отметить острую нехватку данных кадров. Например, в начале XX века к министру юстиции из Кубанской области обратились с ходатайством о том, что кредиторы Армавирского судебного мирового округа Кубанской области «не получают удовлетворения только потому, что арестованное в обеспечение их претензий имущество к моменту продажи его, наступающей часто через несколько лет после ареста, является или потерянным, или обесцененным и даже иногда неспособным окупить издержки хранения», а связано это с нехваткой кадров судебных приставов.

Обратимся к статистике кадрового состава судебных приставов Кубанской и Терской областей.

Таблица 2 / Table 2

Личный состав Екатеринодарского окружного суда / Personnel of the Yekaterinodar District Court²

² Составлено на основании: Высочайше утверждённый 30 декабря 1869 г. штат судебных установлений в Кубанской и Терской областях и Черноморском округе // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLIV. Отделение 3-е. 1869. Приложения. – С. – Петербург: Типография II-го отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1873. – С. 806

Председатель Екатеринодарского окружного суда летом 1917 года принял решение об увеличении судебным приставам жалования до 2700 рублей в год и к ним три прибавки каждые 5 лет в размере 400 рублей в Кубанской области. Всё это стало возможным в связи с приростом населения. Помимо этого, это был военный период, поэтому общее собрание представителей окружного суда решило, что при росте жалования, возможно оставить в силе уже существующую процентную добавку на содержание. Это было связано с необходимостью привлечь как можно больше на службу ярких представителей выбранной юридической профессии, что в свою очередь, «...наконец, поставит лиц судебного ведомства в полную материальную независимость и тем соз-

даст более благоприятные условия плодотворной работы...». Это время также характеризуется стихийными и массово-организованными политическими стачками, бунтами. Однако принимали ли в них участие судебные приставы казачьих областей сложно проследить, так как слишком мало сведений содержится об этом. Анализируя данный вопрос, мы нашли пример одного из редких фактов в практике работы рассматриваемого нами института, когда в Терской области один из судебных приставов Дз. Голиев выступал идейным вдохновителем и организатором крестьянских выступлений в апреле 1902 года в селе Гизель. Он активно проводил агитацию среди жителей села Владикавказского округа Терской области [15].

Таблица 3 / Table 3
 Личный состав Владикавказского окружного суда /Personnel of the Vladikavkaz District Court³

Исходя из статистики, мы можем проанализировать кадровый рост судебных приставов на Кубани, в то время как в Терской области всё оставалось стабильно. Это связано с переселением преимущественно в Ставропольскую губернию и Кубанскую область, так как эти земли были наиболее привлекательны для крестьян. Прирост населения требовал и увеличение кадрового состава судебных ведомств, в том числе и судебных приставов. Это было связано ещё и с тем, что массовая миграция – способствовала увеличению преступности, поэтому требовалось усиливать судебную власть.

На территории Терека в значительной степени сохранились горские словесные суды, которые рассматривали малозначительные дела, в то время как на Кубани

эти функции входили в мировые суды, в структуре деятельности которых играли не последнюю роль и судебные приставы. Горские суды в Осетии являлись судами первой инстанции. Из-за отсутствия суда второй инстанции жалобы на решения этих судов направлялись начальнику области. Функции последней судебной инстанции выполнял наместник, как главнокомандующий Кавказской армией, жалобы которому направлялись через Штаб Кавказского военного округа [9, с. 35].

Таким образом, мы объективно приходим к выводу о значительном вкладе судебных приставов Кубанской и Терской казачьих областей конца XIX – начала XX в. и их безусловном влиянии на общественно-политическую жизнь региона. Немалую роль в этом играли и их

³ Составлено на основании: Высочайше утверждённый 30 декабря 1869 г. штат судебных установлений в Кубанской и Терской областях и Черноморском округе. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLIV. Отделение 3-е. 1869. Приложения. – С. – Петербург: Типография II-го отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1873. – С. 806; Сборник статистических сведений Министерства Юстиции. Выпуск 1. Сведения о личном составе и деятельности судебных установлений Европейской России за 1884 и 1885 гг. – С. – Петербург: Типография Правительствующего Сената, 1887. – С.6; Выпуск 6. Сведения за 1890 г. – С. – Петербург, 1891. – С. 8, 9; Выпуск 11. Сведения за 1895 г. – С. – Петербург, 1896. – С. 8, 9; Выпуск 16 ч. 1. Сведения за 1900 г. – С. – Петербург, 1901. – С.10, 11; Выпуск 21 ч. 1. Сведения за 1905 г. – С. – Петербург, 1907. – С. 10, 11; Выпуск 26. Сведения за 1910 г. – С. – Петербург, 1912 – С. 12, 13; Выпуск 30. Сведения за 1914 г. – С. – Петербург, 1916. – С. 12, 13.

личностные качества, сопряженные с многогранностью их деятельности – профессиональной, благотворительской и культурно-просветительской.

Результаты. Проведенный анализ особенностей организации и деятельности правоохранительных органов в лице службы судебных приставов пореформенной России второй половины XIX – начала XX столетий позволил нам констатировать присущий им общероссийский характер их функционирования на территории Северного Кавказа.

Вместе с тем, для административно-территориальных образований указанного региона были свойственны свои специфические черты, объясняющиеся недавним завершением Кавказской войны и реорганизацией исполнительной власти на местах – переходом от военно-народного управления к власти в лице начальников областей – наказных атаманов Терского и Кубанского казачьих войск, а также ставропольских губернаторов. Эти преобразования позволили осуществить судебную реформу на территории Северного Кавказа. Именно осуществление судебной реформы 1864 г. привело к появлению института судебных приставов в составе Ставропольского, Екатеринодарского и Владикавказ-

ского окружных судов, и, в свою очередь, при мировой юстиции (до упразднения мировых судов в конце 80-х гг. XIX в.).

Статистические сведения о составе службы судебных приставов Северного Кавказа в сравнении с миграционными процессами в регионе свидетельствуют о прямой взаимосвязи этих процессов. Действительно, активная переселенческая политика – особенно в Кубанскую область и Ставропольскую губернию – способствовали увеличению числа сотрудников – судебных приставов.

Несмотря на трудности в своей работе, далеко не всегда достаточный для конкретных исторических периодов личный состав и материальное обеспечение, представители института судебных приставов выполняли свой служебный долг, возвращая в государственную казну и гражданам вынесенные по приговорам суда весомые суммы средств. Немалую роль в этом сыграло эффективное взаимодействие службы судебных приставов с другими правоохранительными органами. И именно этот их функционал играл основополагающую социальную функцию в государстве, стоя на страже законности, правопорядка и, что самое главное, неотвратимости наказания и исполнения судебных решений в пользу потерпевшей стороны.

Литература

- 150 лет судебной системе Ставропольского края / Смирнов Д. А., Зозуля И. В., Гондаренко А. С., Нутрихин Р. В., Терещенко Е. А., Жуков А. П., Трофимов М. С.; под общ. ред. Кузина Е. Б. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. 312 с.
- Бабаян Л. А. Лорис-Меликов. Герой Кавказа – «бархатный диктатор» России. Ереван: Ван Арьян, 2004. 71 с.
- Быч П. Л. По поводу 25-летия введения судебных уставов Александра II в Кубанской области // Кубанские областные ведомости. 1895. № 106.
- Веритовский П. С. Итоги деятельности судебных приставов по округу Московской судебной палаты // Юридический вестник: Август. Издание Московского Юридического Общества. Кн. 5. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К, 1871. С. 21–32.
- Виленский Б. В. Дворянско-буржуазная историография судебной реформы // Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1969. С. 208.
- Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1969. С. 353–354.
- Воеводина Т. Г. Прокурорский надзор за соблюдением законов судебными приставами-исполнителями при исполнении судебных постановлений по гражданским делам: Учебное пособие. СПб.: изд-во СПбЮИ, 2004. 64 с.
- Гондаренко А. С. Судебная система в России: сравнительное исследование развития на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков (на примере Кубани и Ставрополя): монография / А. С. Гондаренко, И. В. Зозуля. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. 315 с.
- Далгат Б. К. О горском словесном суде // Утро гор. Общ.-полит.-эконом. и лит. альманах, посвященный жизни горцев Кавказа. № 1. Баку: б.м., 1910. С. 31–35.
- Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. 442 с.
- Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры. 1906 – 1917. М.: РОСПЭН, 1996. 432 с.
- Зозуля И. В. Место судебных приставов в системе судостроительства и судопроизводства Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 4. С. 39–45.
- Мальцев В. Н. Влияние Кавказской войны на административно-судебные реформы на Северном Кавказе второй половины XIX в. // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. Краснодар: б.м., 1995. 272 с.
- О принятии судебными установлениями Екатеринодарского и Владикавказского судебных округов к руководству узаконений о вознаграждениях Присяжных Поверенных, Судебных Приставов и других лиц: Циркуляр Его Императорского Высочества Наместника Кавказского от 23 декабря 1870 г. // ПСЗ РИ. Собр. второе. Отд. II. 1870. Т. XLV. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1874. № 49058.
- Памятная книжка Кубанской области на 1874 год. – Екатеринодар: Тип. Кубанского областного правления, 1873. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1618011/ (дата обращения 11.06.2024)
- Прозрителев Г. К. К 50-ти летию Ставропольского окружного суда. 17 апреля 1868 года – 17 апреля 1918 года. Ставрополь: Типография Губернского правления, 1918. 303 с.
- Судебные уставы 20 ноября 1864 года. СПб.: в типографии 2 отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. Ч. 1. URL: <https://www.prlib.ru/item/372590> (дата обращения 11.06.2024).
- Учреждение судебных установлений. Издание неофициальное. Сост. Шрейберн. СПб.: Сенатская типография, 1910. 755 с.
- Шевченко С. В. Ставропольский окружной суд в системе судебной власти Российской империи. Дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь: СКСИ, 2010. 187 с.

References

- 150 years of the judicial system of the Stavropol Krai. Smirnov DA, Zozulya IV, Gondarenko AS, Nutrikhin RV, Tereshchenko EA, Zhukov AP, Trofimov MS; under the general editorship of Kuzin EB. Stavropol: Publishing house of NCFU; 2018. 312 p. (in Russ.).
- Babayan LA. Loris-Melikov. The hero of the Caucasus is the "velvet dictator" of Russia. Yerevan: Van Aryan; 2004. 71 p. (in Russ.).
- Bych PL. On the occasion of the 25th anniversary of the introduction of judicial statutes of Alexander II in the Kuban region. *Kubanskiye oblastnyye vedomosti*. 1895;(106). (in Russ.).
- Veritovsky PS. The results of the activities of bailiffs in the district of the Moscow Judicial Chamber. PS Veritovsky in *Legal Bulletin: August*. The publication of the Moscow Law Society. Book 5. Moscow: Tip. A.I. Mamontov and K; 1871. P. 21-32. (in Russ.).

5. Vilensky BV. Noble-bourgeois historiography of judicial reform in Vilensky BV. Judicial reform and counter-reform in Russia. Saratov: Privolzhsky Publishing House; 1969. P. 208. (In Russ.).
6. Vilensky BV. Judicial reform and counter-reform in Russia. Saratov: Privolzhsky publishing House; 1969. p. 353-354. (In Russ.).
7. Vojvodina TG. Prosecutorial supervision of compliance with the laws by bailiffs in the execution of court decisions in civil cases: A textbook. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg Law Institute; 2004. 64 p. (In Russ.).
8. Gondarenko AS. The judicial system in Russia: comparative study of development at the turn of the XIX-XX and XX-XXI centuries (on the example of Kuban and Stavropol): monograph. AS Gondarenko, IV Zozulya. Stavropol: Publishing House of the SSU; 2002. 315 p. (In Russ.).
9. Dalgat BK. About the gorsky verbal court. *Utro gor: obshchestvenno-politicheskii, ekonomicheskii i literaturnyi al'manakh, posvyashchennyi zhizni gortsev Kavkaza*. Baku. 1910;(1):31-35. (In Russ.).
10. Zaiionchkovsky PA. Russian autocracy at the end of the XIX century (Political reaction of the 80s - early 90s). Moscow: Mysl; 1970. 442 p. (In Russ.).
11. Zvyagintsev AG, OrlovYuG. In the era of upheavals and reforms. Russian prosecutors. 1906-1917. Moscow: ROСПEN; 1996. 432 p. (In Russ.).
12. Zozulya IV. The place of bailiffs in the system of judicial system and judicial proceedings of the Russian Empire at the turn of the XIX-XX centuries. *Nauchnyye problemy gumanitarnykh issledovaniy*. 2009;4:39-45. (In Russ.).
13. Maltsev VN. The influence of the Caucasian war on administrative and judicial reforms in the North Caucasus in the second half of the XIX century. in *Caucasian war: lessons of history and modernity. Materials of the scientific conference*. Krasnodar; 1995. 272 p. (In Russ.).
14. On the adoption by the judicial institutions of the Yekaterinodar and Vladikavkaz judicial districts to the leadership of the laws on the remuneration of Sworn Attorneys, Bailiffs and other persons: Circular of His Imperial Highness the Governor of the Caucasus dated December 23, 1870/ PSZ RI. The second collection. Ed.II. 1870. Vol. XLV. St. Petersburg: Type. 2nd Section of the Own. His Imperial Majesty's Chancellery; 1874. No49058. (In Russ.).
15. Commemorative book of the Kuban region for 1874. Yekaterinodar: Type. Kuban regional Government; 1873. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1618011 (accessed: 11.06.2024). (In Russ.).
16. Prozritelev GK. To the 50th anniversary of the Stavropol District Court. April 17, 1868 - April 17, 1918. Stavropol: Printing House of the Provincial Government; 1918. 303 p. (In Russ.).
17. Judicial statutes on November 20, 1864. St. Petersburg: in the printing house of 2 branches of Its Own E.I.V.Chancellery; 1867. Part 1. URL: <https://www.priib.ru/item/372590> (accessed: 11.06.2024). (In Russ.).
18. Establishment of judicial institutions. The publication is unofficial. Comp. Schreiber N. St. Petersburg: Senate Printing House; 1910. 755 p. (In Russ.).
19. Shevchenko SV. Stavropol District Court in the judicial system of the Russian Empire. Dissertation for the degree of Candidate of Law sciences. Stavropol: SKSI; 2010. 187 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 314.02

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.5>

ГРЕЧЕСКОЕ МЕНЬШИНСТВО (ГРЕКИ) В ПЕРЕПИСЯХ НАСЕЛЕНИЯ ТУРЦИИ В 1927 И 1935 ГГ.

Кирилл Сергеевич Борисенко

Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Б. Садовая, Ростов-на-Дону, 344006, Российская Федерация)

Младший научный сотрудник

Южно-Российский государственный политехнический университет им. М. А. Платова (д. 132, ул. Просвещения, Новочеркасск, 346428, Российская Федерация)

Аспирант

kirborisenko@sfedu.ru; <https://orcid.org/0009-0005-0946-210X>

Аннотация. Введение. В статье рассматривается сокращение численности греческого этнического меньшинства в Османской империи и на территории современной Турции в начале XX века, которое отражено в материалах переписей. Несмотря на то, что республиканская Турция признаёт проживающие на её территории «немусульманские меньшинства», её официальные документы не позволяют говорить о национальности граждан, однако переписи населения 1927 и 1935 гг. позволяют по косвенным индикаторам оценить изменение числа греков в стране в ранний период её существования. **Материалы и методы.** Исследование проведено на базе анализа российских, турецких и английских источников разного формата, посвящённых как отношению Турции к этническим меньшинствам, проживающим на её территории в целом, так и к грекам в частности. В первую очередь следует выделить законодательные акты Турецкой Республики, а именно её Конституции разных годов издания. Кроме того, важнейшим источником данного исследования являются переписи Турецкой Республики 1927 и 1935 годов, позволяющие оценить численность греческого населения страны в её провинциях, а также выявить отношение властей к собственному населению, обращая внимание на методику их проведения и несостыковки. Посредством использования статистического анализа в качестве метода исследования удаётся выявить закономерности между результатами переписей Турецкой Республики 1927 и 1935 гг. **Анализ.** Данные переписей населения Османской империи и первых двух переписей республиканской Турции показывают серьёзное изменение числа проживающих в Малой Азии греков, составляющее более 1,5 млн человек. Политика Анкары, направленная на непризнание этнических меньшинств, которая прослеживается во многих официальных документах республики, распространяется и на первые переписи населения 1927 и 1935 гг., в которых не фиксируется национальность опрошенных. Однако благодаря данным переписей из разделов, посвящённых родному языку и религии, можно отследить динами-

ку проживающих в Турции греков. Кроме того, исследование охватывает подробное изучение данных по вышеназванным метрикам в 13 провинциях государства, при сопоставлении которых были обнаружены неточности и во многом отсутствие чёткой корреляции, которые могут указывать на фальсификацию данных, с целью обозначить как можно большее число жителей Турции в качестве турок. **Результаты.** Несмотря на политику непризнания республиканской Турцией проживающих на её территории этнических меньшинств в официальных документах, переписи 1927 и 1935 гг. позволяют оценить совокупное число этнических греков в соответствии с двумя индикаторами этничности – родным языком и религией. Однако в 13 провинциях Турции, которые охватывает наше исследование, существуют разночтения между числом православных и грекоговорящих, которые, по нашему мнению, могли быть обусловлены фальсификацией данных на местах региональными чиновниками, неточностями при обработке данных представителями центральной власти страны, а также самоидентификацией населения.

Ключевые слова: этническое меньшинство, этничность, национальные меньшинства, немусульманское меньшинство, переписи населения, переписи населения в Турецкой Республике, греческое меньшинство в Турции, грекоговорящие в Турции

Для цитирования: Борисенко К. С. Греческое меньшинство (греки) в переписях населения Турции 1927 и 1935 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 42–51. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.5>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: исследование выполнено в рамках «Программы стратегического академического лидерства ЮФУ «Приоритет 2030»».

Статья поступила в редакцию: 25.11.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.02.2025.

Статья принята к публикации: 25.03.2025.

Research article

THE GREEK MINORITY (GREEKS) IN THE TURKISH POPULATION CENSUSES OF 1927 AND 1935

Kirill S. Borisenko

Southern Federal University (105/42, B. Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation)

Junior research assistant

M. A. Platov South Russian State Polytechnic University (132, Prosveshcheniya St., Novocherkassk, 346428, Russian Federation)

Postgraduate student

kirborisenko@sfedu.ru; <https://orcid.org/0009-0005-0946-210X>

Abstract. Introduction. The article examines the decline in the number of the Greek ethnic minority in the Ottoman Empire and in the territory of modern Türkiye at the beginning of the 20th century, which is reflected in the census materials. Even though republican Türkiye recognizes “non-Muslim minorities” living on

its territory, its official documents do not allow us to talk about the nationality of citizens, however, the population censuses of 1927 and 1935 allow us to estimate the change in the number of Greeks in the country in the early period of its existence using indirect indicators. **Materials and Methods.** The study was conducted

© Борисенко К. С., 2025

to base on an analysis of Russian, Turkish and English sources of various formats devoted both to the attitude of Turkiye towards ethnic minorities living on its territory in general and to the Greeks in particular. First, it is necessary to highlight the legislative acts of the Republic of Turkiye, namely its Constitutions of different years of publication. In addition, the most important source of this study is the censuses of the Turkish Republic of 1927 and 1935, which allow us to estimate the number of the Greek population of the country in its provinces, as well as to identify the attitude of the authorities to their own population, paying attention to the methodology of their conduct and inconsistencies. By using statistical analysis as a research method, it is possible to identify patterns between the results of the censuses of the Republic of Turkiye in 1927 and 1935. **Analysis.** The data from the population censuses of the Ottoman Empire and the first two censuses of republican Turkiye show a serious change in the number of Greeks living in Asia Minor, amounting to more than 1.5 million people. The policy of Ankara in terms of non-recognition of ethnic minorities, which can be traced in many official documents of the republic, extends to the first population census of 1927 and 1935, in which the nationality of the respondents is not recorded. However, thanks to census data from sections devoted to the native language and religion, it is possible to track the dynamics of Greeks living in Turkiye. In addition, the study covers a detailed study of data on the above-mentioned metrics in 13 provinces of the state, when comparing which inaccuracies and, in many ways, the lack of a clear correlation was found, which may indicate data falsification, to designate as many Turkish residents as possible

Введение. Политика современной Турецкой Республики в отношении меньшинств, проживающих на её территории, с начала XX века по большей части являлась ассимиляционной, несмотря на гарантии защиты их прав, закреплённые в Лозаннском мирном договоре. Однако несмотря на заверения в защите, они касались только категории «немусульманских граждан», что не позволяет говорить об этническом характере меньшинств, особенно в условиях построения единого турецкого государства, в рамках законодательства которого все граждане республики юридическим являются турками (этот сюжет мы подробно рассмотрим далее). Исключением здесь не являются и греки, которые длительное время населяли как Османскую империю, так и оставались на территории кемалистской Турции. Изменение числа греческого населения в регионе, а также причины этого процесса и отношение власти к меньшинствам наилучшим образом могли бы отразить переписи Турецкой Республики, первые из которых проводились в 1927 и 1935 году. В российском научном дискурсе отношение центральной власти Турции к этническим меньшинствам в материалах переписей не рассматривалось, что актуализирует данное исследование.

Материалы и методы. Данная работа была проведена на основе отечественных и зарубежных источников, среди которых законодательные акты Турецкой Республики на английском и турецком языках, статьи по теме исследования, опубликованные в СМИ и научных журналах. Отдельно следует отметить работы К.Х. Карпата по материалам переписей Османской империи и Дж. С. Шоу, исследовавшего положение меньшинств Порты. Кроме того, особого внимания заслуживают труды Фуата Дюндара, посвящённые оценке численности меньшинств в республиканской Турции.

Важнейшей эмпирической базой исследования выступают переписи Турецкой Республики 1927 и 1935 гг. Основываясь на их данных, мы отследим, как менялась численность греческого населения молодой республики за эти 8 лет на основании двух косвенных индикаторов этничности:

as Turks. **Results.** Despite the policy of non-recognition by Republican Turkiye of ethnic minorities living on its territory in official documents, the censuses of 1927 and 1935. They allow us to estimate the total number of ethnic Greeks in accordance with two indicators of ethnicity – native language and religion. However, in the 13 provinces of Turkiye that our study covers, there are discrepancies between the number of Orthodox and Greek speakers, which, in our opinion, could be due to falsification of local data by regional officials, inaccuracies in data processing by representatives of the central government of the country, as well as self-identification of the population.

Keywords: ethnic minority, ethnicity, national minorities, non-Muslim minority, population censuses, population censuses in the Republic of Turkiye, Greek minority in Turkiye, Greek speakers in Turkiye

For citation: Borisenko KS. The Greek minority (Greeks) in the Turkish population censuses of 1927 and 1935. *Humanities and law research.* 2025;12(1):42-51. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.5>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

Acknowledgements: the research was carried out within the framework of the Strategic Academic Leadership Program of the Southern Federal University "Priority 2030".

The article was submitted: 25.11.2024.

The article was approved after reviewing: 18.02.2025.

The article was accepted for publication: 25.03.2025.

1) родного языка;

2) религии.

В рамках данной работы было принято решение сопоставить численность населения Турции в соответствии с этими двумя метриками для выявления примерного количества греков, проживавших на территории республики с 1927 года по 1935 год. Для этого необходимо сравнить число жителей, выбравших греческий язык в качестве родного с количеством православных жителей Турции, учитывая все православные народы страны. В связи с этим следует рассмотреть отметивших в качестве такового в переписи 1927 года греческий и болгарский, а в переписи 1935 г. – греческий, болгарский, румынский и сербский как языки православных балканских народов, а также русский и грузинский как языки православных народов для более точного сопоставления их численности. Несмотря на то, что среди боснийцев и албанцев есть некоторая доля прихожан православных церквей, данные переписей по ним в работе учитываться не будут.

В рамках работы было выбрано 12 наиболее крупных турецких илов, расположенных в разных географических регионах страны: Мраморноморский (Бурса, Стамбул), Центральная Анатолия (Анкара, Конья), Черноморский регион (Самсун, Трабзон), Восточная Анатолия (Эрзурум, Ван), Эгейский регион (Измир), Средиземноморский регион (Анталья), Юго-Восточная Анатолия (Газиантеп, Шанлыурфа). Кроме того, правильным будет выделить провинцию Чанаккале, которая находится в непосредственной близости к Греции и была населена значительным количеством греков ещё в Османской империи. Выбор этой провинции в данной работе также обусловлен запретом на обмен греческого населения островов Имброс (Гёкчеада) и Тенедос (Бозджаада), относящихся к илу Чанаккале, в соответствии с оговоркой об обмене к Лозаннскому мирному договору [10]. Также стоит отметить, что провинции Самсун и Трабзон, а также Измир, Чанаккале, Стамбул были выделены по причине проживания здесь понтийских и эллинских греков соответственно.

Анализ. Греки выделялись в отдельную группу в переписях Османской империи наравне с мусульманами, армянами, болгарами и др. в силу их принадлежности к одному из миллетов, а их численность с 1897–1907-е гг. поступательно возрастала [7, с. 122; 162; 170.]. Так, если в 1897 г. она могла составлять 2569794 чел. [7, с. 160], то по состоянию на 1906/1907 гг. количество жителей увеличилось до 2823063 чел. [7, с. 168 – 169] (по другим данным – до 2833370 чел. [9, с. 241]). Однако затем целый ряд событий, произошедших в Османской империи в начале XX в., в том числе значительно сокративших ее европейскую территорию войны, повлекли за собой уменьшение и численности греческого населения, к 1914 г. упавшего до 1729738 [7, с. 188 – 189] или 1792206 человек [9, с. 241].

С началом Первой мировой войны и вплоть до подписания Лозаннского мирного договора греки Османской империи, а позже и Турции (в том числе понтийские) прошли через целый ряд печальных эпизодов, которые существенным образом повлияли на сокращение их числа в Малой Азии. Официальные лица в Турции утверждают, что причинами этому могли послужить события, связанные с Первой мировой войной, а также войной за независимость Турции [5, с. 41–45], ответственность за определённые эпизоды которой, по их мнению, также несёт Греция [2]. В греческой историографии принято говорить о «Малоазийской катастрофе» [6, с. 166], а на уровне Парламента Греческой Республики речь идёт о признании этих событий геноцидом греков Малой Азии [11] и Причерноморья [3].

Завершающим эпизодом «Малоазийской катастрофы», значительно сократившим численность греческого населения в Турции, является обмен греческим и турецким населением в соответствии с Лозаннским мирным договором. По некоторым оценкам, основанным на переписи населения Греции 1928 г., Греция приняла 1221489 православных греков-беженцев из Турции [4, с. 189–190]. По другим интерпретациям её результатов, документ фиксирует не только беженцев из Турецкой Республики, но и более ранних переселенцев из Османской империи, покинувших свои дома с 1914 года, что не позволяет говорить о полной достоверности источника, однако с его помощью можно отследить региональную специфику: 38458 чел. прибыли из Стамбула, 182169 чел. из Восточного Причерноморья, 256635 чел. из Восточной Фракии и 626954 чел. из Анатолии [1, с. 163], что по итогу составляет 1104216 чел. В любом случае, как мы видим, в 1910–1920-е гг. с территории современной Турецкой Республики в Грецию было вынуждено переселиться более миллиона человек. Подобный результат мог играть на руку Анкаре, заинтересованной в строительстве нового национального государства с преобладающим титульным населением, опирающегося на идеологию кемализма.

Меньшинства Турецкой Республики в переписях населения 1927 и 1935 гг.

Первая Всеобщая перепись населения Турции (тур. «Umumi Nüfus Tahriiri»), проведённая 28 октября 1927 года, не содержит в себе прямой информации о национальности, как и все последующие переписи населения республики. Несмотря на это, документ включает разделы, которые косвенным образом могут помочь определить этнический состав населения той или иной провинции: разделы о родном языке и религии. Эту же информацию даёт перепись 1935 года.

Так, Всеобщая перепись населения Турецкой Республики 1927 года содержит в себе раздел «Распределение населения по владению родным языком», в котором можно увидеть не только граждан, считающих своим родным языком турецкий (тур. «Türkçe»), но и тех, кто указал в качестве таковых армянский (тур. «Ermenice»), идиш (тур. «Yahudice»), греческий (тур. «Rumca»), арабский (тур. «Arapça»), фарси (тур. «Acemce»), черкесский (тур. «Çerkesçe»), курдский (тур. «Kürtçe»), татарский (тур. «Tatarca»), албанский (тур. «Arnavutça») и болгарский (тур. «Bulgarca») [13, с. 62]. Кроме того, в документе представлены иностранцы, как правило европейцы, говорящие на французском (тур. «Fransızca»), итальянском (тур. «İtalyanca») и английском (тур. «İngilizce») [13, с. 62].

Далее уместно сказать несколько слов о том, как позиционировалась религия в дискурсе Турции 1920 – 1930-х гг. Первая Конституция Турецкой Республики (1921 г.) не устанавливала официальную религию, однако в 1923 году была принята поправка к основному закону Турции, в соответствии с которой религией государства провозглашался ислам [15]. В Конституции 1924 года данная норма была сохранена в статье 2: «Религия Турецкой Республики – ислам; официальный язык – турецкий» [4, с. 89]. В то же время, как мы помним, согласно статье 88 данного документа декларировалось, что «турками» являются «все граждане Турецкой Республики, без различия расы или религии или ссылки на них». Таким образом, изначально Анкара провозгласила ислам государственной религией, но отнесла к турецкой политической нации всех граждан Турецкой Республики, независимо от вероисповедания.

Подобный дискурс был актуален и на момент первой переписи Турецкой Республики 1927 года, которая фиксировала не только последователей ислама, но и приверженцев католичества (тур. «Katolik»), протестантизма (тур. «Protistan»), православия (тур. «Ortodoks»), прихожан Армянской апостольской церкви (тур. «Ermeni»), сторонников иудаизма (тур. «Musevi»), других религиозных учений (тур. «Sair dinler»), неверующих или не отметивших свою религиозную принадлежность (тур. «Dinsiz veya dini meçhul») [13, с. 30]. Еще одна отдельная графа предназначалась для обозначения христиан (тур. «Hiristiyan») [13, с. 30], причем в ней не суммировались значения столбцов по уже приведённым конфессиям, т. е. она могла предназначаться для прочих христиан (например, прихожан Ассирийской церкви Востока, община которой проживает на территории современной Турции на протяжении нескольких тысячелетий).

При сопоставлении данных из разделов Всеобщей переписи населения Турции 1927 года, посвящённых «родному языку» и «религии», можно увидеть, что она фиксирует лишь две языковые общности, которые можно соотносить с православием: первую из них составляют лица, считавшие греческий язык родным, вторую – лица, считавшие родным болгарский, что говорит о том, что в документе не учитываются другие православные народы, исторически проживающие на территории Малой Азии (сербы, румыны, македонцы и др.). Таким образом, в рамках данной переписи респонденту не только нельзя было прямо заявить о своей национальности, но и его возможности в выборе родного языка были крайне ограничены. Так, все православные с Балкан могли либо признать родным языком турецкий, либо отнести себя к одной из двух больших языковых общностей,

греческой или болгарской (возможно, к последней де-факто относили всех, говорящих на славянских языках, но практики переписи требуют отдельного изучения).

Именно раздел о «родном языке» в переписи населения Турции 1935 года был существенно усовершенствован. Например, появляются такие языки, использующиеся в качестве родных среди балканских народов, как боснийский (тур. «Boşnakça»), хорватский (тур. «Hrvatça»), помакский (тур. «Pomakça»), румынский (тур. «Rumence»), сербский (тур. «Sırpça»), албанский (тур. «Arnavutça») [14, с. 60]. Кроме того, расширено число языков, характерных для жителей Западной, Восточной и Северной Европы, обозначаемых в Турции в качестве «иностранцев», среди которых говорящие на немецком (тур. «Almanca»), фламандском (тур. «Flamanca»), испанском (тур. «İspanyolca»), шведском (тур. «İsveççe»), итальянском (тур. «İtalyanca»), польском (тур. «Lehçe»), венгерском (тур. «Macarca»), русском (тур. «Rusça»), чехословацком (тур. «Çekoslovakça»). Важным является и тот факт, что были, наконец, учтены языки других этнических меньшинств Турции, такие как коптский (тур. «Kıptice»), абазинский (тур. «Abazaca»), грузинский (тур. «Gürcüce»), лазский (тур. «Lâzca») [14, с. 60]. После переписи 1935 года Анкара стала проводить подобные мероприятия на регулярной основе, каждые 5 лет.

В промежутке между переписями, поправкой к Конституции Турецкой Республики 1924 года, принятой в 1928 году к статье 2, упоминание об исламе как рели-

гии Турции было отменено [16]. Однако структура сведений о религии населения в рамках переписи населения Турции 1935 года осталась той же, что и в рамках переписи населения 1927 г.

Таким образом, хотя первые переписи населения Турецкой Республики напрямую не фиксировали национальные меньшинства, они совершенно четко устанавливали такие религиозные и языковые группы. Об этом же пишет и Фуат Дюндар, исследователь меньшинств в Турции на основе переписей населения. При этом он делает важное замечание о том, что согласно инструкции, направленной переписчикам, под «родным языком» (тур. «Ana lisan») должен был фиксироваться так называемый «разговорный язык» (тур. «Konuşulan dil»), то есть тот, при помощи которого взрослые повседневно общаются со своими детьми в семье [12, с. 68]. Кроме того, он приводит мнение одного из сотрудников Главного управления статистики Турции (тур. «Türkiye İstatistik Kurumu» - «TÜİK»), участвовавшего в проведении первой переписи, который считал, что сведения о родном языке могли указать на национальность человека, его расовую или этническую принадлежность [12, с. 67]. Сам Дюндар также полагает, что родной язык является единственным признаком, который мог бы помочь в изучении этнического состава Турции [12, с. 66].

Сравнение данных переписей населения Турции 1927 г. и 1935 г.

Перепись 1927 года

Таблица 1 / Table 1

Население 13 провинций Турции в соответствии с индикаторами «религия» и «родной язык» по состоянию на 1927 год [13, с. XLVIII – LXXIV] /

The population of 13 provinces of Türkiye according to the indicators "religion" and "mother tongue" as of 1927 [13, с. XLVIII - LXXIV]

НАИМЕНОВАНИЕ ПРОВИНЦИИ	ИНДИКАТОРЫ В ПЕРЕПИСИ			
	РОДНОЙ ЯЗЫК			РЕЛИГИЯ
	ГРЕЧЕСКИЙ	БОЛГАРСКИЙ	ГРЕЧЕСКИЙ И БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫКИ	ПРАВОСЛАВИЕ
СТАМБУЛ	91902	4985	96887	100214
ЧАНАККАЛЕ	7938	299	8237	4469
АНКАРА	179	654	833	561
ИЗМИР	7531	1368	8899	591
БУРСА	1445	1261	2706	40
КОНЬЯ	23	35	58	93
АНТАЛЯ	1324	3	1327	0
ШАНЛЫУРФА (УРФА)	0	0	0	4
ГАЗИАНТЕП	36	0	36	1
САМСУН	27	64	91	109
ТРАБЗОН	64	0	64	77
ВАН	0	0	0	0
ЭРЗУРУМ	6	1	7	10
ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ	119822	20554	140376	109905

Перепись Турции 1927 года фиксирует 119822 грекоговорящего гражданина, 20554 болгароговорящего, а также 109905 православных. При сложении двух

первых показателей их сумма составит 140376 чел., что превышает число православных на 30471 чел. Таким образом, как минимум часть болгаро- и грекогово-

рских жителей республики было учтено в качестве мусульман в материалах этого документа. Следовательно, некоторые граждане Турецкой Республики греческого происхождения на 1927 г. еще сохраняли свой язык, но приняли ислам – и, следовательно, не подлежали переселению в Грецию в соответствии с «Конвенцией об обмене греческим и турецким населением».

Данные, отражённые в таблице 1, позволяют сделать вывод, что наибольшее количество жителей Турции (которых насчитывалось больше 1000 в провинции), выбравших в качестве родного языка греческий, проживали по состоянию на 1927 год, как правило, в субъектах страны, находящихся у бассейна Мраморного и Эгейского морей. Так, среди них стоит выделить Стамбул, Чанаккале, Измир и Бурсу как наиболее близко расположенные провинции к территории Греции и густонаселённые с точки зрения проживающих здесь представителей предполагаемых этнических меньшинств, что обуславливает такую статистику.

Наиболее понятная ситуация была в провинции Ван, где, судя по данным переписи, не проживали ни православные, ни греки, ни болгары. В иле Самсун тоже всё достаточно прозрачно: сумма жителей, считающих родным греческий и болгарский языки, насчитывает 91 человек, а выбравших православие – 109 чел., составляя приблизительно равное количество; Конья – 58 и 93 соответственно; Шанлыуфра (Урфа) – 0 и 4; Эрзурум – 7 и 10; Трабзон – 64 и 77. Чуть больше отличий в провинции Газиантеп, где владеющих греческим языком насчитывается 36, а православных – 1, т. е. религиозная идентичность греками тут была утрачена, а языковая – сохранена. В Анкаре, судя по переписи, проживала лишь малая часть православных и лиц, считающих греческий и болгарский язык родными: православных насчитывалось 561 человек, греко- и болгароязычных – 833.

При анализе переписи и сопоставлении значений по индикаторам больше всего вопросов возникает по данным в провинциях Чанаккале, Измир, Бурса и Анталья. Так, к примеру, в Анталии проживало всего 12 православных, зато 1324 чел., считающих родным языком греческий и 3 – болгарский, что в целом достаточно странно. Однако при сравнении количества проживающих здесь мусульман, которое составляет 204272 чел. и опрошенных, указавших в столбце «родной язык» турецкий, арабский, персидский, черкесский, курдский, татарский и албанский, т. е. языков, большинство говорящих на которых исторически были мусульманами, то в сумме мы сможем получить 202953 чел. [13, с. XLVIII–LXXIV]. Разница между этими величинами, составляющая 1319, почти точно совпадает с числом не православных греко- и болгароязычных граждан. На основании этого можно сделать вывод, что, скорее всего, переписчики отнесли почти всех этих жителей к мусульманам либо по своей воле, либо по воле самих опрошенных.

Аналогичная ситуация наблюдается и в провинции Бурса. Разберем ее более подробно. Здесь в качестве православных было записано всего 40 жителей провинции. Однако лиц, указавших своим родным языком греческий и болгарский в сумме насчитывалось 2706 (греческий – 1445, болгарский – 1261). Сравнив численность иностранцев и группу католиков/протестантов, можно увидеть, что в их случае такой разницы не наблюдалось (78 против 101) [13, с. L; LXIV]. Аналогичным образом было сопоставимо число армяноязычных (2) и число последователей Армянской Апостольской

церкви (3); число говоривших на идише (1718) и исповедовавших иудаизм (1915) [13, с. L; LXIV]. Численность же мусульман в этом регионе составляла 399507 чел., а жителей, считающих своим родным языком турецкий, арабский, персидский, черкесский, курдский, татарский, албанский насчитывалось 388547 чел. [13, с. L; LXIV], что было на 10960 меньше, чем в группе мусульман. Однако в Бурсе, как можно увидеть в переписи, большое число лиц указано в столбце «Другие и неизвестные языки», 8544 чел. [13, с. LXIV], которые, по всей видимости, были записаны как мусульмане (оставшиеся столбцы «Другая религия» и «Нерелигиозный или неизвестная религия» в сумме дают данные о 7 чел. [13, с. L]. Учитывая это, остаётся неясным язык 2416 мусульман, что примерно соотносится с числом неправославных болгаро- и грекоязычных, коих можно выделить 2666 чел.

В провинции Чанаккале было учтено 8237 болгаро- и грекоязычных, однако православных почти вдвое меньше, 4469 человек. При этом, в отличие от Анталы и Бурсы, неправославных греко- и болгароязычных не удастся найти среди мусульман, поскольку перепись зафиксировала таковых в провинции 172150 чел. [13, с. LI], а суммирование численности лиц, указавших родным «Арабский», «Персидский», «Черкесский», «Курдский», «Татарский», «Албанский» языки (далее – «языки традиционно мусульманских народов») даст 171058 человек [13, с. LXV]. Так как число армян и евреев тоже коррелируется с количеством прихожан Армянской Апостольской церкви и иудеями соответственно, то следует обратиться к информации из других граф. И мы видим, что в данной провинции достаточно велико число католиков – 3011, однако совсем немного иностранцев, всего 95 человек [13, с. LI]. Из этого следует, что в провинции Чанаккале значительная часть греко- и болгароязычных была учтена в качестве прихожан католической церкви.

Измир, так же, как и предыдущие 3 ила, не даёт коррелирующих между собой данных по религии и родному языку для возможных этнических греков и болгар. Греко- и болгароязычное население в сумме насчитывает 8899 человек, однако православное население региона составляет всего 591 человек, что оставляет вопросы по поводу оставшихся 8308 чел. Снова обратим внимание на иностранцев и католиков/протестантов, насчитывающих 3479 человек и 5196 человек / 495 человек соответственно (последних в сумме 5691 чел.) [13, с. LIV; LXVIII]. Следовательно, 2212 человек, не являющихся иностранцами, были записаны католиками или протестантами. Кроме того, при сопоставлении общей численности мусульман региона (501379 человек) и жителей, говоривших на языках традиционно мусульманских народов («Турецкий», «Арабский», «Албанский», «Татарский», «Черкесский», «Курдский», «Персидский» – 492552 человек) [13, с. LIV; LXVIII], видна разница в 8827 человек преобладания мусульман. Часть этой разницы составляли люди, отмеченные в графе «Другие и неизвестные языки» (4249 человек) (в соответствующих графах «Другие религии» и «Нерелигиозный или неизвестная религия» было указано всего 55 человек) [13, с. LIV; LXVIII]. Как и при рассмотрении цифр в предыдущих регионах, численность говорящих на идише и армянском сопоставима с числом иудеев и прихожан Армянской Апостольской церкви [13, с. LIV; LXVIII]. Таким образом, преобладание числа мусульман над числом носителей традиционно связанных с исламом языков можно объяснить только тем, что к мусульманам была отнесена часть местных греко- и болгароязычных.

Отдельно стоит выделить провинцию Стамбул. Как следует из текста статьи выше, православные граждане Турции, проживающие в префектуре города Константинополь, не участвовали в греко-турецком обмене населением (однако, основываясь на данных греческой переписи 1928 года, наблюдалось значительное число беженцев и из данного ила) [1, с. 163], что в том числе могло повлиять на сокращение численности как конкретно этого конфессионального меньшинства, так и других. Кроме того, Константинополь являлся столицей Османской империи, а в кемалистской Турции провинция Стамбул имела статус наиболее густонаселённой, насчитывающей по состоянию на 1927 год 794,444 тыс. чел. [13, с. LXVIII], что также стоит учитывать при сопоставлении данных. В Стамбуле количество православных, в отличие от Чанаккале, Анталии, Измира и Бурсы больше, чем число греков и болгар, на 3327, что составляет чуть больше 0,4 % от всего населения Стамбула по состоянию на 1927 год. Однако «в православные» могли быть записаны и представители других народов, традиционно не считающихся таковыми, причём как по своей воле, так и из-за ошибки или халатности переписчиков. Кроме этого, стоит учитывать и этноконфессиональное разнообразие некогда столичного региона, где могли проживать греки-католики, греки-мусульмане, не говоря уже о монофизитах среди ассирийцев, коптов и др. Для сравнения, количество мусульман по данным переписи не соотносится с числом говорящих на тех языках, которые мы в данной статье отнесли к языкам традиционно исламских народов (547126 чел. против 587161 чел. соответственно, составляя разницу в целых 40035 чел.) [13, с. LIV; LXVIII]. То же самое можно увидеть и при сравнении иудеев и говорящих на идише (47035 чел. против 39199 чел., с разницей в 7836 чел.) [13, с. LIV; LXVIII], прихожан Армянской Апостольской церкви и армян (53129 чел. и 45255 чел., разница – 7874 чел.), католиков/протестантов и иностранцев (28351 чел. и 12238 чел., разница – 16113 чел.). Необходимо также упомянуть о тех жителях провинции, которые в разделе переписи «Религия» были отнесены к отдельному столбцу «Христиане» (16696 чел.), а также к столбцам «Другие религии» (1229 чел.) и «Нерелигиозный или неизвестная религия» (664 чел.), а в разделе «Родной язык» к категории «Другие и неизвестные языки» (13704 чел.) (разница – 4885 чел.) [13, с. LIV; LXVIII]. Примечательно, что при сравнении данных по каждой отдельной категории населения, в провинции Стамбул число представителей религиозных или конфессиональных групп выше, чем количество языковых, за исключением категории сравнения мусульмане/жители, говорящие на языках традиционно исламских народов (где, как мы видим, число последних гораздо выше). Важно отметить, что при сложении всех учтённых нами выше разниц в пользу религии друг с другом, мы получим число 40035 чел., что соответствует расхождению между числом говорящих на турецком, албанском, арабском, персидском, татарском, курдском, черкесском с одной стороны и количеством мусульман с другой. Одних только турок по языковому признаку насчитывается 574592 чел. [13, с. LXVIII], что однозначно может сказать о том, что среди них есть последователи христианства разных конфессий, иудаизма и других верований. Однако можно также предположить, что это могли бы быть отуреченные греки, болгары, представители других балканских

народов, сохранившие христианскую веру, а также те жители, которые в силу отсутствия их языковой представленности в переписи были записаны в качестве турок по своей воле, причём в силу абсолютно разных причин (в том числе из соображений собственной безопасности) или инициативе переписчиков.

Проанализировав материалы Всеобщей переписи населения Турецкой Республики 1927 года, можно заметить, что 13 обозначенных в исследовании провинций можно разделить на три группы. В большей части из них число православных жителей и греко-/болгароязычных крайне невелико и примерно совпадает. Вторую группу составляют регионы Чанаккале, Измир, Бурса, и Анталия, в каждом из которых число греко- и болгароязычных, учтённых в переписи, переваливает за 1000 человек. Их характеризует общая закономерность: часть греко- и болгароязычного населения заносилось в число мусульман (в 3 илах из 4), иногда католиков/протестантов (в 2 илах из 4). Разумеется, это можно списать на халатность самих чиновников, проводивших процедуру на местах, либо на намеренное занижение и фальсификацию данных. Однако этому есть и другое объяснение. Третью категорию составляет одна провинция – Стамбул, единственная, из которой в соответствии с «Конвенцией об обмене греческим и турецким населением» не депортировались «турецкие граждане греческой православной религии». И только в этой провинции число греко- и болгароязычных жителей более 1000 человек, но одновременно число православных больше, чем число греко- и болгароязычных. Соответственно, результаты переписи косвенно свидетельствуют о том, что в рамках «Конвенции об обмене греческим и турецким населением» в Турецкой Республике действительно более важным оказывался религиозный, а не языковой фактор – и у грекоязычного мусульманина/католика было больше шансов остаться, чем у грекоязычного православного.

Перепись 1935 года

Как было отмечено выше, Перепись Турецкой Республики 1935 года характеризовалась более широкой языковой представленностью. В графе Таблицы 2 данной работы будут учитываться данные о жителях, отметивших в качестве родного не только болгарский язык, но и румынский, сербский, а также русский и грузинский. Кроме того, в она зафиксировала информацию о количестве тех православных по всей стране, которые в качестве родного языка выбрали греческий – 77964 чел., а если исходить из общего числа опрошенных, без учёта религиозного признака – 108725 чел. 30761 чел., использующих греческий язык при общении в семье, распределились следующим образом среди других религий и конфессий: 24262 – мусульмане, 5543 – католики, 171 – протестанты, 173 – христиане (отдельная графа), 133 – «армяне», 31 – григориане, 329 – иудеи, 6 – другой религии, 104 – отнесены в графу «разное», 9 – «неизвестно» [14, с. 133–170; 191–197]. Сам факт наличия сопоставления данных по религиозному и языковому признаку указывает на признание проживания данной этноконфессиональной группы на территории Турции, а также заинтересованности властей в получении более точной оценки информации о своём населении, несмотря на возможные ошибки или занижения, которые могли быть допущены при подсчётах, намеренно или случайно.

Таблица 2 / Table 2

Население 13 провинций Турции в соответствии с индикаторами «религия» и «родной язык» по состоянию на 1935 год [14, с. 133–170; 191–197] /
 The population of 13 provinces of Turkiye according to the indicators "religion" and "mother tongue" as of 1935 [14, с. 133-170; 191-197]

НАИМЕНОВАНИЕ ПРОВИНЦИИ	ИНДИКАТОРЫ ПЕРЕПИСИ			
	РОДНОЙ ЯЗЫК			РЕЛИГИЯ
	ГРЕЧЕСКИЙ	ДРУГИЕ ЯЗЫКИ ПРАВОСЛАВНЫХ НАРОДОВ	ГРЕЧЕСКИЙ И ДРУГИЕ ЯЗЫКИ	ПРАВОСЛАВИЕ
СТАМБУЛ	79920	7810	87730	96046
ЧАНАККАЛЕ	7600	230	7830	7133
АНКАРА	154	290	444	745
ИЗМИР	8424	2872	11296	636
БУРСА	386	7049	7435	52
КОНЬЯ	21	101	122	82
АНТАЛЯ	521	7	528	24
ШАНЛЫУРФА (УРФА)	5	4	9	25
ГАЗИАНТЕП	27	24	51	10
САМСУН	19	4271	4290	149
ТРАБЗОН	2265	53	2318	53
ВАН	2	0	2	133
ЭРЗУРУМ	109	163	272	93
ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ	108 725	93303	202028	125 046

Материал второй переписи Турецкой Республики, проведённой через 8 лет после предыдущей, также содержит большое количество разночтений, связанных с корреляцией данных в индикаторах «родной язык» (тур. «ana lisan») и «религия» (тур. «din»). Прежде чем начать их анализ, стоит отметить, что перепись 1935 года отражает более подробную информацию, чем её предшественница. Так, в разделе, посвящённом родному языку, в первой переписи представлено всего 14 языков, а также есть графы «Другие и неизвестные языки» (тур. «Sair ve meçhul lisanlar») и «Всего» (тур. «Yekün»). Вторая же перепись отражает данные по 31 языку, выводит отдельно графы «Другие языки» (тур. «Saige») и «Неизвестно» (тур. «Meçhul»), а также оставляет графу «Всего» (тур. «Yekün») [14, с. 135]. Необходимо сказать, что изменения коснулись балканских народов, родные языки которых здесь представлены наиболее широко, именно поэтому в третьем столбце таблицы 2 будут учитываться опрошенные, отметившие в качестве такового болгарский, сербский, румынский, грузинский, а также русский, что поможет сделать более точное сравнение данных в соответствии с двумя индикаторами. Опрошенные, отнесённые в графу «венгерский язык» и «боснийский язык» в рамках сравнения учитываться не будут, так как большая часть представителей этих народов являются последователями других конфессий или религий. Несмотря на наличие среди помаков и албанцев значительной доли прихожан христианских церквей, при сравнении по этим индикаторам жители, владеющие помакским и албанским языками

на уровне родного также учитываться не будут из-за невозможности установить точное количество православных среди них.

Все провинции из таблицы 2 можно условно разделить на две группы: первая – провинции, в которых число респондентов, отметивших греческий язык в качестве родного, превышает 1000 человек, вторая – провинции, в которых число респондентов по тому же показателю ниже 1000. Таким образом, в первой окажутся Стамбул, Чанаккале, Анкара, Измир, Бурса, Трабзон, во второй – Конья, Анталя, Шанлыурфа, Газиантеп, Самсун, Ван, Эрзурум. Во второй группе число православных жителей не вызывает серьёзных разночтений с числом опрошенных, указанных в индикаторе «родной язык», поэтому необходимо проанализировать материал в провинциях первой группы.

В провинциях Конья, Шанлыурфа (Урфа) и Эрзурум число православных и представителей балканских народов, выбранных нами для исследования, примерно сопоставимо. Так, в Конье 82 чел. записаны в качестве православных, 122 чел. – говорящих на русском, грузинском, болгарском, румынском, греческом (21 чел.). То же самое можно увидеть при сопоставлении данных в провинциях Шанлыурфа (Урфа) (25 чел. – православные против 9 чел., 5 из которых грекоговорящие) и Эрзурум (93 чел. против 272 чел., в числе которых 109 грекоговорящих). В провинции Ван число опрошенных, отметивших в качестве родного языка греческий, составляет всего 2 человека, а православных – 133, а представители других народов по признаку «род-

ной язык» отсутствуют. Здесь число евреев и говорящих на идише практически идентично (208 чел. и 202 чел.) [14, с. 138–139; 142–143; 196–197], а количество представителей остальных конфессий и религий (кроме ислама) и языков среди традиционно неисламских народов, как правило, не превышает 10 чел. [14, с. 138–139; 142–143; 196–197], что позволяет сказать, что среди респондентов, отметивших в качестве родного языка турецкий, были православные. В провинции Анталья грекоговорящих больше, чем православных, почти в 22 раза. Так как число мусульман больше, чем число граждан Турции, выбравших в качестве родного языка в этой провинции турецкий, а также языки других народов, исповедующих ислам, на 844 чел. [14, с. S. 136–137; 140–141; 194–195], с учётом корреляции данных по другим языкам и религиям/конфессиям, можно предположить, что эти опрошенные были записаны в качестве мусульман в переписи. То же самое наблюдается и в провинции Газиантеп, где разница между мусульманами и говорящими на языках традиционно исламских народов составляет 390 чел. [14, с. S. 136–137; 140–141; 194–195], а данные по остальным метрикам примерно совпадают. Так как разница между понимаемыми нами в данной работе опрошенными, говорящими на языках православных народов и православными составляет 41 чел. в пользу первых, то можно сделать вывод, что они также были учтены в качестве мусульман. В Самсуне и Бурсе такое большое число респондентов, указанных в четвёртом столбце таблицы 2 обусловлено проживанием здесь значительного количества жителей, отметивших в качестве родного грузинский язык (3994 чел. – в Бурсе, 5886 чел. – в Самсуне) и болгарский (175 чел. – в Бурсе, 1003 чел. – в Самсуне) [14, с. S. 136–143]. Учитывая эти данные, количество грекоговорящих и православных в обеих провинциях примерно сопоставимо. В Анкаре набралось 154 чел., указавших в качестве родного языка греческий, а сравнение данных из столбцов 4 и 5 таблицы 2 показывает разницу в 301 чел., что позволяет говорить также о небольших различиях между этими показателями, а в силу существования небольшой разницы в каждой из сравниваемых категорий, стоит говорить о том, что эти жители Анкары могли быть греками-мусульманами, греками-католиками или иудеями.

Провинция Стамбул, как и Ван, в отличие от остальных в данной переписи, выделяется превалированием числа православных жителей над количеством представителей греков и других народов из списка, отметивших учтённые выше языки в качестве родных, причём данная особенность есть и в версии 1927 года. Разница между двумя индикаторами составляет 8316 чел., что может быть вызвано либо занижением числа представителей православных балканских народов в силу различного рода причин, либо проживанием здесь православных этнических турок или представителей других народов, исповедующих православие. Кроме того, при сумме данных по всем языкам среди женщин в этой провинции и её сравнении с графой «всево» (тур. «Yekûn»), можно увидеть, что числа не совпадают, а разница между ними составляет 4353 чел. [14, с. 135–143]. Однако если учесть, что православных греков, судя по данным переписи, 77964 чел., и что все из них проживают в Стамбуле, то все остальные грекоговорящие жители Турции могут быть записаны в качестве представителей других конфессий и религий.

В Чанаккале ситуация обратная, а разница между показателями составляет 697 чел. в пользу индикатора «родной язык». Если проводить сравнение между данными в таблице 2, представленными во втором и пятом столбцах, то мы увидим различия в 467 чел. также в пользу грекоговорящих. С учётом того, что в иле проживает значительное количество боснийцев (1310 чел.) [14, с. 136–137; 140–141; 194–195], среди которых также могут быть православные, а также малого числа католиков и протестантов (39 чел.) [14, с. 136–137; 140–141; 194–195], стоит предположить, что остальные грекоговорящие являются приверженцами ислама.

В провинциях Измир и Трабзон положение немного другое. Так, в Измире насчитывается 8424 чел., указавших в качестве родного греческий язык, а также 2872 чел., говорящих на других языках из таблицы против 636 православных. Примечательно, что здесь проживает значительное число албанцев и боснийцев (2328 чел., 3661 чел.) [14, с. 136–137; 140–141], среди которых наверняка немало прихожан православных церквей. Так как в этой провинции разница по сумме говорящих на языках традиционно мусульманских народов и графе «мусульмане» в разделе «религия» составляет 12602 чел. в пользу последних [14, с. 136–137; 140–141; 194–195], а также практически отсутствия различий между иностранцами и католиками/протестантами, армянами и прихожанами Армянской Апостольской Церкви [14, с. 136–137; 140–141; 194–195], то наверняка большая часть опрошенных, зафиксированных в таблице 2 данной работы, была отнесена к мусульманам. Стоит также сказать, что здесь нельзя говорить о точной корреляции между говорящими на идише и иудеями, так как разница между ними составляет 7910 чел. в пользу иудеев [14, с. 136–137; 140–141; 194–195]. Кроме того, важно учесть расхождение в данных в столбцах «Всево» среди мужчин и женщин с суммами метрик по всем остальным языкам. Так, среди мужчин она составила 2074 чел. [14, с. 135–139], среди женщин – 2871 чел. [14, с. 140–143], что в совокупности составляет 4945 чел., которые были утеряны в графах переписи раздела, посвящённому «Родному языку» [14, с. 135–143]. Эта ошибка, которая могла быть допущена по целому ряду причин, также свидетельствует о неполной корректности данных документа.

В иле Трабзон ситуация менее настораживающая, так как информация в разделе «Родной язык» ограничивается как правило двузначными значениями и не превышает количества в 50 человек по каждому из языков в сумме среди мужчин и женщин, за исключением греческого и турецкого [14, с. 138–139; 142–143]. При примерной корреляции данных среди иностранцев и католиков/протестантов, иудеев и говорящих на идише, прихожан Армянской Апостольской Церкви и армяноговорящих, разница между исповедующими ислам и жителями, говорящими на языках традиционно мусульманских народов, составляет 2318 чел. [14, с. 138–139; 142–143; 196–197]. С учётом того, что православных насчитывается всего 53 чел., можно заявить, что практически все грекоговорящие были записаны в качестве мусульман в данной провинции.

При сравнении данных переписей населения 1927 года и 1935 года можно обнаружить, что в обеих из них число жителей, отметивших языки православных народов в качестве родных, превышает показатель в 1000 в провинциях Стамбул, Анкара, Чанаккале, Бурса, Из-

мир. Кроме того, в соответствии с данными 1935 года, список дополняет Трабзон, однако в Анталье показатель составляет далеко меньше 1000 чел. Такие изменения могут быть связаны с тремя следующими причинами: миграция населения или убыль; некорректный учёт жителей переписчиками; существенное расширение перечня вариантов ответа в разделе «родной язык».

Результаты. Несмотря на то, что, как мы видим, Анкара в своих нормативно-правовых актах прямо не признаёт существование в стране каких-либо меньшинств, кроме религиозных, а именно «немусульманских», материалы переписей Турецкой Республики 1927 и 1935 гг. помогают сделать вывод, что официальные власти не отходят от своей позиции и в этих документах, так как переписи не содержат прямого упоминания этнической принадлежности опрашиваемых. Однако отдельные их разделы, посвящённые «родному языку» и «религии», позволяют с уверенностью сказать об указании на этничность граждан республики.

Со времён Османской империи одной из групп населения государства являлись греки, которые фиксировались в османских переписях в качестве отдельной группы, что, скорее всего, было связано с разделением общества на миллеты. Однако если их численность по состоянию на 1897 год составляла более 2,5 млн чел., а через 10 лет увеличилась до более 2,8 млн., то к 1914 году число греков существенно сократилось до отметки чуть более 1,7 млн чел. После переписи 1914 года ни младотурки, ни кемалисты не фиксировали количество проживающих на территории государства, однако по оценкам греческих переписчиков число переселенцев на 1928 год достигло более 1,1 млн чел., что существенно отразилось на демографической ситуации Турции. При учёте религиозного и языкового факторов, нельзя заявить о точном количестве православных греков, проживающих в Турции, опираясь на перепись 1927 года, однако число опрошенных, отметивших греческий в качестве родного, насчитывает 119822 чел. Используя язык в качестве индикатора этничности, можно заявить о сокращении числа греков в Османской империи, а затем и Турции более чем на 1,5 млн

При сравнении данных переписи 1927 и 1935 гг. следует отметить, что число «греков по языку» в республиканской Турции снизилось за 8 лет более чем на 10 тыс. – до отметки в 108725 чел., а греки-православные составили 77 964 чел., если опираться на данные, отмеченные в самой переписи. Перепись 1927 года не фиксирует количество православных греков, однако даже если предположить, что все болгароговорящие

граждане Турции по состоянию на 1927 год являются православными, то число православных греков могло бы составить 89351 чел. Исходя из этих данных, можно также говорить о сокращении их числа.

В разрезе анализа по провинциям видно, что наибольшее количество грекоговорящих жителей Турции было зафиксировано в провинциях, расположенных у берега Эгейского моря и причерноморских провинциях, где ранее проживало больше количество эллинских и понтийских греков соответственно. К таковым относятся Измир, Бурса, Стамбул, Чанаккале, а также Трабзон и Самсун. Практически в каждом из илов наблюдается снижение числа грекоговорящих жителей, за исключением провинций Трабзон, Измир, Шанлыурфа (Урфа), Ван и Эрзурум. Обратная ситуация с количеством православных, число которых уменьшилось только в Конье и Трабзоне. Кроме того, из 13 илов, в которых были проведены сопоставления данных, число грекоговорящих превышает показатель в 1000 чел. в обеих переписях только в трёх провинциях: Стамбуле, Чанаккале и Измире, где традиционно проживала большая греческая община. С 1927 года снизилось количество таких жителей в Анталии и Бурсе, однако увеличилось в Трабзоне, где ранее проживала община понтийских греков. Кроме того, стоит сказать и о том, что в обеих переписях наибольшие разночтения встречаются в провинциях Стамбул, где число православных превалирует над количеством грекоговорящих, а в илах Измир и Бурса ситуация прямо противоположная. Также важно отметить, что зачастую в обеих переписях значительное число греков по языковому признаку учтены в качестве мусульман или представителей других религиозных и конфессиональных направлений. Такие разночтения в переписях 1927 и 1935 гг. могли быть вызваны в соответствии с целым рядом причин:

1) Политика Турции в отношении признания меньшинств, вызванная желанием построить национальное государство, влияющая на занижение данных и отнесение значительной части населения страны к мусульманам и туркоговорящим.

2) Возможные фальсификации на местах в силу автономных решений региональных властей или неверного истолкования инструкций по проведению переписей, а также влияние человеческого фактора самих переписчиков.

3) Самоидентификация грекоговорящих граждан Турции с другими религиями (ислам, гораздо реже иудаизм) и конфессиями (католичество, гораздо реже другие христианские конфессии).

Литература

1. Свистунова И. А. Национальные меньшинства в отношениях между Турцией и Грецией // Труды Института востоковедения РАН. Институт востоковедения РАН. 2017. № 5. С. 159–170
2. МИД Греции призвал Турцию признать геноцид сотен тысяч понтийских греков в 1914–1923 годах // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6458878> (дата обращения: 17.09.24).
3. 24 февраля 1994 года, своим единогласным решением Греческий парламент постановил считать 19 мая Днем Памяти геноцида греков малоазийского Понта турками за период 1916–1923 гг. // Греческий культурный центр. URL: <http://www.hecucenter.ru/ru/diaspora/id1302.html> (дата обращения: 17.09.24).
4. Earle M. E. The New Constitution of Turkey // Political Science Quarterly. 1925. Vol. 40. No. 1. P. 73–100.
5. Horton G. The Blight of Asia: An Account of the Systematic Extermination of Christian Populations by Mohammedans and of the Culpability of Certain Great Powers; with the True Story of the Burning of Smyrna. Indianapolis: Publishers the Bobbs-Merrill company. 1926. 316 p.
6. Kamouzis D. Reassessing the “Asia Minor Catastrophe” of 1922: Collective Memory and Refugee Identity in Interwar Greece // Diasporas. University Press of the South. 2022. Vol. 40. P. 165–169.
7. Karpat K. H. Ottoman population, 1830-1914: demographic and social characteristics. Madison, Wis: University of Wisconsin Press. 1985. 242 p.
8. Kritikos G. State policy and urban employment of refugees: The Greek case (1923–30) // European Review of History – Revue Europeenne d’Histoire. Vol. 7. No. 2. 2000. P. 189–206.

9. Shaw S. J., Shaw E. K. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Cambridge University Press, 1977. Vol. 2. Reform, Revolution, and Republic: The Rise of Modern Turkey 1808–1975. 548 p.
10. Treaty of Peace with Turkey Signed at Lausanne, July 24, 1923 // The Treaties of Peace 1919-1923. Vol. II. New York: Carnegie Endowment for International Peace. 1924.
11. Ημέρα Εθνικής Μνήμης της Γενοκτονίας των Ελλήνων της Μικράς Ασίας από το Τουρκικό Κράτος // «SanSimer» URL: <https://www.sansimera.gr/worlddays/278> (accessed: 10.10.24).
12. Dündar F. Türkiye Nüfus Sayımlarında Azinliklar. İstanbul: Çiviyazıları, 2000. p. 224.
13. Türkiye Cumhuriyeti Başvekalet İstatistik 28 Tesrinivel 1927 Umumi Nüfus Tahriri // İstanbul: Hüsnütaei Matbaası. Ankara. 1929. S. CII. S. 208.
14. Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık İstatistik Genel Direktörlüğü 20 ilkteşrin 1935 Genel Nüfus Sayımı // Ankara: Mehmeihsan Basimevi. 1937. S. 404.
15. 1921 Türkiye Cumhuriyeti anayasası // Türkiye Cumhuriyeti Anayasa Mahkemesi. URL: <https://www.anayasa.gov.tr/tr/mevzuat/onceki-anayasalar/1921-anayasasi/> (дата обращения: 03.09.24).
16. 1924 Türkiye Cumhuriyeti anayasası // Türkiye Cumhuriyeti Anayasa Mahkemesi. URL: <https://www.anayasa.gov.tr/tr/mevzuat/onceki-anayasalar/1924-anayasasi/> (дата обращения: 03.09.24).

References

1. Svistunova IA. National minorities in relations between Turkey and Greece. *Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2017;(5):159-170 p. (In Russ.).
2. The Greek Foreign Ministry called on Türkiye to recognize the genocide of hundreds of thousands of Pontic Greeks in 1914-1923 in TASS. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6458878> (accessed: 17.09.24). (In Russ.).
3. On February 24, 1994, by its unanimous decision, the Greek Parliament decided to consider May 19 as the Day of Commemoration of the Genocide of the Greeks of the Asia Minor by the Turks during the period 1916 – 1923 in Greek Cultural Center. URL: <http://www.hecucenter.ru/ru/diaspora/id1302.html> (accessed: 17.09.24). (In Russ.).
4. Earle ME. The New Constitution of Turkey. *Political Science Quarterly*. 1925;40(1):73-100.
5. Horton G. The Blight of Asia: An Account of the Systematic Extermination of Christian Populations by Mohammedans and of the Culpability of Certain Great Powers; with the True Story of the Burning of Smyrna. Indianapolis: Publishers the Boss-Merril company; 1926. 316 p.
6. Kamouzis D. Reassessing the “Asia Minor Catastrophe” of 1922: Collective Memory and Refugee Identity in Interwar Greece. *Diasporas. University Press of the South*. 2022;40:165-169.
7. Karpat KH. Ottoman population, 1830-1914: demographic and social characteristics. Madison, Wis: University of Wisconsin Pres; 1985. 242 p.
8. Kritikos G. State policy and urban employment of refugees: The Greek case (1923–30). *European Review of History - Revue Europe'enne d'Histoire*. 2000;7(2):189-206.
9. Shaw SJ, Shaw EK. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Cambridge University Press. 1977. Vol. 2. Reform, Revolution, and Republic: The Rise of Modern Turkey 1808-1975. 548 p.
10. Treaty of Peace with Turkey Signed at Lausanne, July 24, 1923 in The Treaties of Peace 1919-1923. Vol. II. New York: Carnegie Endowment for International Peace; 1924.
11. National Day of Remembrance of the victims of the Genocide of the Greeks of Asia Minor by the Turkish state. URL: <https://www.sansimera.gr/worlddays/278> (accessed: 10.10.24). (In Greek).
12. Dündar F. Shortcomings in the population censuses of Turkey. İstanbul: Çiviyazıları; 2000. 224 p. (In Turk.).
13. The Main Statistics Service of the Republic of Turkey February 28, 1927, Tahrir of the public population. İstanbul: Husnutaiat Printing House. Ankara. 1929. S. CII. S. 208. (In Turk.).
14. General Statistical Office of the Office of the Prime Minister of the Republic of Turkey General Population Census of October 20, 1935. 1937. 404 p. (In Turk.).
15. 1921 Constitution of the Republic of Turkey URL: <https://www.anayasa.gov.tr/tr/mevzuat/onceki-anayasalar/1921-anayasasi/> (accessed: 03.09.24). (In Turk.).
16. 1924 Constitution of the Republic of Turkey URL: <https://www.anayasa.gov.tr/tr/mevzuat/onceki-anayasalar/1924-anayasasi/> (accessed: 03.09.24). (In Turk.).

Научная статья

УДК 94 (479.24)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.6>

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА ДО 1917 Г.: ПЕРСОНАЛИИ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Эсмירה Рагим гызы Вагабова

Институт истории и этнологии им. А.А. Бакиханова НАНА (д. 115, пр. Гусейн Джавида, Баку, AZ1143, Азербайджан)
Доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Esmira.Vahabova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8927-9700>

Аннотация. Введение. Азербайджанская тюркская литература прошла сложный, но вместе с тем и интересный период своего становления. В статье отмечается значимый период в истории азербайджанской тюркской литературы, в которой под влиянием западноевропейских и русских просветителей стали создаваться новые литературные формы – роман, сатира, проза. Рассматривается деятельность азербайджанских просветителей в организации литературных обществ, школ, создании словарей, учебников, учебных пособий. Развивается детская литература, а также эмигрантская литература, которая занималась пропагандой национальных корней, общетюркских и общеисламских традиций в азербайджанском искусстве и культуре. **Материалы и методы.** В статье использованы и проанализированы работы как азербайджанских, так и российских авторов. Также были использованы материалы периодической печати, отражающие деятельность азербайджанских писателей, поэтов, просветителей. **Анализ.** В работе раскрыты роль, значение и вклад выдающихся деятелей литературы и просвещения в богатую азербайджанскую культуру модернизационного периода в истории азербайджанского народа XIX – начала XX вв. **Результаты.** По итогам проведенного исследования сделаны выводы, что благодаря активной деятельности азербайджанских педагогов, писателей, общественных деятелей, развивалась и получала свое дальнейшее развитие азербайджанская детская литература, вносящая большой вклад в воспитание молодого поколения, оказывая свое бла-

готворное влияние на читателей, по-вышая их культурный уровень и знакомя с шедеврами европейской литературы. Своими произведениями они показывали, как и к чему надо стремиться, описывали быт и нравы азербайджанского общества, и положение в нем женщины, проповедовали добро и призывали бороться с пережитками прошлого, за образование и за чистоту азербайджанского языка, открывали новые школы, газеты. Это было время пробуждения национального самосознания, формирования своей национальной идеологии – тюркизации, приведшее к созданию азербайджанской государственности в лице Азербайджанской Демократической Республики и ее усилия за интеграцию в мировое сообщество.

Ключевые слова: Азербайджан, юбилейный год, просветители, литература, поэты, писатели, публицисты, учебные пособия, Азербайджанская Демократическая Республика

Для цитирования: Вагабова Э. Р. Особенности развития азербайджанской литературы и просветительства до 1917 г.: персоналии и историко-культурный контекст // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 52–61. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.6>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 19.12.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.02.2025.

Статья принята к публикации: 25.03.2025

Research article

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF AZERBAIJANI LITERATURE AND EDUCATION BEFORE 1917: PERSONALITIES, HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT

Esmira R. Vagabova

Institute of History and Ethnology of Azerbaijan National Academy of Science named after A.A. Bakikhanov (115, Huseyn Javid Ave., Baku, AZ1143, Azerbaijan)
Dr. Sc. (History), Associate Professor, leading researcher
Esmira.Vahabova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8927-9700>

Abstract. Introduction. The article marks a significant period in the history of Azerbaijani Turkic literature, in which, under the influence of Western European and Russian enlighteners, new literary forms began to be established - the novel, satire, prose. The activity of Azerbaijani educators in the organization of literary societies, schools, creating dictionaries, textbooks, training manuals is considered. Children's literature was developing, as well as immigrant literature, which was engaged in promotion of national roots, all-Turkic and all-Islamic Traditions in Azerbaijani art and culture. **Materials and Methods.** The article uses and analyzes the works as Azerbaijani, as well as Russian authors. Periodicals were also used, reflecting the activities of Azerbaijani writers, poets and educators. **Analysis.** The role in the work is revealed, the significance and contribution of outstanding figures of literature and education to the rich Azerbaijani culture of the modernization period in the history of the Azerbaijani people of the 19th and early 20th centuries. **Results.** The article draws

conclusions that thanks to the active work of Azerbaijan teachers, writers and public figures children's literature developed further. It made a great contribution to the education of the young generation, exerting its beneficial influence on readers, raising their cultural level and introducing them to the masterpieces of European literature. With their works, they showed how and what to strive for, described the life and customs of Azerbaijani society, and the position of women in it, preached goodness and called for a fight against the remnants of the past, for education and for the purity of the Azerbaijani language, opened new schools and newspapers. This was the time of awakening of national self-consciousness, the formation of its own national ideology – Turkification, which led to the creation of Azerbaijani statehood in the person of the Azerbaijan Democratic Republic and its efforts for integration into the international community.

Keywords: Azerbaijan, jubilee year, educators, literature, poets, writers, publicists, textbooks, Azerbaijan Democratic Republic.

© Вагабова Э. Р., 2025

For citation: Vagabova ER. Features of the development of Azerbaijani literature and education before 1917: personalities, historical and cultural context. *Humanities and law research*. 2025;12(1):52-61. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.6>

Введение. Прошлый 2024 г. стал юбилейным годом для ряда выдающихся деятелей азербайджанской (тюркской) литературы и просвещения. Период XIX – начала XX вв. характеризуется дальнейшим развитием азербайджанской культуры, и в частности, литературы, на которой в новых исторических условиях сказалось влияние передовых идей русских и западноевропейских просветителей. После двух оккупационных войн (1804-1813, 1826-1828 гг.) и присоединения азербайджанских ханств к имперской России по Гюлистанскому (12 (24) октября 1813г.) и Туркманчайскому (10 (22) февраля 1828 г.) договорам происходят значительные изменения во всех сферах общественного устройства, в духовном сознании людей, в культурной жизни народа. Культура Азербайджана, оставаясь по своей сути восточной, в то же время стала обогащаться новыми идеями, благодаря контактам с русской и западноевропейской культурой. Стало меняться и мышление людей новой

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 19.12.2024.

The article was approved after reviewing: 18.02.2025.

The article was accepted for publication: 25.03.2025

формации, осознавших роль просвещения в культурном подьеме своего народа.

Материалы и методы. Статья представляет собой позитивистское описание основных культурных деятелей и их произведений. Главным методом исследования стал историко-генетический. Цель при написании статьи – осветить культурно-просветительную деятельность плеяды азербайджанских просветителей, вызванную теми реформаторскими процессами, которые мы наблюдаем в конце XIX – начале XX века, их роль и значение в повышении культурно-образовательного уровня азербайджанского народа, в развитии литературы и театрального искусства.

Анализ. Чтобы ясно представить себе, как развивалась литература Северного Азербайджана до 1917 г., последовательно рассмотрим в несколько сжатой форме творчество выдающихся деятелей литературы и просвещения.

Рисунок 1. М.Ш. Вазех (1794–1853) – азербайджанский поэт-просветитель /
 Figure 1. Mirza Shafi Vaseh (1794 -1853) - Azerbaijani poet, educator, teacher

М.Ш. Вазех (1794–1853) – выдающийся поэт, педагог, один из образованнейших людей своего времени и учитель азербайджанского мыслителя, первого реформатора арабского алфавита, общественного деятеля и драматурга М.Ф. Ахундова (12.7.1812 – 10.3.1878), был ярким представителем азербайджанской литературной мысли, являлся уроженец древнего города Гянджи. Прозванный «мудрец Гянджи», он известен как автор любовных и философских изречений, афоризмов. Живя в Тифлисе, куда он переселился из Гянджи, подружился с немецким литературоведом-ориенталистом, поэтом и путешественником Фридрихом Мартином фон Боденштедтом, давал ему уроки азербайджанского и фарсидского языка.

Ф.М. Боденштедт (22.4.1819 – 19.4.1892) вошел в историю культуры и литературы как переводчик стихотворений Пушкина, Лермонтова, украинских и казачьих народных песен. Уезжая в Германию, он увез с собой, подаренную ему М.Ш. Вазехом тетрадь стихов

«Ключ мудрости» и включил их в переводной сборник «1000 и один день на Востоке» (1850 г.). В 1851 году издал отдельной книгой на немецком языке «Песни Мирзы Вазеха» («Die Lieder des Mirza-Schaffy»), восточный колорит и юмор которого так привлекли его. Сборник был переведен на европейские языки и сразу же принес автору всемирную известность. В подаренной тетради М.Ш. Вазех оставил автограф: «По неоднократной просьбе...моего ученика и друга господина Боденштедта, я, Мирза Шафи, дарю ему сборник своих сочинений, состоящих из гасиды, газели, мураббаати и месневи⁴». Также известно, что ни эта тетрадь, ни оригиналы собранных в ней стихов до сих пор не были обнаружены.

⁴ См. например: Гасанов Э.Л. Новый научный подход к изучению творчества Мирзы Шафи Вазеха на основе литературно-исторических источников // Молодой ученый. 2015. № 7 (87). С. 633–636; Сеидзаде А.А. Великий мыслитель и поэт из Гянджи. Мирза Шафи «Вазех»: (жизнь и творчество). Ганджа: Изд. АПО Гандж. Окружкома АКП(б), 1929. 14 с.

Впервые некоторые тексты стихов и рукописные образцы были выявлены Салманом Мумтазом, а позже Гамидом Мамедзаде. К сожалению, в изданной Ф. М. Боденштедтом книге «Из наследия Мирзы Шафи» (1873 г.), он уже отрицал авторство своего мастера и объявлял себя не переводчиком, а автором «Песен». Несмотря на это, мы не можем отрицать его положительной роли в деле популяризации творчества азербайджанского поэта в мировом масштабе. Только на немецком языке «Песни» выдержали 160 изданий. Сам перевод Ф. М. Боденштедтом наследия Мирзы Шафи Вазеха был подвергнут критическому анализу. До 1917 г. они были изданы 264 раз на разных языках народов мира, тиражом более двух миллионов экземпляров.

Стихи М. Ш. Вазеха переведены почти на все европейские языки. Русский перевод «Песен» получил положительную оценку Л. Толстого, ряд стихов был положен на музыку А. Рубинштейном. Дружба М. Ш. Вазеха со старшим преподавателем гимназии, ориенталистом Иваном Григорьевым привела к совместному написанию и изданию учебника «Хрестоматия азербайджанского наречия», состоящую из двух частей. В первой части были даны отрывки литературных произведений, во второй – «Татарско-русский словарь», который облегчал усвоение текстов [6, с.201].

В своих «Песнях» М. Ш. Вазех выразил предназначение поэта следующими строками:

В сей мир, где правит бал дремучий мрак,

Порой поэта шлет Аллах, не для того, чтоб петь как соловей,

А для того, чтоб стало в нем светлей

Сиять умом и мыслью меж людей.

Творчество данного поэта имеет историко-культурную обусловленность, и мы наблюдаем связь в содержании произведений с состоянием общества, на недостатки которого он чутко реагировал. М. Ш. Вазех подверг критике устои патриархально-феодального строя, а смех превратил в оружие для борьбы с отсталостью и предрассудками современного ему общества. Он выступал против подчинения науки религии, ратовал за светское образование и передовую науку. Выступал против религиозного невежества. Сам Мирза Шафи говорил, что его стихи являются бичом для духовенства, для этих ненавистников земных радостей.

В своем стихотворении «Мой учитель Хафиз» М. Ш. Вазех, в частности, просил Бога, чтобы он всегда направлял его на верный путь, а ноги его – подальше от мечети и от всех попов, чтобы быть далеко от заблуждений людей и их глупости. Поэт считал предрассудком веру в загробную жизнь и признавал глупцами тех, кто жаждет потусторонней жизни. В своих стихах М. Ш. Вазех выступал как певец свободы, заявляя о своем желании «всю землю освободить от заключения» («Песня жалобы»).

Интерес для историков представляют его суждения о гендерных порядках современного ему общества. Много места в творчестве Мирзы Шафи отведено женщине, ее положению в обществе. При этом он отмечал, что «нет мужчин, которые умели бы распознать подлинную женственность». Поэт осознавал невозможность в тех исторических условиях изменить положение женщины в обществе. Тем не менее, Мирза Шафи в своих стихах, например, «Отбрось чадру», высмеивал религиозный запрет, не позволяющий мусульманским женщинам открывать лицо:

Под черной сеткой ты едва жива,
Откинь чадру, услышь мои слова,
Откинь чадру назад, мы не осудим.
Прекрасна ты, а потому права,
Откинь чадру назад на радость людям,
Откинь для собственного торжества!
Брань и хула людская — все ничтожно.
Пройдите мимо, помните, друзья,
Что ни хулой, ни бранью невозможно
То осквернить, что осквернить нельзя.

Много лет спустя, мечты М. Ш. Вазеха о равноправии женщин исполнились. Впервые на всем мусульманском Востоке правительство АДР (в родном городе М. Ш. Вазеха Гяндже) приняло закон о правах женщин. Благодаря принятому избирательному закону, женщина в Азербайджане, наряду с мужчинами, стала участвовать в выборах.

Задавая самому себе вопрос: «В чем заключается, М. Шафи, очарование твоей поэзии?», отвечал – «в том, что ты во всем правдив и умеешь отражать природу; в том, что у тебя во всем ясность, и ты умеешь сочетать слово со смыслом; в том, что ты стремишься только к правде и все правильно рассматриваешь; в том, что ты только бриллиант шлифуешь, и не обращаешь внимания на бульжники». «Песни Мирзы Шафи» служили всегда ему исцелением от горестей, были для него талисманом, и могут служить таким же талисманом и для других при переживаемых ими несчастьях, потому что, как говорится в «Прологе» к «Песням...», «в этих песнях заключается чудодейственная сила»⁵.

В период с 2016 по 2017 год построен музей М. Ш. Вазеха, расположенный в поселке Гюлистан в Гяндже, в котором проходит выставка документов и картин, связанных с творчеством выдающегося поэта-мыслителя. Также вокруг музея в 2017 году возведен парк его имени.

Педагог-просветитель, поэт, философ **Мухаммед-таги Кербалаи Сафар оглу Сафаров** (22.3.1854 – 9.12.1903, Сидги), объединив в 1885 году вокруг себя местную интеллигенцию, организовал литературное «Общество поэтов». Сидги боролся за образование своего народа, против устаревших методов обучения и воспитания – усул-и-атик (старый метод), за открытие светских школ. В 1892 году им была открыта национальная школа в г. Ордубаде – «Эхтар» (Звезда). А в 1894 году его приглашают в уездный центр – Нахчывань, где в том же году открывает новую школу «Тәрбиуе» («Воспитание»), в которой преподавал азербайджанский и персидский языки, литературу.

Сидги пишет методические пособия, выступает перед учителями. Для помощи детям бедняков открывает «Общество вспомоществования нуждающимся учащимся», а в 1896 году основывает в Нахчыване первую женскую школу.

Взгляды М. Сидги на образование, воспитание молодого поколения нашли отражение в его работах «Двустилие о культуре», «А.С. Пушкин», «Четыре вещи», «Крылатые слова», «Образцы морали», «Книга для чтения», «Школьная гигиена», «Подарок девушкам» и др. Хорошо был знаком с произведениями русских писателей и педагогов, изучив русский язык. Считая русский язык одним из обязательных предметов обучения, со-

⁵ См. например: Маковельский А.О. К вопросу о мировоззрении Мирзы Шафи // Труды Института истории и философии АН Азерб. Баку. Т. 7. 1955. С.209 – 210.

ставил «Азербайджанско-русско-фарсидский словарь», а в свои рукописные учебники включил стихи и рассказы А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого [6, с. 315]⁶. Сидги рассматривал литературу как одну из форм

общественного сознания, как частицу общественно-го развития..., «критиковал и высмеивал тех, кто всю жизнь посвятил грязной шутке и рифмоплетству» [34, с. 163].

Рисунок 2. Мухаммедтаги Кербалаи Сафар оглу Сафаров (22.3.1854 – 9.12.1903, Сидги) – азербайджанский писатель, поэт, педагог и публицист / Figure 2. Muhammedtagi Kerbali Safar oglu Safarov (March 22 1854 - December 9 1903 Sidgi) was an Azerbaijani writer, poet, teacher and publicist

Рисунок 3. Наджаф бек Фаталибек оглу Везиров (17.2.1854 – 9.7.1926) - азербайджанский драматург, публицист, театральный деятель / Figure 3. Najaf bey Fatalibek oglu Vezirov (17.2.1854-9.7.1926) - Azerbaijani playwright, publicist, theatrical worker

Азербайджанский драматург, публицист, театраль-ный деятель **Наджаф бек Фаталибек оглу Везиров** (17.2.1854 – 9.7.1926) – явился одним из активных со-трудников газеты «Экинчи», а саму газету он назвал «учителем своего родного языка». Насколько значима была роль Н. б. Везирова для просвещения дореволю-ционного Азербайджана свидетельствует высказывание одного из видных просветителей Азербайджана, поэта С.А. Ширвани: «Может быть Везиров поможет призвать к науке свой народ» [33, с.13]. Написанная им в 1874 г. пьеса «Тело тебе, кости мне» посвящена процессу обу-чения в мектебах.

Обращаясь к родителям и учителям через газету «Экинчи», Н. б. Везиров требовал человеческого от-

ношения к детям: «Пожалейте детей..., обращайтесь с ними, как с людьми, помогите им стать полноценными гражданами» [35]. Вместе с тем, Н. б. Везиров подверг резкой критике учебные пособия, которые, по его сло-вам, «нравственно уродовали учащихся, калечили их; требовал, чтобы вместо мистических любовных книг, в школах обучались по научным книгам» [36].

Долгое время открытым оставался вопрос о создании детской и юношеской драматургии на азербайджанском языке. И вот в 1875 году Наджаф бек Везиров пишет пьесу «Картина домашнего воспитания», которую счи-тают первой детской пьесой в азербайджанской драма-тургии. В ней впервые среди главных действующих лиц выведены дети, и впервые в азербайджанском театре драматург ставит во главу угла проблему взаимоотно-шения поколений – «отцов» и «детей» [19, с. 72; 22].

Автор резко критикует систему воспитания, ее не-эффективность и классовую ограниченность, являвши-

⁶ См. подробно: Вагабова Э. Р. Становление и развитие библиотек как культурно-просветительных учреждений в Северном Азербайджане в конце XIX - начале XX вв. Баку: Ecoprint. 2022. 350 с

еся причинами духовного застоя и морального упадка общества. В 1901 году в Баку был опубликован одно-томник, куда вошли его пять произведений – «Камень, брошенный в след, угодит в пятку» (1890 г.), «Позднее раскаяние плодов не дает» (1890 г.), «Горе Фахреддина» (1896 г.), «Герои наших дней» (1900 г.), «Имя существительное» (1891 г.)⁷. В них отображена жизнь, быт разных слоев и сословий современного ему общества. Под псевдонимом «Дервиш» писал небольшие юмористические фельетоны в газете «Хаят» (1905 г.), в которых призывал проснуться от вековой спячки... [22, с.114]. Н. б. Везиров писал: «Наша эпоха – есть эпоха прогресса, и народ, который не развивается по пути прогресса, неминуемо идет в своему закату, к небытию. Поэтому мы просим наших братьев по перу – поэтов, помятуя, что они являются благодетелями народа, писать в духе времени, с тем, чтобы открыть глаза народу на его жизнь» [37].

Бесправное положение азербайджанской женщины и борьба за ее раскрепощение нашла освещение в трагедии «Гарагонлу» («Несчастливая»). Везиров был

настолько дальновидным писателем-драматургом, что на вопрос Мирзы Аги Алиева в 1916 году «Почему он вводит в свои пьесы много женских ролей?» - ответил: «Придет время, наука и культура шагнут так далеко, что на нашей сцене женщин будет куда больше, чем мужчин». Его называли не иначе, как «любимый писатель», «мусульманский Островский», «факел просвещения», «первый азербайджанский актёр», «дедушкой литературы» [20, с.5; 21, с.3]. Как писал автор заметки, опубликованной в газете «Каспий», «Великий Дервиш еще долго будет звучать в ушах каждого мусульманина» [20, с.5].

Выдающийся азербайджанский педагог-методист, просветитель и публицист **Габиб бек Гаджи Ибрагимхалил оглу Махмудбеков** (29.7.1864-30.7.1928, г. Шемаха), окончив Тифлисский Александровский учительский институт (1883 – 1887), свою деятельность связал с открытием развитием светских школ, используя при этом прогрессивные методы, транслировали в местную среду идеи общественно-политического характера [24^a].

Рисунок 4. Габиб бек Гаджи Ибрагимхалил оглу Махмудбеков (29.7.1864 – 30.7.1928, г. Шемаха) – азербайджанский педагог-методист, просветитель и публицист / Figure 4. Gabib bey Haji Ibrahimhalil oglu Mahmudbekov (29.7.1864 - 30.7.1928) - Azerbaijani teacher-methodologist, the educator and publicist

Первая такая школа была открыта в г. Баку в 1887 году, а с ее открытием сеть светских школ распространилась по всему Северному Азербайджану [25, с.201-

204]. Занимался просветительской деятельностью, открытием светских школ, был членом школьной комиссии при Бакинской Городской думе, принимал активное участие в подготовке и проведении первого съезда учителей Азербайджана (1906 г.). [14^a, с.88].

Некоторых представителей азербайджанской литературы, кто по тем или иным причинам вынуждены

⁷ См. подробно: Вагабова Э. Р. Культурные процессы в Азербайджане (вторая половина 19 - начало 20 вв.). Баку: «AVROPA», 2018. 646 с.

были покинуть свою родину, причисляют к представителям *эмигрантской литературы*. Среди причин можно назвать политические и идеологические, из-за которых были созданы невыносимые условия для свободной творческой деятельности у себя на родине. Это была эмиграция первой волны, которая «обескровила литературную жизнь в Азербайджане, нанесла существенный урон интеллектуальному и духовному развитию» [17, с.1]. Находясь в эмиграции, эти писатели отражали азербайджанскую и кавказскую тему вообще, старались понять и осветить социально-экономические, общественно-политические и культурные процессы

в тех странах, где они проживали – Европе и на Востоке. Их творчество было сосредоточено на пропаганде национальных корней, общетюркских и общеисламских традиций в азербайджанском искусстве и культуре.

Одним из тех, кто оказывал влияние на определенную часть общества, осуждал колонизаторскую политику царизма на Востоке, выступал против политики самодержавия, за просвещение своего народа был **Али бек Гусейн оглу Гусейнзаде** (7.3.1864 – 17.3.1940) - идеолог, талантливый журналист, публицист, социолог, поэт, литературовед, лингвист, переводчик, а также художник, музыковед, врач [3].

Рисунок 5. Али бек Гусейн оглу Гусейнзаде (7.3.1864 – 17.3.1940) –

идеолог азербайджанского национального движения, талантливый журналист, публицист, социолог, поэт, литературовед, лингвист, переводчик, а также художник, музыковед, врач / Figure 5. Ali bek Huseyn oglu Huseynzade (7.3.1864 - 17.3.1940) - was an ideologist of the Azerbaijani national movement, a talented journalist, publicist, sociologist, poet, literary critic, linguist, translator, as well as an artist, musicologist, and doctor

Вместе с Ахмед б. Агаевым в 1905 году издавал газету «Хаят» на средства Г.З. Тагиева, став ее редактором и издателем в 1905 – 1906 годах. В одном из номеров газеты напечатал статьи «Свобода», «Кто такие тюрки, и какие народы относятся к тюркам» [32; 18]. В своих очерках и статьях осуждал колонизаторскую политику царизма на Востоке, выступал против политики самодержавия, с болью говорил об ухудшении жизни народа. В 1908 году им написан трактат «Политика провокаций», который частями печатался в газете «Иршад» и «Терегги». В последней напечатана его статья «Наш язык, наша письменность, наш второй год», в обсуждении которой приняли участие Дж. Мамедкулизаде, О.Ф. Неманзаде, Ф. Кочарлинский. В 1910 году А. б. Гусейн-

заде уезжает в Стамбул, становится членом кружка «Тюркский очаг» совместно с Ахмедом бек Агаевым, Юсифом Акчуром. В 1913 году пишет стихотворение «Родина», а 29 октября 1923 года приветствует создание Турецкой Республики под руководством М. К. Ататюрка.

Известный турецкий писатель, поэт, политический деятель Зия Гёкалп («небесный герой», псевдоним Мехмеда Зии 23.3.1876-25.10.1924) Последователь и ученик Алибека Гусейнзаде в тюркизме, называл А. б. Гусейнзаде «*пророком, открывшим новые горизонты перед всем тюркским миром*»; по образному выражению основоположника Турецкой Республики Мустафы Кямаля Ататюрка, - «*Али Рза эфенди является отцом моего тела, отец же моих мыслей – это*

Зия Гёкалп» [4].

Также, как и Гасан бек Зардаби, А. б. Гусейнзаде призывал писать для народа. Он пишет «Зеленые огни в красной тьме» («Qırmızı qaranlıqlar içində yaşıl işıqlar»), в котором зеленые лучи – это представители мусульманской интеллигенции, это путь к прогрессу, свету и просвещению, а красная тьма – это красный террор, реакционный режим.

Али бек Гусейнзаде сыграл неоценимую роль в формировании национального мышления, культуры и образования азербайджанской нации. Он впервые в истории общественной, политической мысли Азербайджана

поднял проблему национального самосознания [31]. Вся его жизнь и деятельность были направлены на достижение этой цели [9; 10; 24]. Он был первым мыслителем в Азербайджане, который «распространил тюркизм на сферы языка и литературы в политические теории, создал идеологию тюркского единства и туранизма с центром в Османской империи» [12].

Общественный деятель, журналист и драматург **Мамедэмин Ахунд Гаджи Молла Алекпер оглу Расулзаде** (31.1.1884 - 6.3.1955) оставил свой след в общественно-политической и культурной жизни Азербайджана [13].

Рисунок 6. Мамедэмин Ахунд Гаджи Молла Алекпер оглу Расулзаде (31.1.1884 – 6.3.1955) – азербайджанский государственный, политический и общественный деятель, идеолог азербайджанского национального движения, журналист и драматург / Figure 6. Mammademin Akhund Haji Molla Alekper oglu Rasulzade (31.1.1884 - 6.3.1955) was an Azerbaijani statesman, political and public figure, ideologist of the Azerbaijani national movement, journalist and playwright. Azerbaijani statesman, political and public figure, ideologist of the Azerbaijani national movement, journalist and playwright

В 1903 году в газете «Шарги-Рус» выходит его первая статья о чистоте родного языка, призывавшая кавказских мусульман «отдавать своих детей в школы, чтобы они выросли грамотными и образованными людьми». М. Э. Расулзаде, будучи убежденным сторонником светского образования на родном языке азербайджанских тюрков [8; 11, с.10], являясь одним из основателей организации «Гуммет» (1904 г.) [8], много печатается в местной периодической печати. Кроме публицистики, писал стихи и пьесы. Так, в 1908 году завершил работу над пьесой «Неожиданная беда», в этом же году была осуществлена постановка его пьесы «Огни во тьме» [1, с. 37; 17, с. 23]. Одно из первых его стихотворений - «Мухаммас» было посвящено восхвалению науки. У М. Э. Расулзаде достаточно большое количество публика-

ций, аналитических материалов, переводов. Им переведены «Султан Санджар и старуха» Низами, повесть Ф. М. Достоевского «Орел», отрывок из романа М. Горького «Мать», ряд произведений А. Блюма.

Говоря об азербайджанской реалистической литературе, М. Э. Расулзаде не отрицал и роли русской власти в ее зарождении. Стремясь не допустить персидского влияния на территории, которые удалось России присоединить себе, царская власть поддерживала «стремление азербайджанской интеллигенции к развитию народной культуры и азербайджанской словесности», благодаря чему в Северном Азербайджане национальное движение принимало европейский характер» [23, с 173].

Рисунок 7. Салман Мамедамин оглу Аскеров – (псевдоним Мумтаз, «избранный», 20.5.1884 – 6.9.1941) – поэт, писатель, публицист, один из немногих, кто посвятил всю свою жизнь сбору средневековых рукописей, азербайджанскому фольклору / Figure 7. Salman Mammadamin oglu Asgarov – (pseudonym Mumtaz, "the chosen one", 20.5.1884- 6.9.1941) was a poet, writer, publicist, one of the few who devoted his entire life to collecting medieval manuscripts and Azerbaijani folklore

Салман Мамедамин оглу Аскеров – (псевдоним Мумтаз, «избранный», 20.5.1884 – 6.9.1941) – поэт, писатель, публицист, один из немногих, кто посвятил всю свою жизнь сбору средневековых рукописей, азербайджанскому фольклору [30]. Являлся пропагандистом азербайджанской литературы и ашыгской поэзии, издателем сочинений классиков азербайджанской литературы [2; 5; 15, с.96-106; 27, с.139; 28; 29]. Отлично знал арабский, персидский, русский язык, а также язык урду.

С раннего детства С. Мумтаз проявлял большой интерес к наукам. Знакомство с поэтом М.А. Сабиром привело С. Мумтаза к увлечению литературой. Он изучил творчество классиков восточной поэзии, и все свои деньги тратил на приобретение тюркских (азербайджанских) рукописных книг и благотворительность [5].

Под псевдонимом «Хортдан-бек» С. Мумтаз после поощрения Сабиром его стихов стал направлять их в выходивший с 1906 года сатирический журнал «Молла Насреддин», а также и разнообразную информацию для публикации. Живя в Ашхабаде, Мумтаз со своими товарищами создал «Литературное собрание», содействовал распространению журнала «Молла Насреддин» в Средней Азии и других регионах. Попытка поставить на ашхабадской сцене пьесу Дж. Мамедкулизаде «Мертвецы», успехом не увенчалась из-за запрета местными властями.

Совместно с А. Ахвердиевым и К. Шарифзаде С. Мумтаз в 1908 году написал «Путешествие Мозалан бека». В 1913 году в Тифлисе в издательстве «Гейрат» Мумтаз издал свою первую книгу «Биография Сеид Ахмед Ха-

тифа Исфакхани». Здесь же он познакомился с Аббасом Саххатом, восхитившим его знанием азербайджанской литературы, истории и культуры [32, с.159], помогает ему в издании «Хоп-хоп-намэ» сатирика Сабира. Также оказывает финансовую помощь Дж. Мамедкулизаде в выпусках журнала «Молла Насреддин», где были напечатаны его 12 стихотворений. Научная, педагогическая и журналистская деятельность С. Мумтаза развернулась уже с возвращением в Баку вместе со своей семьей и провозглашением в 1918 году Азербайджанской Демократической Республики (АДР), которую Мумтаз считал огромным национальным достоянием.

Высоко оценив заслуги военного министра Османской империи Энвер паши, С. Мумтаз посвятил ему мухаммас «Энверийе», а его брату - Нури паши посвятил газель «Гордись, нация!».

С. Мумтаз был обладателем отлично собранной им же библиотеки - «Китабханейи-Мумтазийе». В ней насчитывалось 200 книг, статей и рукописей представителей азербайджанской литературы и искусства; научной ценностью которых и большим количеством имевшихся в библиотеке рукописей восхищались академики Василий Бартольд и Сергей Ольденбург [14⁶, с.22].

Как и многие азербайджанские деятели литературы, не избежал репрессии и С. Мумтаз, сосланный в г. Орел. Приговорённый к 10 годам лишения свободы, С. Мумтаз был расстрелян 6 сентября 1941 года [7, с. 157; 14]. Спустя годы, был посмертно реабилитирован Верховным судом СССР 17 ноября 1956 г., а дело по обвинению Салмана Мумтаза было прекращено. Что ста-

ло с богатейшей его библиотекой неизвестно. Собранные им 270 манускриптов погибли при аресте [15, с.98]. Сегодня имя Салмана Мумтаза носит Центральный Государственный архив литературы и искусства Азербайджанской Республики, а также одна из улиц в его родном городе Шеки.

А завершить исследование творчества азербайджанских деятелей литературы и просвещения хочется словами уроженца г. Шемахи азербайджанского поэта-романтика, публициста, основателя прогрессивного романтизма в азербайджанской литературе Мухаммеда Хади (1879 – 1920):

О, ты, счастливцев, день грядущий
увидевший, - вспомни нас,
На сей стезе тоской сожженных
друзей вспомни в светлый час,
Приди на скромную могилу и прах слезою ороси.
И этот стих мой, повторяя, печально стоны возноси
Восстань, почивший во тьме забвенья!
Избавлен от ненастья мир!

Пришла желанная свобода, и воссиял от счастья мир!

Результаты. Азербайджанская литература рассматриваемого периода взрастила замечательных и выдающихся писателей и поэтов, сатириков и критиков, благодаря которым азербайджанская тюркская литература получила новый виток в своем развитии. Используя различные жанры азербайджанской литературы - повесть, роман, драма, поэзия (лирика), сатира и юмор, - азербайджанские деятели литературы и просвещения стремились донести до читателя правду жизни. Публикации их произведений в газетах и журналах способствовали росту их популярности среди читательской массы, быстро заучивались и распространялись среди населения.

Состояние азербайджанской литературы постоянно находило освещение в различных органах местной периодической печати, которая призывала собирать народную литературу, обработать ее и создавать книги,

удобные для детского восприятия (сказки, баяты, пословицы и поговорки, загадки и др.). Благодаря активной деятельности азербайджанских педагогов, писателей, общественных деятелей, развивалась и получала свое дальнейшее развитие азербайджанская детская литература, вносящая большой вклад в воспитание молодого поколения, оказывая свое благотворное влияние на читателей, повышая их культурный уровень и знакомя с шедеврами европейской литературы.

Это было время нового созидания, время взаимообогащения и взаимопроникновения двух совершенно разных культур – русской и азербайджанской, тюркской. Это время появления новых жанров и новых направлений в азербайджанской литературе, а именно: критический реализм (начиная с М. Ф. Ахундова (12.7.1812 – 9.3.1878)), национальная литература сочетает в себе традиции и эволюционный опыт восточной и европейской художественной мысли), романтический и просветительский (конец XIX - начало XX вв.), сатирический (1906-1917 гг.).

Своими произведениями они показывали, как и к чему надо стремиться, описывали быт и нравы азербайджанского общества, и положение в нем женщины, проповедовали добро и призывали бороться с пережитками прошлого, за образование и за чистоту азербайджанского языка, открывали новые школы, газеты, различные литературно-музыкальные кружки, создавали учебные пособия. Это было время пробуждения национального самосознания, формирования своей национальной идеологии – тюркизации, приведшее к созданию азербайджанской государственности в лице Азербайджанской Демократической Республики и ее усилия за интеграцию в мировое сообщество, ставшие важным в национальной истории страны. «Лица, создавшие АДР в мае 1918 года, спасли честь нации, в форме демократической республики реализовали ее мечты о государственности» [16, с. 6].

Литература

1. Абуталыбов Р. Свои среди чужих, чужие среди своих // История. 2007. № 1 (25). С.15–43.
2. Азербайджанские Известия. 2008. 12 августа.
3. Azər Turan. Əi bəy Hüseynzadə. Bakı: «Litterpress», 2014. 544 s.
4. Алекперов А. К происхождению символов Знамени и Герба Азербайджана // Зеркало. 2010. 15 мая.
5. Алмасова Э. Великий собиратель фольклора – Салман Мумтаз. URL: <http://luch.Az/klassika/poeziyaazlit/3691-velikiy-sobiratel-folklor-a-salman-mumtaz.html> (дата обращения: 05.06.2016).
6. Антология педагогической мысли в Азербайджанской ССР / сост. Агаев А. А., Гашимов А. Ш. Москва: Педагогика, 1989. 592 с.
7. Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М., Насилов Д. М. Репрессированная тюркология. М.: Восточная литература, РАН, 2002. 296 с.
8. Багирова И. С. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века 1900-1917 гг.). Баку: Элм, 1997. 336 с.
9. Байрамлы О. Первый глашатай национальной независимости - Али бек Гусейнзаде // Республика, 2001. 21 октября
10. Байрамлы О. Азербайджанизм в творчестве Али бека Гусейнзаде // Республика. 2004. 4 января
11. Балаев А. Г. Мамед Эмин Расулзаде (1884–1955). Москва: Флинта, 2009. 288 с.
12. Балаев А. Г. Азербайджанская нация: основные этапы становления на рубеже XIX – XX вв. Москва: ООО «ТиРу», 2012. 403 с.
13. Балаев А. Г. Мамед Эмин Расулзаде (1884–1955). Политический портрет. Баку: «Китаб Клубу», 2014. 504 с.
14. Буниятов З. М. Следственное дело № 12493 // Элм. 1988. 13 августа.
15. Васильков Я. В., Гришина А. М., Перченко Ф. Ф. Репрессированное востоковедение. Востоковеды, подвергнувшиеся репрессиям в 20-50-е годы // Народы Азии и Африки. 1990. № 5. С. 96–106.
16. Гасанлы Дж. Русская революция и Азербайджан: трудный путь к независимости. 1917-1920. М.: ФЛИНТА, 2011. 665 с.
17. Гулиев Г. Эмигрантская литература Азербайджана. Баку: Нурлан, 2004. 282 с.
18. Гусейнзаде А. Кто такие тюрки и из кого они состоят? Баку: Мутарджим, 1997. 291 с.
19. Захид Халил. Детская литература Азербайджана. М.: Детская литература, 1987. 223 с.
20. Каспий. 1913. 6 июня. № 124.
21. Каспий. 1913. 15 ноября. № 58.
22. Касумзаде Ф. Наджаф бек Везиров. Баку: Азгосиздат.1958. 122 с.
23. Мамед Эмин Расулзаде. Сборник произведений и писем / сост., предисп. и примеч.С. Исхаков. М.: Флинта, 2010. 252 с.
24. Мирза Р. Отец тюркизма. Баку, 2000. 171 с.
25. Вагабова Э. Р. Русско-азербайджанские школы Северного Азербайджана (II пол. XIX - нач. XX вв.) / Мозырский педагогический университет. 7-ая международная научная конференция «Текст. Язык. Человек!»: сборник научных трудов: В 2 ч. Ч.2 / УО МГПУ им. И. П. Шамякина; редкол.: С. Б. Кураш (отв. ред.). Мозырь, 2013. С.201–204.
26. Султанлы А. Из истории развития азербайджанской драматургии. Баку, 1964 (на азерб. языке).

27. Тагиев Р. Энтузиаст культуры // Литературный Азербайджан. 1972. № 7.
28. Тагиев Р. Салман Мумтаз. Истоки азербайджанской литературы. Баку: Язычы, 1986. 444 с.
29. Тагиев Р. Salman Mümtaş (Tərcümeyi-hal oçerki). Баку: Kür, 2002. 16 с.
30. Paşayeva M., Hacıeva Z. Salman Mumtaz arxivinin təsviri. Bakı: Nurlan, 2005. 240 s.
31. Фарзалиева У. Ф. Проблемы национального самосознания в творчестве Али бека Гусейнзаде. URL: <https://articlekz.com/article/7401>. (дата обращения: 05.06.2016).
32. Ханджанбекова Ф. Шеки и шекинцы. Баку: Элм и Тахсил, 2016. 383 с.
33. Хаят. 1906. 9 июля. №149.
34. Эйвазов Я. А. Творческий путь М.Т. Сидги // Материалы научно-теоретической конференции молодых ученых. Баку, 1967.
35. Экинчи. 1876. 6 ноября. № 21.
36. Экинчи. 1877. 12 мая. № 10.
37. Ягублу Насиман. Демократ от бога. 130-летию Мамед Эмина Расулзаде посвящается // Каспий. 2014. 21 января.

References

1. Abutalibov R. Ours among strangers, strangers among ours. *Istoria*. 2007;1(25):15-43. (In Russ.).
2. Azerbaijan News. 2008. August 12. (In Russ.).
3. Azerbaijan Turan. Hello, sir Huseynzade. Bakı: Litterpress; 2014. 544 p. (In Azerb.).
4. Alekperov A. On the origin of the symbols of the Banner and Coat of Arms of Azerbaijan in Zerkalo. 2010. May 15. (In Russ.).
5. Almasova E. The great collector of folklore - Salman Mumtaz. URL: <http://luch.az/klassika/poeziyaazlit/3691-velikiy-sobiratel-folklor-salman-mumtaz.html> (accessed: 05.06.2016) (In Russ.).
6. Anthology of pedagogical thought in the Azerbaijan SSR / compiled by Agayev AA, Gashimov ASh. Moscow: Pedagogy; 1989. 592 p. (In Russ.).
7. Ashnin FD, Alpatov VM, Nasilov DM. Repressed Turkology. Moscow: Eastern Literature RAS; 2002. 296 p. (In Russ.).
8. Bagirowa IS. Political parties and organizations of Azerbaijan at the beginning of the twentieth century 1900-1917). Baku: Elm; 1997. 336 p. (In Russ.).
9. Bayramli O. The First Herald of National Independence - Ali Bey Huseynzade in Respublika. 2001. October 21. (In Russ.).
10. Bayramli O. Azerbaijanism in the Works of Ali Bey Huseynzade in Respublika. 2004. January 4. (In Russ.).
11. Balayev AG. Mamed Emin Rasulzade (1884-1955). Moscow: Flinta; 2009. 288 p. (In Russ.).
12. Balayev AG. Azerbaijani Nation: The Main Stages of Formation at the Turn of the 19th – 20th Centuries. Moscow: OOO "TiRu"; 2012. 403 p. (In Russ.).
13. Balayev AG. Mamed Emin Rasulzade (1884-1955). Political Portrait. Baku: Kitab Klubu; 2014. 504 p. (In Russ.).
14. Buniyatov ZM. Investigation case No. 12493 in Elm. 1988. August 13. (In Russ.).
15. Vasilkov YaV, Grishina AM, Perchenok FF. Repressed Oriental Studies. Orientalists subjected to repression in the 20-50s. *Narody Azii i Afriki*. 1990;(5):96-106. (In Russ.).
16. Gasanly J. Russian Revolution and Azerbaijan: the difficult path to independence. 1917-1920. Moscow: FLINTA; 2011. 665 p. (In Russ.).
17. Guliyev G. Emigrant Literature of Azerbaijan. Baku: Nurlan; 2004. 282 p.
18. Huseynzade A. Who are the Turks and who are they made up of? Baku: Mutarjim; 1997. 291 p. (In Russ.).
19. Zahid Khalil. Children's Literature of Azerbaijan. Moscow: Children's Literature; 1987. 223 p. (In Russ.).
20. Kaspil. 1913. June 6. No. 124. (In Russ.).
21. Kaspil. 1913. November 15. No. 58. (In Russ.).
22. Kasumzade F. Najaf bey Vezirov. Baku: Azgosizdat; 1958. 122 p. (In Russ.).
23. Mamed Emin Rasulzade. Collection of works and letters / compiled, foreword and notes by S. Iskhakov. Moscow: Flinta; 2010. 252 p. (In Russ.).
24. Mirza R. Father of Turkism. Baku; 2000. 171 p. (In Russ.).
25. Vagabova ER. Russian-Azerbaijani schools of Northern Azerbaijan (2nd half of the 19th - early 20th centuries). Mozyr Pedagogical University. 7th international scientific conference "Text. Language. Man!": collection of scientific papers: In 2 parts. Part 2. Uo Moscow State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin; editorial board: SB Kurash (editor-in-chief). Mozyr; 2013. P. 201-204. (In Russ.).
26. Sultanly A. From the history of the development of Azerbaijani drama. Baku; 1964. (in Azerb.).
27. Tagiyev R. Culture enthusiast in Literary Azerbaijan. 1972. No. 7. (In Russ.).
28. Tagiyev R. Salman Mumtaz. Origins of Azerbaijani literature. Baku: Yazichi; 1986. 444 p. (In Russ.).
29. Tagiyev R. Salman Mümtaş (Tərcümeyi-hal oçerki). Baku: Kür; 2002. 16 p. (In Russ.).
30. Paşayeva M, Hacıeva Z. Salman Mumtaz arxivinin təsviri. Bakı: Nurlan; 2005. 240 p. (In Azerb.).
31. Farzalieva UF. Problems of national self-awareness in the works of Ali bey Guseynzade. URL: <https://articlekz.com/article/7401>. (accessed: 05.06.2016). (In Russ.).
32. Khanjanbekova F. Sheki and Sheki residents. Baku: Elm i Takhsil; 2016. 383 p.
33. Hayat. 1906. July 9. No. 149. (In Russ.).
34. Eyvazov Ya. A. Creative path of M. T. Sidgi in Materials of the scientific-theoretical conference of young scientists. Baku; 1967. (In Russ.).
35. Ekinchi. 1876. November 6. No 21. (In Russ.).
36. Ekinchi. 1877. May 12. No 10. (In Russ.).
37. Yagublu Nasiman. Democrat from God. Dedicated to the 130th anniversary of Mammad Emin Rasulzade in Kaspil. 2014. January 21. (In Belorus.).

Научная статья

УДК 94(436)08

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.7>

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ИМПЕРИИ ГАБСБУРГОВ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, ПРИНЦИПЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ И ПОДГОТОВКИ КАДРОВ

Борис Александрович Виноградный

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Аспирант

Bvins77@ya.ru; <https://orcid.org/0009-0005-4932-7666>

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются основные принципы формирования министерства иностранных дел империи Габсбургов, включая процесс подготовки профессиональных кадров в специальных образовательных учреждениях, социальный, национальный состав дипломатической и консульской службы, их структура. **Материалы и методы.** В процессе работы над темой привлекались работы зарубежных и отечественных авторов и исторические источники, включающие материалы из фондов Архива внешней политики Российской империи, мемуары О.Чернина, В. фон Бюлова и исследование О. Яси. **Анализ.** В статье отмечается, что с XVIII в. центром внешнеполитической деятельности Австрийской империи становятся Балканы и Ближний Восток. В сложившейся ситуации в 1720 г. в империи создается государственная структура, координирующая внешнюю политику, и академия восточных языков, которая должна была ликвидировать дефицит профессиональных кадров во внешнеполитическом ведомстве Австрии. До середины XIX в. дипломатическая и консульская службы находились в ведении различных ведомств, после чего консульства были переданы в ведение министерства иностранных дел. Дипломатическая и консульская службы создавались на принципах, присущих государственному аппарату империи Габсбургов в целом: наднациональность, надсословность, верность династии Габсбургов. Аристократия, дворянство и буржуазия рассматривали дипломатическую и консульскую службы в качестве престижной формы профессиональной деятельности. При формальном равенстве прохождения службы во внешнеполитическом ведомстве империи Габсбургов в ней доминировали представители аристократии и дворянства. В период дуализма Венгрия - добилась увеличения численности своих граждан в посольствах, консульствах империи

за рубежом и в центральном аппарате министерства иностранных дел. На рубеже XIX – XX вв. по инициативе А.Голуховского была проведена значительная реформа системы подготовки кадров для внешнеполитического ведомства Австро-Венгрии, направленная на усиление практических знаний студентов и на расширение специализации дисциплин. К Первой мировой войне империя Габсбургов создает разветвленную сеть посольств и консульств для расширения своего влияния в различных регионах мира. **Результаты.** К 1914 г. Австро-Венгрия смогла создать профессиональное внешнеполитическое ведомство, которое через проходные обучения в специализированных учебных заведениях и сдачу соответствующего экзамена привлекала в свои ряды представителей различных народов и социальных групп населения при доминировании представителей аристократии и дворянства. Министерство иностранных дел империи Габсбургов последовательно отстаивало интересы династии и империи, стремясь поддержать ее статус в качестве «великой державы».

Ключевые слова: дипломатия, внешняя политика, империя Габсбургов, генеральное консульство, Венгрия, посольство, консул, Османская империя, школа восточных языков

Для цитирования: Виноградный Б. А. Министерство иностранных дел империи Габсбургов: история создания, принципы комплектования и подготовки кадров // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 62–71. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.7>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 19.12.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.02.2025.

Статья принята к публикации: 25.03.2025.

Research article

THE MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS OF THE HABSBURG EMPIRE: HISTORY OF ESTABLISHMENT, RECRUITMENT AND TRAINING PRINCIPLES

Boris A. Vinogradny

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Postgraduate student

Bvins77@ya.ru; <https://orcid.org/0009-0005-4932-7666>

Abstract. Introduction. The article deals with the basic principles of the formation of the Ministry of Foreign Affairs of the Habsburg Empire, including the process of training professional staff in special educational institutions, social, national composition of the diplomatic and consular service, and their structure. **Materials and Methods.** In the process of working on the topic the works of foreign and domestic authors and historical sources were utilized, including materials from the collections of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, memoirs of O. Chernin, W. von Bulow and the study of O. Yasi. **Analysis.** The article notes that since the 18th century, the Balkans and the Middle East have become the focus of the foreign policy activities of the Austrian Empire. In 1720, in

response to the prevailing circumstances, the empire established a state institution to coordinate foreign policy and an academy of Oriental languages. This initiative aimed to address the shortage of professional staff within foreign policy department of Austria. Until the mid-19th century, the diplomatic and consular services were under the jurisdiction of different departments, after which the consulates were transferred to the Ministry of Foreign Affairs. The diplomatic and consular services were established on the principles inherent in the state apparatus of the Habsburg Empire as a whole: supra-national and supra-estate nature, loyalty to the Habsburg dynasty. The aristocracy, nobility and bourgeoisie regarded diplomatic and consular service as a prestigious form of professional activity. While there was formal equality of service

© Виноградный Б. А., 2025

in the foreign policy department of the Habsburg Empire, it was dominated by members of the aristocracy and nobility. During the period of dualism Hungary achieved an increase in the number of its citizens in embassies, consulates of the Empire abroad and in the central apparatus of the Ministry of Foreign Affairs. At the turn of the 19th and 20th centuries, a significant reform of the staff training system for the Austro-Hungarian foreign policy department was initiated by A. Goluchowski. This reform aimed to enhance students' practical knowledge and increase the specialization of disciplines. By the First World War, the Habsburg Empire created an extensive network of embassies and consulates to expand its influence in various regions of the world. **Results.** By 1914 Austria-Hungary was able to create a professional foreign policy department, which, through training in specialized educational institutions and passing the appropriate examination, attracted to its ranks representatives of various nations and social

Введение. История внешней политики европейских государств в конце XIX – начале XX вв. по-прежнему представляет значительный интерес для современной историографии, поскольку она позволяет проанализировать истоки Первой мировой войны и глубокого кризиса Центрально-Восточной Европы в 20-30-е гг. В данной связи особой интерес представляет процесс принятия основных внешнеполитических решений, что напрямую связано с историей дипломатии, министерств иностранных дел. Предметом исследования данной статьи является социальный и национальный состав министерства иностранных дел Австро-Венгрии, особенности его создания, комплектования и организационная структура. В отечественной историографии представленная тема практически не исследована. В дореволюционной историографии следует выделить статью В.Н. Александренко, где автор уделяет внимание деятельности подготовки кадров для дипломатической службы в империи Габсбургов [3]. В зарубежной историографии данная проблематика нашла отражение в работе И. Галаса, где автор также поднимает тему особенностей комплектования МИД империи [20]. Значение аристократии в развитии дипломатической и консульской службы Австро-Венгрии поднимается в исследовании У. Годси [18]. Э. Шомоди одним из первых начинает разрабатывать роль венгерских граждан в комплектовании МИД и выработке основ внешней политики Австро-Венгрии [27].

Материалы и методы. В процессе работы над темой использовались креницы историзма и системности, проводился тщательный анализ зарубежной и отечественной историографии. В качестве исторических источников выступают материалы из фондов Архива внешней политики Российской империи, воспоминания посла в Румынии в 1912–1916 гг. и министра иностранных дел Австро-Венгрии в 1916–1918 гг. О. Чернина, воспоминания министра иностранных дел (статс-секретаря) в 1897–1900 гг. и канцлера Германии в 1900–1909 гг. Б. фон Бюлова и исследование истории империи Габсбургов известного венгерского леворадикального политика О. Яси.

Анализ. Дипломатия империи Габсбургов формировалась на протяжении многих веков, проявляя уникальные способности выводить страну из самых сложных внешнеполитических проблем. До середины XIX в. в империи Габсбургов не было профессионального ведомства, курировавшего внешнюю политику и работу дипломатических представительств за рубежом. Управление внешней политикой империи долгое время не имело четкого очертания, как практически во всех государствах Европы внешнеполитическая деятельность

groups, with the aristocracy and nobility dominating. The Ministry of Foreign Affairs of the Habsburg Empire consistently defended the interests of the dynasty and the Empire, seeking to maintain its status as a “great power”.

Keywords: diplomacy, foreign policy, Habsburg Empire, consulate general, Hungary, embassy, consul, Ottoman Empire, school of Oriental languages

For citation: Vinogradny BA. The ministry of foreign affairs of the Habsburg empire: history of establishment, recruitment and training principles. *Humanities and law research*. 2025;12(1):62-71. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.7>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 19.12.2024.

The article was approved after reviewing: 18.02.2025.

The article was accepted for publication: 25.03.2025.

концентрировалась при дворах правящих династий. С XVIII в. в Австрийской империи фактически создаются две структуры, в последующем ставшие основой общеимперского министерства иностранных дел. Сюда входят дипломатическая служба и сеть консульств империи за рубежом, которые первоначально развивались как самостоятельные направления во внешней политике империи Габсбургов.

В XVIII в. различные структуры отвечали за исполнение внешнеполитических функций. Датой рождения внешнеполитического ведомства Австрийской империи становится 1720 г., когда император Карл VI назначил канцлером своего Императорского придворного совета графа Ф. фон Зинцендорфа, курировавшего внешнюю политику. В 1720 г. Австрия имела 19 дипломатических миссий, старейшая из них действовала в Стамбуле с 1547 г. [23, p.105]. С 1742 г. функции министерства вплоть до 1848 г. передаются Тайной палате и Государственному совету. Канцлер империи В.А. фон Кауниц-Ритберг с 1753 по 1792 гг. контролировал внешнюю политику империи Габсбургов. У него был богатый дипломатический опыт, так как он в 1750–1753 гг. занимал должность посла Австрии во Франции, которая являлась извечным противником Габсбургов, и до этого выполняя различные дипломатические поручения [10, с.93]. К.Л. фон Меттерних в 1809–1848 гг. также превращает Государственный совет фактически в министерство иностранных дел Австрии. Свое дипломатическое искусство канцлер проявил во время Венского конгресса [5, с. 84-85].

В марте 1848 г. во время революционных событий в Австрии император соглашается на создание ответственного правительства перед парламентом, в числе учрежденных министерств значилось министерство империи и иностранных дел. Одновременно, консульства передавались в ведение министерства торговли. После чего, несмотря на все перипетии внутриполитического развития империи Габсбургов министерство иностранных дел являлось одной из важнейших структур среди административных органов управления страной. Оно отличалось высокой квалификацией ее сотрудников и опиралось на традиции габсбургской внешнеполитической деятельности.

С XVIII в. Австрийская империя после подписания Карловицкого мира в 1699 г. начинает проводить активную внешнюю, в том числе торговую политику на Балканах и Ближнем Востоке. При распространении французского языка в качестве языка дипломатии и итальянского языка – языка международной торговли, империя в XVIII в. столкнулась с необходимостью изучения восточных

языков, в том числе консульскими сотрудниками [24, р. 9]. Поскольку весомую нагрузку в налаживании связей, и прежде всего, торговых отношений в это время несли консульства империи.

Во второй половине XVIII в. большая часть консульств Австрии находилась в странах востока. В то же время, в 1752 г. учреждаются консульства в Кадисе, Лиссабоне, Генуе, Королевстве Обеих Сицилий. Для сокращения расходов на содержание консульств предполагалось привлекать на работу в них местных жителей, так называемых нештатных консулов. К такой практике прибегала Екатерина II и другие европейские монархи [9]. При всех плюсах данной практики, она проявила свои слабые стороны, так как нештатные консулы, зачастую больше занимались решением собственных проблем, чем защитой интересов представляемой страны. Поэтому в 1763 г. империя имела 17 нештатных и 10 штатных консулов (Кадис, Бордо, Лиссабон, Неаполь, Палермо и др.). Нештатные консулы в основном работали в консульствах на востоке (Александрия, Салоники, Смирна, Хиос, Алеппо, Афины, Яффа и др.). К 1789 г. империя расширила численность консульств на востоке, имея 76 консульств, в том числе 16 генеральных консульств [3, с.52]. До создания министерства торговли консулы подчинялись Торговой канцелярии, а позже Государственному совету.

Серьезные изменения в XIX в. происходят в организации консульской службы. В июне 1825 г. проводится реформа консульской службы, которая учитывая предыдущий печальный опыт, когда консулами являлись неподготовленные кадры и к тому же поданные других государств, вводит четкие требования к сотрудникам консульств. В итоге консульская служба приравнивается к государственной службе. Сотрудники консульств должны были владеть иностранными языками, иметь юридическое образование и знание особенностей развития региона, куда направлялся консульский сотрудник. После чего расширяется сеть консульств империи. В 1830 г. консульство создается в Греции, в 1846 г. в Сербии и генеральное консульство в Стамбуле. Страны востока делятся на восемь консульских округов для повышения эффективности деятельности консульств. Усложнение внешнеэкономической деятельности и необходимость с координации с общими принципами внешней политики страны приводят к новой реорганизации. С 1 ноября 1859 г. консульства империи за рубежом передаются в ведение министерства иностранных дел, что еще больше укрепило его авторитет и значимость для империи [3, с. 53].

Создание дуалистической системы не могло не сказаться на деятельности министерства иностранных дел бывшей Австрийской империи. В 1869 г. оно получает новое название в соответствии с произошедшими в империи изменениями – Императорское и королевское министерство империи и иностранных дел. Реформы 1867 г. не сказались на принципах организации министерства радикальным образом. Большинство его сотрудников относилось к привилегированным классам Австро-Венгрии. Для поступления на работу в министерство от кандидатов требовались знания в области международного права, политологии, истории и владение иностранными языками. Для лиц, претендовавших на занятие должностей консулов, непрерывным условием считалось изучение основ внешнеэкономической деятельности и экономики. Занять должности можно было только после сдачи соответствующего экзамена. Поэтому не толь-

ко принадлежность к известным аристократическим и дворянским фамилиям империи явилось основой для продвижения по карьерной лестнице МИД. Здание министерства располагалось по адресу Бальхаусплац 2 в центре Вены.

Создание дуалистической системы и расширение внешнеэкономической деятельности Австро-Венгрии привели к ряду реформ в ее консульской службе. В 1868 г. меняется система деления сотрудников консульской службы на классы (чины), он несколько упрощается и становится более «прозрачной», с повышением заработной платы представителям низших чинов. С 1895 г. консулы получают право на отпуска, а с 1898 г. право на государственную пенсию. В январе 1902 г. принимается новое положение о консульских сборах. Оно упорядочивало систему уплаты консульских пошлин. Несмотря на то, что консульства находились в подчинении министра иностранных дел, однако министры торговли Австрии и Венгрии имели право непосредственного общения с консульствами. Поскольку формально консульская служба не находилась исключительно в юрисдикции общих дел.

На рубеже XIX–XX вв. все важные внешнеполитические решения в империи Габсбургов согласовывались в двух инстанциях: общее заседание правительств Австрии и Венгрии и на военно-политической конференции. На заседании правительств император не присутствовал на регулярной основе. В нем на постоянной основе заседали главы двух правительств, общеимперские министры, начальник генерального штаба, главный инспектор армии и профильные министры Австрии и Венгрии, в зависимости от обсуждаемого вопроса. Без одобрения глав правительств Австрии и Венгрии не принимались основные внешнеполитические решения [7, с. 83]. Если, в первом случае состав участников был вполне закономерен, то состав конференции оставался весьма лабильным. Председательствовал на конференции сам император. В ее работе, как правило, принимали высшие военные чины общеимперской армии, общеимперский министр иностранных дел, общеимперский министр финансов, при необходимости приглашались другие высшие чиновники Австрии и Венгрии. На конференции обсуждались основные внешнеполитические проблемы империи. При необходимости ее рекомендации передавались дальше по инстанциям.

Образование

В империи Габсбургов со второй половины XVIII в. уделялось большое внимание подготовке профессиональных дипломатов. Особое внимание отводилось изучению восточных языков. В Вене многие государственные служащие хорошо знали европейские языки, чего нельзя было сказать о восточных языках. До этого в качестве переводчиков империя использовала левантинцев, проживавших в Османской империи. Австрии требовался собственный штат переводчиков. В первой половине XVIII в. юноши отправлялись в Стамбул для изучения восточных языков. Правда, не всегда данный опыт имел положительный итог. Руководители австрийской миссии в Стамбуле иногда предпочитали использовать учеников в качестве прислуги и, не уделяя большого внимания их образованию [24, р. 10].

В 1753 г. В.А. фон Кауниц-Ритберг предлагает создать Школу восточных языков для подготовки профессиональных дипломатов и переводчиков. Он учитывал опыт деятельности Академии восточных языков в Париже. Весной 1753 г. восемь австрийцев, изучавших вос-

точные языки в Стамбуле, отзываются в Вену и они стали основой нового учебного заведения. Примечательно, что три из них не являлись дворянами [20, р. 241]. 1 января 1754 г. по указу Марии-Терезии Императорская академия восточных языков начинает свою работу. На всем протяжении ее деятельности она сохранила главные принципы, заложенные В.А. фон Кауницем-Ритбергом: 1) усиленное изучение восточных языков и культур; смешанный социальный состав учащихся (дворянство, буржуазия); проживание и обучение учащихся в относительной изоляции для формирования корпоративного духа. Создание учебного заведения со сменным социальным составом для подготовки представителей высшей бюрократии становится революционным событием, поскольку созданный Марией-Терезией «Терезианум» принимал в свои ряды только выходцев из дворянской среды [11, с. 30].

Нахождение в течение 4–6 лет в академии, где обучались представители различных народов и религий империи Габсбургов, помогало учащимся преодолевать свои национальные и религиозные предрассудки, что им пригодилось на дипломатической службе. Кроме этого, они впитывали дух габсбургской бюрократии, преданной императору, отвергающей национализм и религиозную нетерпимость, искренне служа на благо империи [14, с. 206–207]. Выпускник первого набора не из дворян А.П. фон Тугут, впоследствии получил титул барона и в 1794–1801 гг. занимал должность министра иностранных дел страны. Академия становится одним из первых в Европе специализированным учебным заведением, где изучались восточные языки и культуры.

До 1878 г. из стен академии выпускалось 8–10 чел. Максимальный набор производится в 1808 г. (16 чел.). На содержание одного ученика из имперского бюджета выделялось 600 гульденов в год, из них 300 гульденов шли на оплату питания и проживания, а остальная часть суммы на приобретение книг и всего необходимого для обучения [3, с. 54].

По существовавшей в Австрии в XVIII в. практике процесс обучения находился под строгим контролем церкви, в частности ордена иезуитов. Поэтому, неслучайно, что академия первоначально оказалась в структуре Венского университета, управляемого иезуитами. В своей организации она скорее напоминала иезуитскую школу, чем классическое учебное заведение. Первоначально она размещалась во флигеле монастыря Св. Варвары, с 1775 г. в монастыре Св. Анны, а с 1785 г. в монастыре С. Якова. Первым руководителем академии становится монах-иезуит Йозеф Франц (1754–1769 гг.), работавший одно время в Стамбуле и знавший турецкий язык.

В академии ставка делалась на изучение арабского, турецкого и персидского языков, хотя помимо их в академии изучались французский и итальянский языки, каллиграфия, история и география. Турецкому языку отдавалось явное предпочтение. При этом учащимся преподавали музыку, танцы, фехтование, навыки верховой езды. Академия, как и другие европейские образовательные центры такого рода, имела один большой недостаток, так как в процессе преподавания теория доминировала над практикой [8, с. 31]. В школе возникали проблемы с дисциплиной учащихся и с систематизацией их образования, что вызывало нарекания со стороны императорского двора.

Поэтому в 1812 г. вносятся изменения в учебную программу академии [15, р.16]. Обучение теперь стро-

го регламентировалось и составляло пять лет, к восточным языкам добавлялось преподавание греческого языков, международного, морского и валютного права, экономической географии и специализированной истории (востоковедение). Эти изменения значительно улучшили качество образования. В 1818 г. учреждается специальная форменная одежда для учеников школы. Несмотря на реформу, академия сохраняла свой востоковедческий характер. Следует подчеркнуть, что кроме дипломатов она выпускает кадры для научного сообщества империи, судов и государственного аппарата страны. В XIX в. в Вене прекрасно понимают, что успешная дипломатическая деятельность не может осуществляться без поддержки научного сообщества. Поэтому преподаватели академии и профессора Венского университета, привлекаемые для реализации учебного процесса в ней, как правило, являлись известными учеными-востоковедами.

В связи с бурными изменениями в международных отношениях и новыми задачами, стоящими перед Австрийской империей, в 1833 г. последовала очередная реформа академии. Она выводится из подчинения иезуитов и превращается в полноценное светское высшее учебное заведение, хотя ее по-прежнему возглавлял представитель духовенства. Расширяется перечень дисциплин для изучения, в том числе философии [24, р. 13]. Для поступления в академию проводился вступительный экзамен. После обучения выпускники должны были пройти практику в судах или на государственной службе. После чего они получали назначение в консульства с выплатой необходимого жалования. В отличие от выпускников других учебных заведений выпускникам академии не требовалось сдавать специальный экзамен для поступления на дипломатическую и консульскую службу. В Вене неоднократно раздавались предложения о создании на базе академии экономического университета, но она сохранила свою независимость и специфику подготовки кадров [27, р. 135]. Не в последнюю роль в сохранении академией независимости сыграли ее высокопоставленные выпускники.

Революция 1848–1849 гг. сказалась и на деятельности академии. Полиция подозревала некоторых учащихся в проявлении симпатий к революционному движению, но она не смогла выдвинуть реальные обвинения ввиду отсутствия доказательной базы. Последний представитель католической церкви кардинал Йозеф фон Раушер, возглавлявший академию с 1832 по 1849 гг., передает бразды правления светским деятелям [24, р. 11]. В апреле 1849 г. М. Зелингер становится первым светским директором академии.

После создания дуалистической системы академия переименовывается по настоянию Будапешта в Императорскую и Королевскую Восточную академию. С 1883 г. академия получила постоянное место расположения в консульском крыле «Терезианума». В этом же году консульская школа «Терезианума» сливается с академией. Первым директором обновленной академии в 1885 г. становится Пауль Гауч фон Франкентурн, будущий премьер-министр Австрии.

Выпускники академии были востребованы в МИД Австро-Венгрии, в ее посольствах и консульствах за рубежом, в других органах власти империи Габсбургов. После оккупации Боснии-Герцеговины, когда она стала столицей с восточным обществом, которым следовало управлять и интегрировать в имперские структуры, выпускники-востоковеды особенно оказались востребова-

ны, где они заняли руководящие должности [20, р. 242]. Успехом академии являлся тот факт, что 4 из 5 экспертов Австро-Венгрии на Берлинском конгрессе 1878 г. были ее выпускники, включая Г. фон Хаймерле.

Нарастание требований венгерской стороны с точки зрения соблюдения суверенных права Королевства Св. Стефана затронула и деятельность академии. С 1880 г., кроме немецкого, обязательным языком преподавания в академии становится венгерский язык, что должно было символизировать равенство в этом вопросе обеих половин империи Габсбургов [20, р. 242]. Студенты должны были знать оба языка. Отдельно в ней создается кафедра венгерского государственного права. Примерно треть студентов академии являлось венграми.

В академию в эпоху дуализма студенты приезжали из разных регионов империи Габсбургов, прежде всего австро-немецких земель, Венгрии, Богемии и Галиции. За пять лет обучения они формировали, как и в прежние времена, командный дух и впитывали космополитичную имперскую традицию, основанную, в том числе на лояльности Габсбургам, которая была присуща и венграм [2, л. 110]. Представители аристократии и выходцы из буржуазных семей учились в одних классах. Академия становится важным социальным лифтом для незнатных подданных императора. Для поддержки студентов из малоимущих семей и повышения качества обучения в академии вводится 12 стипендий по 1 тыс. гульденов [3, с. 57]. В 1895 г. две стипендии изначально закреплялись за гражданами Венгрии.

С 1883 г. в число изучаемых языков в академии включаются сербский, хорватский, русский и английский. Расширяется перечень изучаемых восточных языков. Академия после попытки преподавания японского языка при поддержке посольства Японии в Вене, все же сделала ставку на изучение китайского языка, так как с Китаем у Австро-Венгрии выстраиваются более тесные взаимоотношения. Примечательно, что испанский язык не преподавался в академии [24, р. 17]. В 1883 г. учебное заведение состояло из директора и 12 преподавателей: три из них являлись юристами, один специалистом в области финансов, один читал курс дипломатии, остальные преподавали восточные языки, двое из них были выходцами из стран востока. К этому времени академия становится и общепринятым научным востоковедческим центром империи.

В 1898 г. Императорская и Королевская Восточная академия в виду радикальных изменений, произошедших в окружающем мире и в самой империи, преобразуется в Императорскую и Королевскую консульскую академию. Инициатива преобразования академии принадлежала министру иностранных дел А. Голуховскому, понимавшему необходимость усиления подготовки кадров для структур министерства иностранных дел Австро-Венгрии. Выступая перед венгерской делегацией 20 ноября 1897 г., он заявил, что будущие успехи во внешней политике, напрямую зависят от укрепления экономических позиций ведущих государств Европы в других регионах мира [24, р. 18]. Министр осознавал, возрастающую роль внешнеэкономической деятельности в международных отношениях начала XX в. Великая держава не могла закрепить свои политические позиции в том или ином регионе мира без расширения с ним экономических контактов. Тем более, конкуренция на мировом рынке только нарастала [3, с. 52]. Там, где еще в 50–80-е гг. XIX в. империя Габсбургов полностью контролировала внешнеэкономические связи, в частности

в Османской империи, в балканских государствах, теперь ей приходилось сталкиваться с острой конкуренцией со стороны других государств, включая союзную Германию.

Поэтому важная миссия в сложившейся ситуации возлагалась на консульства Австро-Венгрии за рубежом, а для этого требовались высококвалифицированные специалисты. Подготовка сотрудников для консульств всегда являлась сложным делом. В данной ситуации лингвистическая направленность академии не могла удовлетворять новым запросам. В этой связи большое внимание начинает уделяться изучению экономики, политологии, истории, юриспруденции, железнодорожному праву, статистике. Консулы должны были стать аналитиками и уметь самостоятельно принимать решения в сложных ситуациях [24, р. 18–19]. Они должны были поднять престиж Австро-Венгрии на Балканах и Ближнем Востоке.

В марте 1898 г. делегации Австрии и Венгрии одобрили создание специальной комиссии, которая разработала план реформы. Ее проводником являлся директор академии М. фон Пидолл, назначенный на эту должность в начале 1886 г. Он являлся опытным администратором и преподавателем. В мае 1898 г. директор предоставил проект реформы, а в июне ее утвердили австрийская и венгерская делегации. В академии происходит реформа образовательного процесса в сторону его большей специализации и получения студентами практических знаний, необходимых им при работе в консульствах [27, р. 135]. Во-первых, создаются два отделения: западное и восточное. Специалисты отдельно готовились для западных государств и для стран востока. На западном отделении обязательным языком для изучения становится английский язык, а на восточном отделении – турецкий. Во-вторых, курсы экономики также ориентировались на данную специализацию, причем экономика становится ведущей дисциплиной в академии. В-третьих, в отделениях вводятся различные дисциплины, предполагающие углубленное изучение региона/страны и упор делается на проведение практических занятий (семинаров). В-четвертых, большое внимание уделяется самостоятельной работе студентов. Расширение спектра преподаваемых дисциплин привело к некоторому сокращению учебных часов, выделяемых на изучение иностранных языков.

Сильной стороной академии являлось наличие, как собственных преподавателей, так и возможность привлечение ведущих профессоров и доцентов Венского университета для преподавания дисциплин в академии. Проведенная реформа сделала академию одним из лучших учебных заведений мира, занимавшихся подготовкой дипломатических и консульских работников [24, р. 19]. Увеличивалось количество стипендий: две особые для граждан Венгрии по 2600 крон, две частные стипендии, выделенные консулом Берндом (2000 крон) и графом Чаки (2500 крон), 10 правительственных стипендий по 2600 крон и 15 стипендий по 2000 крон [3, с. 52]. В академии по-прежнему четко соблюдалось правило, согласно которому, не менее трети учащихся должны были являться гражданами Венгрии.

Проведенная реформа и расширение числа студентов потребовала очередного переезда академии. 3 ноября 1904 г. в присутствии императора состоялось торжественное открытие нового здания академии. Расходы на его строительство составили 850 тыс. крон и еще 150 тыс. крон пошло на обустройство помещений. Данное

событие позволило увеличить набор студентов до 50 чел. в год. Кстати, с этого времени учащиеся академии официально получили название – студенты. Новое здание включало 7 лекционных залов, аудитории для проведения экзаменов, библиотеку, музей, бильярдную, кегельбан и музыкальный зал. В академии имелся специальный штат слуг для решения бытовых проблем студентов. Студенты получали бесплатно обувь, одежду, учебники, канцелярские принадлежности. Обучение проходило с 7 утра до 20.00 [24, р. 21]. К студентам предъявлялись строгие требования, поскольку они претендовали на занятие высоких должностей в посольствах, консульствах и органах государственной власти империи.

Академия сыграла важную роль в подготовке опытных дипломатов не только для Австро-Венгрии. После ее распада государства-наследники использовали опыт и профессиональные знания ее выпускников при создании собственных дипломатических структур [19, р. 19]. В 1921 г. новые власти Австрии переименовали академию в Высшую школу политики и экономики. В марте 1941 г. после выпуска последнего курса она закрывается и восстанавливает свою деятельность только в 1964 г., получив название Дипломатическая академия [15, р. 16].

После провозглашения дуализма в Венгрии начинает активно развиваться востоковедение. Однако это имело не только научное, но и прагматическое значение. Будапешт рассматривал Балканы и Ближний Восток в качестве объекта для своей экономической экспансии [20, р. 9]. Правительство и частные лица жертвовали значительные суммы на создание востоковедческих центров. Венгрии не собирались проводить альтернативную политику, она была направлена на решение общих внешнеэкономических задач империи Габсбургов на Балканах и Ближнем Востоке, что не исключало расхождения во мнениях между Венной и Будапештом по ряду вопросов [16, р. 47–48].

В венгерской половине империи также создается учебное заведение, осуществлявшее подготовку специалистов для консульских представительств Австро-Венгрии и экономических структур, занимавшихся внешнеэкономическими связями. В 1899 г. в Будапеште открывается Восточная коммерческая академия. Инициатором ее создания становится известный венгерский востоковед и разведчик Л. Талоцци, который кроме всего собирал необходимую информацию о Балканах и Ближнем Востоке для министерства торговли Венгрии [17]. Кстати, он выполнял разведывательные функции и на территории России. В академии упор делался на получение будущими консулами и сотрудниками других структур практических знаний о ведении коммерческих дел на Балканах и Ближнем Востоке. Данный фактор не исключал изучение ими истории и культуры народов региона. В 1909 г. она преобразуется в Королевскую Венгерскую Восточную коммерческую академию [1, л. 9]. Учебное заведение значительно расширяется. Обучение в академии составляло два года. В ней по-прежнему упор в процессе обучения кроме преподавания восточных языков делался на практические знания, необходимые при ведении торговых операций в странах Ближнего Востока. Примечательно, что академия стала одной из основ для создания в будущем Будапештского университета им М. Корвина.

Условия для дипломатической и консульской деятельности в Австро-Венгрии

Комплектование МИД Австро-Венгрии опиралось на традиции формирования бюрократического аппарата империи Габсбургов. В любой орган власти мог прийти представитель любого сословия, национальности и вероисповедания поданный Габсбургов и сделать в нем карьеру. Поэтому общеимперский МИД придерживался этих же принципов. Представителей различных регионов и народов можно было встретить в стенах министерства, в посольствах и консульствах Австро-Венгрии за рубежом. Однако на практике все обстояло гораздо сложнее.

Для успешной карьеры в министерстве требовалось несколько условий. Во-первых, знатность происхождения, во-вторых, профессионализм, в-третьих, воспитание и обладание глубокими познаниями в области этикета, культуры и др. Дипломатическая служба в Австро-Венгрии являлась чисто мужским занятием. Женщины, в том числе из дворянских семей трудились в центральном аппарате министерства в качестве вспомогательного персонала (секретари, телефонистки и т.д.).

Для занятия дипломатической должности требовалось иметь высшее юридическое образование, стаж работы один год при министерстве иностранных дел или два года при дипломатических представительствах за рубежом, имущественный ценз в виде годового дохода в 12 тыс. крон (4800 руб.). Это объяснялось тем, что будущие профессиональные дипломаты, первоначально принимались в министерство в качестве стажеров без получения жалования. Кроме того, следовало сдать специальный дипломатический экзамен. Все кандидаты на занятие должностей в посольствах или консульствах, не говоря уже о центральном аппарате МИД, должны были являться гражданами Австрии или Венгрии.

Консульская работа начиналась с должности атташе. Для ее занятия требовалось пройти консульский экзамен, от него освобождались, как уже отмечалось, выпускники успешно, закончившие Консульскую академию. Остальные кандидаты должны были закончить юридический факультет университета, иметь один год стажа консульской или государственной службы, предоставить медицинское свидетельство. Согласно циркуляру от 1891 г. консулы должны были получать доход 2000 крон, вице-консулы 4000 крон, другие сотрудники консульств 1200 крон [3, с.64]. Данные финансовые условия для прохождения карьеры вызывали острую критику внутри самого министерства, их активно осуждали представители многих политических сил и средства массовой информации.

Большие споры в империи вызывало требование, предъявляемое к дипломатам и консульским работникам о несостоянии в браке. Данное условие для консульских работников водится в августе 1850 г. Циркуляр по министерству иностранных дел от 12 июля 1889 г. и 2 мая 1899 г. подтверждали действие этого правила. Для вступления в брак требовалось подать специальное прошение на имя министра иностранных дел. В этой ситуации министерство учитывало социальное происхождение невесты и доход молодой семьи, то есть кандидатура невесты проходила специальную проверку. В результате только треть вице-консулов получало разрешение на брак. Циркуляр от 12 июня 1891 г. вводил такие же требования и для дипломатических работников. Молодые дипломаты проживали в доме посла, фактически являясь членом его семьи, поэтому

у них имелись и объективные сложности для вступления в брак. Следовательно, от данного правила, прежде всего, страдали молодые дипломаты.

Иногда в брак они вступали с уроженками тех стран, где они работали. В этой ситуации для МИДа была важна не национальность, а социальное и материальное положение невесты. В качестве примера можно привести семью посла Австро-Венгрии в Японии Г. фон Куденхове-Калерги, отца известного сторонника панъевропейского движения Р. фон Куденхове-Калерги [4, с. 7]. Посол женился на Мицукэ Аояма происходившей из семьи крупного торговца. А. Голуховский состоял в браке с представительницей французской аристократии, дочерью Й. Мюрата и т.д. В большинстве случаев такую семью через некоторое время переводили на дипломатическую службу в другую страну. В этом отношении космополитичная Вена демонстрировала большую терпимость к бракам с иностранками. В частности, в Германии такие браки были запрещены. В брак можно было вступить без разрешения министерства, но в таком случае приходилось оставить службу. Так, на время в 1908 г. пришлось покинуть дипломатическую службу даже князь Г. Гогенлоэ, поскольку его помолвка с эрцгерцогиней Марией-Генриеттой, дочерью эрцгерцога Фридриха вызвала противоречивую реакцию в Хофбурге и он смог вернуться на дипломатическую службу только в 1914 г. [21, s. 392]. Многие депутаты в парламентах Австрии и Венгрии проявляли недовольство, сложившейся практикой, призывая ее отменить. На официальный уровень эта проблема вышла только в 1910 г., когда ее на повестку дня поставила австрийская делегация.

Дипломатическая и консульская служба в Австро-Венгрии являлась престижным делом, поэтому представители аристократии охотно выбирали карьеру в посольствах и консульствах империи за рубежом. Данный вид государственной службы, имевший многовековую историю и сложный ритуал, основанный на традициях, вызывал уважением внутри империи Габсбургов и за ее пределами. Дипломаты представляли интересы своей страны, династии Габсбургов, что укрепляло их авторитет в обществе. Молодые дипломаты оказывались в столицах других государств, в окружении влиятельных фамилий, как представлявших дипломатию других государств, так и страны места пребывания. Светские рауты и деловые встречи позволяли молодым дипломатам обзавестись нужными знакомствами и деловыми связями, показать свои знания, профессионализм и хорошие манеры.

В результате с 1720 по 1918 г. среди руководителей министерства иностранных дел только 10 % не принадлежало к влиятельным аристократическим или дворянским фамилиям. Но даже из этих 10% часть министров имело приставку «фон», что говорило о даровании им дворянского титула императором за верную службу или принадлежности к обедневшему дворянству. Среди министров иностранных дел, не принадлежавшего к самым верхам австро-венгерского общества можно выделить Г. Хаймерли, занимавшего должность с 8 октября 1879 г. по 10 октября 1881 г. (умер, находясь на должности – Б.В.). Он являлся бароном, выходцев из среды богемского дворянства. В эпоху дуализма только у трех послов Австро-Венгрии отсутствовало дворянское происхождение.

Консульские работники в значительной части служаев оказывались за пределами столиц, но от этого их

миссия не становилась менее значимой и уважаемой, поскольку от их успеха зависели внешнеэкономические достижения империи, ее мощь и сила. Они также служили императору, что являлось высшей ценностью для габсбургской бюрократии. Сотрудники консульств получали обширные познания в области экономической, в том числе торговой деятельности, завязывая тесные связи с представителями местной торгово-промышленной элиты. Среди консульских работников также присутствовали представители дворянства, но выходцы и буржуазных семей теснили их позиции.

Национальная принадлежность, тем более межнациональные склоки обходили стороной МИД империи и ее представительства за границей. Так, посол в Германии Ф. Сапари постоянно возмущался действиями национальной оппозиции в Венгрии, в том числе одного из лидеров А. Аппоньи, направленных против династии [6, с. 100]. Колония дипломатов и консульских работников за границей являлась сплоченной и монолитной корпорацией. В случае возникновения конфликтов, а они в основном касались межличностных взаимоотношений, они быстро гасились и не предавались огласке.

Как и в случае с другими общеимперскими министерствами в МИД доминировали выходцы из Вены, Верхней и Нижней Австрии, Штирии, Богемии, Моравии, находившихся рядом со столицей. В этническом плане доминировали австро-немцы. Это не был результат целенаправленной политики. Австро-немцы, как правило, отличались высоким уровнем образования и владения немецким языком. Среди дипломатов много бывших офицеров, переходивших на дипломатическую службу. Данная тенденция

Второй по численности группой сотрудников МИД становятся граждане Венгрии и не только этнические венгры. Самыми известными венграми в министерстве становится Д. Андраши-старший и И. Буриан. Д. Андраши занимал должность министра с 14 ноября 1871 г. до 8 октября 1879 г. И. Буриан находился на посту министра в сложный для империи период с 13 января 1915 г. по 22 декабря 1916 г. В этой связи стоит отметить Г. Кальноки, принадлежавшего к моравской аристократии, но его род происходил от секеев Трансильвании [26, р. 330]. Однако Г. Кальноки занимал особое место в этом ряду. Он получил классическое австрийское образование, не проявляя интереса к венгерскому языку и национальному движению. Это наложило отпечаток на его взгляды и политику. Г. Кальноки всегда отрицательно относился к попыткам Венгрии оказывать чрезмерное влияние на внешнюю политику империи [25, s. 12].

С XVII в. венгры регулярно привлекались к дипломатической службе императором. Они себя зарекомендовали в качестве опытных профессионалов. Практически все они относились к числу представителей венгерской аристократии или дворянства Задунайской и Западной Венгрии. Среди представителей дипломатического корпуса империи Габсбургов постоянно встречались фамилии известных аристократических фамилий Венгрии (Андраши, Зичи, Паллавичини, Пальфи, Эстерхази). Среди верхов венгерского общества дипломатическая служба считалась престижным делом. В эпоху дуализма представители среднего и мелкого дворянства Венгрии стремятся попасть на дипломатическую и консульскую службы, что открывало им большие возможности. В качестве примера можно привести биографию посла Австро-Венгрии в Риме в 1910–1915 гг. К.М. фон Капош-Мери. Д. Андраши, а позже Б. Каллай активно

поддерживали данную тенденцию. Б. Каллай сам, будучи дипломатом, возглавлявшим генеральное консульство в Белграде, с 1882 г. становится общеимперским министром финансов, сохранив хорошие связи в МИД, что он использовал для продвижения по дипломатической службе граждан Венгрии.

Примечательно, что послами Австро-Венгрии в Берлине практически всегда являлись венгры. Несмотря на союзнические отношения, австрийская аристократия сохраняла свою неприязнь к пруссакам, помня о поражении в 1866 г. и исключении Австрийской империи из состава Германского союза. Исключение становится назначением 8 августа 1914 г. послом в Берлин князя Г. Гогенлоэ, имевшего тесные родственные связи с аристократическими фамилиями Австро-Венгрии, России и Германии [21, с.392]. Это должность он занимал до 11.11. 1918 г. В тоже время, венгры не получали должность посла в Бухаресте в виду конфликта между румынским меньшинством и правительством в Венгрии, что вызывало острую реакцию в Румынии. К числу, несомненно, талантливых дипломатов выходцев из Венгрии относился маркиз И. фон Паллавичини, последний посол империи Габсбургов в Османской империи [12, с. 21]. Он в апреле 1917 г. отказался от предложения императора Карла I возглавить общеимперский МИД. Примечательно, что венгры к началу Первой мировой войны занимали должности послов в Берлине, Париже, Риме, Стамбуле и Санкт-Петербурге, где в 1 октября 1913 г. послом назначается граф Ф. Сапари, вручивший верительную грамоту Николаю II 14 февраля 1914 г.

Эпоха дуализма наложила отпечаток на работу МИД Австро-Венгрии. Венгерская сторона постоянно требовал увеличения удельного веса венгров среди работников дипломатических и консульских учреждений, а также в центральном аппарате министерства иностранных дел. В 1868 г. всего два венгра возглавляло посольства империи Габсбургов из 23. В 1892 г. 11,75 % сотрудников центрального аппарата составляли венгры, 27 % посольств и 36 % консульств. К 1914 г. данные показатели меняются в пользу венгров, так как в центральном аппарате они уже составляли 26 %, в дипломатических миссиях 34 %, только в консульствах их доля немного сократилась до 32,25 % [20, р. 248]. В 1914 г. 15 граждан Венгрии возглавляли посольства из 32.

Довольно значительную этническую группу в МИД составляли поляки, главным образом, из Галиции. Среди них также доминировали выходцы из верхов польского общества, имевших высокий уровень образования и необходимые связи в Вене. Император и его окружение видели в поляках лояльную империи часть бюрократии, содействуя их продвижению по службе. Большую известность в империи и за ее пределами получил А. Голуховский, представитель известного аристократического рода в Галиции [13, с.279]. Его отец занимал должность министра внутренних дел Австрийской империи в 1859–1861 г. и трижды должность наместника Галиции (1849–1859 гг., 1866–1868 гг., 1871–1875 гг.). А. Голуховский занял должность министра 16 мая 1895 г., находясь на этой должности до 24 октября 1906 г. Особенностью польской части дипломатического корпуса являлось отсутствие поляков среди послов в Санкт-Петербурге и Берлине, что могло вызвать отрицательную реакцию в России и Германии, где польский вопрос оставался острой внутривнутриполитической проблемой.

МИД Австро-Венгрии делила на три части: центральную администрацию министерства, дипломати-

ческие представительства; консульские учреждения. Австро-венгерские дипломаты имели возможность переходить из одной структуры в другую, чем не редики они пользовались. Уже упоминавшийся Г. Хаймер оставил работу в центральном аппарате, уйдя в 1877 г. на должность посла в Италии. В 1914 г. в МИД империи числилось 850 сотрудников, из них 232 работало в министерстве в Вене, 150 в посольствах и 463 в консульствах [27, р. 164].

Центральная администрация МИД делилась на четыре департамента. Первый департамент, отвечавший за политические вопросы, второй департамент ведал административными вопросами, третий департамент выступал в качестве коллегиального органа, обсуждавшего основные проблемы внешней политики Австро-Венгрии, и четвертый департамент играл роль вспомогательной службы, где проводилась шифровка депеш, перевод документов, оказание юридических и справочных услуг. Первый департамент являлся самым многочисленным, а его руководитель играл важную роль в министерстве и в случае необходимости исполнял обязанности министра [20, р. 245]. Многие высокопоставленные дипломаты империи начинали свою карьеру именно в политическом департаменте.

Первый департамент делился на несколько отделов, курировавших основные регионы, представлявшие большой интерес для внешней политики империи Габсбургов. Первый отдел отвечал за выстраивание отношений со странами востока. Второму отделу отводилась особая миссия, он курировал связи с Ватиканом, чему Габсбурги уделяли большое внимание. Третий отдел руководил связями с Германией и странами Скандинавии, и четвертый отдел курировал Юго-Восточную Европу и заморские территории. Руководители отделов пользовались большим влиянием в министерстве. Особенно в принятии решений, за которые они отвечали.

В начале XX в. консулы Австро-Венгрии делились на штатных, находившихся на государственной службе и внештатных. Штатные консулы подразделялись на пять категорий: генеральные консулы 1 класса, генеральные консулы 2 класса, консулы, вице-консулы, консульские атташе. Первые четыре категории консульских работников по представлению министра иностранных дел, назначались императором, а консульские атташе приказом самого министра.

К 80-м гг. XIX в. дипломатические учреждения Австро-Венгрии делились на посольства, миссии, генеральные консульства, консульства, почетные генеральные консульства и консульства, почетные субконсульства, почетные консульские агентства. После революции 1848–1849 гг. все посольства Австрии понижаются в статусе до уровня миссий [23, с. 105]. Затем идет процесс их восстановления. Полноценные посольства во главе с послами Австро-Венгрия имела в Ватикане (1856 г.), Великобритании (1860 г.), Германии (1871 г.), Италии (1877 г.), Османской империи (1867 г.), Франции (1856 г.), России (1874 г.). В Бельгии, Бразилии, Греции, Дании, Испании, Нидерландах, Португалии, Румынии, Сербии, США, Швейцарии, Швеции, Персии в других государствах Азии и Латинской Америки находились дипломатические миссии во главе с легатами или министрами. В Черногории миссию возглавлял специальный министр-резидент. Даже после объединения Германии Австро-Венгрия сохранила дипломатические представительства в ряде германских государств, в частности в Баварии и Вюртемберге. В начале XX в.

посольства учреждаются в Вашингтоне (1903 г.) и Токио (1908 г.). Последнее посольство Австро-Венгрия открывает в 1917 г. в Христиании (Осло). В 1914 г. империя Габсбургов имела 34 дипломатических представительства, в том числе 9 посольств, 22 миссии и 2 дипломатических агентства [18, р.13].

Стандартная численность дипломатов при посольствах и миссиях составляла 3-4 чел. Однако, в значительном количестве случаев допускались исключения. Самой многочисленной посольство Австро-Венгрии располагалось в Лондоне (14 чел.), в Риме (9 чел.), в Париже и Стамбуле (по 8 чел.), в Санкт-Петербурге (7 чел.). В Бразилии, Бадене и Браушвейге работало по 1 чел. В Вашингтоне, Копенгагене, Лиссабоне, Тегеране, Цетине по 2 чел.

Империя Габсбургов располагала довольно разветвленной сетью консульств в различных регионах мира. В Александрии, Барселоне, Бейруте, Буэнос-Айресе, Варшаве, Венеции, Генуе, Лейпциге, Ливерпуле, Лондоне, Марселе, Москве, Одессе, Париже, Скутари, Смирне, Софии, Салониках, Трапезунде, Тунисе, Филиппополе, Шанхае, Янине находились генеральные консульства Австро-Венгрии. Самый многочисленный штат сотрудников работал в Александрии и Смирне (по 9 чел.), в Софии (8 чел.). Более многочисленными являлись консульства, их штат также не был постоянным. Так, в консульстве в Стамбуле числилось 14 чел., а в Бухаресте 9 чел., в Белграде 8 чел. В большинстве консульств работало от 2 до 5 сотрудников. Хотя в консульстве в Иерусалиме работал только сам консул. В почетных генеральных консульствах, консульствах, субконсульствах и агентствах числились 1-2 чел. Исключением становятся Бреслау, Гамбург, Санкт-Петербург, Нью-Йорк (по 3-4 чел.). Во Франкфурте на Майне почетным консулом Австро-Венгрии являлся К.Р. Ротшильд. К 1904 г. Австро-Венгрия имела 487 консульских постов, в том числе 95 штатных и 31 генеральное консульство [3, с. 53]. Для сравнения Германия располагала 734 консульскими постами.

Результаты. После подписания Карловицкого мира в 1699 г. Австрийская империя занимает весомые позиции на международной арене. Расширение направлений внешнеполитической деятельности и ее стратегических задач приводит к созданию в 1720 г. государственно-го органа власти, курирующего внешнюю политику. До

1852 г. дипломатическая и консульская службы развивались независимо друг от друга, после чего они объединяются под началом министерства иностранных дел. Большую роль во внешней политике империи занимали Балканы и Ближний Восток, что наложило отпечаток на все стороны деятельности дипломатического ведомства и консульств империи. Неслучайно, что дипломатическая академия империи получила востоковедческую направленность деятельности. В империи Габсбургов уделяется много внимания профессиональной подготовке кадров (дипломатов и консульских работников). Структура образования в течении XIX в. сокращает лингвистическую подготовку студентов в пользу расширения их знаний в области экономики, истории и культуры различных регионов мира. В Вене и Будапеште понимали необходимость объединения усилий системы образования, научного сообщества, торгово-промышленных кругов и государства для достижения внешнеполитических успехов.

Система комплектования кадров для центрального аппарата министерства иностранных дел, посольств и консульств ориентировалась на привлечение в их ряды профессиональных сотрудников, приверженных принципам габсбургской бюрократии, далеких от националистических, сословных и религиозных предрассудков и стремящихся защищать интересы империи за ее пределами. Создание дуалистической системы наложило некоторый отпечаток на деятельность внешнеполитического ведомства Австро-Венгрии, что привело к увеличению численности граждан Венгрии в его рядах. В центральном аппарате министерства и в посольствах доминировали представители аристократии и дворянства, в консульствах состав служащих был более пестрым в социальном отношении.

К началу Первой мировой войны Австро-Венгрия смогла создать мощное внешнеполитическое ведомство, способное отстаивать ее интересы в качестве «великой державы» и принимать профессиональные решения в сложных международных конфликтах, но оно не смогло спасти империю от катастрофы 1914 года, что стало результатом и грубых просчетов министерства иностранных дел империи в оценке развития ситуации в Европе после убийства эрцгерцога Франца Фердинанда.

Литература

1. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. 153. Особый политический отдел. Оп. 668. Д. 236.
2. АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 583.
3. Александренко В. Н. Консульская академия в Вене // Журнал Министерства Юстиции. 1907. № 6 (Июнь). С. 49-66.
4. Арапина С. В., Гетман М. А. Отношения России и Европы во взглядах Р.Н. фон Куденхове-Калерги // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3. С. 7-11.
5. Богоявленский Б. Л. Дипломатия Клеменса Меттерниха в решении польско-саксонского вопроса на Венском конгрессе 1814-1815 годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Серия 6. Вып. 3. С. 84-88.
6. Бюлов Б. Воспоминания. М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. 562 с.
7. Венгерский закон XII 1867 об общих делах земель Венгерской короны и остальных земель, стоящих под управлением его величества, и о порядке их разрешения // Сборник действующих конституционных актов. Под ред. В. М. Гессена и бар. Б. Э. Нольде. Т. II. Федерации и республики. СПб.: Право, 1907. С. 66-85.
8. Воевода Е. В. Изучение восточных языков при подготовке государственных служащих в Европе в XVIII-XIX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. 2010. № 1. Педагогика. С. 29-34.
9. Жерлицына Н. А. К истории учреждения российских дипломатических представительств в Магрибе в конце XVIII-XIX вв. По материалам Архива внешней политики Российской империи // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 159-171.
10. Хабибрахманов И. А., Мирасрапов М. П. Дипломатическая революция в преддверии Семилетней войны // Казанский вестник молодых ученых. История и археология. 2020. № 4. С. 87-96.
11. Хаванова О. В. Заслуги отцов и таланты сыновей: венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов 1746-1784. СПб.: Алетейя, 2006. 439 с.
12. Чернин О. В дни мировой войны. М.-Пг.: Государственное издательство, 1923. 296 с.

13. Шарый А., Шимов Я. Корни и корона. Очерки об Австро-Венгрии: судьбы империи. М.: КоЛибри, 2010. 448 с.
14. Яси О. Распад Габсбургской монархии. М.: Три квадрата, 2011. 608 с.
15. Austria reopens envoys' school; Academy Closed in '38 to Train Diplomats Again // The New York Time. 04.10.1964. P. 16.
16. Bertényi I. A „Magyar birodalmi gondolatról” – az I. világháború előtt // Kommentár. 2007. No. 4. P. 40–56.
17. Csaplár-Degovics K, Jusufi L. The birth of the first Albanian-Hungarian dictionary (1913) // Acta Balcano-Hungarica. Budapest: Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, 2019. P. 257–275.
18. Godsey W. D. Aristocratic Redoubt: The Austro-Hungarian Foreign Office on the Eve of the First World War. West Lafayette: Purdue University Press, 1999. 304 p.
19. Hajdú Z. Az intézményes Balkán-kutatás kialakulásának és fejlődésének problémái Magyarországon 1948-ig, különös tekintettel a földrajzi kutatásokra // Balkán-füzetek. 2003. No. 1. 75 p.
20. Halász I. The Foreign Administration of the Austro-Hungarian Empire (1867–1918) // Krytyka Prawa. Niezależne Studia nad Prawem. Vol. 11. No. 1. 2019. P. 238–251.
21. Hohenlohe-Schillingsfürst Gottfried Prinz/Österreichisches Biographisches Lexikon 1815–1950. Vol. 2. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1957. P. 392.
22. Jindřich D. Diplomacie Československa // Praha: Academia, 2013. 803 s.
23. Matsch E. Der Auswärtige Dienst von Österreich-Ungarn 1720–1920. Vienna: Böhlau, 1986. 298 p.
24. Pfusterschmid-Hardtenstein H. A Short History of the Diplomatic Academy of Vienna (Training for International Careers Since 1754). Wien: Diplomatic Academy of Vienna, 2009. 56 p.
25. Rauscher W. Zwischen Berlin und St. Petersburg, Die österreichisch-ungarische Außenpolitik unter Gustav Graf Kálnoky 1881-1885. Wien-Köln-Weimar: Böhlau, Cop, 1993. 248 s.
26. Rutkowski E. R. Gustav Graf Kálnoky, Eine biographische Skizze/Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs (MÖStA). Bd. 14. Wien, 1961. 330-343 s.
27. Somogyi É. Magyarok a bécsi világban. A közös külügyminisztérium magyar tisztviselői 1867. Budapest: Institutum Historicum Sedes Centralis Studiorum Philosophicorum Academiae Scientiarum Hungaricae, 2017. 298 p.

References

1. Archive of the International Policy of the Russian Empire (AVP RI). F. 153. Special Political Department. Inv. 668. D. 236. (In Russ).
2. AVPRI. F. 151. Politarhiv. Inv. 482. D. 583. (In Russ).
3. Aleksandrenko VN. Consular Academy in Vienna. *Zhurnal Ministerstva Justicii*. 1907;(6):49-66. (In Russ).
4. Arapina SV, Getman MA. Relations between Russia and Europe were celebrated by R.N. von Coudenhove-Kalergi. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015;(3):7-11. (In Russ).
5. Bogojavlenskij BL. Klemensa Metterniha's diplomacy in the solution of the Polish-Saxon issue at the Hungarian Congress in 1814-1815. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2010;6(3):84-88. (In Russ).
6. Bjulov B. Remembrance. Moscow-Leningrad: State Social-Economic Research; 1935. 562 p. (In Russ).
7. Hungarian Law of the 12th century on the general deeds of the Hungarian Crown and other lands, remaining under the administration of its Majesty, and the order of their permission in Collection of effective constitutional acts. Under the editorship of VM Gessen and bar. B Jewry. Vol. II. Federations and republics. St. Petersburg: Law, 1907. p. 66-85. (In Russ).
8. Voevoda EV. Oriental studies in training of civil servants in the 18th-19th centuries. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. 2010;(1):29-34. (In Russ).
9. Zherlicyna NA. Concerning History of the Establishment of Russian Diplomatic Missions in the Maghreb in Late 18th – 19th Century: Materials from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. *Vestnik arhivista*. 2017;(4):159-171. (In Russ).
10. Habibrahmanov IA, Mirasrarov MP. Diplomatic revolution in the early of the seven years war. *Kazanskij vestnik molodyh uchenyh. Istorija i arheologija*. 2020;(4):87-96. (In Russ).
11. Havanova OV. Fathers' contributions and sons' talents: Hungarian nobles in the academic institutions of the Habsburg monarchy 1746-1784. St. Petersburg: Aleteja; 2006. 439 p. (In Russ).
12. Chernin O. In the days of the world war. Moscow-Pg.: State Publishing House; 1923. 296 p. (In Russ).
13. Sharyj A, Shimov Ja. Roots and crowns. Essays on Austria-Hungary: the fate of the empire. Moscow: KoLibri; 2010. 448 p. (In Russ).
14. Jasi O. The History of the Habsburg Monarchy. Moscow: Tri kvadrata; 2011. 608 p. (In Russ).
15. Austria reopens envoys' school; Academy Closed in '38 to Train Diplomats Again in The New York Time. 04.10.1964. P. 16.
16. Bertényi I. A "Hungarian brotherhood" - before the First World War. *Kommentár*. 2007;(4):40-56. (In Hungar.).
17. Csaplár-Degovics K, Jusufi L. The birth of the first Albanian-Hungarian dictionary (1913). *Acta Balcano-Hungarica*. Budapest: Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences. 2019:257-275.
18. Godsey WD. Aristocratic Redoubt: The Austro-Hungarian Foreign Office on the Eve of the First World War. West Lafayette: Purdue University Press; 1999. 304 p.
19. Hajdu Z. The problems of the formation and development of institutional Balkan research in Hungary until 1948, with special regard to geographical research // *Balkán-fuzetek*. 2003;(1):75. (In Hungar.).
20. Halász I. The Foreign Administration of the Austro-Hungarian Empire (1867-1918). *Krytyka Prawa. Niezależne Studia nad Prawem*. 2019;11:238-251.
21. Hohenlohe-Schillingsfürst Gottfried Prinz/Austrian Biographical Dictionary 1815-1950. Vol. 2. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften; 1957. P. 392. (In Germ.).
22. Jindřich D. Diplomacy Of Czechoslovakia. Praha: Academia; 2013. 803 p. (In Czech).
23. Matsch E. The Foreign Service of Austria-Hungary 1720-1920. Vienna: Böhlau; 1986. 298 p. (In Germ.).
24. Pfusterschmid-Hardtenstein H. A Short History of the Diplomatic Academy of Vienna (Training for International Careers Since 1754). Wien: Diplomatic Academy of Vienna; 2009. 56 p.
25. Rauscher W. Between Berlin and St. Petersburg, The Austro-Hungarian foreign policy under Gustav Graf Kálnoky 1881-1885. Wien-Köln-Weimar: Böhlau, Cop; 1993. 248 p. (In Germ.).
26. Rutkowski ER. Gustav Graf Kálnoky, A biographical sketch. *Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs (MÖStA)*. Bd. 14. Wien; 1961. 330-343 p. (In Germ.).
27. Somogyi É. Hungarians in the Viennese world. Hungarian officials of the joint Ministry of Foreign Affairs 1867. Budapest: Institutum Historicum Sedes Centralis Studiorum Philosophicorum Academiae Scientiarum Hungaricae; 2017. 298 p. (In Hungar.).

Научная статья

УДК 39:001,891.55+069.013

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.8>

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1930-Х ГГ. В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Владимир Александрович Дмитриев

Российский этнографический музей (д. 4/1, Инженерная ул., Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории
dmitriev_home@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0011-5153>

Аннотация. Введение. В конце 1930-х гг. Российский этнографический музей (тогда Государственный музей этнографии) с созданием в нем исторического отдела приблизился к статусу Национального музея. Данное изменение, бывшее весьма кратковременным, малоизвестно и продолжает вызывать вопросы. **Материалы и методы.** Основным методом исследования является изучение и введение в научный оборот информации, содержащейся в документах архива Российского этнографического музея. На основании анализа архивных документов и публикаций в научной периодике выявляется соотношение логики развития конкретного научного учреждения и результатов влияния на нее элементов государственной политики. **Анализ** проводится на основании оценки тех изменений, которые произошли в Государственном музее этнографии во второй половине 1930-х гг. **Результаты.** В этот период музей, пережив реформы, связанные с выделением его в учреждение «советского» типа, вернулся к научным нормам работы. Был выработан собственный стиль экспедиционных поездок, проверен на практике новый тип

экспозиции, сформирована концепция изучения этнографии современности. Особым событием было создание в музее на краткий период исторического отдела, для обеспечения работы которого было использовано собрание бывшего Историко-бытового отдела Русского музея.

Ключевые слова: Государственный музей этнографии, этнографическая экспозиция, традиционная этнография, этнография современности, Исторический отдел Государственного музея этнографии, Историко-бытовой отдел Русского музея

Для цитирования: Дмитриев В. А. Вторая половина 1930-х гг. в истории Российского этнографического музея // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 72–79. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.8>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 29.12.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.03.2025.

Статья принята к публикации: 25.03.2025.

Research article

THE RUSSIAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM IN THE SECOND HALF OF THE 1930S

Vladimir A. Dmitriev

Russian Ethnographic Museum (4/1, Inzhenernaya St., St. Petersburg, 191186, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Head scientific member
dmitriev_home@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0011-5153>

Abstract. Introduction. The Russian Ethnographic Museum (then the State Museum of Ethnography) in the late 1930s, as a result of the creation of a historical department in it, approached the status of a national museum. This change, which was very short-lived, is little known and continues to raise questions. **Materials and Methods.** The main method of research is the study and introduction into scientific circulation of information contained in the documents of the archive of the Russian Ethnographic Museum. Based on the analysis of archival documents and publications in scientific periodicals, the relationship between the logic of development of a particular scientific institution and the results of the influence of elements of state policy on it is revealed. **Analysis.** The analysis is carried out on the basis of an assessment of the changes that occurred at the State Museum of Ethnography in the second half of the 1930s. **Results.** During this period, the museum, having survived the reforms associated with its separation into a “Soviet” type institution, returned to scientific standards of work. A personal style of expedition trips was developed, a new type of exhibition was tested in practice,

and a concept for studying the ethnography of modern times was formed. A special event was the creation of a historical department in the museum for a short period, to support the work of which the collection of the former Historical and Household Department of the Russian Museum was used.

Keywords: State Museum of Ethnography, ethnographic exhibition, traditional ethnography, modern ethnography, Historical Department, Historical and Household Department

For citation: Dmitriev VA. The Russian Ethnographic Museum in the second half of the 1930s. *Humanities and law research*. 2025;12(1):72-79. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.8>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 29.12.2024.

The article was approved after reviewing: 18.03.2025.

The article was accepted for publication: 25.03.2025.

Введение. 1930-е гг. являются периодом особых трансформаций в истории нашей страны, что видно на примере событий, затронувших, в частности, Российский этнографический музей (РЭМ), существовавший с 1934 г. как Государственный музей этнографии. Изучение уникальных событий в истории одного из музеев в момент, когда он приблизился к статусу Национального музея, позволяет оценить в какой степени музейное дело является частью внутренней политики страны.

Материалы и методы. Данный период освещен преимущественно материалами из архива Российского этнографического музея. Их изучение явилось базой для выявления и сопоставления сведений о пути эволюции музейно-этнографического знания, вырабатываемого в самом музее, и элементов государственной политики в отношении музейного дела в период завершения резкой трансформации общественной жизни в СССР конца 1920-х гг. первой половины 1930-х гг.

Анализ. Изучению подвергаются свидетельства об изменении направленности научной деятельности музея после его реформирования в 1934 г. и возвращении к выполнению задач этнографического музея как научного учреждения. Этот путь коллектив музея проделал самостоятельно и эффективно. На деятельности ГМЭ также сказались компоненты государственной политики в области науки, готовой в конце 1930-х гг. принять часть приемов ее дореволюционной организации.

Очевидно, имеет необходимость отметить в целом специфику второй половины 1930-х гг. в истории российского государства, имевшего уже устоявшуюся форму Союза Советских Социалистических Республик и задекларированную в Конституции 1937 г. 1930-е гг. начались с резкого модернизационного скачка, проведенного властью со второй половины предшествовавшего десятилетия и изменившего тип цивилизационного развития страны с аграрно-традиционного на индустриально-городской, многие особенности которого в СССР определялись государственно-партийной вертикалью управления социальными и культурно-образовательными процессами. Была ограничена или устранена роль всех общественных групп, которые связывались с наследием прошлого, заново сформирована техническая и гуманитарная интеллигенция, введена в строй отлаженная система идеологического контроля в сферах науки, культуры, образования и просвещения. Модернизационный скачок проходил в жестоко-репрессивном режиме, однако можно полагать, что в самом конце 1930 г. страну уже наметили переводить на постреволюционное развитие, что показали отчасти материалы XVIII партийного съезда. Из-за начавшейся в 1939 г. Второй мировой войны и последовавшего за ее окончанием восстановительного периода, процесс признания того, что революции завершилась, затянулся до решений XX съезда КПСС в 1956 г.

Названные обстоятельства являются общеисторическими факторами существования всех общественных институтов СССР в 1930-х гг. Для Российского этнографического музея их прямым проецированием являются смена кадрового состава музея и реорганизация в 1934 г. музея в самостоятельное учреждение, полностью закрывшая страницу его дореволюционной истории. История ГМЭ в 1930 г. делится на два периода: 1934–1937 гг. и 1937–1941 гг. Рубежом между периодами является время временного закрытия музея в летне-осенний период 1937 г., когда страна переживала пик трагедии «большого террора».

Помимо общеисторических необходимо учесть структурные факторы, относящиеся к таким областям методологии музейной деятельности, этнографической науки и краеведения.

При характеристике основ советского музейного дела в 1930-х гг. отмечаются следующие признаки:

- реорганизация музейного дела в начале десятилетия, толчок к которой был задан 1-м Всероссийским музейным съездом 1–5 декабря 1930 г., (83% участников которого пришли в музейное дело только в советское время, а 36% делегатов имели стаж музейной работы до 1 года) и которая разрушила профессиональные основы музеологии; позднее курс данной реорганизации был признан ошибочным, но исправление его началось только в следующие десятилетия [14; 21; 25; 28];
- характеристика всего десятилетия как времени увлечения бумажно-пропагандистским материалом в ущерб комплектованию собрания музеев фондом подлинников;

- двойственная позиция партийно-государственного руководства музейного дела в отношении целей музейного комплектования, на словах чрезмерное увлечение схемами и пренебрежение к подлинникам было подвергнуто критике (циркуляр Наркомпроса «О реэкспозиции музеев» от 17 января 1933 г.), но на деле всегда поощрялось, что в совокупности дезорганизовывало работу на местах;

- внедрение новых форм музея, где не было места предметам традиционной культуры; с 1936 г. формируется сеть музеев Ленина, возникают со второй половины 1930-х гг. литературные музеи, растет сеть технико-экономических и естественно-научных музеев, пропагандирующих достижения социалистического строительства; сокращается число историко-бытовых и историко-художественных музеев ансамблевого типа, утверждается типовая структура краеведческого музея, состоящая из трех экспозиционных отделов – природы, истории и социалистического строительства; часть музеев с большим историческим прошлым преобразуется в дополнение созданных на их же базе научно-исследовательских институтов;

- этнографическим музеям Москвы и Ленинграда вменяется функция экспозиционной пропаганды результатов социалистического строительства [29].

Сходным образом, но радикальнее, реформировалось краеведение:

- 30 марта 1930 г. СНК РСФСР принял постановление «О мерах по развитию краеведного дела», согласно которому все прежние краеведческие общества ликвидировались;

- До середины 1930-гг. шел процесс сокращения числа краеведческих музеев;

- В 1934–1935 гг. были созданы оргбюро по созданию краеведческих обществ, во главе которых обычно стояли чиновники исполкомов, был утвержден типовой устав общества изучения края; в директиве Наркомпроса «О постановке и организации краеведческой работы» от 25 апреля 1938 г. было дано указание о перемещении центра краеведческой работы в школы, вузы, и культпросветучреждения [15].

Этнографическая наука была в сложном положении, когда решалась сама возможность ее существования как научной дисциплины, это состояние было особо характерно для времени между Совещаниями 1929 и 1932 гг., т.е. в те же годы, что кардинально реорганизовывалась вся страна. Уже в 1932 г. констатировалось, что похороны этнографии и археологии были результатом левацкого упрощенчества и вели к нигилистическому отрицанию роли старого наследия в науке [16, с. 12]. Но наука возродилась уже в ином виде:

- с образованием в 1933 г. академического Института этнографии из МАЭ и выделением в 1934 г. ГМЭ из состава Русского музея сместился в сторону институтской формы организационный центр деятельности этнографов;

- этнография в СССР была сведена к науке о принципах первобытно-общинного строя, проблемах внутренних противоречий в доклассовом обществе и роли пережитков в ходе эволюции, хотя само внимание к пережиткам стало трактоваться партийными идеологами как уход этнографов во внимание к циничной кулацкой мистификации, искусственно поддерживаемой под лозунгом родовой солидарности и кровного родства; наука должна была изучать признаки архаики, как тематики, являвшейся с позиций официальной иде-

ологии рассадником воинствующей отсталости, инструментом классового врага, препятствием на пути строительства социализма;

- в 1936 г. было дано через главную партийную газету указание развивать направление отражения борьбы коренных народов России против царского колониализма, что было не только отражением руководящей роли партийных инстанций, но и в некотором смысле следующим после решений Совещания 1932 г. признанием специфических функций этнографической науки;

- к концу 1930 г. возродилась вузовская этнография: в 1939 г. была организована кафедра этнографии в Московском Университете (преподавание курса дисциплины велось с 1934 г.), в 1938 г. было открыто отделение этнографии в Ленинградском университете; очевидно, это было частью той же политики, в рамках которой 13 марта 1938 г. русский язык введён как обязательный предмет для изучения во всех школах СССР;

- историки науки полагают, что, в целом, возрождение этнографии стало возможным с прекращением партийно-государственной поддержки марризма в гуманитарных дисциплинах с конца 1930-гг., окончательно отвергнутого в послевоенный период [26; 27].

Таким образом, отмечают общие закономерности становления и существования реформированной науки, в объектно-организационную область которой входила музейная этнография: полная управленческая и кадровая реорганизация, жесткий идеологический диктат с недо конца сформулированными профессиональными задачами, выделение двух этапов исполнения учреждениями науки, культуры и образования функционального долга в условиях политических изменений в советском государстве в 1930-х гг.:

- с начала культурной революции с конца 1920-х гг. до середины 1930-гг.,
- от середины 1930 г. до 1941 г.

Для ГМЭ, выделенного в самостоятельное учреждение в 1934 г., рубежными датами явились период реформирования (1932–1934), время перехода между периодами начала и конца десятилетия (1936–1937), период ренессанса в истории музея в предвоенное время в истории страны (1937 – 1941). Обстоятельства превращения Этнографического отдела Русского музея в самостоятельный Государственный музей этнографии в 1934 г. уже были рассмотрены [13, с. 6–24], сейчас можно обратить внимание на переменчивую судьбу музея в 1936–1941 гг.

В 1934 – 1936 гг. ГМЭ работал с обновленным кадровым составом, прежней кадровой структурой, продолжая выполнять плановые задания, которые были сформулированы еще в 1932 г. [1]. Замена сотрудников молодым пополнением все последующие годы будет преподноситься главным отчетным показателем, показывающим «правильность» работы Государственного музея этнографии [20, с. 221]. В 1939 г. из работавших в музее были приняты на работу после 1934 г. – 77,2 % сотрудников [9, с. 157].

К концу периода структура музея изменилась с выделением отделов, привязанных уже не к обширным этнографическим областям как в 1920-гг., а к республикам и регионам Советского Союза. С 1936 г. успешно решалась задача полного отражения в экспозициях музея политико-этнографической карты Советского Союза. К 1941 г. были построены экспозиции «Узбеки в прошлом и настоящем», «Туркмены в прошлом и настоящем»,

«Народы Карело-Финской ССР», «Народы Мурманской области», (смена экспозиция Народы Карелии и Кольского полуострова), «Народы Саяно-Алтая», «Русское население Центрально-Черноземной области», сохранялась экспозиция «Белорусская ССР», были организованы постоянные выставки «Народы Северного Кавказа», «Образы народного изобразительного искусства Грузии», «Евреи в царской России и в СССР», «Народы Сибири (чукчи, коряки, эвенки, ойроты, хакасы», «Образцы народного искусства чувашей и марийцев», «Художественные промыслы кустарей северных областей РСФСР». К важным политическим событиям, как, например, расширение пространства СССР в 1939–40-гг. музей оперативно отозвался выставками «Народы Западной Белоруссии и Западной Украины» и «Молдавская ССР», что заслужило положительную оценку вышестоящих инстанций.

Можно вполне определенно говорить о том, что работа музея была подчинена подготовке строительства экспозиций, но, если в самом начале реконструкции музея такую постановку вопроса понимали как государственное задание, то, к середине 1930-хх появляются акценты профессионально-этнографического понимания значимости экспозиционной работы [24]. Одновременно укрепляется предствление об экспозиции как части научно-исследовательской работы [18, с. 41; 17].

Оценивая 1930-е гг., с позиции опыта 1960-х, авторы специального очерка истории ГМЭ, Е.Н. Студенецкая и Т.А. Крюкова, говорят о переходе от вещеведческих экспозиций к тематическим, которые «стремились к связному показу вещей для основной цели – освещения жизни и быта того или иного народа в определенной географической среде, в определенных социальных, экономических и исторических условиях «и требовавших сбора «дополнительного материала, изучения условий бытования вещей и жизни народа в целом». Далее отмечается, что «требование введения в экспозицию дополнительного, объясняющего материала повлияло на отношение к основному, документальному» [18, с. 48]. В 1930-е гг. появилось отрицательное отношение к вещевым экспонатам, т.е. боязнь вещей, утратилось чувство подлинности экспоната. В 1930-х гг., когда в экспозицию в огромном количестве вводились подсобные материалы без национальной специфики, когда не ясен был профиль этнографической науки и ее отличие от смежных дисциплин, тогда и музейные коллекции засорялись нередко вспомогательными, не имевшими отношения к этнографии вещами.

Нам представляется, что при разговоре о «бумажном» характере экспозиций ГМЭ 1930 гг., необходимо еще раз подчеркнуть соответствие таких методов запросам публики, которую, скорее всего, в музей не влекли желанья полюбоваться на этнографические факты и на проявления победных реляций о строительстве социализма в деревне. В музей шли за продолжением образования, что соответствовало духу времени и настроениям той категории населения, что посещала музеи. Ярким свидетельством того, как это происходило, могут служить записи книги отзывов о посещении выставки ковров, артефактов, вызывавших у посетителей совсем другие вопросы, чем пожелания показать условия труда ковровщиц, производительность ковровых артелей и т.п.

Уникальную возможность получить оценку современника времени 1934–1936 гг. представляет манифест А.К. Супинского («Доклад о положении в этнографической науке с обзором экспозиционной деятельности

Этнографического музея»), стилистика которого дает гипертрофированное представление о нестабильности, неопределенности целей в работе сотрудников ГМЭ и показывает их полную обреченность на негативную критику любой проводимой ими работы [5, с. 9–11]. Мы уже знаем, что обычно такая критика заканчивалась и общими замечаниями, и поиском виновников в рабочем коллективе.

В такой обстановке музеем были решены задачи не только роста количества экспозиций и числа представленных ими народов, но проведены важные методологические разработки:

- проведена эволюция экспозиции от типологической (представляющей виды жилищ и одежды) к тематической (где вещь является иллюстрацией к определенной историко-этнографической теме);
- возвращено отношение к вещевым экспонатам как к основному материалу выставочных комплексов, «но не в ущерб их социальному объяснению»;
- изобретено овладение театрализованной формой показа предметов (создание таких сцен, как, например, еврейское местечко);
- достигнуто широкое использование макетов как учебных пособий, особенно для школьников;
- достигнута выработка нового типа экспозиции, не дающей показа всего быта и культуры народа, но знакомящей с народным творчеством и богатством музейных коллекций [20].

Особо следует подчеркнуть, что музей добился права на размещение в экспозициях предметов, являвшихся этнографическими фактами, т.е. отчасти проявлениями той архаики, которую в начале 1930-х гг. власти рассматривали как реакционное явление, а во второй половине десятилетия согласились видеть в ней компоненты культуры народов, строящих социализм. При этом музей выработал свое концептуальное и приемлемое для властей понимание современности. Оно проявилось:

- в экспедиционном сборе предметов, сохранявших этническую специфику под воздействием фактора модернизации, так в 1936–1940-гг. Е.Н. Студенецкая из поездок на Северный Кавказ привозит образцы современной национальной одежды, выполненные как в семейной среде, так и на фабрике национальных изделий;
- в экспозиционной работе – применяется прием сопоставления двух частей экспозиции, одного по этнографии дореволюционного времени и другого по этнографии современности;
- в разных видах работ использование тезиса официальной пропаганды о важности классовой и антиколониальной борьбы народных масс против царизма и имперского угнетения как формы проявления народных в том числе этнических традиций.

Важным сопутствующим обстоятельством осовременивания подходов музея к отражению этнических реалий был отказ от задач палеоэтнологии, исполнявшихся до середины 1930-гг., сосредоточение внимания на периоде истории не ранее конца XIX в. и отказ от археологических исследований и владения археологическими коллекциями. Сбор собственного этнографического материала во второй половине 1930-х гг. стал постоянной формой работы, утвердилась такая форма экспедиции, как выезд в поле 1–2 сотрудников. Таким образом, коллектив сотрудников музея обрел приемы стабилизации рабочего процесса. Административные инстанции, осуществлявшие руководство музеем, продолжали осуществлять свой путь реформ.

В 1935 г. было высказано мнение о превращении ГМЭ в единственный этнографический музей в Ленинграде в связи с переводом в Москву Музея антропологии и этнографии. Для ГМЭ предполагалось строительство нового здания, образования целого музейного комплекса с этнопарком на площадках Географического и Ботанического музея [2, с. 1].

Затем линия истории ГМЭ пережила крутой поворот, проявившийся с закрытием его в 1937 г., что было явной инициативой ленинградских партийных властей и было связано с обстановкой «большого террора», поскольку руководству музея об этом не было сообщено предварительно, и они узнали о собственных прегрешениях из публикации в Ленинградской Правде.

Впечатляющим было такое же внезапное, как и закрытие, открытие музея спустя два месяца. ГМЭ был сразу же подключен к череде праздничных мероприятий года 20-летия Октябрьской социалистической революции. Несомненно, данное событие было решением центрального руководства СССР, возможно готового к возрождению некоторой атрибутики имперского прошлого России, выявлению приоритетов исторической национальной государственности. С возобновлением деятельности ГМЭ связан краткий период своеобразного ренессанса в деятельности музея, который можно охарактеризовать как время примерки статуса комплекса Национального музея.

В этот период Государственный музей этнографии уверенно вписывался в образовательную систему страны. На конкурсе в честь XVIII съезда ВКП(б) ГМЭ занял первое место [18, с.52–53]. В постановлении музейного отдела Наркомпроса говорилось: «Особенно рекомендовать использовать опыт Государственного музея этнографии в части организации дня школьника как одной из форм массовой работы». В ленинградских масштабах ГМЭ также удалось поднять свою оценку: при Политико-просветительном институте им. Н.К. Крупской был создан в 1938 г. музейно-краеведческий факультет – заведующим кафедрой в котором был директор ГМЭ Е.А. Мильштейн, сотрудниками работниками ГМЭ – А.Я. Дуйсбург, Г.А. Никитин, Е.Н. Студенецкая [18, с. 51].

Еще одно событие следует поставить в признаки поднимающегося статуса ГМЭ – проведение в Государственном музее этнографии совместного Ученого Совета ГМЭ и МАЭ с докладом директора Института этнографии академика В.В. Струве [7, с.6–30]. Именно на этом совете были озвучены положения в среде профессионалов положения, восстанавливающие значение этнографии после прошедших больших потрясений в обществе. Основной тезис докладчика состоял в том, что «Мы изучаем, как на основе новой экономики возникает новый быт, но не отбрасываем прежних задач этнографии», в ответах на вопросы были даны разъяснения к тезису: «От этнографов требуется изучать новый быт, тогда как этнографы раньше изучали пережитки; история быта и этнография - дисциплины, имеющие много сходства, но которые следует различать... [7, с. 26]. В заключении докладчик высказал надежду о начавшемся со дня доклада сближении МАЭ и ГМЭ. О характере развернувшейся дискуссии можно судить по тем темам, которые поднимались в вопросах сотрудников ГМЭ: нужно ли изучать городскую этнографию, в каком отношении находится история быта к этнографии, какие рамки показа нового быта для Этнографического музея; не выпадают ли из сферы этнографии материалы по эпохе сложения наций; где кончается предметная

область ареологии и начинается область этнографии; можно ли дать четко можно только определение предмета этнографии досоветского периода, в чем состоит понимание отражения нового быта и почему в музей попадает такое малое их количество; как сочетаются в музейном собрании вещевые коллекции, профессионально собранные, и сведения, полученные из других источников? [7, с. 26–33].

В ГМЭ активизировалась научная жизнь, которую поддерживала администрация музея, проводившиеся совещания при дирекции были полны дискуссий об общих проблемах этнографии и роли ГМЭ в их разрешении.

В конечном итоге, выработанное Положение о Государственном музее этнографии определяло музей как Научно-исследовательское и политико-просветительное учреждение Всесоюзного значения, которое проводит:

- сбор, хранение и научное изучение вещевых коллекций, фотографических и текстовых материалов;
- научно-исследовательские экспедиции и командировки по сбору материала для музея;
- научные исследования по музейному делу;
- создание постоянных экспозиций по этнографии народов СССР для массового обозрения;
- создание временных стационарных и передвижных выставок, в музее и вне его;
- организацию проведения докладов, экскурсий и конференций в музее и вне его;
- создание кабинетов с целью глубокой проработки отдельных вопросов с посетителями музея;
- издание печатных работ; проведение консультаций для местных музеев и др. органов;
- созыв научных совещаний по тематике деятельности музея.

В Положении были отражены и другие пункты. В частности отмечалось, что научно-исследовательская работа должна была вести борьбу с отрицанием специфичности этнографии, и поэтому музей исходит из того, что этнография самостоятельная историческая дисциплина, а этнографический музей – хранилище огромного количества памятников, цель же науки – всесторонне изучение жизни племен СССР, находящихся в настоящее время в процессе их национальной консолидации. Музей изучает бурное развитие национальной культуры и быта, порожденное социалистическим строительством, и при этом более тех народов, которые достигли до Октябрьской революции племенного устройства; музей должен привлекать к показу черты культуры городского быта, присущее данному народу, однако, показ культуры города являлся задачей других музеев [8, с. 5–17].

Конечно, значительное поднятие статуса ГМЭ после определенного снижения значения его как научного учреждения и особо после закрытия вызывает удивление. Но многое становится понятным, если обратить внимание на весь процесс реорганизации учреждений науки в 1920-е – 1930-е гг., когда сначала проводился сначала умеренный, но все более отчетливый отказ от практики дореволюционного периода и создавались (особо с начала «великого скачка» конца 1920-х) учреждения коммунистической науки, а затем эти инновации ликвидировались, и их штаты вливались в институты старой академической науки, хотя и сильно измененные, но формально демонстрировавшие верность традициям прошлого. Особо показательна история формирования Института истории АН СССР, который был создан

в 1936 г. на базе объединения Историко-археологического института (в дореволюционные времена Историко-археологическая Комиссия) с Институтом истории (1929–1936 гг.) Коммунистической Академии (создана в 1918 г., усилена вхождением ряда учреждений в 1929–1931 гг., ликвидирована в 1936 г.). Другой вариант показывает, как, учреждения собственно большевистской науки превращались в академические: в 1929 г. был образован Институт философии Коммунистической академии, а в том же 1936 г. его преобразовали в Институт философии АН СССР. Третий вариант можно отметить на примере образования Института археологии АН СССР, когда преобразования шли внутри формально одного учреждения, сопровождаясь незначительными изменениями названия учреждения: свою родословную учреждение ведет от Императорской Археологической Комиссии (1859 г.), получившей в 1919 г. название Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК), далее названия менялись на Государственную академию (ГАИМК – 1926–1937 г.), Институт истории материальной культуры (с 1937 г. с последующими переименованиями). Период ГАИМК А.А. Формозов, полагал периодом расцвета института и отмечал следующие в нем отрезки времени: 1929–1930 гг. – репрессии в отношении кадров с дореволюционным опытом научного исследования, 1930–1933/34 гг. замена их сотрудниками, составившими себе имя на почве вульгарного марксизма – марризма, с 1933–1934 гг. предоставление возможности работать специалистам, известным профессиональным историкам и востоковедам [29, с. 162–184].

Становится понятным, почему ГМЭ с его дореволюционным прошлым (образован в 1895 как Этнографический отдел Русского музея императора Александра III), подвергаемый критике, репрессиям против старых кадров и реорганизации в 1928–1934 гг., в конце 1930-х гг. мог получить перспективу мощного развития в государстве победившего социализма.

И, хотя возможность реформирования ГМЭ в крупный исторический музей обсуждалась с 1932 г. [7, с. 33], только во второй половине десятилетия она стала пользоваться государственной поддержкой. 4 октября 1937 г. т.е. в процессе восстановления музея после его временного закрытия было проведено заседание расширенного Ученого Совета ГМЭ, на котором сотрудникам ГМЭ было представителем Наркомпроса сказано, что сотрудникам следует показать, что в Ленинграде можно и должно создавать серьезную историческую экспозицию, вопреки мнениям некоторых представителей ленинградских (Ленсовет) и московских (Наркомпрос) властей, подчеркивалось, что такая экспозиция должна быть только в одном месте, которым избирается ГМЭ.

Уже к концу года была построена экспозиция «История России XVIII в», которая обсуждалась на заседании УС ГМЭ 16 декабря 1937 г.

При отсутствии соответствующей документации, есть основания полагать, что материал для экспозиции был привлечен из собрания бывшего Историко-бытового отдела Русского музея.

Историко-бытовой отдел был создан в 1918 г. с целью сохранения и показа быта разных сословий Российской империи; после беспримерных даже для советского музейного дела реконструкции и перемещений 1.04.1937 г. И-БО был передан в ведение Государственного музея этнографии и находился в нем в качестве Исторического отдела до 16.04.1941 г., когда был передан в Эрмитаж [12, с. 108–115].

Специфика историко-бытовых музеев как сложилась в начале послереволюционного периода, когда перед такими музеями ставились задачи: показать, как в дореволюционной России жили верхи, пойти на встречу представителям «старой интеллигенции», которые не только осознавали необратимость утраты ценных памятников и коллекций, целых пластов «уходящей» культуры, ...но и способствовали их сохранению в музеях [11 с. 52; 13, с.70], закрепить умиравшие и уже умершие формы быта в музее [11, с. 54], что будет не выставкой интересных вещей», а государственным предприятием» [11, с. 55]. Историко-бытовой отдел Русского музея (1918 – 1941 гг.), выступил оригинальным и практически единственным музеем такого рода и, и единственным музеем такого рода и, в отличие от музеев, создававшихся в усадьбах, кабинетах дореволюционной элиты, не имел для своего воплощения архитектурного ансамбля.

Далее в 1920-е гг. история Историко-бытового отдела Русского музея, показала, что ни помещичья, ни крестьянская, ни пролетарская культура дооктябрьского времени не пригодны для хоть какой-то базы пропаганды результатов советского строительства.

В 1937 г. Государственный музей этнографии добивается передачи коллекций бывшего Историко-бытового отдела Русского музея вместе с включением в штат его сотрудников. Мотивация воссоединения состоит в утверждениях, что экспозиция ГМЭ приблизилась по характеру к экспозициям исторических музеев колониального угнетения и социалистического строительства, что ГМЭ по источникам не отличается от исторических музеев, отличие состоит только в особом внимании на национальном угнетении российским самодержавием народов, населявших царскую Россию, противопоставлении этому гнету и бесправию расцвета национальных культур во всех областях жизни [4, с. 1–2]. Далее объясняется, что коллекции б. И-БО – неповторяемое собрание экспонатов, но недостаточное для развертывания в самостоятельный исторический музей, тем более что представляет только собрание по русской феодальной аристократии, русской буржуазии и русскому пролетариату, т.е. отсутствуют вещи по крестьянскому быту вообще и совершенно нет вещей, относящихся к остальным народам СССР.

Администрация ГМЭ, считала, что соединение коллекций даст возможность усилить исторический элемент в экспозиции музея, отразить роль русских феодалов и буржуазии в угнетении народов России и ведущую роль русского пролетариата в революционном движении, ввести в оборот ценнейшее собрание ИБО, находящееся на консервации [4, с.2]. В переписке с руководящими инстанциями пояснялось, что собственно крестьянская культура изучается только в ГМЭ, поэтому здесь и следует показывать культуру других сословий. В документах рисуется перспектива развития общего подхода в изучении этнографии сословий и обещание таким образом усиления отражения культуры русского народа – «что касается Отдела русских ГМЭ, то, он будет через два года развернут в плане истории русского народа (вначале, начиная с 17 в., с последующим расширением экспозиции к раннему периоду, путем организации археологических работ, а также путем получения отдельных собраний из других музеев, тогда как соединение экспонатов б. ИБО и ГМЭ обеспечит эту возможность») [4, с. 3].

Руководство РЭМ просило для временного размещения коллекций б. Историко-бытового отдела помещения

разных церквей Ленинграда, находящихся в его центре, получая в свое распоряжение только одну, церковь Вознесения (Спас на крови) на канале Грибоедова. Этого помещения было мало, и условия хранения экспонатов в нем были плохи. Решением Ленсовета в декабре 1938 г. и это помещение следовало освободить, а местом размещения передаваемых экспонатов становится костел на Невском проспекте, где в конечном виде и создается экспозиция «История России XVIII в.». Транспортировка экспонатов проходила с трудом. Возникли споры с музеем Революции (Зимний дворец, где экспонаты б. ИБО занимали Помпейский зал) и Русским музеем, очевидно, не закончившиеся, когда бывшие держатели коллекций требовали полного освобождения всех своих помещений.

Вряд ли ГМЭ получил полностью состав предметов бывшего Историко-бытового отдела, но все же состоялось присоединение собрания почти равного по численности предметов (ок. 250 тыс. экспонатов) и оригинального по составу. В нем были элитные утварь, мебель, платья, украшения, гравюры, литография и содержались такие уникальные комплексы, как петровская галерея (комплекс предметов русской культуры VI-XVIII вв.), массонская коллекция, оловянные изделия XVII в. и т.д. [6, с.4]. В результате историческая экспозиция ГМЭ была построена на обильном материале. Включения предметов бывшего. Историко-бытового отдела в музейное собрание и штата его сотрудников в коллектив РЭМ привело к образованию бимодальной структуры музея в целом. Штаты Исторического отдела и всех этнографических были примерно равны, а отделы действовали автономно, но связывались общим руководством музея.

В дальнейшем планировалась разработка ряда тем истории России XIX в. Высказывалась также мысль о превращении исторического отдела ГМЭ в самостоятельный музей [3, с. 10]. В результате складывалась парадоксальная ситуация возвращения ГМЭ к принципам комплексности музейного собрания до реконструкции 1932 – 1934 г. Этот путь сулил также и бинарную структуру вещевое и в целом фактового собрания музея, этнографического и историко-бытового фондов.

Реально, этот путь оказался прерван и по неясным на настоящий момент причинам. В 1941 г. собрание теперь уже исторического отдела ГМЭ было передано в Эрмитаж, где на его основе возникли Отдел истории русской культуры, ранее не существовавший, и соответствующие ему экспозиции. Публикации подтверждают факт преемственности экспозиций Эрмитажа по русской культуре части собрания ГМЭ [17]. К концу 1930 г. состоялась и окончательная передача в Эрмитаж археологических коллекций ГМЭ, в первую очередь, имевших художественную ценность.

Сам факт передачи «исторического» собрания ГМЭ вызывает вопросы. Их становится еще больше при прочтении двух текстов за авторством директора ГМЭ Е.А. Мильштейна. В одном из них, датированным 1944 г. временем начала восстановления ГМЭ по последствиям войны, развивалась идея совместного дальнейшего существования двух частей ГМЭ [16, с.1]. В другом, опубликованной статье 1948 г, утверждалось, что ГМЭ была проявлена собственная инициатива по передаче собрания русского культурно-бытового материала в Эрмитаж вследствие недостатка возможности его обработки в этнографическом музее [20]. Хронология появления текстов явно указывает на их несовместимость.

В свете данного возможно допустить, что фраза о самостоятельности решения ГМЭ в этом вопросе, скорее говорит, об обратном.

Результаты. Сегодня трудно предполагать, как складывалась бы дальнейшая судьба Государственного музея этнографии, если бы в нем была бы сохранена двойственная структура, состоявшаяся из Историческо-

го и Этнографического отделов, и какие бы темы были лидирующими в деятельности такого комплекса. Можно только сказать, что советское государство никогда не было так близко к существованию в структуре его музеев – музея с функциями и возможностями Национального музея.

Литература

1. Архив РЭМ (далее – АРЭМ). Ф. 2. Оп.1 Д. 435.
2. АРЭМ. Ф.2. Оп. 1 Д. 502.
3. АРЭМ Ф. 2. Оп. 1, Д. 507.
4. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 553.
5. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 566.
6. АРЭМ Ф. 2. Оп. 1, Д. 645.
7. АРЭМ. Ф.2. Оп. 1. Д. 652.
8. АРЭМ. Ф. 2, Оп. 1. Д. 653.
9. АРЭМ. Ф.2. Оп. 1. Д. 724.
10. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 882.
11. Ананьев В. Г., Майоров А. В. Историко-бытовые музеи как культурная форма (по архивным материалам) // Вопросы музееведения. 2010. № 1. С. 50–56.
12. Анисимова М. В. Историко-бытовой отдел Русского Музея: Формирование, Развитие, Ликвидация // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 4. С. 108–117.
13. Грусман В. М., Дмитриев В. А. Из истории Российского этнографического музея: к 80-летию обретения самостоятельности // Музей, традиция, этничность. 2014. № 1(5). С. 6–24.
14. Златоустова В. И., Каспаринская С. А., Кузина Г. А. Музейное дело в России // Российская музейная энциклопедия. Том 1. М.: Прогресс, РИПОЛ КЛАССИК, 2001. С. 401–404.
15. Историческое краеведение в 1930-е – 2000-е гг. // Сайт Мераобучалка. URL: <https://rus.team/megaobuchalka.ru/4/36047.html>. (дата обращения: 09.01.2024).
16. Итоги Всероссийского археолого-этнографического совещания // Советская Этнография. 1932. № 3. С. 4–14.
17. Коршунова Т. Т. Костюм в России XVIII – начала XX в. из собрания Государственного Эрмитажа. Л.: Художник РСФСР, 1979. 295 с.
18. Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н. Государственный музей этнографии народов СССР за 50 лет Советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. VII. М.: Советская Россия, 1957. С. 9–121.
19. Мастеница Е. Н. Историко-бытовые музеи как явление культуры 1920-х годов // Быт как фактор экстремального влияния на историко-психологические особенности поведения людей: материалы XXII Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 17–18 декабря 2007. СПб: б.и., 2007. Ч. 2. С. 69–72.
20. Мильштейн Е. А. Государственный музей этнографии // Советская этнография. № 1948. № 1. С. 218–222.
21. Музеи в эпоху социализма // Сайт Файловый архив студентов StudFile. URL: <https://rus.team/studfile.net/preview/6188142/page:5/> (дата обращения: 09.01.2024).
22. Музейное дело России. Под ред. Каулен М. Е., Коссовой И. М., Сундиевой А. А. // Сайт Российская государственная библиотека. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004730061> (дата обращения: 09.01.2024).
23. Научно-исследовательская работа краеведческих музеев. // Советский музей. 1935. № 1. С. 6–30.
24. О.К. Работа по истории народов СССР // Революция и национальности. 1936. № 5. С. 79–83.
25. Органы управления музеями в советской России (1917 – 40-е гг. XX века) // Сайт МойДокс.ру URL: <https://mydocx.ru/4-4840.html> (дата обращения: 09.01.2024).
26. Потапов Л. П. Гос. Музей этнографии // Советская этнография. 1936. № 2. С. 126–129.
27. Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне. 1928—1938. // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 113–123.
28. Федосеева И. В. Исторические музеи // Российская музейная энциклопедия. Том 1. М., Прогресс, РИПОЛ КЛАССИК, 2001. С. 235.
29. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд., доп. М.: Знак, 2006. 344 с.
30. Шангина И. И. Этнографические музеи Москвы и Ленинграда на рубеже 20-х - 30-х годов XX века. // Советская этнография. 1991. № 2. С. 71–81.

References

1. Archive of Russian museum of Ethnography (AREM). F. 2, Inv.1 D. 435. 1.
2. AREM. F.2. Inv. 1 D. 502.
3. AREM F. 2. Inv. 1. D. 507.
4. AREM. F. 2. Inv. 1. D. 553.
5. AREM. F. 2. Inv. 1. D. 566.
6. AREM. F. 2. Inv. 1. D. 645.
7. AREM. F.2. Inv. 1. D. 652.
8. AREM. F. 2. Inv. 1. D. 653.
9. AREM. F.2. Inv. 1. D. 724.
10. AREM. F. 2. Inv. 1. D. 882.
11. Ananyev VG, Mayorov AV. Historical and everyday museums as a cultural form (based on archival materials). *Voprosy muzeyvedeniya*. 2010;(1):50-56. (In Russ.).
12. Anisimova MV. Historical and everyday life department of the Russian Museum: Formation, Development, Liquidation. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya*. 2020;(4):108-117. (In Russ.).
13. Grusman VM, Dmitriev VA. From the history of the Russian Ethnographic Museum: to the 80th anniversary of independence. *Muзей, traditsiya, etnichnost*. 2014;1(5):6-24. (In Russ.).
14. Zlatoustova VI, Kasparinskaya SA, Kuzina GA. Museum work in Russia in Russian Museum Encyclopedia. Vol. 1. Moscow: Progress RIPOL KLASSIK; 2001. P. 403. (In Russ.).

15. Historical local history in the 1930s - 2000s. URL: <https://rus.team/megaobuchalka.ru/4/36047.html>. (accessed: 09.01.2024). (In Russ.).
16. Results of the All-Russian Archaeological and Ethnographic Meeting. *Sovetskaya Etnografiya*. 1932;(3):4-14. (In Russ.).
17. Korshunova TT. Costume in Russia in the 18th – early 20th centuries from the collection of the State Hermitage. Leningrad: Khudozhnike RSFS; 1979. 295 p. (In Russ.).
18. Kryukova TA, Studenetskaya EN. State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR for 50 Years of Soviet Power in Essays on the history of museum affairs in the USSR. Moscow: Sovetskaya Rossiya; 1957. Vol. VII. P. 9-121. (In Russ.).
19. Mastenitsa EN. Historical and everyday museums as a cultural phenomenon of the 1920s in Everyday life as a factor of extreme influence on the historical and psychological characteristics of people's behavior Materials of the XXII International Scientific Conference. (St. Petersburg, December 17-18, 2007). St. Petersburg, 2007. P. 69-72. (In Russ.).
20. Milshtein EA. State Museum of Ethnography. *Sovetskaya Etnografiya*. 1948;(1):218-222. (In Russ.).
21. Museums in the era of socialism. URL: <https://rus.team/studfile.net/preview/6188142/page:5/> (accessed: 09.01.2024). (In Russ.).
22. Museum affairs in Russia. Ed. Kaulen ME, Kossovoy IM, Sundieva AA. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004730061> (accessed: 09.01.2024). (In Russ.).
23. Research work of local history museums. *Sovetskiy muzey*. 1935;(1):6-30. (In Russ.).
24. OK. Work on the history of the peoples of the USSR. *Revolutsia i national'nosti*. 1936;5:79-83. (In Russ.).
25. Management bodies of museums in Soviet Russia (1917 - 40s of the XX century). URL: <https://mydocx.ru/4-4840.html> (accessed: 09.01.2024). (In Russ.).
26. Potapov LP. State Museum of Ethnography. *Sovetskaya Etnografiya*. 1936;(2):126-129. (In Russ.).
27. Slezkin Yu. Soviet ethnography in knockdown.1928-1938. *Etnograficheskoye iobozreniye*. 1993;(2):113-123. (In Russ.).
28. Fedoseeva IV. Historical museums in Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya. Vol. 1. Moscow: Progress RIPOL KLASSIK; 2001. P. 235. (In Russ.).
29. Formozov AA. Russian archaeologists during the period of totalitarianism: Historiographical essays. 2nd ed., add. Moscow: Znak; 2006. 344 p. (In Russ.).
30. Shangina II. Ethnographic museums of Moscow and Leningrad at the turn of the 20s - 30s of the XX century. *Sovetskaya Etnografiya*. 1991;(2):71-81. (In Russ.).

Научная статья
УДК 94(470)(480).082
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.9>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Олег Владимирович Ермаков

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)
Соискатель
Ermakov1982@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-2288-311>

Аннотация. Введение. В данной статье рассматривается экономическое развитие Финляндии в конце XIX – начале XX вв. и влияние на данный процесс нарастающего кризиса в отношениях между Российской империей и Великим княжеством Финляндским после прихода к власти императора Николая II. **Материалы и методы.** Данная статья выполнена в рамках междисциплинарного подхода с использованием научных походов исторической науки и экономики. **Анализ.** В последней трети XIX в. народное хозяйство Финляндии достигло значительных результатов в своем развитии. В статье подчеркивается, что важную роль в данном процессе играл российский капитал, особенно в создании предприятий тяжелой промышленности. К началу XX в. в виду изменения экономической конъюнктуры роль российского капитала в индустриальном развитии княжества снижается, что отчасти было связано с политикой ограничения получения гражданства Финляндии россиянами. В материале подчеркивается особое значение внутреннего рынка России для промышленности княжества, особенно целлюлозно-бумажной. В то же время автор подчеркивает нарастание роли во внешней торговле Финляндии Германии и Великобритании, что вызвало беспокойство среди правящих кругов России. Стремление к ограничению автономии Финляндии в представлениях российских консерваторов и части представителей правящего класса, непременно должно было затронуть экономическую сферу. В первую очередь, данная политика затрагивала железные дороги, соединяющие России и Финляндию, средства связи, лоцманскую службу. В материале отмечается особая роль в экономическом развитии княжества ее таможенной автономии, в том числе вводившей протекционист-Research article

ские пошлины и другие ограничения на торговлю России и Финляндии. В Санкт-Петербурге не было полного единства мнений по поводу ликвидации таможенной автономии княжества, так как многие представители торгово-промышленных кругов страны и представителей государственного аппарата опасались, что наплыв товаров из Финляндии мог негативно сказаться на развитии ряда секторов народного хозяйства России. **Результаты.** К 1914 г. Великое княжество Финляндское достигло значительных результатов в развитии промышленности, транспортной инфраструктуры и средств связи. Россия вносила свой вклад в достижения финляндской экономики. Первоначально российский капитал занимал важные позиции в экономике страны, но затем его роль значительно снижается. При доминировании России во внешней торговле Финляндии, ее удельный вес начинает постепенно снижаться, в пользу Германии, Великобритании и других европейских стран.

Ключевые слова: Российская империя, Великое княжество Финляндское, таможенное законодательство, внешняя торговля

Для цитирования: Ермаков О. В. Экономические взаимоотношения России и Финляндии в конце XIX – начале XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 80–86. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.9>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 12.12.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.03.2025.

Статья принята к публикации: 25.03.2025.

ECONOMIC RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND FINLAND IN THE LATE XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES

Oleg V. Ermakov

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)
PhD Applicant
Ermakov1982@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-2288-311>

Abstract. Introduction. This article examines the economic development of Finland in the late 19th – early 20th centuries and the impact on this process of the growing crisis in relations between the Russian Empire and the Grand Duchy of Finland after Emperor Nicholas II came to power. **Materials and methods.** This article is written within the framework of an interdisciplinary approach using scientific approaches of historical science and economics. **Analysis.** In the last third of the 19th century, the national economy of Finland achieved significant results in its development. The article emphasizes that Russian capital played an important role in this process, especially in the creation of heavy industry enterprises. By the beginning of the 20th century, due to changes in the economic situation, the role of Russian capital in the industrial development of the principality was declining, which was partly due to the policy of limiting the acquisition of Finnish citizenship by Russians. The material emphasizes the importance of the Russian domestic market for the industry of the principality, especially pulp and paper. At the same time,

the author emphasizes the growing role of Germany and Great Britain in Finland's foreign trade, which caused concern among the ruling circles of Russia. The desire to limit Finland's autonomy, in the opinion of Russian conservatives and some representatives of the ruling class, was bound to affect the economic sphere. First of all, this policy affected the railways connecting Russia and Finland, means of communication, and the pilot service. The material notes the special role of the customs autonomy of the principality in its economic development, including the introduction of protectionist duties and other restrictions on trade between Russia and Finland. In St. Petersburg, there was no complete unity of opinion regarding the liquidation of the customs autonomy of the principality, since many representatives of the country's trade and industrial circles and representatives of the state apparatus feared that the influx of goods from Finland could negatively affect the development of a number of sectors of the Russian national economy. **Results.** By 1914, the Grand Duchy of Finland had achieved significant results in the development of

© Ермаков О. В., 2025

industry, transport infrastructure, and means of communication. Russia contributed to the achievements of the Finnish economy. Initially, Russian capital occupied important positions in the country's economy, but then its role significantly decreased. With Russia's dominance in Finland's foreign trade, its share gradually began to decline, in favor of Germany, Great Britain and other European countries

Keywords: Russian Empire, Grand Duchy of Finland, customs legislation, foreign trade

Введение. Сложные взаимоотношения империи с княжеством в конце XIX – начале XX вв. не могли не затронуть экономическую сферу. Проблема экономических отношений Финляндии с Россией не достигла такого накала как в вопросах, распространения русского языка, политических прав Финляндии, статуса финляндской армии. Однако в княжестве всеми силами старались сохранить независимость экономической системы Финляндии, несмотря на тесные экономические отношения с Россией. Некоторые политические и торгово-промышленные круги в России были заинтересованы в ограничении экономической автономии княжества [3, с. 155]. В тоже время, не стоит преувеличивать степень влияния данной части российской элиты на формирование финляндской политики имперского правительства в области экономики [14, с. 33].

Материалы и методы. Данная статья выполнена в рамках междисциплинарного подхода с использованием научных подходов исторической науки и экономики.

Анализ. Народное хозяйство княжества в последней трети XIX – начале XX вв. достигает значительных успехов, несмотря на временные трудности. С 1882 г. Финляндия вступает в период активного экономического подъема. В 1899-1902 гг. из-за неурожаев и политической неопределенности Финляндия переживает экономический кризис. В 1902-1914 гг. она находится в состоянии экономического подъема. К 1910 г. значение экономики Финляндии в России возрастает. С 60-х гг. XIX в. ее доля во внешней торговле империи удвоилась с 2 % до 4 % [14, с. 33]. С 1860 по 1913 гг. ВВП Финляндии в год в среднем увеличивался на 2,2 %, а на душу населения на 1,1%. В 1912-1913 гг. рост ВВП достигает 5,5 % [16, с. 11].

Во второй половине XIX в. происходят значительные структурные изменения в экономике Финляндии, ведущие к ее большей интеграции в мировое народное хозяйство. Около половины (45 %) ВВП княжества приходилось на внешнеэкономическую деятельность. Это свидетельствует о ее значительной включенности в мировую экономику. В конце XIX в. в Финляндия идет новая волна индустриализация, с использованием национального, российского и иностранного капитала. В 1910 г. около 70 % населения княжества была занята в сельском хозяйстве, но на него из-за низкой производительности труда приходилось всего 43 % ВВП, на обрабатывающую промышленность 19 %, строительство 5 % и т.д. [16, с. 11]. Уровень жизни в Финляндии постоянно увеличивался, достигнув по российским меркам высоких показателей, но он на 40 % отставал от развитых государств Западной Европы.

В 60–80-е гг. XIX в. около половины внешнеторгового оборота Финляндии приходилось на Россию, но с 90-х гг. ее доля начинает снижаться и в 1910 г. составила 25 %. Крупнейшим импортером финляндских товаров становится Германия, а экспортером Великобритании. Постепенно Германия становится и крупнейшим экспортером товаров в Финляндию, контролируя в 1906 г. 40 %, вво-

For citation: Ermakov OV. Economic relations between Russia and Finland in the late XIX-beginning of XX centuries *Humanities and law research*. 2025;12(1):80-86. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.9>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 12.12.2024.

The article was approved after reviewing: 18.03.2025.

The article was accepted for publication: 25.03.2025.

за импортных товаров на территорию княжества. Доля российского ввоза сокращается с 45 % в 1889 г. до 35 % в 1906 г. Великобритания контролировала 10–15 % импорта товаров в Финляндию, а доля Швеции-Норвегии упала с 9 % в 80-е гг. XIX в. до 5 % в начале XX в. Примечательно, что тесные политические и культурные связи Финляндии со Швецией не отразились на их экономических контактах. Германские инвестиции активно проникают в княжество. Следует отметить, что аналогичные процессы проходили в самой России и Швеции.

В России обратили внимание на быстрое развитие германо-финляндских экономических отношений, что стало еще одним аргументом в пользу большей интеграции княжества в имперские структуры. Тактика бойкота российских товаров, начавшаяся в 1912 г. также болезненно воспримется в России, поскольку данную нишу занимали товары из Германии и других стран.

В тоже время, следует отметить, что объемы торговли России и Финляндии в суммарном отношении постоянно увеличивались. Импорт сырья и продовольствия составлял в 1890-1913 гг. 55–60 % всего ввоза импортных товаров в Финляндию [16, с.13]. Финляндия в конце XIX – начале XX вв. только на 40 % обеспечивала себя зерновыми культурами. Она зависела от поставок зерна из России и Германии. С 60-х гг. XIX в. княжество ввозило данную продукцию беспошлинно. Россия также поставляла сахар, чай и табак. Отрицательное сальдо в торговле с Россией княжество отчасти компенсировало расходами российской армии, расквартированной в княжестве. Платежный баланс Финляндии укреплял ежегодный приток отдыхающих и дачников из России. В год их численность достигала 100 тыс. чел. Торговля с Западной Европой компенсировала отрицательное сальдо княжества в торговле с Россией.

В 50-70-е гг. XIX в. меняется структура финляндского экспорта в империю. Вывоз продовольствия, сырья и ремесленной продукции традиционно занимал весомые позиции в его торговле с Россией. В тоже время, во второй половине XIX в. постепенно нарастают поставки продукции обрабатывающей промышленности. В ее экспорте в последней трети XIX в. происходят серьезные изменения. На смену вывоза ковального и слиткового железа, чугуна приходит экспорт продукции машиностроения, целлюлозно-бумажной и текстильной промышленности. Развитие черной металлургии в России во многом привело к этим изменениям. Даже Н.И. Путилову пришлось закрыть 4 металлургических завода в Финляндии, которые с 70-х гг. XIX в. становятся нерентабельными. Развитие железных дорог позволило доставлять дешевую сталь и чугун из Донбасса в разные концы империи, которые вытеснили финляндскую продукцию [18, р. 384].

Текстильные фабрики индустриального центра княжества Тампере практически полностью работали на емкий рынок Санкт-Петербурга, что способствовало созданию современной текстильной промышленности в Финляндии. Удобная транспортная инфраструктура

удешевляла текстиль из Тампере и делало его конкурентоспособным в России. Хлопчатобумажные ткани успешно конкурировали на Северо-Западе России с московской продукцией, поскольку Николаевская железная дорога имели большие недостатки в организации перевозки грузов и тарифной политике. По мере роста уровня жизни в Финляндии для текстильной промышленности княжества все большую роль начинает играть внутренний рынок.

Особое место в промышленности княжества занимали производство и экспорт бумаги. Протекционистская политика России способствовала развитию целлюлозно-бумажной промышленности Финляндии, поскольку финляндские производители уплачивали меньшую пошлину в сравнении с иностранными экспортерами. В начале XX в. ежегодно экспорт бумаги в Россию возрастал на 10 %. Финляндский картельный союз создавал условия для получения высоких доходов от торговли бумагой с Россией. На рынках других стран такой возможности не было. Поэтому торговля с Россией считалась более прибыльным предприятием. Экспорт из Финляндии бумаги и целлюлозы удовлетворял на 30–40 % потребности империи в данной продукции [16, с.12]. Бумага первоначально ввозилась в Россию беспошлинно, но затем на нее вводятся квоты, но ее качество и стоимость не могли остановить нарастающие объемы ввоза в Россию. В 90-е гг. XIX в. Финляндия контролировала 75 % российского импорта бумаги, но в 1913 г. ее доля упала до 65 %, увеличившись в абсолютных объемах [8, с. 532]. С 1904 г. Финляндия существенно сдает позиции в экспорте в Россию целлюлозы. До этого времени она практически полностью ее вывозила в империю. За два года этот показатель упал до 10 %, что было связано с развитием производства целлюлозы в самой России и не без участия германских инвесторов. Княжеству пришлось частично переориентироваться на рынок Западной Европы, куда поставлялись бумага, целлюлоза, древесина и сливочное масло.

Наступление империи на права автономии в сфере экономики, прежде всего, проявились в вопросах контроля над транспортной инфраструктурой. В начале XX в. Россия начинает активно поднимать вопрос об объединении железных дорог империи с железнодорожной системой Финляндии. К 1903 г. с технической точки зрения проект объединения железных дорог полностью прорабатывается. В 1899 г. по ходатайству сената и с согласия императора 10 млн. марок из статного фонда переводятся в коммуникационный фонд для реализации данного проекта. Это обстоятельство позволило Н.И. Бобрикову направить Николаю II свои рассуждения по указанному поводу. Он отмечал, что все проекты строительства новых железных дорог должны проходить жесткую экспертизу. Строить следовало только современные железные дороги, чтобы их окупаемость не вызвала сомнений. Отсюда он призывал отсрочить строительство Улеборг-Торнеоской железной дороги. Здесь сказывался и политический момент. Эта железная дорога должна была соединить Финляндию и Швецию, что укрепляло их отношения и способствовало, по мнению генерал-губернатора, расширению политической агитации в княжестве [5, с.87]. Поэтому он настаивал на строительстве новых железнодорожных мостов через р. Неву и принятии других мер по укреплению железнодорожного сообщения Финляндии с Россией. Сюда входило строительство второй ветки железной дороги Санкт-Петербург-Хельсинки. Однако это было,

по мнению Н.И. Бобрикова, половинчатое решение. Он предложил на удалении от побережья Финского залива построить еще одну железную дорогу, соединяющую две столицы. Поскольку, имеющаяся железная дорога, в случае ведения боевых действий была уязвима для противника [5, с.82]. С 1900 г. начинаются работы в этом направлении. Более того, Н.И. Бобриков полагал необходимым модернизировать железнодорожные станции и вокзал в Санкт-Петербурге на железных дорогах, соединявших княжество с империей [5, с.82]. Остро стоял вопрос об унификации паровозов и вагонов на железнодорожной линии, соединявшей Санкт-Петербург и Хельсинки.

В 1900 г. Н.И. Бобриков инициировал дальнейшую проработку вопроса об укреплении связей железных дорог России и Финляндии. Он предложил провести уточнение реестра железных дорог, чтобы четко определить их статус (государственные или частные), учредить должность второго помощника Главного директора железных дорог Финляндии для соблюдения интересов империи. Предполагалось расширить полномочия военного министерства на случай мобилизации, разрешить допуск на занятие высших и средних должностей на железных дорогах лиц, получивших высшее техническое образование в России, в том числе поданных империи. От граждан Финляндии, как уже отмечалось, требовалось соблюдение правила о знании чиновниками русского языка, особенно на линии Санкт-Петербург-Белоостров, которой активно пользовались дачники из российской столицы [5, с.85-86]. По мнению российских властей, этот шаг должен был символизировать укрепление российского влияния в княжестве и способствовать привлечению на железные дороги Финляндии поданных империи и местных специалистов, хорошо знавших русский язык. Вопрос о строительстве железных дорог непосредственно затрагивал вопрос о разделе полномочий между княжеством и империей. Местные линии полностью находились в ведении автономии. Строительство железных дорог, имевших общепинляндское значение, с 1900 г. согласовывалось с министром финансов, военным министром и министром путей сообщения России.

Сложной проблемой в отношениях России и Финляндии являлось предоставление льгот и привилегий для морских судов. Поскольку империя и автономия стремились контролировать данную сферу экономической деятельности. По сложившейся правовой практике, в Финляндии они распространялись только на суда, зарегистрированные на территории княжества. Корабли из других регионов империи таких прав не имели, наряду с иностранными судами. Великий князь Александр Михайлович, Главноуправляющий торговым мореплаванием и портами особо подчеркивал несправедливость сложившейся системы для морского судоходства империи в целом. Н.И. Бобриков обратился со специальным обращением в сенат, чтобы урегулировать данный конфликт, но он отказался рассматривать данное обращение генерал-губернатора [7, с.377].

Морское судоходство Финляндии во многом зависело от международных договоров, заключенных Россией по этому поводу. Княжество не имело право самостоятельно заключать соглашения такого рода. Поэтому оно в 1907 г. предлагало при подготовке международных соглашений учитывать интересы финляндского судоходства [6, с.717]. Этот принцип, отча-

сти касался и внешнеэкономической деятельности. В XIX в. данный вопрос не стоял столь остро, но все большая включенность Финляндии в мировые экономические связи требовала учета империй данного факта. Сложным являлся вопрос о статусе почтовой службы, телеграфа и телефонной связи.

Еще одной острой темой, где столкнулись интересы автономии и империи в экономической области в годы правления Николая II, оказалось таможенное законодательство и статус таможенной службы. 29 мая 1897 г. утверждается новое таможенное положение, регламентирующее торговые связи России и Финляндии. Все товары из княжества делились на три категории, в зависимости от степени обложения таможенными тарифами и доказательств их производства в княжестве. Первую группу составили товары из Финляндии, поставляемые в Россию беспошлинно и без подтверждения их происхождения. Сюда входила продукция горнодобывающей промышленности, ограничения накладывались только на ввоз железа. Во вторую группу вошли товары, ввозимые без пошлины, но с подтверждением их финляндского происхождения (продукция обрабатывающей промышленности). Третья группа, включала товары (продукция обрабатывающей промышленности) с уравнительным тарифом, чтобы их цена не была ниже стоимости российской продукции и с доказательством их производства в Финляндии. При ввозе в империю морским путем продовольствия и продукции деревообрабатывающей промышленности они не облагались пошлинами. Российские товары в княжество поставлялись также без уплаты пошлины за исключением крепких спиртных напитков, вина, пива, сахара-сырца, сахара-рафинада, патоки, табака и маргарина [2, с.178]. В целом новое таможенное положение устраивало обе стороны, хотя и в России и в Финляндии имелись экономические круги его критиковавшие.

В течение 1903 г. в Санкт-Петербурге по поводу таможенного законодательства Финляндии прошло несколько заседаний, где обсуждались различные варианты его реформ. В конце 1904 г. сенат Финляндии передал свой план реформы в комиссию Н.С. Таганцева. Сенат допускал введение некоторых несущественных поправок в законодательство в пользу империи. Но при этом он призвал не проводить радикальных реформ в данной сфере. Таможенные пошлины должны были определяться местной администрацией, так как она в большей степени имела представление о нуждах народного хозяйства княжества, платежеспособности населения, характере внешней торговли Финляндии. Общеимперское законодательство не отличалось гибкостью, чтобы учитывать все эти обстоятельства [15, с.393]. В результате таможенное дело из прибыльного мероприятия могло стать убыточным и нанести огромный урон народному хозяйству Финляндии. Кроме этого, ее бюджет в значительной мере пополнялся за счет таможенных сборов, во многом обеспечивая финансовую самостоятельность княжества. Следовательно, изъятие или сокращение таможенных сборов приведет к непоправимым потерям для государственного бюджета княжества и подрыву ее финансовой независимости. Сенаторы отмечали, что в виду грядущего увеличения военных расходов княжества, это не реально сделать без сохранения стабильного поступления в бюджет таможенных сборов. За монархом сохранялось право утверждать ставки таможенных тарифов и порядок их взимания, но по представлению финляндской администрации и сейма [15, с.394].

В 1907 г. в разгар дискуссии о принятии новой редакции Формы правления сенат предложил, не вносить ни каких изменений в таможенное законодательство Финляндии и сохранить сложившуюся правовую практику. Сейм должен был утверждать ставки таможенных тарифов, а великий князь их утверждать. Сенат вновь подтвердил важность таможенных сборов для экономики и государственного бюджета Финляндии [6, с.712].

На протяжении первой половины XIX в. большая часть жителей княжества вела натуральный образ жизни, редко покупая импортные товары. С последней трети XIX в. ситуация начинает постепенно меняться. По мере роста уровня жизни населения, оно все активнее приобретало импортную продукцию. Данное обстоятельство способствовало росту доходов бюджета. В 1907 г. его доходы от таможенных сборов составили 40,2 млн. марок, а от остальных прямых и косвенных налогов 14,4 млн. марок [6, с.712].

Имперские власти волновала проблема предоставления предпринимателям из России равных прав на территории княжества наряду с местными жителями. Российские предприниматели сыграли важную роль в развитии многих секторов народного хозяйства княжества, особенно промышленности. В Финляндии их привлекало наличие больших запасов природных ресурсов, низкие таможенные пошлины и возможность получить хорошую прибыль. В княжество они приносили столь необходимые инвестиции, новые технологии, создавая дополнительные рабочие места. Многие российские компании, особенно в сфере страхования открывали свои представительства в Хельсинки и других городах.

В 30-40-е гг. XIX в. российские предприниматели активно проникают в деревообрабатывающую промышленность княжества, в 60-70-е гг. в металлургию и горнодобывающую промышленность. Заводы Н.И. Путилова поставляли сталь из Финляндии на военные предприятия Санкт-Петербурга, занимая лидирующие позиции в металлургии княжества. Хлопчатобумажная фабрика «Финлейсона», ставшая градообразующим предприятием Тампере выходит в лидеры текстильной промышленности Северной Европы. В 30-е гг. одними из ее владельцев становятся два предпринимателя из Санкт-Петербурга. Многие предприятия по производству стекла, зеркал, бутылок, керамики, сахара, табака и пива принадлежали россиянам [19, p.219-240]. В середине XIX в. 6 из 30 крупнейших промышленных предприятий Финляндии находились под контролем россиян, половина из них действовала в металлургии. Большинство предприятий российских предпринимателей располагалось на востоке и юго-востоке Финляндии [16, с.14]. До 70-х гг. XIX в. россияне играли важную роль в розничной торговле Хельсинки и Восточной Финляндии, во внешней торговле княжества, в том числе с Россией. В 50-90-е гг. XIX в. они создают в княжестве современную систему страхования. Во второй половине XIX – начале XX вв. значение российского предпринимательства в народном хозяйстве Финляндии снижается.

Поскольку россияне не имели гражданства, то они приравнивались торгово-промышленным уложением 1879 г. к иностранцам [9, с.15]. Поэтому они не могли, свободно на территории княжества заниматься торговлей и любой экономической деятельностью. Для этого им требовалось получить специальное разрешение от местных органов власти и губернаторов, что существенно затрудняло деятельность российских пред-

принимателей [13, с.657]. Независимость денежной системы Финляндии также создавала препятствия для российских предпринимателей. Российские коммерческие банки не могли создавать свои отделения в княжестве, что осложняло денежные переводы и инвестиции из России в ее народное хозяйство [1, с.163]. Право на строительство железных дорог и создание банков могли получать только граждане Финляндии. Особо оговаривалось, что половина членов железнодорожных обществ являлось гражданами Финляндии. Россияне не имели права производить спиртные напитки, заниматься оптовой торговлей и др. [4, с.161].

Правда, в конце XIX в. империи удалось добиться отмены подоходного налога, выплачиваемого поданными России и вызывавшего большое недовольство среди отечественных предпринимателей. В 1885-1889 гг. иностранцы, главным образом, россияне, ежегодно уплачивали подоходный налог на 40,1 тыс. марок., в 1890-1894 гг. – 41,3 тыс. марок, в 1895 г. 19,8 тыс. марок и в 1898 г. 6,2 тыс. марок [2, с.186].

Серьезным тормозом для развития «русского сектора» в народном хозяйстве Финляндии являлось то обстоятельство, что россияне до конца XIX в. не могли свободно приобретать недвижимое имущество, в том числе именные, за исключением дворян. В 1891 г. император Александр III во время встречи с министром статс-секретером Финляндии В.А. фон Деном, выразил недовольство таким положением дел. В результате издается указ предоставивший россиянам свободу приобретения недвижимого имущества. Окончательно этот вопрос был урегулирован в 1903 г. [9, с.21]. Данное правило не распространялось на евреев России. Почти одновременно, россияне получили право на свободу каботажных перевозок.

Долгое время жители России не граждане княжества не имели права приобретать земельную собственность на территории Финляндии. По настоянию имперских властей ее аграрное законодательство корректируется в пользу предоставления поданным империи права на приобретение земельной собственности, в том числе православными приходами. Не граждане Финляндии также после многолетней борьбы освобождались от ряда городских налогов [7, с.377].

Темой нового конфликта между Финляндией и империей становится положение российских коробейников в княжестве. Они являлись либо карелами, либо уроженцами других регионов России. О масштабности деятельности коробейников из России говорит тот факт, что только Абобернеборгским губернатором было выдано 125 разрешений на ведение торговли в разное, из них 116 разрешений получили торговцы из внутренних районов России. Проблема российских коробейников из экономической плоскости переходит в политический контекст.

Российские коробейники охотно приезжали на территорию Финляндии для ведения мелкой розничной торговли, зачастую они действовали незаконно. Товары у них стоили дешевле, чем у местных купцов. Поэтому финским крестьянам было без разницы у кого приобретать товар, если он при хорошем качестве стоил дешевле. В результате финляндские купцы несли убытки, а казна княжества не дополучала налоговые поступления. Закон 1839 г. разрешал российским крестьянам заниматься торговой деятельностью на территории княжества в установленном порядке. Власти Финляндии стремились бороться с незаконной деятельностью

коробейников, создавая бюрократические препятствия на пути легализации их деятельности. В 1879 г. в связи с принятием нового промыслового закона деятельность коробейников сильно ограничивается. В Финляндии распространяются слухи о том, что коробейники разносят информации, о грядущем земельном переделе в княжестве, замене лютеранства православием и являются переносчиками заразных болезней [5, с.41].

В условиях острого противостояния империи и княжества на рубеже XIX – XX вв. тема положения коробейников приобретает новый характер. Империя предпринимает меры по упрощению лицензирования деятельности коробейников. Финские и шведские националисты призвали к бойкоту коробейников, отказывая им в предоставлении жилья и не приобретать у них товары. Более того, они призвали полностью разорвать все экономические связи с российскими предпринимателями и не нанимать рабочих из России [10, л.125-125 об.]. Н.И. Бобриков докладывал в Санкт-Петербург о несоответствии действительности нелепых слухов о деятельности коробейников, распространяемых антиросийскими силами.

Не без содействия местных властей создавались данные препятствия для деятельности коробейников. Причем в этих действиях долгое время не принимали участие крестьяне. В ряде уездов встречались случаи конфликтов местных крестьян и полиции. Крестьяне выступали в защиту коробейников. Эти факты вызвали всплеск недовольства среди радикалов, рассуждавших о некультурности и необразованности финских крестьян, не поддерживавших национальную идею. Необходимо признать определенное воздействие националистических воззваний на экономическую жизнь княжества. В этих действиях Н.И. Бобриков видел желание националистов Финляндии оборвать экономические связи между жителями Финляндии и россиянами, посеять между ними конфликты и неприязнь [5, с.42].

Под воздействием пропаганды некоторые общины Финляндии в 1900 г. принимают решения о полном бойкоте российских коробейников. Такие факты довольно быстро тиражировались на территории княжества с помощью распространения брошюр и листовок с призывом, чтобы остальные общины принимали такие же решения. В качестве примера можно привести решение общины Русвеси. После чего издается брошюра тиражом в 3 тыс. экз. Около 2 тыс. экз. [11, л.14] брошюры до вмешательства властей передается в ряд общин. Генерал-губернатор по этому поводу специально обратился к сенату о недопущения такого рода противоправных действий.

В июле 1900 г. издается указ о защите прав коробейников, его исполнение берет под личный контроль генерал-губернатор, направив соответствующие уведомления губернаторам княжества. Появление данного указа императора значительно снижает противоправные действия против коробейников. Но он не мог остановить волну бойкотов и бездействия местных властей и полиции в ряде случаев. Сенат по требованию Н.И. Бобрикова издал постановление о запрете требовать у коробейников дополнительные документы, кроме паспортов. Все переводы документов на местные языки осуществлялись бесплатно, а разрешения на ведение торговли действовали не на территории одной губернии, а во всем княжестве. Коробейники освобождались от налога на иностранцев, и губернаторы должны были пресекать незаконные

действия против коробейников [5, с.44]. Сокращение количества коробейников в Финляндии показывало, что появление необходимой нормативной базы было недостаточно для урегулирования конфликта.

Во второй половине 1907 г. после относительного затишья в отношениях между Россией и Финляндией появляются первые признаки нового обострения ситуации, что не могло не затронуть экономику. Сейм, отражая настроения общественности, начинает активно продвигать законопроект о введении «сухого закона» на территории княжества. В Сенате понимают нереальность данной меры. Закон требовал тщательной подготовки и системного анализа его последствий на все стороны жизни общества. К тому же было очевидно, что император не одобрит данный закон, так как он входил в противоречие с торговыми договорами, заключенными Россией с Францией и Испанией [8, с.510].

В начале XX в. многие российские промышленники были недовольны экономической автономией Финляндии и активным проникновением на ее рынок товаров из других европейских государств и прежде всего из Германии, которые транзитом попадали и на территорию империи. Часть из них хотела включить Финляндию в единое экономическое пространство, огражденное протекционистскими пошлинами от иностранных конкурентов [12, с.136]. Поэтому они, активно поддержали начало новой попытки наступления империи на права княжества с 1908 г. Однако другая часть представителей торгово-промышленных кругов России с подозрением относились к действиям империи в Финляндии.

Результаты. Финляндия создала собственную экономическую систему, основы которой закладываются еще до 1809 г. Оставаясь преимущественно аграрной, Финляндия с середины XIX в. вступает в период бурного развития промышленного производства. Основой ее индустрии становятся целлюлозно-бумажная, деревообрабатывающая и текстильная промышленность.

Индустрия Финляндии использовала протекционизм и обширный рынок сбыта России для расширения производства. Российский капитал в середине XIX в. сыграл значительную роль в развитии тяжелой промышленности Финляндии. Однако во второй половине XIX в. его значение начинает падать. Острой проблемой в отношениях княжества и империи являются ограничения на деятельность российских предпринимателей.

Важное место для экономики княжества занимала торговля с Россией и внешняя торговля. Империя ограничивала доступ ряда финляндских промышленных товаров на свой рынок. Финляндия также вводила ограничения на ввоз некоторых товаров из России. Инструментом реализации данной политики становятся таможенные тарифы. Форма правления 1772 г. изменение таможенных тарифов оставляла в ведении монарха. Данная практика сложилась еще в эпоху средневековья. Александр II в декабре 1864 г. несколько изменил этот принцип, подтвердив, что монарх утверждает таможенные тарифы, но по представлению сейма. В начале XX в. роль России во внешней торговле Финляндии снижается в пользу Германии и Великобритании, что вызвало озабоченность в Санкт-Петербурге.

Россия с конца XIX в. стремится ограничить экономическую автономию Финляндии, в том числе, расширив свой контроль над железнодорожными дорогами, морским судоходством, средствами связи, подчинив таможенную службу княжества. Эти действия вызвали отрицательную реакцию в Финляндии. В самой империи, многие представители торгово-промышленных кругов не разделяли данный курс Санкт-Петербурга, опасаясь дестабилизации ситуации в княжестве и конкуренции со стороны финляндских производителей. В свою очередь предприниматели Финляндии в большей степени ориентировались на компромисс с империей, боясь действий радикалов, особенно после 1907 г., когда социал-демократы взяли под контроль сейм.

Литература

1. Анисимова Д. В. Монетарные реформы Великого княжества Финляндского в контексте интеграционной политики Российской империи // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 3. С. 157–166.
2. Берендтс Э. Н. Финансовое право Великого княжества Финляндского в XIX ст. СПб.: Государственная типография, 1900. 321 с.
3. Бобович И. М. Русско-финляндские экономические отношения накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1968. 192 с.
4. Бородин М. М. Краткая история Финляндии. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. 200 с.
5. Всеподданнейший отчет финляндского генерал-губернатора по управлению Великим княжеством с сентября 1898 по сентябрь 1902 г. СПб.: Государственная типография, 1902. 268 с.
6. Всеподданнейшее представление Императорского Финляндского Сейму Финляндии относительно новой Формы правления для Великого княжества Финляндского. 1 июня 1907 г. // Россия и независимость Финляндии 1899-1920 гг. Т.1. От автономии к противостоянию. Сост. М. В. Зеленев, П. Хакала. М.: РОССПЭН, 2021. С. 714–727.
7. Из «Высочайшей записки» Финляндского генерал-губернатора 1902–1903» Императору Николаю II о законодательных и административных мероприятиях в Финляндии с сентября 1892 по январь 1904 г. 3 марта 1904 г. // Россия и независимость Финляндии 1899-1920 гг. Т.1. От автономии к противостоянию. Сост. М.В. Зеленев, П. Хакала. М.: РОССПЭН, 2021. С. 373–379.
8. Клинке М. Имперская Финляндия. СПб.: Коло, 2003. 614 с.
9. Корево Н. Н. К вопросу о равноправии. Положение русских в Финляндии и финляндцев в Империи. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1907. 52 с.
10. НАФ. Канцелярии Финляндского генерал-губернатора. Ed. 3. № 9.
11. НАФ. Канцелярии Финляндского генерал-губернатора. Ed. 8. № 70.
12. Новикова И. Н. Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). М.: ЗАО «Первый Печатный двор», 1997. С. 130–148.
13. Отношение Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда министру статс-секретарю А.Ф. Лангофу с проектом постановления о принятии русских уроженцев в число финляндских граждан. 27 ноября 1906 г. // Россия и независимость Финляндии 1899-1920 гг. Т.1. От автономии к противостоянию. Сост. М. В. Зеленев, П. Хакала. М., 2021. С. 666–668.
14. Петухова А. В. Русское национальное движение и финляндский вопрос во второй половине XIX – начале XX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история. М.: МГУ, 2022. 332 с.
15. Проект всеподданнейшего представления императорского Финляндского Сената о разграничении общегосударственного и особого финляндского законодательства, составленный Комиссией в составе сенатора Энеберга, Окермана, Гуммеруса и Форселя, Архиепископа Иогансона, президента Вазаского гофгерихта Борениуса и профессора, статского советника Даниельсона // Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг. Т.1. От автономии к противостоянию. Сост. М. В. Зеленев, П. Хакала. М.: РОССПЭН, 2021. С. 390–400.

16. Хьерппе Р. Т., Хьерппе П. Тл. Экономии Великого княжества Финляндского и русская революция 1917 // Экономическая история. 2017. № 1. С. 9–18.
17. Hjerppe R., Lamberg J-A. Changing structure and organization of foreign trade in Finland after Russian rule // Economic Change and the National Question in Twentieth-century Europe. Oxford University Press, 2000. P. 382-403.
18. Mikkola J. Venäläiset teollisuudenharjoittajat (Russian industrialists) // Venäläiset Suomessa 1809–1917. Helsinki, 1984. P. 219-240.
19. Pihkala E. Suomen Venäjän-kauppa vuosina 1860–1917. Helsinki: Suomen tiedeseurain, 1970. 261 p.

References

1. Anisimov DV. Monetary reforms of the Grand Duchy of Finland in the context of the Integration Policy of the Russian Empire. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovanija*. 2019;(3):155-166. (In Russ.).
2. Berendts EN. Brief outline of budget law of Finland. St.Petersburg: Partnership of R. Golike and A. Vilborg; 1910. 198 p. (In Russ.).
3. Bobovich IM. Russian-Finnish economic relations on the eve of the Great October Socialist Revolution. Leningrad.: Leningrad University Publishing House; 1968. 192 p. (In Russ.).
4. Borodkin MM. Brief history of Finland. St. Petersburg: R Golike and A Vilborg Partnership; 1911. 200 p.
5. Most humble report of the Finnish Governor-General on the administration of the Grand Duchy from September 1898 to September 1902. St. Petersburg: State Printing House; 1902. 268 p. (In Russ.).
6. The humblest order of the Imperial Finnish Diet of Finland regarding the new form of government for the Grand Duchy of Finland. June 1, 1907 in Russia and the independence of Finland 1899-1920. Vol. 1. From autonomy to confrontation. Comp. MV Zelenov, P Hakala. Moscow: ROSSPEN; 2021. P. 714-727. (In Russ.).
7. From the "Highest Note" of the Finnish Governor-General of 1902-1903" to Emperor Nicholas II on legislative and administrative measures in Finland from September 1892 to January 1904. March 3, 1904 in Russia and the independence of Finland 1899-1920. Vol. 1. From autonomy to confrontation. Comp. MV Zelenov, P Hakala. Moscow: ROSSPEN; 2021. P. 373-379. (In Russ.).
8. Klinge M. Imperial Finland. St. Petersburg: Kolo; 2003. 614 p. (In Russ.).
9. Korevo NN. On the issue of equality. The position of Russians in Finland and Finns in the Empire. St. Petersburg: Printing house of AS Suvorin; 1907. 52 p. (In Russ.).
10. NAF. Chancellery of the Finnish Governor-General. Ed. 3. No. 9.
11. NAF. Chancellery of the Finnish Governor-General. Ed. 8. No. 70.
12. Novikova IN. The Grand Duchy of Finland in the Imperial Policy of Russia in The Imperial System of Russia in the Regional Dimension (19th–early 20th Century. Moscow: ZAO Pervyi Pechatny Dvor; 1997. P. 130-148. (In Russ.).
13. The attitude of the Finnish Governor-General NN. Gerard to the Minister of State Secretary A.F. Langof with a draft resolution on the acceptance of Russian natives as Finnish citizens. November 27, 1906 in Russia and the Independence of Finland 1899-1920. Vol. 1. From Autonomy to Confrontation. Comp. MV Zelenov, P Hakala. Moscow; 2021. P. 666-668. (In Russ.).
14. Petukhova AV. The Russian National Movement and the Finnish Question in the Second Half of the 19th – early twentieth centuries. Dissertation for the degree of candidate of historical sciences in specialty 5.6.1. Domestic history. Moscow: Moscow State University; 2022. 332 p. (In Russ.).
15. The draft of the humblest submission of the Imperial Finnish Senate on the delineation of general state and special Finnish legislation, compiled by the Commission consisting of Senators Eneberg, Åkerman, Gummerus and Forsell, Archbishop Johansson, President of the Vasa Hofgericht Borenus and Professor, State Councilor Danielson in Russia and the Independence of Finland 1899-1920. Vol. 1. From Autonomy to Confrontation. Comp. MV Zelenov, P Hakala. Moscow: ROSSPEN; 2021. P. 390-400. (In Russ.).
16. Hjerppe RT, Hjerppe RTI. The Economy of the Grand Duchy of Finland and the Russian Revolution of 1917. *Jekonomicheskaja istorija*. 2017;(1):9-18. (In Russ.).
17. Hjerppe R, Lamberg J-A. Changing structure and organization of foreign trade in Finland after Russian rule in Economic Change and the National Question in Twentieth-century Europe. Oxford University Press; 2000. P. 382-403.
18. Mikkola J. Russian industrialists. Venalaiset Suomessa 1809-1917. Helsinki; 1984. P. 219-240. (In Finn.).
19. Pihkala E. Finnish Trade in Russia in 1860-1917. Helsinki: Suomen tiedeseurain; 1970. 261 p. (In Finn.).

Научная статья

УДК 94(470+57) «17/1917»

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.10>

К ВОПРОСУ О МЕДИКО-САНИТАРНОМ СОСТОЯНИИ ГОРОДОВ ЮГА РОССИИ НА ПРИМЕРЕ Г. НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX В.

Сергей Сергеевич Козлов

Ростовский государственный медицинский университет Минздрава России (д. 29. пер. Нахичеванский, Ростов-на-Дону, 344022, Российская Федерация)

Кандидат исторических наук, ассистент

sid.220788@bk.ru; <https://orcid.org/0009-0004-5205-9060>

Аннотация. Введение. В История города Нахичевани-на-Дону, является малоисследованной темой, активное изучение которой в большей части началось только в конце XX – начале XXI в. Специальных же исследований по истории деятельности городского общественного управления по санитарному состоянию в г. Нахичевани-на-Дону практически нет.

Материалы и методы. Исследование проводилось в рамках «урбанистики». Историзм как основополагающий принцип любого научного исследования в области истории показывает причинно-следственные связи и социальный контекст всех общественных процессов. При анализе материалов, применялись такие научные методы исторического исследования, как историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и структурно-функциональный. **Анализ.** Работа посвящена изучению деятельности городского общественного управления по улучшению санитарного состояния города. В дореформенный период «отцы города» практически не соблюдали санитарных норм. В 1888 г. было принято решение об образовании медико-полицейской комиссии по городам Ростову и Нахичевани-на-Дону под руководством санитарных врачей г. Ростова-на-Дону. По инициативе гласного городской Думы И.М. Келле-Шагинова был создан Санитарный комитет, который был обязан следить за чистотой в городе, следил за вывозом городского мусора, обеспечением санитарных условий на предприятиях

города. В 1901 г. при нахичеванской городской был составлен проект санитарно-исполнительного комитета. В связи с этим в 1901 г., Нахичеванская городская Управа проводит совещание по вопросу о принятии санитарных мер в городе для профилактики острозаразных заболеваний. По инициативе городского головы М.И. Балабанова в 1904 г. создается санитарный совет. **Результаты.** В итоге исследования можно сделать вывод, что городское общественное управление, утвержденное в 1870 г., заботилось о санитарном состоянии города, чистотой на улице, в ремесленных и промышленных заведениях, создавали условия для предотвращения распространения заразных болезней.

Ключевые слова: Городская дума, санитарное состояние города, борьба с эпидемиями, санитарный комитет, донские армяне, Нахичевань-на-Дону

Для цитирования: Козлов С. С. К вопросу о медико-санитарном состоянии городов Юга России на примере г. Нахичевани-на-Дону в конце XIX - начале XX в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 87–92. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.10>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 12.12.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.03.2025.

Статья принята к публикации: 25.03.2025.

Research article

ON THE MEDICAL AND SANITARY CONDITION OF THE CITIES OF THE SOUTH OF RUSSIA BY THE EXAMPLE OF THE CITY OF NAKHICHEVAN-ON-DON IN THE LATE 19TH - EARLY 20TH CENTURIES

Sergey S. Kozlov

Rostov State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (29, Nakhichevan Lane, Rostov-on-Don, 244022, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Assistant

sid.220788@bk.ru; <https://orcid.org/0009-0004-5205-9060>

Abstract. Introduction. The The history of the city of Nakhichevan-on-Don is a little-studied topic, the active study of which for the most part began only in the late 20th - early 21st centuries. There are practically no special studies on the history of the activities of the city public administration on sanitary conditions in Nakhichevan-on-Don. **Materials and Methods.** The study was conducted within the framework of urban studies. Historicism as a fundamental principle of any scientific research in the field of history shows cause-and-effect relationships and the social context of all social processes. When analyzing the materials, such scientific methods of historical research as historical-genetic, historical-comparative, historical-typological and structural-functional ones were used. **Analysis.** The work is devoted to the study of the activities of the city public administration to improve the sanitary condition of the city. In the pre-reform period, the city fathers practically did not observe sanitary standards.

In 1888, a decision was made to establish a medical and police commission for the cities of Rostov and Nakhichevan-on-Don under the leadership of sanitary doctors of Rostov-on-Don.

© Козлов С. С., 2025

On the initiative of the city Duma member I.M. Kelle-Shaginov, a Sanitary Committee was created. It was obliged to monitor the cleanliness of the city, monitored the removal of city garbage, and ensured sanitary conditions at the city enterprises. In 1901, a project for a sanitary executive committee was drawn up under the Nakhichevan city. In connection with this, in 1901, the Nakhichevan City Administration held a meeting on the issue of taking sanitary measures in the city to prevent highly contagious diseases. On the initiative of the city mayor M.I. Balabanov, a sanitary council was created in 1904. **Results.** As a result of the study, it can be concluded that the city public administration, approved in 1870, took care of the sanitary condition of the city, cleanliness on the streets, in craft and industrial establishments, and created conditions for preventing the spread of infectious diseases.

Keywords: City Duma, sanitary condition of the city, epidemic control, sanitary committee, Don Armenians, Nakhichevan-on-Don

For citation: Kozlov SS. On the medical and sanitary condition of the cities of the South of Russia by the example of the city of Nakhichevan-on-Don in the late 19th - early 20th centuries.

Humanities and law research. 2025;12(1):87-92. (In Russ).
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.10>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 12.12.2024.

The article was approved after reviewing: 18.03.2025.

The article was accepted for publication: 25.03.2025.

Введение. Благоустройство и в том числе санитарное состояние города и создание комфортных условий для его жителей напрямую зависит от эффективной деятельности городского самоуправления. В этом плане очень интересен опять деятельности на этом поприще городского общественного управления Нахичевани-на-Дону.

К сожалению, разработанность данной тематики оставляет желать лучшего. Вопросы благоустройства и санитарного состояния города рассматривались в работе В.Б. Бархударяна «История армянской колонии Новая Нахичевань» [1]. Работа является его докторской диссертацией, защищенной в Ереване, со временем дополненной и расширенной. Перевод на русский язык и издание работы В.Б. Бархударяна имели огромное значение для донского армяноведения. В монографии подробно изложена история города Нахичевани-на-Дону со времени переселения армян из Крыма на Дон, хозяйственная деятельность, административное управление колонии в городе и селах, социально-экономическое развитие колонии, участие жителей в революционных движениях России, в том числе и революции 1917 г. На наш взгляд, в монографии довольно слабо, либо вообще не освещена культура города и деятельность различных конфессий. Работа, основанная на широком архивном материале, особенно на вывезенных в Ереван в 1921 г., и труднодоступных для донских краеведов, документах Ново-Нахичеванского магистрата, является и по сей день лучшим исследованием по данной тематике. Наибольший вклад в изучение истории градостроительства и архитектуры армян Нижнего Дона внес академик О.Х. Халпахчян. Автором, в своем значимом труде об архитектуре Нахичевани, в котором кратко характеризуются политико-экономические условия возникновения города, освещаются планировка, застройка и благоустройство Нахичевани и ее селений, архитектурно-художественные особенности жилых, культурных, общественных и коммунально-бытовых сооружений [12]. В основу работы легли систематические поиски в библиотеках и архивах. Несмотря на узкую тему исследования, работа выполнена на широком архивном материале и содержит ценнейшие исторические сведения об истории армян на Дону. Профессор С.С. Казаров в своей исследовательской работе так же касался этого вопроса [9].

Материалы и методы. Исследование основано на принципе междисциплинарности, так как проводилось в рамках «урбанистики», нового раздела исторической науки, направленного на изучение повседневной, социокультурной, религиозной, экономической жизни городских сообществ. При анализе архивных материалов, опубликованных документов и научной литературы применялись такие научные методы исторического исследования, как историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и структурно-функциональный

Государственный архив Ростовской области вызывает большой интерес богатейшими материалами по истории г. Нахичевани-на-Дону со второй половины XIX до начала XX вв. Большею частью автором использовался фонд 91. Фонд Нахичеванской городской Упра-

вы МВД Екатеринославской губернии, а также архив Нахичеванской городской Управы отдела Канцелярии Атамана Войска Донского дает большое количество материала по вопросам благоустройства и здравоохранения. Нормативные документы в исследовании представлены законодательными актами. Законодательная основа указов касающихся крымских, а затем и донских армян, г. Нахичевани-на-Дону нашли отражение в «Полном собрании законов Российской империи» [10].

Источники личного происхождения дают важный материал для изучения города Нахичевани-на-Дону. Важным источником личного происхождения являются воспоминания жителей Нахичевани-на-Дону, известных уроженцев, общественных деятелей, опубликованные в виде мемуаров, в различных изданиях. Так большой интерес вызывает автобиография всемирно известного художника Мартироса Сергеевича Сарьяна «Из моей жизни» [11].

Анализ. Городская инфраструктура и ее развитие определяли уровень благоустройства и санитарного состояния города, важнейших элементов его общественной культуры. Город Нахичевань-на-Дону- центр армянской колонии в Приазовье, основанный в 1779 г. по указу императрицы Екатерины II [10, с.878–879].

Город Нахичевань-на-Дону застраивался и благоустраивался довольно быстро и в согласии с духом времени. И все же в вопросах санитарии город находился в очень плачевном состоянии. Вспоминая свои ученические годы в Нахичевани, в 1897 году, художник Мартирос Сарьян писал: «Через два года мы переехали в другую квартиру. При доме были двор и маленький садик. Улица была немощёная, и поэтому весной при оттепели и осенью от дождей она превращалась в непролазное болото, в котором застревали даже фаэтоны с лошадьми. Люди, еле пробиравшиеся вдоль заборов, теряли галоши. По всей улице жители клали доски, создавая мостики для перехода» [11, с. 25].

Подобное состояние города и другие антисанитарные явления создавали благоприятные условия для возникновения заразных болезней. И вовсе не случайно в архивах встречаются документы об эпидемиях, требования повышения врачебно-санитарного контроля и улучшения обслуживания населения города.

Неутешительное состояние врачебно-оздоровительной службы было присуще не только армянской колонии, или Екатеринославской губернии, но и всей России. Достаточно сказать, что в 1850 г. число врачей, работавших на зарплату и частнопрактикующих не достигало двухсот, а фельдшеров не более трехсот пятнадцати [1, с. 87].

В 1870 году 16 июня было принято городское положение, согласно которому, в обязанности только что учрежденного городского общественного управления входило:

1) Дела по устройству управления и городского хозяйства;

2) Внешнее благоустройство города, соответствие его городским планам, благоустройство улиц, площадей, мостовых и тротуаров, городских общественных садов, бульваров, водопроводов, водосточных труб, каналов, прудов, освещения;

3) Благополучие городского населения: то есть следить за наличием продовольствия в городе, устройство рынков и базаров, противодействия пожарам, забота о здравоохранении, помощь в организации торговли и предпринимательства, устройство бирж и кредитных учреждений;

4) Учреждение благотворительных домов, больниц, театров, музеев;

5) Представлению Правительству сведений о нуждах города [10, с. 823–824]. Все важнейшие преобразования были результатом энергичной и четкой деятельности городского управления [9, с. 99].

Благоустройству города со дня основания города уделялось большое внимание. Учрежденное в 1872 г. городское общественное управление Нахичевани-на-Дону заботилось о благополучии и здоровье горожан. Так в 1895 г. Азовское городское управление ходатайствовало перед наказным атаманом Всевеликого войска Донского об учреждении лепрозория вместе с городами, Таганрогом, Ростовом или Нахичеванью, отдавая особое предпочтение последней [4, л. 1]. Доклад был принят Управой и по данному вопросу было рекомендовано обратиться в азовское городское общественное управление [4, л. 7]. В итоге азовское городское общественное управление взяло на себя инициативу в деле устройства убежища для прокаженных отклонить, для предварительной разработки возбужденного вопроса. Но при этом городская Дума Азова выразила полную готовность принимать необходимое материальное участие в этом деле [4, л. 11].

Необходимое внимание уделялось связанным с чистотой города санитарно-гигиеническим требованиям. Первоначально нечистоты сливались в поглощающие колодцы, но поскольку, просачиваясь сквозь грунт, загрязняли колодезную воду, то вскоре домовладельцам было вменено в обязанность устраивать на своих участках выгребные ямы. Форма плана ям принималась в основном прямоугольная, глубина - в пределах трех метров. Стены выкладывались из камня или кирпича и штукатурились гидростойким раствором; перекрытия в большинстве своем были деревянными, у зажиточных горожан – сводчатыми. Ямы очищались организованными в «ассенизационный обоз» людьми — «золотарями», которые в ночное время вывозили нечистоты в бочках в отведенные для них места в северо-восточной части города [12, с. 43].

На основании предложений правления Области Войска Донского от 23 февраля и 16 мая 1888 г. за №№ 82 и 1842 было принято решение об образовании медико-полицейской комиссии по г. Ростову и Нахичевани под председательством местных и городских и наличных по г. Ростову санитарных врачей, на обязанности каждого возложена заботиться о мерах против распространения сифилиса в городах.

На своих первых заседаниях медико-полицейский комитет в заседаниях своих 26 марта и 26 мая 1888 года постановил:

1. Освидетельствование проституток в домах терпимости и одиночек возложить в г. Ростове на врачей городского и трех санитарных и в Нахичевани на одного городского врача. Проституток осматривает находящийся в домах терпимости на poste, в тех-же домах, а одиночек в полицейских участках. А так как помещения в последних неудобны для медицинского осмотра одиночек-проституток, то просить ростовскую и нахичеванскую Управы исходатайствовать у городских дум

о приспособлении на средства городов особых для сего помещений снабдив их необходимым по указанию врачей приспособлениями.

2) в виду уменьшения развития сифилиса, просить городские управы исходатайствовать у городских дум о бесплатном лечении в городских больницах проституток, зараженных сифилисом, во всех случаях, т.е. явиться ли добровольно в больницу или будет прислана туда при отношении освидетельствующего врача [2, л.3].

3 мая 1889 г. гласный нахичеванской городской Думы Иван Матвеевич Келле-Шагинов подал городскому голове заявление: «Мною в 1885 году было подано бывшему городскому голове Григорию Карповичу Салтыкову заявление о том, что он доложил городской думе об учреждении в Нахичевани по примеру других городов империи, Санитарной комиссии, которую в свою очередь мог бы принести большую пользу населению нашего города, и так как бывший голова об этом даже не доложил думе, то я нашел нужным вновь ему напомнить, в виду абсолютнейшей его бездеятельности. Ныне я обращаюсь к Вам, милостивый государь. И прошу заявление это не оставить без внимания и доложить с мнением Вашим городской Управе на благоусмотрение городской думы в ближайшем ее заседании. При сем представляю ... экземпляр положения о нахичеванском н/Д городском санитарном комитете 1889 г. Апреля 21 дня. Нахичевань-на-Дону» [3, л. 2].

Создание подобного учреждения было крайне необходимо в Нахичевани-на-Дону, поэтому на рассмотрение городской Думы был предложен проект положения о Нахичеванском-на-Дону городском санитарном комитете. Так же в Управе была составлен план создания организации и смета содержания предполагаемого санитарного комитета и санитарного сбора.

Личный персонал комитета: 1. Врач жалование в год... 900 р., 1 Полицейский чиновник – 480 р., 2 комиссара – 480 р., 1 ветеринарный врач – 180 р., 1 писарь – 180 р. Всего 2220 р. Содержание санитарного сбора: жалование и содержание 3 рабочих в год – 720 р., отопление и освещение – 100 р., содержание и с лошадьми – 360р., ковка лошадей, ремонт сбруи и т.д., - 100 р. Всего 1280 р. [3, л. 2]. Таким образом в весь годовой расход произвести на сумму 3500 р. Кроме этого на устройство санитарного обоза потребуется единовременный расход в размере 600 р.

В 1900 г. Областное правление ОВД по врачебному отделению в своем докладе от 19 декабря предложило для противодействия возникающему распространению остро-заразных заболеваний в области Войска Донского предписать всем городским и окружным полицейским управляемым окружных отделов чтобы они немедленно озаботились приведением в должные санитарные условия городов, станиц и всех населенных местностей своего округа, устранив все, что может вредно отзываться на общественном здоровье, а равно предложить этим учреждениям и врачам городским и окружным строго следить за доброкачеством съестных припасов и воды, за гигиеническим содержанием различных населенных мест, базаров, площадей, улиц, дворов, и за помещения различного скопления народа: артелей, ночлежек и постоянных дворов, гостиниц, харчевен и других торговых, промышленных заведений, не допускать заражения берегов реки в пределах и выше данной местности, все отбросы могущие заразить почву, воздух и воду, стараться уничтожить [5, л. 1].

В 1901 г. при нахичеванской городской управе под представительством городского головы М.И. Балабанова непременно должен быть составлен проект санитарно-исполнительного комитета на основании правил Высочайше утвержденных 3 июня 1897 года. Санитарно-исполнительная комиссия должна быть готовой к исполнению своих обязанностей по первому распоряжению Войскового наказного атамана и притом одновременно с такой же комиссией г. Ростова [6, л. 1]. На заседании в городской Управе должны решить следующие вопросы: а) личный состав постоянных членов санитарно-исполнительной комиссии, б) разделить г. Нахичевань на санитарные участки с обозначением таковых на плане, в) список врачей заведующих санитарными участками, г) устройство больниц для чумных, д) перечисленные меры охраны общественного здоровья, подлежащих немедленному исполнению, е) предложения об устройстве института городских санитарных попечителей на основании ст.112 городского положения, ж) необходимо Войсковому городскому атаману в настоящее время издание распоряжения о преследовании виновных в нарушении обязательств постановлении по санитарной части, в порядке усиленной охраны [6, л. 2]. Для создания комитета требовалось 11 врачей, проживающих в Нахичевани.

В связи с этим в 1901 г., Нахичеванская городская Управа проводит совещание по вопросу о принятии санитарных мер в городе для профилактики острозаразных заболеваний [5, л. 8]. В заседании принимали участие видные специалисты: городской санитарный врач Н.Е. Абрамов, врач городской больницы Б.Г. Трапезонцев и ординаторы этой больницы С.Ф. Асфатуров и Я.Г. Сармакешев и санитарный чиновник А.Н. Навтулинский, городской-Ф.С. Кечегов, городской голова П.Е. Хатранов, члены городской Управы: А.Ф. Хатранов, Л.А. Аладжалов, К.М. Попов, помощник полицмейстера г. Ростова и Нахичевани М.А. Измаилов [5, л. 8].

Ввиду большой вероятности появления в городе острозаразных заболеваний совещание признало необходимым принять следующие меры: 1. установить усиленный надзор за базаром, трактирами, салотопными заводами, ночлежными домами, банями, свалочными местами и за дворами обывателей города. 2. просить городского врача Ф.С. Кечекьяна подвергнуть санитарному осмотру территорию, занятую станциями Юго-Восточной железной дорогой, на выгоне и на берегу реки Дона, а равно и все строения на полосе отчуждения. 3. поручить городскому санитарному врачу совместно с членами Управы Л.А. Аладжаловым осмотреть городской водопровод и фильтры. 4. приобрести дезинфицирующую камеру и выписать противовирусную сыворотку, поручить городской управе снести по этому поводу с надлежащими фирмами. 5. усилить надзор за свалочными местами для чего нанять двух сторожей. 6. найти в городе особый дом для размещения, подозрительных больных [5, л. 8].

По инициативе городского головы М.И. Балабанова в 1904 году создается санитарный совет [1, с. 87]. В совет также вошли члены думы, городские врачи, санитарные и школьные врачи, полицмейстер, начальник пристани и др. Санитарный совет созывался регулярно и следил за вывозом городского мусора, обеспечением санитарных условий на пристани, бойне, промышленных предприятий и вообще за чистотой города и таким образом вел борьбу с распространением болезней [1, с. 87].

В дальнейшем были усилены меры санитарного контроля и за ремесленными мастерскими и помещений для рабочих [7, л. 1]. Так ростовский градоначальник генерал-лейтенант гр. Коцебу Пилар фон Пильхау сообщил городскому голове, что санитарно-исполнительная комиссия в заседании состоявшемся 13 ноября 1904 г. постановила просить городскую Управу выработать для городского санитарного надзора правила осмотра ремесленных и мелких промышленных заведений г. Нахичевани, а также представить в городскую Думу предложение об издании обязательных постановлений по этим вопросам [7, л. 2].

20 июня 1906 года фон Пильхау издал обязательное постановление об устройстве и порядке содержания в санитарном отношении ремесленные заведения для рабочих:

П.1 открытие ремесленных заведений разрешается после осмотра городским санитарным надзором и признанный городским помещением этих заведений в санитарном отношении.

П.2 В мастерских, ровно в помещениях постоянных рабочих артелей и в ремесленных заведениях должна быть постоянно соблюдаться чистота.

Примечание: на мастерские и промышленные заведения, действует временно, только в летние и зимние месяцы, так же распространяются сила их постановления.

П.3. помещения мастерских и рабочих должны быть светлыми, сухими и обязательно должны быть снабжены вентиляцией приспособленной и должны содержать в себе как минимум, один кубический сажень воздуха на каждого человека. Помещения эти в зимнее время должны быть достаточно теплыми (средняя температура 15 градусов по Цельсию). Рамы в окнах должны быть двойные. Отопление железными печками, не обложенные внутри кирпичом, не допускаются.

П.4. Для ночлега рабочих должны быть отдельные от мастерских помещения с кроватями (или нарами) с матрасами или с сенниками. При нахождении среди рабочих женщин для последних должны быть отдельные от мужчин помещения для ночлега.

П.5. Помещения для ночлега должны быть чистыми, светлыми, снабжены вентиляцией, а ровно содержать не менее одного кубического сажень на каждого человека. В этих помещениях нары в два ряда не должны устраиваться. В нарах и на койках доски должны быть съемными для возможности надлежащей очистки их. П.6. Мастерские и квартиры рабочих в подвалах не могут помещаться. В полуподвальных этажах возможно устройство мастерских при условии, что они были углублены в землю же более чем на половину своей высоты, были сухи и светлы.

П.7. Полы в помещении для ночлега должны быть деревянные.

П.8. Спать на полу (и под нарами) безусловно воспрещается.

П.9. Помещения мастерских и квартир должны быть достаточно удалены от помойных ям и отхожих мест.

П.10. В помещениях для ночлега должны быть умывальники, а также питьевая вода в чистой посуде, содержимая всегда в должной чистоте и опрятности. Вода для питья должна иметься тоже в мастерских.

П.11. При наличности в ремесленном заведении более 10 человек требуется устройство отдельной столовой.

П. 12. Искусственное освещение в вечернее время должно соответствовать характеру производства на загрязнение воздуха и повышать значительно его температуру.

П.13. Замеченные среди рабочих или мастеровых больные, должны быть непременно отправлены хозяином в больницу.

П.14. В помещениях для ночлега воспрещается приготавливать пищу для хозяев и рабочих, а ровно устраивать склады провизии и вообще разного рода вещей.

П.15. Пища для рабочих должна быть всегда доброкачественной (л. 15) и в достаточном количестве.

П.16. Экземпляр обязательного постановления должен быть в мастерской для сведения рабочих.

П.17. При каждой мастерской должна иметься выделенная городской Управой пронумерованная книга, для внесения в нее замечаний санитарного надзора [7, л. 14].

В 1904 году городской ветеринарный врач О.К. Соцевич сообщил в нахичеванскую городскую Управу, что в Нахичевань-на-Дону в большом количестве привозятся туши крупного рогатого скота, убиваемого вне городских боен и поэтому не подвергаемого предварительному ветеринарному осмотру. Туши эти поступают, главным образом, в колбасные заведения г. Нахичевани и в мясные лавки, находящиеся на Базарной площади и в разных местах города. По мнению О.К. Соцевича, продажа мяса без предварительного ветеринарного осмотра, опасна для населения. Поэтому городская дума для предотвращения заражений от употребления в пищу недоброкачественного мяса среди населения издала постановления о том, чтобы в продажу допускалось только мясо, полученное от здорового скота, предварительно осмотренного перед убоем ветеринарным врачом, в удостоверение чего каждая мясная туша должна иметь клеймо этого врача [8, л. 3].

Как показала практика, исполнение требования этих требований возможно только в случае убоя скота на городских бойнях, между тем в Нахичевани привозят ежегодно до 400 штук крупного рогатого скота, убиваемого в близлежащих к г. Нахичевани селах, деревнях и станицах, где не имеется ветеринарного надзора. Для освидетельствования привозимых из окрестностей мясных туш необходимо возможно частое посещение городским ветеринарным врачом колбасных заведений и мясных лавок, что сопряжено с расходами по разъездам, причем такой порядок ветеринарного надзора слишком слабо гарантирует желательную доброкачественность мясных продуктов, поступающих в продажу.

Поэтому, городская управа в интересах охраны народного здоровья, предложила дополнительное предложение о мерах к соблюдению чистоты в помещениях для продажи мяса и других съестных продуктов, от 18

июля 1897 года: «Примечание. Ветеринарный осмотр туш крупного рогатого скота производится в установленном для сего городской управой врем на городских бойнях ежедневно» [8, л. 3].

Вместе с тем городская управа полагала бы возбудить в установленном порядке ходатайство о разрешении, в возмещение расходов города по означенному осмотру привозных мясных туш, обложить их особым в пользу города сбором по следующей таксе: за осмотр целой туши крупного рогатого скота: 1 р., одна вторая (0,5) туши крупного рогатого скота: 50 к., одна четвертая туши крупного рогатого скота: 25 к., и целой туши телка 25 к. [8, л. 3].

Такого рода обложения широко применяются в других городах и по большей части в более высоком размере, поэтому городская управа полагает, что со стороны надлежащей власти не встретится препятствий к введению означенного сбора, который, не обременяя держателей колбасных заведений и мясных лавок, явится справедливой компенсацией в деле учреждения ветеринарного надзора за привозными мясными тушами крупного рогатого скота. О настоящем городская управа имеет честь предоставить на благоусмотрение городской думы [8, л. 3].

На заседании Городской думы 29 ноября 1904 года было единогласно решено: доклад городской управы принять во всех частях уполномочив ее представить дополнение к параграфу 14 обязательных постановлений о мерах к соблюдению чистоты в помещениях для продажи мяса и других съестных продуктов на утверждение в установленном порядке, а ровно исходатайствовать, где следует, размещение на введение специального в пользу города Нахичевана сбора за ветеринарный смотр и клеймение привозных туш крупного рогатого скота по проектируемой таксе [8, л. 3].

Результаты. В заключении исследования можно сделать вывод, что городское общественное управление Нахичевани-на-Дону активно занималось обеспечением порядка и санитарного благополучия города. Ставился вопрос о учреждении лепрозория, который так и не был утвержден. Созданный санитарный комитет включал в себя известных врачей, полицмейстера. Санитарный комитет следил за чистотой в городе, следил за вывозом городского мусора, обеспечением санитарных условий на пристани, скотобойне, промышленных предприятий и ремесленных мастерских, контролировало чистоту города вообще и таким образом вело борьбу с распространением болезней.

Литература

1. Бархударян В. Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779-1917) / под ред. С. Дароян, В. Хачатурян; Пер. с АРН. Григорова. Ереван: Айастан, 1996. 528 с.
2. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф.91.Оп.1. Д.470
3. ГАРО. Ф.91.Оп.1. Д.494
4. ГАРО. Ф.91.Оп.1. Д.737
5. ГАРО. Ф.91.Оп.1. Д.1010
6. ГАРО. Ф.91.Оп.1. Д.1059
7. ГАРО. Ф.91.Оп.1. Д.1216
8. ГАРО. Ф.91.Оп.1. Д.1218
9. Казаров С. С. Деятельность органов городского управления по благоустройству Нахичевани-на-Дону. (Вторая половина XIX-начало XX веков) // Армяноведческий вестник. ЕГУ (на арм. языке). Ереван: ЕГУ, 2015. С. 99–105
10. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 20. 1775-1780. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 1050 с.
11. Сарьян М. С. Из моей жизни / под ред. Ш. Г. Хачатряна. М.: Изобразительное Искусство, 1990. 241 с.
12. Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону. Ереван: Айастан, 1988. 168 с.

References

1. Barkhudaryan VB. The history of the Armenian colony of New Nakhichevan (1779-1917). Ed. by S Daroyan, V Khachaturian. Yerevan: Hayastan; 1996. 528 p. (In Russ.).
2. The State Archive of the Rostov region (GARO). F.91, Inv.1. 470 (In Russ.).
3. GARO. F.91. Inv.1. 494 (In Russ.).
4. GARO. F.91. Inv.1. 737 (In Russ.).
5. GARO. F.91. Inv.1. 1010 (In Russ.).
6. GARO. F.91. Inv.1. 1059 (In Russ.).
7. GARO. F.91. Inv.1. d. 1216 (In Russ.).
8. GARO. F.91. Inv.1. 1218 (In Russ.).
9. Kazarov SS. The activities of the city administration for the improvement of Nakhichevan-on-Don. (The second half of the XIX-early XX centuries). Armenian Studies Bulletin. YSU (on the arm. language). Yerevan: YSU publ.; 2015. P. 99-105 (In Russ.).
10. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire: The first meeting: From 1649 to December 12, 1825. Vol.20. St. Petersburg: Printing Office of II of the Department of the E. I. V. Chancellery; 1830. 1050 p. (In Russ.).
11. Saryan MS. From my life. Edited by ShG Khachatryan. Moscow: Izobrazitelnoe Iskusstvo; 1990. 241 p. (In Russ.).
12. Khalpakchyan OH. Architecture of Nakhichevan-on-Do. Yerevan: Hayastan; 1988. 168 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 327.8 (410+680)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.11>

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ И ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ (СОЮЗОМ) В 1950 – 1970-Е ГОДЫ: ПРИЧИНЫ И ОСОБЕННОСТИ

Андрей Михайлович Криулин

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Аспирант

kriulin26@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4340-2096>

Аннотация. Введение. В глобальном масштабе для европейских метрополий африканский континент имел исключительную ценность с экономической и политической точек зрения. Для Великобритании особую привлекательность традиционно представлял южно-африканский регион, который обеспечивал британскому капиталу монопольные рынки сбыта, основные источники сырья для развития стратегических производств и наиболее выгодные направления для инвестиций. Стремление Великобритании усилить как экономическое, так и военно-политическое присутствие в традиционных зонах влияния на всем континенте и, прежде всего, в наиболее промышленно развитом Южно-Африканском Союзе, определяло направленность ее внешнеполитической стратегии и способствовало установлению прочных двусторонних отношений между странами. При этом на протяжении длительного времени они развивались в контексте исторически сложившегося подхода, когда основные аспекты политической и экономической деятельности ЮАС формировались с учетом интересов метрополии. На характер внешнеполитических взаимоотношений значительное влияние оказала как система апартеида, получившая развитие в ЮАС с 1948 года, так и система расовой дискриминации в целом, возникшая в Южной Африке еще в XVII веке. **Материалы и методы.** Основными источниками для написания статьи являются стенограммы заседаний нижней и верхней палаты Британского парламента, правовые акты ЮАС(Р), Великобритании и ООН. В процессе работы над темой использовались как общенаучные (анализ, сопоставление), так и специальные методы (проблемно-хронологический, историко-сравнительный). **Анализ.** В статье проведено исследование основных этапов развития взаимоотношений Великобритании и ЮАС(Р) с конца 40-х до начала 70-х гг. XX в. Проанализиро-

ваны причины постепенного изменения векторов политики обеих стран по отношению друг к другу после выхода ЮАР из Содружества Наций. Отслежены тенденции падения экономического влияния Соединенного Королевства в регионе. **Результаты.** Имидж и позиции Великобритании на Африканском континенте в значительной степени обеспечивались странами-членами Содружества, в том числе ЮАС. После выхода Союза из его состава в 1961 г. Великобритания на международном уровне оказывала, во-первых, сопротивление в отношении ЮАР санкциям, во-вторых, давление на процессы принятия политических и экономических решений Республики в интересах Лондона. Тем не менее, к середине 70-х годов внутривнутриполитическая конъюнктура в ЮАР изменилась и факт выхода республики из-под влияния Великобритании стал достаточно очевидным. Это привело к ослаблению стратегических позиций Соединённого Королевства в Южно-Африканском регионе.

Ключевые слова: Великобритания, Южно-Африканская Республика, внешняя политика, апартеид, Движение против апартеида (ААМ), Организация Объединенных Наций, экономические санкции, Британское содружество

Для цитирования: Криулин А. М. Трансформация внешнеполитических взаимоотношений между Великобританией и Южно-Африканской Республикой (Союзом) в 1950 – 1970-е годы: причины и особенности // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 93–102. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.11>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 19.12.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.03.2025.

Статья принята к публикации: 25.03.2025.

Research article

TRANSFORMATION OF FOREIGN POLICY RELATIONS BETWEEN GREAT BRITAIN AND THE SOUTH AFRICAN REPUBLIC IN THE 1950S – 1970S: CAUSES AND FEATURES

Andrew M. Kriulin

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Postgraduate

kriulin26@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4340-2096>

Abstract. Introduction. On a global scale, the African continent was of exceptional economic and political value to the European metropolises. For the UK, the South African region has traditionally been particularly attractive, providing British capital with monopoly sales markets, the main sources of raw materials for the development of strategic industries and the most profitable areas for investment. The intention of Britain to strengthen both its economic and military-political presence in traditional zones of influence across the continent and, above all, in the most industrially developed Union of South Africa, determined the direction of its foreign policy strategy and contributed to the establishment of strong bilateral relations between the countries.

At the same time, they have been developing for a long time in the context of a historically established approach. The main aspects of political and economic activities of the Southern Administrative District were formed with account of interests of the metropolis. The nature of foreign policy relations was significantly influenced by both the apartheid system, which has been developing in South Africa since 1948, and the system of racial discrimination in general, which arose in South Africa back in the 17th century. **Materials and Methods.** The main sources for writing the article are the transcripts of the sessions of the House of Lords and the House of Commons, legal acts of the South African Republic, Great Britain and the UN. Both general scientific methods, such

© Криулин А. М., 2025

as analysis and comparison, and special methods, like problem-chronological and historical-comparative, were used in writing the article. **Analysis.** The article examines the main stages of the development of relations between Great Britain and the South African Republic from the late 1940s to the early 1970s. It analyzes the reasons for the gradual change in the policy vectors of both countries after South Africa withdrew from the Commonwealth of Nations. The article also tracks the trends of the decline in the economic influence of the UK in the region. **Results.** The image and position of Great Britain on the African continent were largely ensured by the Commonwealth member countries, including South Africa. After the country left the Commonwealth in 1961, Great Britain at the international level, firstly, resisted the sanctions imposed on South Africa, and secondly, pressured the Republic's political and economic decision-making processes in the interests of London. Nevertheless, by the mid-1970s, the domestic political situation in South Africa had changed and

Введение. В переселенческих колониях Великобритании, получивших статус доминионов в конце XIX – начале XX в., трансформация системы их политических и экономических связей с метрополией, а также становление национальной государственности происходили эволюционным путем. Южно-Африканский Союз был создан в результате компромисса между английским и бурским населением в целях совместной эксплуатации ресурсов и угнетения коренного населения. В Лондоне, Кейптауне, Йоханнесбурге и Претории в одинаковой мере разделяли точку зрения, что Африка должна вечно служить «белому человеку» [29, с. 9]. При этом на переговорах о создании ЮАС рассматривалось предложение о включении в его состав всех британских владений на юге Африки. В утвержденном в 1910 г. Лондонским парламентом «Акте о Южной Африке» допускалась возможность передачи ЮАС протекторатов Бечуаналенд, Басутоленд и Свазиленд, а также Южной, Северо-Восточной и Северо-Западной Родезии, которая оговаривалась рядом условий [49].

Материалы и методы. Основными источниками для написания статьи являются стенограммы заседаний нижней и верхней палаты Британского парламента, правовые акты ЮАС(Р), Великобритании и ООН. В процессе работы над темой использовались как общенаучные (анализ, сопоставление), так и специальные методы (проблемно-хронологический, историко-сравнительный).

Анализ. В период между Первой и Второй мировыми войнами развивалась государственная самостоятельность доминиона. В целом «эволюционный процесс преобразования» системы взаимоотношений доминионов и Великобритании завершился после ратификации в 1931 г британским парламентом Вестминстерского статута [3]. Этот документ является первым юридическим актом Британского Содружества наций, утвердившим юридическое равноправие ЮАС (в числе других шести британских доминионов) во взаимоотношениях с Великобританией. ЮАС получил возможность самостоятельно принимать решения по внутривнутриполитическим вопросам, создавать собственную дипломатическую службу и др. [14, с. 79]. В статусе доминиона Южно-Африканский Союз оставался до 1961 г.

Законодательную власть в стране осуществлял парламент, сформированный по аналогии с британским, исполнительная власть принадлежала монарху, который мог переадресовать свои полномочия генерал-губернатору, назначаемому по рекомендации правительства ЮАС. Парламентские процедуры в ЮАС являлись

the fact of the withdrawal of the Republic from the influence of Great Britain became quite obvious. This led to a weakening of the strategic positions of the United Kingdom in the South African region.

Keywords: Great Britain, South Africa, foreign policy relations, apartheid, Anti-Apartheid Movement (AAM), United Nations, economic sanctions, British Commonwealth

For citation: Kriulin AM. Transformation of foreign policy relations between Great Britain and the South African Republic in the 1950s - 1970s: causes and features. *Humanities and law research*. 2025;12(1):93-102. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.11>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 19.12.2024.

The article was approved after reviewing: 18.03.2025.

The article was accepted for publication: 25.03.2025.

наиболее близкими традициям Вестминстера, чем где бы то ни было в Британской империи. Вся гражданская культура (памятники, флаг, государственные праздники, общественные здания, система муниципального управления) была аналогична британской. В максимальной возможной степени поддерживался британский образ жизни, из метрополии еженедельно поставлялись британские журналы, газеты, книги и т. д. Начиная с 1920-х гг. местные радиостанции регулярно транслировали программы «Би-би-си», а в 1927 г. - установлена прямая радиосвязь с Великобританией. Практически полностью дублировалась система школьного образования, вплоть до копирования учебных программ и школьной формы, приглашались педагоги из Великобритании. Пропагандировались популярные британские виды спорта: крикет, регби, футбол. Молодежь отправлялась на обучение в образовательные учреждения метрополии, в том числе элитные, например, Лондонская школа экономики, Королевский музыкальный колледж в Лондоне [16, с. 9]. В совокупности способов сохранения британского влияния в Южной Африке особая роль принадлежит «мягким связям», и, в первую очередь, языковому фактору [20, с. 28].

Исторически сложившиеся имперские связи, а также статус крупнейшей страны-инвестора в Южной Африке способствовали повышению уровня устойчивости отношений между Великобританией и ЮАС. Признавая ключевую роль самой крупной и экономически развитой страны Африканского континента, а также одного из крупнейших мировых центров капиталовложений, Соединенное Королевство поддерживало тесные внешнеполитические связи с Союзом. Для ЮАС такое сотрудничество имело свои выгоды, т.к. в первые десятилетия своего существования его авторитет на международной арене был значительно ниже британского. Как следствие, ЮАС формировал стратегические направления своей внешнеполитической деятельности с учетом интересов Лондона.

Доминирующие направления экспансии основных групп финансового капитала Великобритании во многом определяли её политику в ЮАС. Непосредственное влияние на её характер оказывала высокая зависимость экономического развития страны от объемов иностранных, в основном британских, капиталовложений, сконцентрированных в разработке минеральных богатств (золота, алмазов, угля, олова и т.п.), строительстве железных дорог, торговле, судоходстве, банковской и страховой сферах. Основные отрасли экономики ЮАС развивались исключительно на британские

инвестиции. При этом британскому капиталу принадлежала значительная часть земельных угодий страны, а необходимая для их обработки сельскохозяйственная техника также ввозилась из Великобритании [1, с. 155]. В течение длительного периода в Южной Африке формировался колониализм особого типа, когда высоко развитая метрополия и слабо развитая колония сосуществовали в единой стране [28, с. 4]. Это подтверждает и характеристика ЮАС, данная ещё в 30-е годы XX в. И.И. Потехиным, как доминиона колониального типа с незначительным количеством туземного населения, для которого характерно господство европейцев во всех областях экономики страны [24].

В значительной степени результативность экономической политики Великобритании в ЮАС определялась доминированием англоговорящих белых в стратегически значимых отраслях [11, с. 65]. Британцы с момента прибытия в Южную Африку ощущали себя представителями сформировавшейся британской нации и к середине 1960-х гг. основали экономическую элиту, контролируя три четверти южноафриканской экономики. Африканеры, превосходившие их по численности (два из трех с половиной миллиона белых), образовали политическую элиту. В результате во властной структуре Южной Африки сложилась любопытная дихотомия: экономика страны находилась в основном в руках англоговорящей части белого населения, политика контролировалась африканерами. Таким образом, «уникальным творением африканерского национализма, ... возвращенным британским империализмом, стал апартеид» [26, с. 101].

Предпосылками его возникновения еще в XIX веке стало ограничение Британской империей прав чернокожих африканцев на переселение со своих территорий в регионы Капской колонии и Натала, занятых белыми и цветными. О дальнейшем развитии расовой дискриминации свидетельствует Закон о земле коренных народов 1913 г. [13] и ограничения на наём чернокожих африканцев на работу, связанные с договорённостями, достигнутыми бурскими республиками (Трансваалем и Оранжевым свободным государством) с Британской империей после англо-бурской войны.

Исторические сдвиги на международной арене, изменения геополитической обстановки, связанные с распадом Британской империи, поставили Великобританию перед необходимостью сохранения своих позиций в ЮАС, поскольку «Кейптаунский полуостров и Наталь были старыми британскими колониями, с богатой историей не только больших денежных вложений метрополии, но и труда. Почти у каждой крупной британской компании было южноафриканское подразделение» [8, с. 149]. Сохранению неприкосновенности британских инвестиций в ЮАС (в отличие от Франции и Голландии, утративших свои вложения соответственно в Индокитае и в Индонезии) способствовали практически равноправные преференциальные отношения [25, с. 213]. Оттавская система предпочтительных тарифов (1932 г.) [4] обеспечивала как серьезные привилегии для Великобритании, так и препятствия для иностранного проникновения на внутренние имперские рынки. Суть системы заключалась в пересмотре всех таможенных пошлин с целью предоставления преференций доминионам и одновременном повышении пошлин на товары не имперского происхождения. Доминионы, в том числе ЮАС, должны были «не только предоставить английским промышленным товарам предпочтение по сравнению с товарами иностранных держав, но и даже не ставить

их в невыгодное положение по сравнению с товарами отечественного производства» [18, с. 119].

В Южно-Африканском Союзе, в частности, сохранении таких монополистических позиций британского капитала во многом способствовала ориентация внешнеполитической деятельности правительства на интересы крупного бизнеса, во главе которого зачастую стояли британцы. Важным фактором контроля крупнейших банков и промышленных компаний Великобритании над внешней политикой страны стало подчинение их интересам (как непосредственно, так и через те или иные объединения) аппарату британских внешнеполитических и внешнеэкономических ведомств.

Цели британской послевоенной политики заключались в защите и сохранении интересов капитала за рубежом и в бывших колониях. Для достижения этих целей Лондон разделял полномочия между правительственными структурами. Так, министерство торговли отвечало за формирование и осуществление внешнеэкономической политики, министерство иностранных дел обеспечивало координацию между внешнеэкономическим и внешнеполитическим курсами страны. Основной задачей Министерств колоний и по делам Содружества являлось развитие отношений с другими субъектами Британской империи, а впоследствии – Содружества. Наконец, министерство обороны и прочие военные ведомства не только обеспечивали важнейший компонент политики «с позиции силы», но и помогали британским монополиям сбывать за границей производимое ими оружие [22, с. 128-129]. По словам директора Королевского института международных отношений Кеннета Янгера, «... при проведении внешней политики английскому общественному мнению редко удается дать себя почувствовать в качестве самостоятельной силы, которое правительство сознательно принимало бы в расчет» [31, с. 213]. Несмотря на это, изменение общественных настроений имело определенное значение для корректировки внешней политики британского правительства. Это можно проследить на примере оценки позиции Великобритании по отношению к режиму апартеида в ЮАС, внешнеполитические аспекты которого обострились с деколонизацией Африки (экономические возникли гораздо раньше).

Несмотря на региональный характер конфликта, вызванного политикой апартеида, черты глобальности ему придавала заинтересованность международного сообщества в его разрешении, (наложение санкций, принятие резолюций ООН, проведение конференций). Британское правительство было поставлено перед необходимостью учитывать нарастание как международного осуждения режима апартеида, так и протестных настроений внутри страны. Так, с начала 50-х годов в Великобритании, среди широких слоев населения поддержка антиколониальной политики, в рамках которой усиливалась борьба с южноафриканским режимом апартеида. Она осуществлялась различными способами – от финансовой помощи лидерам действовавшего в эмиграции Африканского национального конгресса до проведения протестных акций, включавших шествия, акции гражданского неповиновения и забастовки. Например, финансовое содействие АНК оказывали отдельные секции лейбористской партии, церковные группы, а также ряд организаций, объединившихся на платформе Комитета африканских организаций (Африканское бюро, Христианское действие и др.). Собранные средства направлялись на поддержку арестованных

во время кампании Неповиновения 1952 г., а позже – для обвиняемых в процессе о государственной измене [20, с. 33]. В рамках борьбы с политикой апартеида проводились пикеты перед Домом Южной Африки и собрания в Гайд-парке. В январе 1960 г. городские власти Ливерпуля первыми из городов Британии запретили торговлю любыми товарами из ЮАС. В повседневной жизни британцы отказывались от ставших привычными апельсинов «Оутспэйн» или сигарет «Крэйвен-Эй». Таким образом, бойкоты, потерявшие свою актуальность в ЮАС, приобрели новое значение в Великобритании как стратегия по нанесению ущерба экономике апартеида за счет бойкотирования южноафриканских товаров. Однако, «...может быть, и есть надежда уговорить домашних хозяек бойкотировать южно-африканские фрукты, но какая сила может заставить крупные международные тресты отказаться от закупки минерального сырья?» [34, с. 1]. Тем не менее, в Лондоне создается Движение против апартеида (ААМ), основными целями которого стали: «продолжение бойкота южноафриканских товаров; поддержка призывов Объединенного фронта Южной Африки к введению экономических и других санкций против правительства ЮАС; содействие регулярной пропаганде против апартеида; реакция на особые ситуации в Южной Африке» [30, с. 34]. Поддержку ААМ оказывали самые разные слои общества: отдельные депутаты парламента, представители британской Коммунистической, Либеральной и Лейбористской партий, Конгресса профсоюзов (TUC), Национального союза студентов (NUS), религиозных лидеров нескольких Церквей и других организаций, выступающих против апартеида. Например, членом исполнительного комитета ААМ являлся депутат британского парламента от Лейбористской партии Фрэнк Добсон. Непримиримыми противниками апартеида оказались и некоторые британские священнослужители, имевшие приходы в Южной и Юго-Западной Африке. В свою очередь, южноафриканские эмигранты в Великобритании активно искали поддержки своей деятельности против апартеида. Общественное мнение в Великобритании имело особую значимость для ЮАС, поскольку Лондон являлся наиболее важным экономическим партнером и поставщиком оружия в Южную Африку.

В дальнейшем активисты движения ААМ от бойкота товаров и продуктов перешли к кампании за введение экономических санкций и полную изоляцию режима апартеида в Южной Африке. Таким образом, в 1960-х годах Великобритания на уровне частных организаций и общественности становилась главным центром борьбы с апартеидом.

В течение следующих сорока лет движение против апартеида выступало за спортивный, культурный, академический, потребительский, оружейный и экономический бойкот Южной Африки. При этом, если в большинстве стран, поддержавших ужесточения, протесты сводились к потребительскому, культурному или спортивному бойкоту, то в Британии ААМ поддерживало гораздо больше его видов. Так, в 1963 г. под эгидой ААМ в Лондоне создается Всемирная кампания за освобождение южноафриканских политических заключенных (WCERSAPP). Однако, первую крупную победу Движение против апартеида одержало в 1961 г., когда Южная Африка покинула Содружество. Таким образом, движение против апартеида в Великобритании и его лидеры сыграли очень важную роль как на национальном, так и на международном уровне. Мирные демон-

страции по противодействию режиму апартеида в Лондоне периодически перерастали в «боевые действия», о чем свидетельствует стенография парламентских дебатов от 20.01.1969 г. Дж. Каллаган – Государственный секретарь Министерства внутренних дел сообщал в парламенте о мирной пятитысячной демонстрации в Гайд-парке, которая переросла в беспорядки на улицах Лондона и привела к погрому Дома Южной Африки [37, р. 43]. В результате этих событий 32 демонстранта предстали перед судом. Это подтверждает, что весомая часть рядовых подданных британской короны негативно относилась к политическому режиму ЮАР, активно поддерживаемый правительством Великобритании.

Следует отметить, что системные рамки конфликта носили глобальный характер. За событиями в Южной Африке следило мировое сообщество, оказывая влияние на их развитие посредством идеологической и материальной поддержки (СССР, Китай, Куба) [12], введения экономических, политических и гуманитарных санкций (ЕС, Япония, США, Содружество и др.), особое место в борьбе с режимом занимала также деятельность ООН [10]. Таким образом, страна оказалась под санкциями как капиталистических, так и социалистических держав.

Следует отметить, что на международном уровне Лондон неоднократно публично критиковал власти Южной Африки за проводимую политику. В 1960 г. британское правительство объявило о намерении проводить в отношении африканских стран политику «плавного и либерального прогресса» с целью постепенной передачи власти в руки черного большинства. На торжественном заседании парламента ЮАС, посвященном полувековому юбилею создания доминиона, премьер-министр Великобритании – Гарольд Макмиллан произнес речь, получившую известность как «Ветер перемен» [41] и ставшую формальным заявлением о завершении колониального этапа. Африканские националисты в Южной Африке увидели в позиции Великобритании обещание поддержки в борьбе с режимом, однако никакой реальной помощи от Лондона они не получили.

Под влиянием внешних и внутренних условий отношения между Южной Африкой и Великобританией постепенно изменялись. Великобритания со временем была вынуждена формально присоединиться к осуждению режима апартеида. Однако, несмотря на массовое оппозиционное движение, Вестминстер ограничился разрозненными санкциями к правительству Претории, без существенных изменений официальной политики. Министр иностранных дел Великобритании Д. Хьюм утверждал: «Южную Африку не следует подвергать остракизму... Её территория должна быть открыта для цивилизующего воздействия внешнего мира... с помощью контактов, с помощью примера» [29, с. 62]. Также об аккуратном отношении к ЮАС говорил Сэр Годфри Николсон – член партии консерваторов. Суть парламентской речи заключалась в том, что отчуждение других стран и, в частности, Соединенного Королевства от Южной Африки добавит поддержку населения лидеру страны – Х. Фервуду, а это, в свою очередь спровоцирует дальнейшее ужесточение режима и большее угнетение коренного населения [51, р. 786]. Таким образом внешнее проведение такой политики привело к обратно-противоположному результату.

Изменение международной обстановки и рост недовольства британской политикой среди населения и политических элит ЮАС поставило правящий режим страны перед необходимостью внесения коррективов в отношения с Великобританией. Претория обвиняла

Лондон в предательстве интересов белого человека на африканском континенте и в начале 1960 г. премьер-министр Южной-Африки – Х. Фервуд поднял вопрос о проведении референдума с целью провозглашения республики. Однако, несмотря на обвинения Претории в том, что Лондон готов бросить ЮАС на произвол судьбы и в том, что он распродает интересы белого человека в Африке на «аукционе умиротворения» африканцев [34, р. 161], реальная поддержка ЮАС в различных областях возрастала.

Усилия британского правительства по нормализации и стабилизации взаимоотношений между двумя странами объяснялись, по словам А. Дугласа-Хоума, риском нанесения серьезного ущерба «нашим особым интересам» [9, с. 123-144]. К числу наиболее значимых относились: во-первых, инвестиции на сумму более 900 млн фунтов стерлингов и ежегодный объем экспортной торговли примерно в 250 млн фунтов стерлингов. Во-вторых, закрепленные Саймонстаунским соглашением 1955 г. договоренности о противодействии «внешней агрессии» и защите морского пути вокруг мыса Доброй Надежды [5, с. 3]. В-третьих, специфичная имперская идентичность («imperial South African identity»), сформировавшаяся благодаря консервации в ЮАР многих аспектов британской имперской культуры. Ее прямым следствием стал высокий уровень лояльности Короне, чему во многом способствовал и рост численности британцев, эмигрировавших в Южную Африку (за послевоенный период, к началу 60-годов он составил 113 тыс. человек) [17, с. 62]. Англоговорящие белые жители страны являлись более урбанизированными, образованными, богатыми и квалифицированными в среде белого населения, они группировались вокруг сохранявшей английский стиль управления и язык партии Яна Сметса [26, с. 101].

В подтверждение слов о поддержке Великобритании режим в ЮАР стоит отметить работу, проделанную британскими представителями в ООН. Традиционно востребованным инструментом внешней политики являются экономические санкции, которые используются как в качестве самостоятельной стратегии, так и выступают альтернативой военной силе. Политика ООН по отношению к южноафриканскому режиму основывалась на положениях концепции политического реализма – нанесения существенного ущерба стране в целях изменения либо политического курса правительства, либо смены режима [27, с. 143]. В середине XX в. наибольшее распространение получило введение всеобъемлющих торговых эмбарго. Британское правительство избегало прямой поддержки ЮАР, а участие в санкциях против неё носило формальный характер. В 1961 г. усилиями Великобритании при содействии США срывается принятие на XVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции, требовавшей применения экономических санкций к правительству Х. Фервурда [6]. По словам советника делегации ЮАР, «делегация Англии провела колоссальную борьбу ради Южной Африки... Мы в долгу перед Англией, ибо именно благодаря ее усилиям проект, призывавший к экономическим санкциям, не получил двух третей голосов на Генеральной Ассамблее. Соединенные Штаты также помогли в этом деле» [33, с. 33]. В 1962 г. XVII Генеральной ассамблеей ООН принимается решение об ограничении экономических, финансовых и транспортных связей с ЮАР, а также о создании специального Комитета против апартеида [23]. Сессия Генеральной Ассамблеи ООН также призвала все госу-

дарства разорвать или воздержаться от установления дипломатических и экономических отношений с режимом апартеида.

Постепенная международная изоляция начинается в 1961 г., когда, несмотря на протесты Великобритании, Южная Африка объявила о своей независимости и выходе из состава Содружества. Это, в свою очередь, осложняло дальнейшее легитимное экономическое и политическое взаимодействие двух стран в рамках преференциальной системы таможенных тарифов, принятой в этой международной организации. В следствие чего лондонскому парламенту пришлось разрабатывать обходные пути для сохранения взаимовыгодной торговли при соблюдении правил Содружества.

Противоречивую позицию Великобритании по отношению к проблеме апартеида характеризует и выступление лидера Лейбористской партии Г. Вильсона на митинге ААМ «Нет оружию Южной Африке» в марте 1963 г. на Трафальгарской площади. Он пообещал, что «лейбористское правительство через ООН и другие международные действия сделает все, что в наших силах», чтобы прекратить поставки оружия в Южную Африку «до тех пор, пока продолжается апартеид» [40, р. 304]. Однако, на Международной конференции по экономическим санкциям против Южной Африки 1964 г. в Лондоне, было заявлено, что «лейбористская партия не поддерживает торговые санкции отчасти потому, что, даже если они будут полностью эффективными, они нанесут ущерб людям, о которых мы больше всего беспокоимся – африканцам и тем белым южноафриканцам, которым приходится поддерживать там некоторый стандарт приличия» [42, р. 29]. Более категоричные позиции лейбористы занимали по поводу введения нефтяных санкций, воспринимая их «как акт, близкий к войне, который следует рассматривать только в том случае, если южноафриканская сторона предпримет что-то вроде агрессивных действий» [42, р. 34]. Именно в вопросе о прекращении поставок нефти в ЮАР наиболее наглядно проявилась двойственность британской политики.

18 июня 1964 г. Совбезом ООН принимается резолюция об эмбарго оружия в ЮАР [6], иными словами, обещание, данное Г. Вильсоном год назад на Трафальгарской площади, было выполнено. Уже к концу 1964 г. правительством Великобритании объявляется эмбарго на поставки оружия, однако оно исключало «существующие контракты», поскольку «их аннулирование могло бы повлечь за собой серьезные финансовые и коммерческие последствия для Великобритании» [47, р. 1059]. Была разрешена поставка 16 самолетов Bussaneer, запасных частей и оборудования для их технического обслуживания, частично оплаченных Южной Африкой еще при правительстве консерваторов. Расторжение контракта повлекло бы за собой «потерю многомиллионного экспорта и обязанность выплатить компенсацию правительству Южной Африки» [19, с. 335]. Поэтому новое правительство продолжило выполнять заключенные до 1964 г. контракты на поставку вооружения. Это обстоятельство стало одной из причин разочарования для всех противников апартеида.

Однако правительство Великобритании при лейбористах в 1967 г. отказалось от крупного военного заказа на самолеты и корабли на сумму в 200 млн ф.ст. [44, р. 935]. Отказ от такого весомого заказа, который мог бы обеспечить множество новых рабочих мест на несколько лет вперед и вернуть зарубежных инвесторов в британскую экономику, вызвал бурные обсуждения в обе-

их палатах парламента. Представители лейбористов [48, р. 1291], защищавшие позицию премьер-министра, ссылались как раз на резолюцию Совета Безопасности ООН от 18.06.1964 г. [7] В марте 1969 г. в британском парламенте обсуждалась динамика торгового баланса с Южной Африкой. Отмечалось, что за 1968 г. экспорт Соединенного Королевства составил 261 млн ф.ст., а импорт из ЮАР - 271 млн ф.ст. За счет отказов от военных заказов внешнеторговый баланс для Великобритании оказался отрицательным, что свидетельствовало о действительном соблюдении Лондоном резолюций Совбеза ООН [45, р. 488]. В 1969 г. сальдо торгового баланса не изменилось, однако объемы внешнеторговых операций возросли: экспорт увеличился до 291 млн ф.ст., а импорт - до 303 млн ф.ст. [36, р. 1543]. Эти данные свидетельствуют не только о сохранении торгово-экономических отношений между странами, но и о тенденции их нарастания. Это означает, что Лондон балансировал между стремлением к получению экономической выгоды и сохранением своей международной репутации.

Таким образом, Соединенное Королевство придерживалось двойственной политики в отношении ЮАР: с политической стороны – преимущественная имитация осуждения режима апартеида, с экономической - поддержка и укрепление торговых и финансовых связей. Продолжалось и техническое сотрудничество между странами, осуществляемое как в двустороннем порядке, так и через фирмы-посредники или третьи страны.

В июле 1970 г. правительство Консервативной партии вернулось к обсуждению возможностей возобновления продажи оружия Южной Африке для защиты морских границ [39, р. 378]. Министр иностранных дел А. Дуглас-Хьюм заявил о стратегической заинтересованности Великобритании в обеспечении безопасности морского пути вокруг Южной Африки от коммунистической угрозы, отметив, что любая продажа оружия будет осуществляться в ограниченных объемах, с запретом на использование в целях усиления расовой сегрегации или внутренних репрессий. Он подтвердил намерения реализовать цели Саймонстаунского военно-морского соглашения⁸ и готовность рассматривать в этом контексте заявки на экспорт в Южную Африку определенных категорий оружия, если оно предназначено для защиты морских путей [38, р. 377]. При этом правительство Великобритании категорически не согласно с расовой политикой ЮАР; ни при каких обстоятельствах не будет осуществляться продажа оружия в Южную Африку для проведения политики апартеида или внутренних репрессий» [15, с. 692]. В обеих палатах парламента проходили долгие дебаты на эту тему [46, р. 835]. Сторонники продажи оружия заявляли, что самолеты

и крейсера ни при каких обстоятельствах не могут быть задействованы на суше для насаждения режима апартеида в Намибии. Их использование возможно только для защиты грузового судоходства Кейптаунского маршрута, начинавшегося с европейского побережья Атлантики, проходящего через Мыс Доброй Надежды и ведущего в Индию и Азию. Стоит отметить, что с 1967 г. по 1975 г. более короткий путь из Европы в Азию – Суэцкий канал был закрыт из-за войны между Израилем и Египтом. Ввиду этого Саймонстаунское соглашение и продажа оружия ЮАР оказались актуальным решением проблем безопасности на этом загруженном маршруте. Также, как ранее отмечалось, крупные заказы могли обеспечить положительное сальдо торгового баланса для Великобритании. По вышеназванным причинам идея реализации поставок вооружения получала в парламенте все больше сторонников из обеих партий.

Планы Великобритании по изменению политики продажи вооружения Южной Африке вызвали протесты представителей азиатских и африканских государств, входящих в состав Содружества. Однако, несмотря на это, его поставки для защиты судоходного маршрута начались.

К 1970 г. Великобритания по ряду отмеченных выше причин потеряла прежнее влияние в регионе. В середине XX в. Соединенное королевство могло при помощи внешнеэкономической деятельности влиять на политику ЮАР. После обретения независимости в 1961 г. постепенной национализации британской промышленности⁹, притока в страну инвестиций новых зарубежных компаний, повысился уровень диверсификации производства, а зависимость экономики ЮАР от бывшей метрополии снизилась. Вследствие этого республика стала уверенней себя чувствовать на международной арене, возросла ее независимость от Великобритании во внутривнутрирегиональной политике. Об этом свидетельствуют поддержка правительством ЮАР режима Яна Смита в Южной Родезии, которую в парламенте Лондона называли никак не иначе, чем «мятежной»; инициированная Южной Африкой в 1966 г. война с Намибией. В 1975 г. началась война за независимость Анголы против союзника ЮАР – Португалии. Принимая активное участие в этом конфликте, Южная Африка действовала как в интересах западных стран¹⁰, так и в своих собственных. Получение Анголой суверенитета от Португалии привело бы к потере для ЮАР важного политического единомышленника и торгового партнера в Европе. О потере влияния Лондона в южноафриканском регионе свидетельствуют крупные поставки вооружения в ЮАР из других стран: из Франции, ФРГ, Швейцарии Португалии, Италии и США (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Поставки вооружения в ЮАР до 1976 г. [32, р. 85] /
Arms supplies to South Africa before 1976 [32, р. 85]

Род войск	Страна поставщик	Тип и количество вооружения
Сухопутные войска	Великобритания (до 1964 г.)	100 танков Центурион-5 и Комета
	США (до 1965 г.)	100 танков Шерман
	Франция (с 1967 г.)	500 броневедомостей AML60; AML90 и Феррет.

⁸ В соответствии с условиями Саймонстаунского военно-морского соглашения 1955 г. британская военно-морская база в Саймонстауне, а также ответственность за охрану морского пути вокруг мыса Доброй Надежды была передана правительству ЮАР.

⁹ Национализация в данном контексте понимается как обретение в сфере промышленности и производства независимости от Великобритании путем прихода новых руководителей, не подверженных британскому влиянию.

¹⁰ Война в Анголе характерна тем, что это последний театр военных действий Востока и Запада в период Холодной войны. Активное участие в войне на стороне коммунистического блока принимала Куба, которая в 80-е гг. наносила поражение за поражение армии ЮАР.

Военно-воздушные силы Военно-морской флот	Франция	20 самолета Мираж F III EZ; 16 самолетов Мираж F III C; 4 самолета Мираж F III RZ; 50 вертолетов Алуэт II; 16 верт. Супер Фрелон
	Франция совместно с ФРГ	9 самолётов Трансал С 160
	США (до 1965 г.)	144 самолета С 47; 7 самолетов С 130В; самолеты Скайваген Цессна 185 и верт. Сикорски. Запчасти к самолетам
	Великобритания	40 бомбардировщиков. Вампир FB-5; 20 бомб-ков. Блэкберн Буканир; 9 бомб-ков Канберра В-12; 8 самолетов. Шеклтон; 4 самолета. Скаймастер.
	Италия	40 самолетов. АМ-3-СS.
	Великобритания	2 миноносца, с верт. ВАСП и самолетами; 5 судов для патрулирования; 6 фрегатов; 12 тральщиков. Радарные установки.
Военно-морской флот Род войск Сухопутные войска Военно-воздушные силы	Франция (до 1975 г.)	3 подводные лодки типа Дафне
	Франция / Швейцария	РЛС, ракеты и артиллерия (при посредничестве Швейцарии), 120 торпед и ракет Матра класса «земля-воздух».
	Израиль (1971 г.)	Военное эл. оборудование на сумму 2–3
	Португалия	6 кораблей типа Жоао Коутинью стоимостью 15 млн ф.ст.
	Великобритания (до 1964 г.)	100 танков Центурион-5 и Комета
	США (до 1965 г.)	100 танков Шерман
	Франция (с 1967 г.)	500 броневедомостей АМЛ60; АМЛ90 и Феррет.

В июне 1975 г. было расторгнуто Саймонстаунское соглашение. С этого момента Королевский флот потерял возможность пользоваться одноименной базой, имевшей важное стратегическое значение. Эту потерю Великобритания ощутила в 1982 г. во время Фолклендской войны, когда потребовалось развертывать крупный военно-морской контингент в Южной Атлантике [50]. Этот факт также свидетельствует о потере влияния Соединённого Королевства в Южноафриканском регионе. Таким образом, Великобритании, выполняя требования ООН и стран Содружества по противодействию политическому режиму, удалось сохранить свои позиции во взаимной торговле с ЮАР, при безусловной потере общего политического влияния в регионе, которым она обладала ещё в середине XX века.

Отношения между Великобританией и ЮАР, основанные на взаимных экономических интересах, прочных культурных связях, сходстве правовых и финансовых систем, а также наличию крупных диаспор, имеют длительную историю. Значительное экономическое присутствие Великобритании в Южной Африке позволяло ей в большей степени влиять на характер внешней политики правительства ЮАР, чем на интересы британского капитала в Южной Африке.

Оценка эволюции британской политики в ЮАР показала, что менявшиеся у власти партии не вносили существенных коррективов во внешнеполитический курс. Характерной чертой политики Великобритании на Юге Африки является гибкость, стремление к политическому маневрированию, к игре на интересах конфликтующих сторон. Дипломатическая и военная поддержка, оказываемая правящими кругами Британии южноафриканскому режиму, обусловлена факторами экономического, политического и военно-стратегического характера. Экономические и военно-политические интересы Лондона были тесно переплетены с интересами режима Х. Фервурда, чем объясняются опасные для престижа Великобритании попытки оказания значительной экономической помощи и даже создания современной военной промышленности ЮАР.

Результаты. Руководствуясь интересами британской экономики и бизнеса, Великобритания сохрани-

ла достаточно прочные внешнеторговые отношения и продажу в ЮАР товаров как мирного, так и военного назначения. Сделки по продаже ЮАР оружия оправдывались необходимостью обороны Южной Африки в случае конфликта между «свободным миром» и Востоком. Поэтому поддержка Великобританией международных санкций, в первую очередь, должна была мотивировать белое меньшинство к улучшению отношения к африканскому большинству, не принуждая правящий режим к радикальному изменению ситуации в стране. Однако, ужесточение позиции мирового сообщества к режиму апартеида поставило Великобританию перед необходимостью прекратить его явное и скрытое поощрение.

Уже к середине 60-х гг. это привело к постепенному снижению экономического и политического влияния Соединённого Королевства на ЮАР, чему способствовали следующие обстоятельства. Понимая, что снижение притока британских инвестиций негативно отразится на экономике ЮАР, правительство предпринимало меры для компенсации возможных отрицательных последствий. Был создан обширный государственно-монополистический сектор промышленности, технологической сферы, предусмотрены ограничения для сдерживания оттока капитала из страны.

Стремясь уменьшить зависимость ЮАР от поставок оружия из-за рубежа, правительство страны активизировало деятельность по развитию собственной военной промышленности. Это привело к резкому подъёму в южноафриканской военной промышленности и превращению ЮАР в крупного экспортера оружия. Как следствие, усилились тенденции, во-первых, к снижению влияния Великобритании в регионе, во-вторых, к смещению центра тяжести политических и экономических отношений ЮАР на другие страны (Южную Родезию, Португалию и др.)

На протяжении 70-х гг. Великобритания стремилась найти решение проблем в регионе, но ввиду изменения политической конъюнктуры в самой Южной Африке, и переориентации её внешнеполитического курса на другие страны, Лондону не удалось экономически воздействовать на Преторию, что привело к потере реального влияния в регионе.

Литература

1. Архангельская А. А. Международные аспекты создания Южно-Африканского Союза в 1910 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 1. С. 150–161.
2. Африка: санкции, элиты и суверенное развитие. Колл. монография. / Ред. и рук. авт. колл. чл.-корр. РАН Л. Л. Фитуни. М.: Институт Африки РАН, 2021. 368 с.
3. Вестминстерский статут 1931 г. URL: <https://web.archive.org/web/20020225041228/http://gov.ns.ca/legislature/legc/westmins.htm> (дата обращения: 04.01.2025).
4. Возрождение 1932. Т8. №2637. URL: <https://historicperiodicals.princeton.edu/historic/?a=d&d=vozrozhdenie19320821-01.2.8&> (дата обращения: 04.01.2025).
5. Вооруженная борьба народов Африки за свободу и независимость / [Ред. коллегия: чл.-кор. АН СССР В. Л. Тягуненко (отв. ред.) и др.]; Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР. Ин-т Африки АН СССР. М.: Наука, 1974. 444 с.
6. Вопрос о расовом конфликте в Южной Африке, вызванном политикой апартеида, проводимой правительством Южно-Африканской Республики. A/PV. 1067. 28.11.1961 г. URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/169/62/pdf/nr016962.pdf> (дата обращения: 04.01.2024).
7. Вопрос о расовом конфликте в Южной Африке, возникшем в результате политики апартеида, проводимой правительством Южно-Африканской Республики. S/RES/191 (1964). 18.06.1964. URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/211/77/pdf/nr021177.pdf> (дата обращения: 04.01.2024).
8. Вяткина Р. Р. Колониальная политика Великобритании в Южной Африке во второй половине 19 – начале 20 веков (планы создания Южно-Африканской федерации и их реализация) // Проблемы Британской истории. М.: Наука, 1984. С. 140–157.
9. Герни К. Великое дело: истоки движения против апартеида, июнь 1959 – март 1960 // Журнал южноафриканских исследований. 2000. № 26(1). С. 123–144.
10. Демократические преобразования в ЮАР как предпосылка процесса прекращения международной изоляции ЮАР. URL: <http://studproject.com/ethnopolitics/southafrica/> (дата обращения: 16.10.2024).
11. Дерягина И. Г. Британская Южная Африка в отечественной историографии 1900 – середины 1930-х гг. Аналитический обзор // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 1(72). Выпуск 13. С. 64–65.
12. Жуков Д. Апартеид: История режима. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/22985/Zhukov_-_Apartheid__Istoriya_rezhima.html/ (дата обращения: 15.10.2024).
13. Закон о земле коренных народов 1913 г. URL: <https://web.archive.org/web/20120323005902/http://www.polity.org.za/polity/govdocs/legislation/misc/nla1913.html>. (дата обращения: 04.01.2025).
14. Зимулина Л. А. Эволюция национальной государственности британских доминионов / Британская империя в XX веке; под ред. А. М. Пегушева, Е. Ю. Сергеева. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2010. С. 72–80.
15. Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 года: Пер. с англ. яз. 9-е изд., доп. М.: Междунар. отношения, 2016. 888 с.
16. Карпов Г. А. «Белые» африканцы современной Великобритании: специфика мигрантов из ЮАР // Genesis: исторические исследования. 2018. № 4. С. 1–13.
17. Карпов Г. А. Африканские диаспоры современной Великобритании (сомалийцы, зимбабвийцы, нигерийцы, южноафриканцы). Чебоксары: ИД Среда, 2018. 80 с.
18. Лемин И. М. Обострение кризиса Британской империи после Второй Мировой войны. М.: Академия наук СССР, 1951. 565 с.
19. Мадзоевский С. П., Хесин. Е. С. Современный монополистический капитализм. Великобритания. М.: Мысль, 1981. 435 с.
20. Медушевский Н. А., Бусыгина А. В., Сопот М. А. Современная политика Великобритании на Африканском континенте // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Том 10. № 2А. С. 28–43.
21. Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него. Принята резолюцией 3068 (XXVIII) Генеральной Ассамблеей ООН от 30.11.1973. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apartheid1973.shtml (дата обращения: 04.01.2025).
22. Овинников Р. С. Хозяева английской политики: Финансовая олигархия и внешняя политика Англии после Суэца. 1957–1966 гг. М.: Международные отношения, 1966. 432 с.
23. Политика апартеида, проводимая правительством Южно-Африканской Республики. A/PV.1165. 06.11.1962 г. URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/195/17/pdf/nr019517.pdf> (дата обращения: 04.01.2024).
24. Потехин И. И. Империалистическая сегрегация туземцев Южной Африки // Материалы по национально-колониальным проблемам. 1935. № 6(30). С. 53–120.
25. Распад Британской империи / [Ред. коллегия: д-р экон. наук А. Г. Милейковский (отв. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М.: Наука, 1964. 647 с.
26. Сидоренко Л. В. Социально-экономические истоки режима апартеида в Южной Африке // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2023. Вып. 2. С. 93–103.
27. Силаева В. А. Эффективность санкций в международной политике // Вестник МГИМО-Университета. 2021. 14(4). С. 136–153.
28. Скубко Ю. С., Шубин Г. В. Проблемы строительства нерасового государства в ЮАР (2006–2009). М.: Институт Африки РАН, 2009. 65 с.
29. Урнов А. Ю. Политика ЮАР в Африке. М.: Наука. 1982. 276 с.
30. Франкос А. Африка африканеров. М.: Наука, 1973. 232 с.
31. Фокеев Г. В. Внешнеполитические проблемы современной Африки. М.: Международные отношения, 1975. 263 с.
32. Шубин Г. В., Майданов И. И., Либенберг Я. Вооруженные силы и военная промышленность Южно-Африканской республики. М.: Издатель И.Б. Белый, 2010. 516 с.
33. Эйнсли Р. Дьявольский союз: Салазар - Фервурд - Веленский / Пер. с англ. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. 72 с.
34. Barber J. South Africa's Foreign Policy 1945–1970. L.: Oxford University Press. 1973. 325 p.
35. Beck R.B. The History of South Africa. Westport. London: Greenwood Press, 2000. 248 p.
36. Board of trade. Hansard. Vol. 774. 28.01.1970 P. 1543.
37. Disturbances, Strand. Hansard. Vol. 776. 20.01.1969. P. 43.
38. Foreign affairs. Hansard. Vol. 803. 06.06.1970. P. 345–349.
39. Foreign affairs. Hansard. Vol. 803. 06.06.1970. P. 377, 378, 400–405.
40. Hagopian M. N. Regimes, Movements, and Ideologies. N.Y., L.: Longman, 1978. 508 p.
41. Harold Macmillan's "Wind of Change" Speech 03.02.1960. URL: <https://www.thoughtco.com/harold-macmillans-wind-of-change-speech-43760> (accessed: 05.01.2025).
42. Lisson A. The Anti-Apartheid Movement, Britain and South Africa: Anti-Apartheid Protest vs Real Politik. Archived 7 June 2007 at the Wayback Machine, PhD Dissertation, 15 September 2000. URL: <http://www.anc.org.za/content/anti-apartheid-movement-britain-and-south-africa-anti-apartheid-protest-vs-real-politik/> (accessed: 29.10.2024).

43. Snellen I. Th. M. Apartheid: Checks and Changes // *International Affairs* (Royal Institute of International Affairs). 1967. Vol. 43. No. 2. P. 293–306.
44. South Africa (Arms Supplies). *Hansard*. Vol. 756. 18.12.1967. P. 935.
45. South Africa. *Hansard*. Vol. 780. 19.03.1969. P. 488.
46. South Africa and supply of arms. *Hansard*. Vol. 311. 21.07.1970. P. 833–839.
47. South Africa (supply of arms). *Hansard*. Vol. 687. 22.01.1964. P. 1059.
48. The Economic situation: South Africa arms exports ban. *Hansard*. Vol 287. 18.12.1967 P. 1291.
49. The South Africa Act, 1909 P. 149-151. URL: <https://archive.org/details/jstor-2212266/page/n33/mode/2up> (accessed: 04.01.2025).
50. Tossini J. V. The UK in South Africa – The Simonstown Agreement. URL: <https://ukdefencejournal.org.uk/the-uk-in-south-africa-the-simonstown-agreement/> (accessed: 09.01.2025).
51. Union Of South Africa (Racialist Policies). *Hansard*. Vol. 621. 08.04.1960 P. 786.
52. WYK van J.-A. Nuclear terrorism in Africa: the ANC&s operation mac and the attack on the Koeberg nuclear power station in South Africa // *Historia*. Durban. 2015. Vol. 6C, № 2. P. 51–67.

References

1. Arkhangelskaya AA. International aspects of the creation of the Union of South Africa in 1910. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov*. 2017;17(1):150-161. (In Russ.).
2. Africa: Sanctions, Elites, and Sovereign Development. Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences L.L. Fituni. Moscow: Institute of African Studies, Russian Academy of Sciences; 2021. 368 p. (In Russ.).
3. Statute of Westminster 1931 URL: <https://web.archive.org/web/20020225041228/http://gov.ns.ca/legislature/legc/westmins.htm> (accessed: 04.01.2025).
4. Renaissance 1932. T8. No.2637. URL: <https://historicperiodicals.princeton.edu/historic/?a=d&d=vozrozhdenie19320821-01.2.8&> (accessed: 04.01.2025). (In Russ.).
5. Armed struggle of the peoples of Africa for freedom and independence. Editorial board: Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences VL Tyagunenkov (responsible editor) and others. Institute of Military History of the USSR Ministry of Defense. Institute of Africa of the USSR Academy of Sciences. Moscow: Nauka; 1974. 444 p. (In Russ.).
6. The issue of racial conflict in the Republic of South Africa caused by the policy of apartheid pursued by the South African Agreement. A/PV. 1067. 28.11.1961. URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/169/62/pdf/nr016962.pdf> (accessed: 04.01.2024). (In Russ.).
7. The issue of racial conflict in South Africa, which arose as a result of the apartheid policy pursued by the government of the Republic of South Africa. S/RES/191 (1964). 18.06.1964. URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/211/77/pdf/nr021177.pdf> (accessed: 04.01.2024). (In Russ.).
8. Vyatkina RR. Colonial policy of Great Britain in South Africa in the second half of the 19th – early 20th centuries (plans for the creation of the South African Federation and their implementation). *Problems of British History*. Moscow: Nauka; 1984. P. 140-157. (In Russ.).
9. Gurney K. The Great Cause: Origins of the Anti-Apartheid Movement, June 1959 – March 1960. *Zhurnal yuzhnoafrikanskikh issledovaniy*. 2000;26(1):123-144. (In Russ.).
10. Democratic reforms in South Africa as a prerequisite for ending the international isolation of South Africa. URL: <http://studproject.com/ethnopolitics/southafrica/> (accessed: 16.10.2024). (In Russ.).
11. Deryagina IG. British South Africa in Russian Historiography 1900 – mid-1930s. Analytical Review. *Nauchnye vedomosti. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. 2010;1(72):64-65. (In Russ.).
12. Zhukov D. Apartheid: History of the Regime. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/22985/Zhukov_-_Apartheid_Istoriya_rezhima.html (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).
13. Native Land Act 1913. URL: <https://web.archive.org/web/20120323005902/http://www.polity.org.za/polity/govdocs/legislation/misc/nla1913.html>. (accessed: 04.01.2025). (In Russ.).
14. Zimulina LA. Evolution of the national statehood of the British dominions. *The British Empire in the 20th century*; edited by A.M. Pegushev, E.Yu. Moscow: Institute of General History, Russian Academy of Sciences; 2010. P. 72-80. (In Russ.).
15. Calvoresi P. *World Politics after 1945: Trans. from English. 9th ed., suppl.* Moscow: International Relations; 2016. 888 p. (In Russ.).
16. Karpov GA. "White" Africans of Modern Great Britain: Specifics of Migrants from South Africa. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 2018;(4):1-13. (In Russ.).
17. Karpov GA. African diasporas of modern Great Britain (Somalis, Zimbabweans, Nigerians, South Africans). *Cheboksary: Publishing House Sreda*; 2018. 80 p. (In Russ.).
18. Lemin I.M. Aggravation of the Crisis of the British Empire after the Second World War. Moscow: USSR Academy of Sciences; 1951. 565 p. (In Russ.).
19. Madzoevsky SP, Khesin. ES. Modern monopoly capitalism. Great Britain. Moscow: Mysl; 1981. 435 p. (In Russ.).
20. Medushevsky NA, Busygina AV, Sopot MA. Modern policy of Great Britain on the African continent. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*. 2021;10(2A):28-43. (In Russ.).
21. International Convention on the Suppression and Punishment of the Crime of Apartheid. Adopted by resolution 3068 (XXVIII) of the UN General Assembly on 30 November 1973. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apartheid1973.shtml (accessed: 04.01.2025). (In Russ.).
22. Ovinnikov RS. *Masters of English Policy: Financial Oligarchy and England's Foreign Policy after Suez. 1957-1966.* Moscow: International Relations; 1966. 432 p. (In Russ.).
23. The apartheid policy of the Government of the Republic of South Africa. A/PV.1165. 06.11.1962. URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/195/17/pdf/nr019517.pdf> (accessed: 04.01.2024). (In Russ.).
24. Potekhin II. Imperialist segregation of natives of South Africa. *Materials on national-colonial problems*. 1935. 6(30). P. 53-120. (In Russ.).
25. *The Collapse of the British Empire* / [Editorial Board: Dr. of Economics AG. Mileikovskiy (editor-in-chief) and others]; USSR Academy of Sciences. Institute of World Economy and International Relations. Moscow: Nauka; 1964. 647 p. (In Russ.).
26. Sidorenko LV. Socio-economic origins of the apartheid regime in South Africa. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*. 2023;2:93-103. (In Russ.).
27. Silaeva VA. Effectiveness of sanctions in international politics. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2021;14(4):136-153. (In Russ.).
28. Skubko YuS, Shubin GV. *Problems of building a non-racial state in South Africa (2006–2009)*. Moscow: Institute of African Studies, Russian Academy of Sciences; 2009. 65 p. (In Russ.).
29. Urnov AYu. *South Africa's policy in Africa*. Moscow: Nauka; 1982. 276 p. (In Russ.).
30. Francos A. *Africa is for Afrikaners*. Moscow: Nauka; 1973. P. 232. (In Russ.).

31. Fokeyev GV. Foreign policy problems of modern Africa. Moscow: International Relations; 1975. 263 p. (In Russ.).
32. Shubin GV, Maidanov II, Liebenberg Ya. Armed forces and military industry of the Republic of South Africa. Moscow: Publisher I.B. Bely; 2010. 516 p. (In Russ.).
33. Ainsley R. The Devil's Union: Salazar – Verwoerd – Velensky. Translated from English. Moscow: Publishing House of Foreign Literature; 1963. P. 72. (In Russ.).
34. Barber J. South Africa's Foreign Policy 1945 — 1970. L.: Oxford University Press; 1973. 325 p.
35. Beck RB. The History of South Africa. Westport. London: Greenwood Press; 2000. 248 p.
36. Board of trade. Hansard. Vol. 774. 28.01.1970 P. 1543.
37. Disturbances, Strand. Hansard. Vol. 776. 20.01.1969. P. 43.
38. Foreign affairs. Hansard. Vol. 803. 06.06.1970. P. 345-349.
39. Foreign affairs. Hansard. Vol. 803. 06.06.1970. P. 377, 378, 400-405.
40. Hagopian MN. Regimes, Movements, and Ideologies. N.Y., L.: Longman; 1978. 508 p.
41. Harold Macmillan's "Wind of Change" Speech 03.02.1960. URL: <https://www.thoughtco.com/harold-macmillans-wind-of-change-speech-43760> (accessed: 05.01.2025).
42. Lisson A. The Anti-Apartheid Movement, Britain and South Africa: Anti-Apartheid Protest vs Real Politik. Archived 7 June 2007 at the Wayback Machine, PhD Dissertation, 15 September 2000. URL: <http://www.anc.org.za/content/anti-apartheid-movement-britain-and-south-africa-anti-apartheid-protest-vs-real-politik/> (accessed: 29.10.2024).
43. Snellen IThM. Apartheid: Checks and Changes. International Affairs (Royal Institute of International Affairs). 1967;43(2):293-306.
44. South Africa (Arms Supplies). Hansard. Vol. 756. 18.12.1967. P. 935.
45. South Africa. Hansard. Vol. 780. 19.03.1969. P. 488.
46. South Africa and supply of arms. Hansard. Vol. 311. 21.07.1970. P. 833-839.
47. South Africa (supply of arms). Hansard. Vol. 687. 22.01.1964. P. 1059.
48. The Economic situation: South Africa arms exports ban. Hansard. Vol 287. 18.12.1967 P. 1291.
49. The South Africa Act, 1909 P. 149-151. URL: <https://archive.org/details/jstor-2212266/page/n33/mode/2up> (accessed: 04.01.2025).
50. Tossini JV. The UK in South Africa – The Simonstown Agreement. URL: <https://ukdefencejournal.org.uk/the-uk-in-south-africa-the-simonstown-agreement/> (accessed: 09.01.2025).
51. Union Of South Africa (Racialist Policies). Hansard. Vol. 621. 08.04.1960 P. 786.
52. WYK van J.-A. Nuclear terrorism in Africa: the ANC&s operation mac and the attack on the Koeberg nuclear power station in South Africa. Historia. Durban. 2015;6C(2):51-67.

Научная статья

УДК 27-248.3

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.12>

ИСТОРИЯ АПОСТОЛОВ ВАРНАВЫ И ПАВЛА ИЗ АНТИОХИИ

Сухейль Лаванд

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, Элиста, 358000, Российская Федерация)

Научный сотрудник

souheil.lawand@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1621-0830>

Аннотация. Введение. Антиохия занимает значительную часть эллинистической истории. Расположенная на Ближнем Востоке, она стала колыбелью одной из старейших христианских церквей – антиохийской. Настоящая статья разбирает историю Антиохии в период с 40 по 46 год нашей эры, когда в стране активно вели свою апостольскую деятельность Варнава и Павел по утверждению христианской религии и церкви в Антиохии. **Материалы и методы.** Главным историческим источником по этому периоду выступает христианская Библия, а также канонические тексты, в которых раскрывается жизнь и деятельность апостолов Варнавы и Павла. Прежде всего следует отметить Евангелие от Варнавы и Послание Варнавы. Последнее сочинение неканоническое, так как вольно и аллегорически трактует библейские тексты. Однако к данному трактату (Посланию) обращались Климент Александрийский и Ориген, а Евсевий Кесарийский, несмотря на сомнения в подлинности, оставил в числе читаемых. Важно отметить, что историчность библейских событий в части освещения церковного строительства и распространения христианства не вызывает сомнений. В статье используется историко-генетический метод, биографический метод, а также методология истории религий. **Анализ.** На основе источников и историографии вопроса в статье анализируется деятельность Варнавы и Павла в организации Антиохийской церкви, а также роль этой церкви и её традиций в общей

истории христианства. На фоне ослабления тенденции к христианизации в Иерусалиме, Антиохия, усилиями апостолов Варнавы и Павла стала одним из главных центров христианства. Более того, источники впервые сообщают о христианстве в Антиохии как об отдельном движении. **Результаты.** Именно Варнаву отправили в Антиохию для того, чтобы заботиться о созданной там и активно растущей общине верующих. Именно деятельность Варнавы и примкнувшего к нему Павла стала ключевой в формировании основных принципов христианской общины в Антиохии. В статье отмечается также значительная роль именно Варнавы в истории Антиохийской церкви, которая остается пока недооцененной.

Ключевые слова: Антиохийская церковь, раннее христианство, история сирийской церкви, Иерусалим, Сирия, Христос, апостолы Варнава и Павел, еврейская диаспора

Для цитирования: Лаванд С. История апостолов Варнавы и Павла из Антиохии // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2025. Т. 12. № 1. С. 103–108. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.12>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 15.12.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.03.2025.

Статья принята к публикации: 25.03.2025.

Research article

THE STORY OF THE APOSTLES BARNABAS AND PAUL OF ANTIOCH

Suheil Lavand

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikova (11, Pushkina St., Elista, 358000, Russian Federation)

Research associate

souheil.lawand@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1621-0830>

Abstract. Introduction. Antioch occupies a significant part of Hellenistic history. Located in the Middle East, it became the cradle of one of the oldest Christian churches - Antioch. This article analyzes the history of Antioch in the period from 40 to 46 AD, when Barnabas and Paul actively conducted their apostolic activities in the country according to the Christian religion and the church in Antioch. **Materials and Methods.** The main historical source for this period is the Christian Bible, as well as canonical texts that reveal the life and work of the apostles Barnabas and Paul. First of all, the Gospel of Barnabas and the Epistle of Barnabas should be noted. The last work is non-canonical, as it freely and allegorically interprets biblical texts. However, Clement of Alexandria and Origen addressed this treatise (Epistle), and Eusebius of Caesarea, despite doubts about authenticity, left it among the readers. It is important to note that the historicity of biblical events in terms of coverage of church construction and the spread of Christianity is beyond doubt. The article uses the historical and genetic method, the biographical method, as well as the methodology of the history of religions. **Analysis.** Based on the sources and historiography of the issue, the article analyzes the activities of Barnabas and Paul in the organization of the Church of Antioch, as well as the role of this church and its traditions in the general history of Christianity. Against the background of a

weakening trend towards Christianization in Jerusalem, Antioch, through the efforts of the apostles Barnabas and Paul, became one of the main centers of Christianity. Moreover, sources first report Christianity in Antioch as a separate movement. **Results.** It was Barnabas who was sent to Antioch in order to take care of the community of believers created there and actively growing. It was the activities of Barnabas and Paul who joined him that became key in the formation of the basic principles of the Christian community in Antioch. The article also notes the significant role of Barnabas in the history of the Church of Antioch, which remains underestimated.

Keywords: Church of Antioch, early Christianity, Syrian church history, Jerusalem, Syria, Christ, Apostles Barnabas and Paul, Jewish diaspora

For citation: Lavand S. The story of the Apostles Barnabas and Paul of Antioch. *Humanities and law research*. 2025;12(1):103-108. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.12>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 15.12.2024.

The article was approved after reviewing: 18.03.2025.

The article was accepted for publication: 25.03.2025.

Введение. Антиохии принадлежит исключительное и центральное место в формировании церковной организации. Либаний сообщает, что при создании города «Селевк сосредоточил все искусство строителей; все руки, весь блеск камней он заставил служить своему делу...» (Lib. Or. XI, 89–91). Будучи главным городом римской Сирии, Антиохия Великая представляла собой важнейший политический, экономический и культурный центр Востока, мегаполис Восточного Средиземноморья между Александрией и Римом [1, с. 3]. По различным оценкам, в Антиохии римского времени проживало не менее 500 тыс. чел. [8, с. 151].

Статья посвящена истории апостолов Варнавы и Павла в Антиохии в период 40–46 гг. нашей эры. Это важный период в становлении Антиохийской церкви.

Материалы и методы. Несомненно, одним из главных исследователей Антиохии является Гленвилл Дауни. Его работа «История Антиохии Сирийской» изображает Антиохию как важнейший пункт на Ближнем Востоке, являющемся колыбелью христианской веры и культурных традиций язычества [17].

В последнее десятилетие интерес к Антиохии в мировой исторической науке значительно вырос. Свидетельством этого может служить появление новой обобщающей работы Андреа Ди Джирджи [18], призванной как бы заменить на новом уровне книгу Дауни (правда, в ином проблемном ключе), и ее же в соавторстве книги по истории всей Антиохии от античности до современности [16].

Работа выполнена на основе историко-генетического метода, который заключается в последовательном изложении фактов в их причинно-следственной связи. Работа также основана на методологии истории религий, т.к. рассматриваются исторические моменты жизни апостолов Варнавы и Павла в Антиохии первого века нашей эры.

Основными источниками по периоду выступает Библия и другие канонические христианские тексты. Фигура Варнавы как несостоявшегося подлинного создателя и лидера Антиохийской церкви нашла выражение в более поздних апокрифах. Это Евангелие от Варнавы [2] и Послание Варнавы [6, с. 21–53]. История текста Евангелия от Варнавы весьма поучительна. О существовании такого текста сообщает ряд источников с V в. от папы Геласия до древнерусских текстов XI в. Но это сочинение было утрачено. Вместо него приблизительно в XV веке появляется турецкая подделка, написанная с мусульманской точки зрения (псевдо-апокриф). Родным языком автора был испанский [11; 14].

Послание Варнавы — неканоническое сочинение, написанное в период не ранее 70 и не позднее 132 г., которое по форме и содержанию представляет собой не столько послание, сколько трактат. Климент Александрийский и Ориген считали его подлинным и цитировали. Евсевий Кесарийский исключил послание из «принятых» книг, но оставил в числе спорных, но читаемых.

По мнению ряда специалистов, послание происходит из Сирии (по другим мнениям, оно написано в Александрии, менее вероятно в Малой Азии). Для послания характерно вольное и аллегорическое толкование библейских текстов (ветхозаветных), близких к раввинистическому мидрашу [22].

Анализ. Антиохия расположилась в северо-восточном углу Средиземноморья, на стыке Сирии и Малой Азии, к востоку от хребта Тавр. Город возник на левом

берегу реки Оронт, и в своей северной части город охватил территорию острова, образованного течением реки (Malal. VIII.13).

Антиохия и ее сельская округа (проастий) занимали относительно небольшую равнинную территорию, юго-западной части равнины Амуку, у подножия горы Сильпий которая возвышалась до 506 м над уровнем моря с восточной стороны города.

Географическое положение Антиохии делало ее важным узлом в торговой жизни империи. Через Антиохию проходили сухопутные и, благодаря Оронту, речные торговые пути. Они соединяли страны Востока со Средиземным морем и городами империи [13, с. 37–40; 27, р. 18–19, 35–36, 86, 100; 23, р. 94–95]. Это место пересечения важнейших международных торговых путей.

Не будет преувеличением сказать, что в течение нескольких столетий после своего основания Селевкидами Антиохия преобразила древний мир: «Город стимулировал поворот Ойкумены на восток, который в конце концов завершил Константин Великий. К рубежу эр обширные просторы Востока и берега Восточного Средиземноморья были сшиты вместе благодаря посредничеству Антиохии и ее территории» [18, р. 1].

Антиохия имела пестрый состав горожан, представителей различных культур и религиозных направлений. Одной из наиболее крупных этноконфессиональных общин в городе были евреи [20].

Близость Антиохии к Палестине (более поздние равнины считали Антиохийское озеро одним из семи озер, окружающих Эрец-Исраэль), а также ее значение как административного и торгового центра сделали ее привлекательной для евреев. Ее доступность к Малой Азии также делала ее удобным местом остановки для евреев, путешествующих между Палестиной и Малой Азией, либо по суше через Киликию, либо на корабле в прибрежные города. Все это станет важным фактором выбора путей движения первых христиан во внешний мир и в большой мере определит Сирию как место рождения церкви.

В.Я. Саврей справедливо подчеркивает еще одну важнейшую сторону жизни Антиохии. В ней никогда не было полной победы эллинизма и «цивилизаторских усилий Селевкидов». Местные языки Сирии не пришли в упадок, так как, в отличие от египетского были прагматичны. Унифицирующая культурная политика греко-сирийских царей не имела успеха [9, с. 21–22].

Антиохия стала одним из главных центров христианства. Вначале христиане были одной из групп, которые, как мы можем предположить, существовали в еврейской общине города. Однако именно в Антиохии, согласно нашим самым ранним источникам, христиане впервые были восприняты как отдельное движение, и там они впервые пересекли границы иудаизма и стали искать прозелитов из числа язычников.

В этот момент началась мощная амбивалентность, которая отмечала отношения между родительской общиной и ее несколько неестественным потомством на протяжении всей истории их встреч. Миссионерская группа Павла, которая возникла в Антиохии, хотя ее центр вскоре переместился в другое место, наиболее энергично боролась за возможность язычников становиться христианами [21, р. 1].

Но оно также сделало единство иудея и нееврея в новой общине основной теологической парадигмой. Возникнув из иудаизма, новое движение неизбежно унаследовало некоторые из приобретений и потерь,

которые накопились у еврейской диаспоры в ее долгой борьбе за то, чтобы жить посреди языческого общества. Но столь же неизбежно христиане усложнили бы жизнь иудеям и даже поставили бы под угрозу хрупкое равновесие их социального и политического положения. Действительно, они стали бы активными конкурентами иудеев за социальные и религиозные благосклонности более широкого общества и, в конечном итоге, самым опасным врагом синагоги.

Амбивалентность широко представлена в христианской литературе из Антиохии. От Игнатия до Иоанна Златоуста, Исаака и Симеона Столпника нападки на иудаизм и на «иудействующих» христиан растут с каждым столетием. Однако именно эти атаки были вызваны притягательностью, которую иудаизм продолжал оказывать на христиан, с одной стороны, на рядовых прихожан церкви, с другой стороны, на их теологов, даже на тех, кто наиболее яростно нападал на «иудаизацию». Двойственные отношения, конечно, не развивались в вакууме, но были переплетены со сложными привязанностями и реакциями каждой группы на греко-римскую культуру и правительство.

Для истории зарождения христианства в Антиохии мы должны полагаться на рассказ в книге Деяний, вместе с несколькими местами Послания к галатам [15].

Итак, апостолы в Иерусалиме, видя быстрый рост христианской общины в Антиохии, решили послать туда кипрского еврея Варнаву, поручив ему заботиться о новообращенных. По сути, Варнава создаёт христианскую общину в Антиохии (Деян. 11:19–30).

Увидев, что число уверовавших во Христа весьма значительно, Варнава приводит из Тарса Павла [19]. Деятельность апостолов значительно пополнила антиохийскую общину.

Именно в Антиохии последователи Христа «в первый раз стали называться христианами» (Деян. 11:26). До этого члены Церкви чаще всего именовали друг друга «учениками» или «братьями».

В Деяниях отмечается, что первыми христианами и организаторами общины в Антиохии были выходцы с Кипра и из Кирены (Деян. 11:19). Киприотом по происхождению был и Варнава [12, р. 292–302].

Одним из первых антиохийцев-христиан был диакон Николай (Деян. 6: 5). Он служил в Иерусалимской церкви, став христианином одним из первых не из евреев, а из язычников.

В Деяниях Антиохия выделена как место первой преднамеренной и целенаправленной миссии к язычникам (11:19–26) и как локус решающего спора об условиях их принятия в церковь (11:15). Нет причин сомневаться в точности первого, а сравнение с Гал. 2:11 и далее предполагает, что второе также имеет некоторую фактическую основу.

Рассказ начинается с того, что сообщение об Антиохии с предшествующей историей Стефана, последующими преследованиями и «рассеянием» иерусалимских учеников. Между ними автор вставил историю обращения Павла и историю наставления Петра и крещения Корнелия — обе важны для значения, которое автор хочет придать языческой миссии, которая начинается в Антиохии (Деян. 11:19).

Автор Деяний, видимо, хотел специально избежать впечатления, что «эллинисты» Палестины были напрямую ответственны за начало миссии среди язычников. Поэтому точно оговаривается, что это были некие анонимные лица с Кипра и Кирены (гл. 20). Но кипрские

и киренейские проповедники также были среди еврейских «эллинистов» диаспоры. Возможно, автор просто выбрал неуклюжий способ сказать, что в целом «эллинисты» говорили только с евреями, но некоторые из них, которые оказались киприотами и киренейцами (таким образом, отличаясь от тех, кто ранее жил в Иерусалиме, гл. 6), в порядке исключения начали проповедовать язычникам.

По всей видимости, у автора Деяний была традиция или источник, который связывал начало языческой миссии с Антиохией, начиная с миссии некоторых грекоязычных евреев, связанных с «эллинистическим» крылом иерусалимских христиан. При этом может иметь значение, что одним из семи эллинистических диаконов, избранных в Иерусалиме, был антиохийский прозелит, Николай (Деян. 6:5).

Автор Деяний хочет прочно связать это начало в Антиохии с авторитетными фигурами в Иерусалиме, а также должным образом представить Павла, который для него является образцовым миссионером для язычников [21, р. 13–14].

История обращения Павла связывается с мученичеством Стефана, чтобы подготовить Павла к роли, данной ему в 11:25. Затем появляется Варнава, киприот (4:36), имеющий безупречные иудейские полномочия (левит, 4:36) и особенно преданный ученик, напрямую и послушно связанный с Иерусалимом. И после этого, наконец, появляется Павел, который был представлен ранее как один из тех, кто имеет отношение к ситуации в Антиохии из вторых рук, Варнавой, который был сделан официальным иерусалимским миссионером в Антиохии (11:25).

Таким образом, Антиохия стала отправной точкой для осознанной миссии к язычникам, которые ранее не стали иудейскими прозелитами. Эта миссия была инициирована грекоязычными иудейскими христианами, «киприотами и киренейцами», среди которых Варнава был, вероятно, ведущей фигурой.

Практика обращения язычников в христианство (Деян. 11: 20–21) привела к первым значительным разногласиям внутри Церкви. Вопрос об условиях приема язычников в христианскую общину, с обрезанием в качестве центрального вопроса, возникает в Антиохии и отправляется в Иерусалим для рассмотрения. Главные делегаты из Антиохии – Павел и Варнава. Павел добавляет имя Тита, не как делегата, а как прецедент, не упомянутый в Деяниях, хотя Деяния упоминают «некоторых других».

Результатом дебатов является соглашение между делегатами Антиохии и руководством Иерусалима о том, что первые должны продолжать миссию язычников, как и прежде, и что обрезание не должно требоваться от обращенных язычников.

Решение этой проблемы на Иерусалимском Соборе апостолов (между 49 и 52 г.) подтвердило правильность начатой в Антиохии проповеди среди язычников без предварительного обращения их в иудейство (Гал. 2: 9–10).

Число обратившихся евреев было также достаточно велико (Деян. 11: 20–21; 13: 1).

Таким образом, именно в Антиохии Сирийской начался всемирно-исторический процесс отрыва христианства от иудейской традиции и формирования предположительно его превращения в мировую религию.

У истоков этого процесса стоит Варнава, основатель общины в Антиохии, личность и дела которого оказа-

лись в последующей традиции несколько в тени апостола Павла. Его влияние на выход антиохийских христиан из лона иудейства было очень велико [8, с. 159–160]. Но, понимая, что на роль лидера больше подходит Павел, Варнава привез его в Антиохию.

Около года длилась совместная работа Павла и Варнавы в Антиохии, что дало великий эффект (Деян. 11: 25). Проповедь евангелия встретила здесь самую благоприятную почву.

Кроме того, именно в этот период эта, по сути, еще секта добилась полного самоопределения, став отдельной конфессиональной организацией — христианами (Деян. 11: 26). Несомненно, это название пришло извне, от язычников. Евреи продолжали называть сектантов назаряями (Деян. 24: 5).

Важно, что среди последующих, наиболее ранних, христианских писателей Игнатий Антиохийский первым использовал термин «христианство». А позже Феофил пишет Автолику: «Ты называешь меня христианином, как будто я ношу злое имя...». Несмотря на то, что изначальное обозначение было именно таким, автор Деяний считал важным, что оно имело место именно в Антиохии. Даже если только случайности передачи делают использование Игнатием уникальным, оно также привлекает внимание к тому факту, что «движение Христа» достигло определенной степени и своего рода самоидентификации именно в Антиохии, что сделало его видимым для посторонних как отдельное движение очень рано [21, р. 16].

Среди «пророков и учителей» Антиохийской Церкви известны такие имена: Варнава, Павел, Симеон по прозвищу Нигер, Лукий Кириянин, а также некий Манаил (евр. Менахем), «совоспитанник» Ирода Антипы.

Среди первых обращенных язычников, оставшихся в городе, был Евгодий, впоследствии ставший одним из руководителей общины (Euseb., HE. XIII, 22).

Деяния и послание к галатам далее соглашаются в том, что у Павла и Варнавы возникло крупное разногласие вскоре после принятия этих решений (Деян. 15:39; Гал. 2:13 обвиняют Варнаву в «лицемерии»).

По всей видимости, именно в Антиохии Сирийской зародилась великая идея прозелитизма, миссионерской деятельности по распространению нового учения, по велению Св. Духа.

Несмотря на то, что центром христианства оставался Иерусалим, осененный авторитетом апостолов, Антиохия стремительно набирала вес, так как именно в ней лежал ключ к распространению вероучения.

Возвышению Антиохийской церкви способствовало и гонение Ирода Агриппы в Иерусалиме в 44 г. Варнава поехал в Иерусалим с большой суммой денег, собранной верующими.

По возвращению из Иерусалима Варнава приступил к осуществлению задуманного им грандиозного плана миссионерских путешествий из Антиохии [8, с. 184–185]. Если учесть, что помощником Варнавы стал его двоюродный брат, один из учеников св. Петра Марк (Иоанн Марк) (Деян., XIII, 5), то фигура Варнавы еще более вырастает в масштабе и становится недооцененной в традиции, так как он, по сути, стоит за спиной Павла в деле миссий и создания вселенской церкви, а в письменной традиции он формирует фундамент для Марка и его евангелия.

Серия больших миссий должна была отправиться именно из Антиохии Сирийской, а ее целью должно было стать не больше не меньше — обратить в христи-

анство весь мир, который охватывал тогда, по сути, империю (весь мир на первом уровне — за исключением варваров) [8, с. 185–186].

Результаты. Таким образом, за исключением собственно Палестины (Иудеи) родиной христианства как вселенской религии следует считать безусловно Сирию. Это объясняется непосредственным соседством с Палестиной и удобным расположением в центре Восточного Средиземноморья.

Главное направление миссии лежало на запад [3, с. 137–142], а первым вектором усилий апостолов стали Малая Азия, Греция и Италия, а также Кипр и Кирена — давние центры еврейской диаспоры.

Собственно сирийцы подобно евреям уже давно освоили это направление движения на Запад вместе с евреями, с которыми их часто смешивали (Iuv. Sat. III, 62 и др.). Сирийские рабы на Сицилии стали большой частью населения уже в конце II в. до н.э., а Италия в I в. была наводнена сирийцами. Это мощное движение достигло своего пика при сирийских императрицах династии Северов в первой трети III в., приведя в том числе и к значительной ориентализации римской жизни [7].

Первое миссионерское путешествие, которое датируется в диапазоне 45–48, но наиболее вероятно 47–48 гг. [4, с. 81–121], Павел, Варнава и Марк начали в направлении на юг, в аванпорт Антиохии Селевкию. Первым пунктом миссии был Кипр, родина Варнавы. Затем из Памфилии (Перга) маршрут шел в Писидию (Антиохия) и Ликаонию (Иконий) [5, с. 67–72]. Два последних пункта (Листра и Дервия) принадлежат Ликаонии, но административно входили в провинцию Галатия [24].

Всю дальнейшую жизнь Павел посвятил миссионерским путешествиям. Дальнейшее развитие Антиохийской церкви связывается с именем апостола Петра [9, с. 31].

В дальнейшем ни в Деяниях, ни в посланиях Павла нет никакой дальнейшей важной связи Павла с Антиохией. После «первого миссионерского путешествия», которое имеет Антиохию в качестве своей базы, Павел совершает только один дальнейший, неясный визит (18:22) в город; в своих посланиях Павел никогда не упоминает Антиохию, кроме послания к галатам.

Этот важнейший момент — поворот Варнавы к поддержке Петра (Гал. 2:11–21) и последующее отделение Павла от него представляют собой не просто личное разногласие, как Деяния хотят заставить нас поверить, а фундаментальный кризис власти, влияющий на отношения между Павлом и Антиохией.

Деятельность Петра в тот период, когда Павел переключился на миссию, была попыткой Иерусалима распространить свою власть на Антиохию, где уже обозначилась явная угроза его авторитету.

Петр сначала приезжал в Антиохию, о чем говорит сам Павел (Гал., 2: 11) в связи со спорами об отношении к обращенным из язычников.

В традиции Петр наряду с Павлом тоже считается основателем Антиохийской Церкви, о чем свидетельствуют многие церковные писатели (Евсевий Кесарийский, Иоанн Златоуст, блж. Иероним, Лев I Великий).

Петр завершил создание в Антиохии церковной организации — епископство, освятив ее своим авторитетом [10, с. 148–152]. В ней Петр оставался с 45 по 53 гг., а затем оставил свой пост Еводию, который оставался епископом Антиохским в период с 53 по 68 гг.

Петр как «апостол обрезанных» много ходил по всей Сирии, проповедуя новое учение. Он возил с собой се-

стру в качестве диакониссы и Марка как ученика и почти сына (Гал. II, 7, 11) [8, с. 114–115]. Но основным его местопробыванием остается Антиохия.

Антиохия в этот самый ранний момент в истории Церкви выглядит как место компромисса, мост между иудейским и языческим христианством [25]. Ни в Деяниях, ни у Павла мы не узнаем о каком-либо местном разделении между иудейскими и языческими христианами; разделение происходит только по наущению определенных людей из Иерусалима.

Кризис и уход Павла из Антиохии не совсем ясны, хотя из Гал. 2:12 и далее следует, что бывшие иудеи и бывшие язычники образовали с этого времени отдельные общины, предположительно встречаясь в разных домах.

Как отмечает митрополит Иларион, первоначально «во главе церковных общин стояли сами апостолы. Там, где они не присутствовали лично, они поставляли вместо себя епископов или пресвитеров.

В Деяниях и посланиях Павла термины «епископ» (ἐπίσκοπος — «блюститель», «наблюдатель») и «пре-

свитер» (πρεσβύτερος — «старший», «старец») нередко синонимичны. Так, например, в 20-й главе Деяний рассказывается о том, как Павел призвал «пресвитеров церкви (τοὺς πρεσβυτέρους τῆς ἐκκλησίας)» (Деян. XX, 17), которым сказал о том, что Бог поставил их «блюстителем (ἐπίσκοπος), пасти Церковь Господа и Бога» (Деян. XX, 28)» [4]. Здесь лежат истоки церковной организации.

Антиохия была также местом, где впервые в церкви вспыхнули разногласия между евреями и язычниками.

Постепенно назревавший разрыв Петра и Павла произошел опять-таки в Антиохии (Гал. II, 11–14). Решительный разрыв двух традиций произошел тоже именно в Антиохии, поколение спустя: после Иудейского восстания 66–70 гг. [21, р. 18].

Таким образом, Антиохия предстает перед нами как место, где апостолами была создана христианская церковь (Петр) и началась миссия (Павел). Но в тени традиции за этими гигантскими фигурами стоит Варнава, роль которого явно недооценена.

Литература

- Бузанаков Ю. В. Ранневизантийская Антиохия: проблемы топографии и населения: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Белгород, 2022. 26 с.
- Евангелие от Варнавы. М.: Ансар, 2007. 288 с.
- Коновалов П. И. Значение миссии апостола Павла по данным новозаветных текстов // Вестник науки. 2021. Т. 2. № 12 (45). С. 137–142.
- Митрополит Иларион (Алфеев). Апостол Павел. Биография. М.: Познание, 2017. 562 с.
- Пашкова А. Ю. Маршрут первого путешествия святого Павла в Антихию Писидийскую // Церковно-исторические чтения: Круглый стол – 1. Белгород: ООО «Эпицентр», 2022. С. 67–72.
- Писания Мужей апостольских / Пер. прот. П. Преображенского. М.: тип. Каткова и К°, 1895. С. 21–53.
- Ревиль Жан. Религия в Риме при Северах / пер. с фр. под ред. В. Н. Линда. М.: Магазин «Книжное дело», 1898. X, 320 с.
- Ренан Э. Апостолы. М.: Издательство: "Терра", 1991. 240 с.
- Саврей В. Я. Антиохийская школа в истории христианской мысли. М.: Изд-во МГУ, 2012. 214 с.
- Торканевский А. А. Роль и место апостола Петра в ранней истории христианства в Риме // Лістападаўскія сустрэчы – XIII: матэрыялы міжнар. навук. выкладчыц.-студэнц. канф. у гонар акад. М.М. 11. Нікольскага і У.М. Перцава, Мінск, 14–15 лістап. 2019 г. Мінск: БДУ, 2019. С. 148–152.
- Bernabe Pons L. F. El Evangelio de San Bernabe; Un evangelio islamico español. Alicante, 1995. 260 p.
- Bonnet M. Acta Philippi et Acta Thomae accedunt Acta Barnabae. Edidit Lipsiae: apud Hermannum Mendelssohm, 2012. 448 s.
- Charlesworth M. P. Trade Routes and Commerce of the Roman Empire. Cambridge, 1926. P. 37–40.
- Cirillo L., Fremaux M. Evangile de Barnabe: recherches sur la composition et l'origine. Paris, 1977. 598 p.;
- Conybeare W. Life and Epistles of Paul. Michigan: Grand Rapids, 1987.
- De Giorgi, Andrea U.; Eger, A. Asa. Antioch: A History. L.: Routledge, 2021. 587 p.
- Downey G. A history of Antioch in Syria: from Seleucus to the Arab conquest. Princeton, 1961. 752 p.
- De Giorgi A. U. Ancient Antioch: from the Seleucid Era to the Islamic Conquest. Cambridge: UP, 2016. 226 p.
- Hengel Martin, Schwemer Anna Maria. Paul between Damascus and Antioch: The Unknown Years. Louisville: Westminster John Knox, 1997. 530 p.
- Meeks Wayne A.; Wilken Robert L. Jews and Christians in Antioch in the first four centuries of the Common Era. Missoula: Scholars Press, 1978. 127 p.
- Meeks W. A., Wilken R. L. Jews and Christians in Antioch in the first four centuries of the Common Era. Missoula, 1978. P. 18.
- Paget J. C. The Epistle of Barnabas. Outlook and Background. Tubingen: Mohr Siebeck, 1994. Vol. XI. 319 p.
- Rostovtzeff M. Caravan Cities. Oxford, 1932. P. 94–95.
- Rostovtzeff M. The social & economic history of the Hellenistic world. Vol. II. Oxford: Clarendon press, 1941. 1179 p.
- Sandwell I. Late antiquity (Greeks, Jews and Christians in Antioch). Cambridge university press, 2007. 314 p.
- Sandwell I. Religion in Late Antiquity. Greeks, Jews and Christians in Antioch. Cambridge, 2007. 324 p.
- Warmington E. H. The Commerce between the Roman Empire and India. Cambridge, 1928. P. 18–19, 35–36, 86, 100.

References

- Buzanakov Yu.V. Early Byzantine Antioch: Topographical and Population Issues: abstract of thesis. Belgorod; 2022. 26 p.
- Gospel of Barnabas. Moscow: Ansar; 2007. 288 p.
- Konovalev P.I. The Importance of the mission of the Apostle Paul According to the new testament texts. *Vestnik nauki*. 2021;2(12 (45)):137-142.
- Metropolitan Hilarion (Alfeyev). Apostle Paul. Biography. Moscow: Poznanie; 2017. 562 p.
- Pashkova AYU. The route of St. Paul's first journey to Pisidian Antioch. Church-historical readings: Round table - 1. Belgorod: "Epicenter" LLC; 2022. P. 67-72.
- Writings of the Apostolic Men. Transl. by Archpriest P. Preobrazhensky. Moscow: type. Katkov and K °; 1895. P. 21-53.
- Reville Jean. Religion in Rome under the Severi. Translated from French under the editorship of VN. Lind. Moscow: Magazine "Book Business"; 1898. X, 320 p.
- Renan E. Apostles. Moscow: Publishing house: "Terra"; 1991. 240 p.

9. Savrey VYa. Antiochian school in the history of Christian thought. Moscow: Moscow State University Publishing House; 2012. 214 p.
10. Torkanevsky AA. The role and place of the Apostle Peter in the early history of Christianity in Rome. November Meetings-XIII: Proceedings of the International Academy of Sciences. teachers-student conference in honor of MM Nikolsky and VM Pertsev, Minsk, 14-15 pages. 2019. Minsk: Belarusian State University; 2019. P. 148-152. (In Russ.).
11. Bernabe Pons L.F. The Gospel of St. Barnabas; a Spanish Islamic gospel. Alicante; 1995. 260 p. (In Span.).
12. Bonnet M. The Journal of Philip And the Journal Of Thomas approaches The Journal Of Barnabas. Published In Leipzig: Herman Mendelsohm; 2012. 448 p. (In Ital.).
13. Charlesworth MP. Trade Routes and Commerce of the Roman Empire. Cambridge; 1926. p. 37–40.
14. Cirillo L, Fremaux M. Barnabe's Gospel: research on the composition and origin. Paris; 1977. 598 p. (In French).
15. Conybeare W. Life and Epistles of Paul. Michigan: Grand Rapids; 1987.
16. De Giorgi, Andrea U.; Eger, A. Asa. Antioch: A History. L.: Routledge; 2021. 587 p.
17. Downey G. A history of Antioch in Syria: from Seleucus to the Arab conquest. Princeton; 1961. 752 p.
18. De Giorgi AU. Ancient Antioch: from the Seleucid Era to the Islamic Conquest. Cambridge: UP; 2016. 226 p.
19. Hengel Martin; Schwemer, Anna Maria. Paul between Damascus and Antioch: The Unknown Years. Louisville: Westminster John Knox, 1997. 530 p.
20. Meeks, Wayne A; Wilken Robert L. Jews and Christians in Antioch in the first four centuries of the Common Era. Missoula: Scholars Press; 1978. 127 p.
21. Meeks WA, Wilken RL. Jews and Christians in Antioch in the first four centuries of the Common Era. Missoula; 1978. P. 18.
22. Paget JC. The Epistle of Barnabas. Outlook and Background. Tubingen: Mohr Siebeck; 1994. Vol. XI. 319 p.
23. Rostovtzeff M. Caravan Cities. Oxford; 1932. P. 94-95.
24. Rostovtzeff M. The social & economic history of the Hellenistic world. Vol. II. Oxford: Clarendon Press; 1941. 1179 p.
25. Sandwell I. Late antiquity (Greeks, Jews and Christians in Antioch). Cambridge University Press; 2007. 314 p.
26. Sandwell I. Religious Identity in Late Antiquity. Greeks, Jews and Christians in Antioch. Cambridge; 2007. 324 p.
27. Warmington EH. The Commerce between the Roman Empire and India. Cambridge; 1928. P. 18-19, 35-36, 86, 100.

Научная статья

УДК 94 (470.3)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.13>

ПРАВО НА ЖИЗНЬ И СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ВОЗЗРЕНИЯХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ЛЕГАЛИСТОВ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ

Данил Вячеславович Рыбин

Санкт-Петербургский институт Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста) (д. 19 литер А, Васильевский остров, 10-я линия, Санкт-Петербург, 199178, Российская Федерация)
Кандидат исторических наук, доцент
danilarybin@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4851-2235>

Аннотация. Введение. В начале XX и XXI вв. исследователи изучали и изучают проблему борьбы за отмену смертной казни в России. Особую роль в этой борьбе сыграли либеральные юристы – легалисты. Опираясь на опыт европейских стран, они настойчиво добивались запрета казни. Занимая положение центра в политической системе империи, наиболее последовательно отстаивали принцип «не убий». Актуальность работы заключается в том, что деятельность легалистов впервые выделяется как историческое явление начала XX века. Цель исследования заключается в установлении основных аспектов легалистской кампании по отмене смертной казни в 1905 – 1910 гг. **Материалы и методы.** При проведении исследования мы использовали проблемно-хронологический метод. В основе лежат ранее не включенные в научный оборот источники. Это обуславливает научную новизну работы. В качестве источников использовались опубликованные работы легалистов и архивные материалы по политическим партиям и организациям империи (ГАРФ и РГИА). **Анализ.** Проведенное исследование, позволило установить, что негативное отношение к смертной казни сформировалось среди российских юристов в конце XIX века. В начале XX века при их активном участии вопрос об отмене смертной казни стал важнейшей темой политиче-

ских баталий между партиями. **Результаты.** Можно сделать вывод, либеральные юристы – легалисты сформировали важный общественный дискурс на отмену смертной казни. Поставили этот вопрос в разряд главных партийных задач. Отмежевались от всех партий, которые не поддержали, в полной мере, отмену. В каком-то смысле жесткая позиция легалистов по отмене ограничила их возможности по созданию коалиций с другими партиями. Но отказаться от одной из главных своих идей они не могли. Иначе они бы поступились своими принципами.

Ключевые слова: А.Ф. Кони, Н.С. Таганцев, смертная казнь, легалисты, уголовное право, лига борьбы против смертной казни, кадеты

Для цитирования: Рыбин Д. В. Право на жизнь и смертная казнь в Российской империи в воззрениях либеральных легалистов на рубеже XIX – XX веков // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 109–115. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.13>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 17.11.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 28.02.2025.

Статья принята к публикации: 25.03.2025.

Research article

THE RIGHT TO LIFE AND DEATH PENALTY IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE VIEWS OF LIBERAL LEGALISTS AT THE TURN OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES

Danil V. Rybin

Saint Petersburg Institute All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice) (19 litera A, Vasilievsky Island, 10th line, Saint Petersburg, 199178, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor
danilarybin@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4851-2235>

Abstract. Introduction. In the early 20th and 21st centuries, researchers have studied and continue to study the problem of the struggle for the abolition of the death penalty in Russia. A special role in this struggle was played by liberal lawyers-legalists. Based on the experience of European countries, they persistently sought to ban the death penalty. Occupying a central position in the political system of the empire, they most consistently defended the principle of “thou shalt not kill”. The relevance of the work lies in the fact that the activities of legalists are first identified as a historical phenomenon of the early 20th century. The purpose of the study is to establish the main aspects of the legalist campaign to abolish the death penalty in 1905-1910. **Materials and Methods.** In conducting the study, we used the problem-chronological method. It is based on the sources that have not previously been included in scientific circulation. This determines the scientific novelty of the work. The published works of legalists and archival materials on political parties and organizations of the empire (GARF and RGIA) were used as sources. **Analysis.** The conducted research has specified that a negative attitude towards the death penalty was formed among Russian lawyers at the end of the 19th century. At the beginning of the 20th century, with their active participation, the issue of

abolition of the death penalty became the most important topic of political battles between parties. **Results.** It can be concluded that liberal lawyers-legalists formed an important public discourse on the abolition of the death penalty. They put this issue in the category of the main party tasks. They distanced themselves from all parties that did not fully support the abolition. In a sense, the legalists' tough position on abolition limited their ability to create coalitions with other parties. But they could not give up one of their main ideas. Otherwise, they would have compromised their principles.

Keywords: A.F. Koni, N.S. Tagantsev, death penalty, legalists, criminal law, league against the death penalty, cadets

For citation: Rybin DV. The right to life and death penalty in the Russian Empire in the views of liberal legalists at the turn of the 19th and 20th centuries. *Humanities and law research*. 2025;12(1):109-115. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.13>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 17.11.2024.

The article was approved after reviewing: 28.02.2025.

The article was accepted for publication: 25.03.2025.

© Рыбин Д. В., 2025

Введение. Вопрос об отмене смертной казни в Российской империи («роковой вопрос») в рассматриваемый период привлекал внимание не только отечественных общественно-политических мыслителей, но и многих крупных философов, писателей (Толстой, Достоевский, Соловьев, Сеченов, Кавелин, Тургенев и др.). Это предопределило широкое многообразие подходов к смертной казни – нравственно-правовой, политический, этический и т.д. Pro et contra смертной казни разделило российское интеллектуальное общество, что после начала бурной политической жизни в империи (1905 год), соответственно, размежевало и политические партии, а в ряде случаев превратило этот вопрос в водораздельную черту между близкими между собой политическими силами.

Борьба за отмену смертной казни стала одним из ключевых направлений в общественно-политической деятельности либеральных легалистов. Последние представляли собой объединение крупных чинов Российской империи второй половины XIX – начала XX вв., которые разделяли консервативно-либеральную идеологию (в основе ее лежали взгляды Б.Н. Чичерина). Либеральные легалисты были преимущественно представителями судебного и адвокатского корпуса, а также профессуры юридических факультетов.

Материалы и методы. Исследование основано на проблемно-хронологическом методе. Используя политические, полемические труды легалистов и архивные материалы мы выстраиваем картину этапов борьбы от формирования идеи о вреде смертной казни через активную фазу политической борьбы к поражению.

Применению высшей меры наказания в Российской империи преимущественно посвящены труды историков и юристов (историки права, криминологи). Однако обращает на себя внимание то, что центральными работами по данной теме служат исследования, в которых этот институт рассматривался в целом в контексте истории России (возникновение, эволюция и современное состояние) [2; 5; 25]. Исключение составляет специальная работа А.М. Рыкачева [18] а также серия публикаций Н.С. Таганцева. В советское время стоит выделить работу С.Г. Томсинского, в которой был проанализирован процесс принятия законопроекта об отмене казни в Государственной Думе в 1906 г. [22].

В настоящее время по теме есть специализированные работы. Среди прочих можно выделить статью А.С. Тумановой и Р.В. Мамцева, в которой авторы воссоздали содержание, и этапы общественной борьбы против смертной казни в Российской империи в начале XX века. Представляется немаловажным, что ученые предприняли попытку встроить данное движение в нарратив интеллектуально-правовой мысли Нового времени [23]. К сожалению, названные авторы в своей работе использовали лишь одну публикацию В.Д. Кузьмина-Караваева «Справка о смертной казни по русскому праву», которая носит справочный характер (почти половина статьи состоит из цитат профессоров И.А. Сикорского и Н.С. Таганцева). Еще одной основательной работой по теме является статья Е.П. Цумаревой, в ней автор, используя широкий круг исторических источников, структурировал доводы либеральной интеллигенции против высшей меры наказания, выделил основные составляющие проблемы смертной казни, также заслуживает уважение историографический обзор по научной проблеме [24]. Общим пробелом всех исследований по рассматриваемой теме на настоящий момент является игнорирова-

ние важной работы А.Ф. Кони «По вопросу о смертной казни» (текст доклада для Государственного совета, приблизительное время 1906 – 1907 гг.). Последнее обстоятельство объясняется тем, что данная работа была извлечена из ГАРФ и опубликована (введена в научный оборот) лишь в начале 2023 г. [7].

Анализ. В общественном дискурсе XIX в. проблема смертной казни почти не обсуждалась. Считалась, что это неприкосновенная прерогатива высшей власти. Одной из немногих сфер, где обсуждение было возможно, стала уголовно-правовая наука. Ученые юристы России после серии дискуссий стали склоняться к бессмысленности применения государственного убийства. Из юристов против смертной казни выступали: Н.С. Таганцев, А.Ф. Кони, Б.А. Кистяковский, Н.А. Неклюдов, Н.Д. Сергеевский, В.Д. Спасович, И.Я. Фойницкий, Л.Е. Владимиров, А.А. Пионтковский, А.А. Жижиленко, М.П. Чубинский, С.В. Познышев, В.Д. Набоков, М.Н. Гернет и пр. Защитников же было меньшинство: С.И. Баршев, А.В. Лохвицкий [21, с.12].

Стоит отметить, что среди праволиберальных деятелей, не существовало единства по вопросу о применении смертной казни. Так, если В.С. Соловьев (с христианских позиций) выступал против казни, то Б.Н. Чичерин, напротив, считал, что смертная казнь необходима как часть теории воздаяния (гегельянство). При этом его учитель К.Д. Кавелин с позиции либерализма считал, что казнь надо отменять [1, с.622].

Либеральные легалисты решительно выступали против смертной казни, аргументируя свою позицию с точки зрения научной, религиозной и нравственной. Н.В. Давыдов, М.М. Ковалевский, А.Ф. Кони, В.Д. Кузьмин-Караваев, Н.С. Таганцев сами были видными учеными-юристами, в этой связи научный подход к проблеме был для них естественен. Либеральные легалисты в своих публичных выступлениях и в печати неизменно ссылались на ведущих криминалистов начала XX века, для которых было ясно, что смертная казнь не только не устрашает потенциальных преступников (то есть не выполняет цели уголовного закона), а еще и ожесточает, а порой порождает новые преступления [8, с.111]. Либеральные юристы сопоставляли количество совершенных убийств с числом последовавших и действительно исполненных приговоров (в любой стране). И делали вывод, что применение смертной казни к преступнику, совершившему деяние, за которое угрожала исключительная мера – это один шанс на сто. Поэтому доказательно утверждали, что смертная казнь средство нецелесообразное и вредное в государственной машине [20, с.145]. Легалисты отмечали, что государство запрещает своим подданным убийства, считая их преступными, однако, само их совершает в форме узаконенной смертной казни. Тем самым, резюмировали они, в сущности – это прежняя кровавая месть, чудовищный закон талиона. В таком случае, государству надлежало бы за поджог наказывать поджогом, за насилие – таким же и т.д. [4, с.72]. Кроме того, легалисты обращали внимание на непоправимость данной меры наказания, то есть применение смертной казни, абсолютно исключает возможность исправления судебной ошибки. В этой связи они писали, что нельзя мертвецу вернуть жизнь, если он оказался невиновным (Н.С. Таганцев) [20, с.145], властное государство кончает существование человека, ставится точка, после которой ничто никогда не может быть изменено (В.Д. Кузьмин-Караваев) [10, с.180]. Тем самым они подчеркивали несправедли-

вость смертной казни. Они подкрепляли свои доводы мнением профессионального сообщества, будучи частью его, по «роковому вопросу». В частности, отмечали, что Киевский съезд русской группы международного союза криминалистов (4 января 1905 года) в своей резолюции фиксировал, что смертная казнь должна быть, безусловно исключена из уголовных законов, «так как нет таких интересов или соображений государственного характера, которые могли бы оправдать ее применение» [9, с.36].

А.Ф. Кони отрицал политический характер вопроса о смертной казни, он считал его нравственно-правовой проблемой, в основу которой, по его мнению, должны быть положены требования справедливости в тесной связи с этическими потребностями человеческой совести. В этой связи А.Ф. Кони не признавал соображения полезности, когда речь шла о насильственном лишении жизни человека [7, с.87].

Немаловажно обратить внимание на то, что легалисты рассматривали вопрос о смертной казни в Российской империи в контексте общеевропейских тенденций развития уголовного законодательства. В частности, А.Ф. Кони обращался к уголовным кодексам Италии, Голландии, Португалии, Румынии, восьми кантонам Швейцарии, в которых на тот момент смертная казнь была уже исключена из лестницы наказаний [7, с.88]. Н.С. Таганцев подробно анализировал уголовное законодательство европейских стран и прослеживал линию по отмене смертной казни, а в тех странах, где она еще сохранялась, он отмечал уменьшение ее применения. А последнее обстоятельство, по его мнению, объясняло сокращение убийств в этих юрисдикциях [20, с.103-120]. Н.В. Давыдов отмечал, что этот институт постепенно вымирает во всех культурных странах. По его данным в начале XX века в европейских странах его количество преступлений караемых смертной казнью сокращалось, смертные приговоры выносились все реже и реже, еще реже они утверждались, публичность смертной казни почти повсеместно отменялась [4, с.70]. Таким образом, можно констатировать, что либеральные легалисты были неотъемлемой частью европейской интеллектуально-правовой мысли и им был присущ европоцентричный подход к развитию российской государственности.

Либеральные легалисты по вопросу смертной казни выступали с христианских (гуманистических) позиций. Они подчеркивали, что высшая мера наказания представляет собой антипод христианской любви, сострадания и гуманности (А.Ф. Кони) [7, с.88], претит сознанию современного культурного человека (В.Д. Кузьмин-Караваев) [10, с.183], непримирима с учением Христа (Н.С. Таганцев) [20, с.126], противна Божеским велениям и высшему нравственному закону (Н.В. Давыдов) [4, с.68].

Легалисты уделяли большое внимание психологической составляющей применения смертной казни. Обращали внимание на то, что исключительная мера наказания действует разрушительно на психологическое, нравственное здоровье всего российского общества («повреждение нравов»). Н.С. Таганцев отмечал притупление нравственного чувства российского общества при чтении ежедневных сообщений о повешенных и расстрелянных. В этой связи он сокрушался, что еще совсем недавно с большим трудом находили желающих выполнять работу палача, им приходилось прятаться, их осуждали самые закоренелые негодяи, а в рассматриваемый период, стали находиться десятки желаю-

щих стать за небольшое вознаграждение заплечных дел мастером [20, с.99, 100]. Применение смертной казни, по мнению легалистов, ставит государство наравне с убийцами. Они задавались вопросом: «Как можно сопоставить преступление с актом государственной деятельности, актом правосудия?». При сохранении смертной казни, с позиции либеральных юристов, руки одинаково обагрены кровью и у преступника, и у государства [20, с.146]. Отмена смертной казни, по мнению легалистов, доказало бы российскому обществу, что государство обладает не только физической силой, но и духовной [4, с.74]. Наконец А.Ф. Кони обращал внимание, что у русского народа не было потребности в высшей мере наказания, а население относилось к профессии палача с ужасом и отвращением [7, с.95].

Сторонники смертной казни отстаивали применение высшей меры наказания при посягательстве на монарха, на его супругу и наследника престола. И они считали в этой связи смертную казнь эффективной мерой устрашения. Легалисты же парировали этот тезис тем, что политический фанатизм стоит рядом с религиозным. А значит, политический фанатик отдается полностью своей идее, он идет исполнить свой долг, как идет воин на поле сражения. И угроза казни политического фанатика не остановит [20, с.145]. По мнению легалистов у политических фанатиков мысль о наказании уходит на задний план, так же как и все слабеющий голос совести [7, с.89]. А.Ф. Кони в этой связи также утверждал, что нужно обращать внимание на психологию преступников этой категории. В частности, он указывал, что цареубийцы совершают преступления в тумане политического увлечения, в безумном экстазе перед поставленной целью. Преступники в этом случае уверены, что они жертвуют собой, они находятся в состоянии отверженности от своей личности и от земных благ, ими руководит гордыня, которая заставляет их думать, что они могут изменить ход истории и повернуть общественную жизнь в другое русло. Для политических преступников казнь – это своего рода торжество, чертоватое, по их мнению, последствиями и оставляющее неизгладимый след в истории [7, с.90-91,97]. В.Д. Кузьмин-Караваев также обращал внимание, что там, где есть политическое преступление, там – идея. Идея же порождает одухотворяющее действие (пусть даже преступное), а в этом случае нет конфликта между целью и средством. Приговоренный к смертной казни получает венец мученичества [10, с.181]. Поэтому, с позиции легалистов, и в этом случае исключительная мера наказания не выполняет своей цели – устрашения. А.Ф. Кони единственный из рассматриваемых общественно-политических деятелей не останавливался на последнем тезисе (чем среди своих единомышленников выделялся), а сделал еще один интеллектуальный шаг вперед. Он задумывался и рассуждал о том, что делать с молодым поколением, как его уберечь от ошибок и совершения убийств по политическим мотивам? Гуманист и моралист А.Ф. Кони обрушивался на современную ему церковь, общество, семью и школу. По его мнению, в храмах нет живого и животворного пасторского воздействия на души молодежи. В обществе нет осуждения убийств, совершаемых в отмщение, а не в защиту от нападающих. Нет широкого порицания жестокосердия и накопления злобы. Нет семьи, в которую мог прийти юноша за советом и нравственной помощью, сбиваемый с толку кровавой методологией кружковщины. Школа, по его мнению, вместо классической грамматики

должна давать ключевые понятия о праве, нравственности и истории, а также учить тому, что такое честь, любовь к Отечеству, через которое прививается уважение к человечеству и человеческому достоинству. По мнению А.Ф. Кони некому защитить ослепленного юношу, в то время, когда его будут убеждать, что он может помочь народному счастью, обогрив себе руки кровью [7, с.91]. Спасение молодежи он видел в комплексном ее воспитании (повышении уровня правосознания и правовой культуры), где в унисон должны «звучать голоса» церкви, общества, семьи и школы.

В.Д. Кузьмин-Караваев эмоционально и аргументировано критиковал практику военных судов в Российской империи в рассматриваемый период, которые выносили большую часть смертных приговоров в стране. Он подчеркивал, что никаких военно-полевых судов законодательство империи не предусматривало. В.Д. Кузьмин-Караваев акцентировал внимание, что введение военного положения не означает конец юстиции и введение военного суда для всех и за всё. Он приводил в своих работах процессуальные формы, без соблюдения которых невозможно было вынести исключительную меру наказания. При этом отмечал, что на практике повсеместно нарушалась процедура при вынесении смертных приговоров. Последние он называл расстрелами без суда или «по приговору фантастических полевых судов». Такое назначение смертной казни он квалифицировал как «преступное убийство» [12, с.76, 81].

С момента введения Судебных уставов 1864 года применение смертной казни сохранилось. По приговорам общих судов только за государственные преступления, а по приговорам военных судов за государственные преступления и некоторые общие преступления. Точной официальной статистики по применению смертной казни в Российской империи нет, однако, в научной литературе мы можем найти примерные данные, по которым мы можем проследить тенденции. В работе профессора Н.С. Таганцева приводятся следующие данные. С 1876 по 1900 годы было казнено 419 человек, то есть 16,5 в год. С 1901 по 1904 г. число казненных уменьшилось, всего было приведено в исполнение 67 смертных приговоров, то есть 15,4 в г. [20, с.90]. По данным профессора Н.В. Давыдова с 1888 по 1892 гг. не состоялась ни одной смертной казни (возможно, император Александр III был не только «миротворец», но и «всемиловитейший») [4, с.68]. В этой связи профессор Н.С. Таганцев делает вывод о том, что смертная казнь до 1905 г. в Российской империи была мерой исключительной [20, с.90; 32].

После принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845) смертная казнь сохранялась только по политическим, карантинным и воинским преступлениям. Комиссия статс-секретаря К.К. Грота в 1877 г. предлагала отнести смертную казнь не к общим, а к особым наказаниям. Редакционная комиссия Э.В. Фриша также поддержала решение. Но Госсовет все время отвергал изменение статуса казни, подчёркивая, тем не менее, исключительность этой меры. В Уголовном Уложении 1903 г. смертная казнь была сохранена за тяжкие преступления. По чрезвычайным актам 1890 – 1900-х гг. исключительное право применения смертной казни по большому кругу преступлений возлагалось на армию и полицию [20, с.91].

Всплеск применения смертной казни в дореволюционной России фиксируется с 1905 г. По разным источникам число смертных приговоров и их исполнение за период 1905 – 1908 г. отличается, однако, ясно, что их

было более 2 тысяч [20, с.91]. По данным МВД в 1905 году к смертной казни только военно-окружными судами было приговорено 72 человека, в 1906 – 450, в 1907 – 1056, в 1908 – 1741. Приговоры же были приведены в исполнении в отношении 1435 человек [31, л.762]. По приговорам военно-полевых судов за август 1906 - апрель 1907 г. было казнено 683 лица [26, л.4]. Эти цифры казались чем-то невероятным, огромным. Конечно, в то время, современники не могли знать, что приговоры советских военных трибуналов в 1930 – 1940-е гг. будут в среднем в год превосходить количество смертных приговоров в империи в 100 раз. Смертные приговоры активно обсуждались в печати. Идея смерти настолько проникла в общество, что люди играли в «смерть», а дети заигрывались до того, что применяли казни сверстников на практике. Каждый такой случай смаковался в прессе, что усиливало общее ощущение ужаса от «морального разложения» общества [26, л.4,10,21,22].

Резкий рост применения смертной казни после 1905 г. был обусловлен преимущественно деятельностью военной юстиции, к исключительной мере наказания военные суды приговаривали за нарушение воинской дисциплины и за убийство, за покушение на убийство или за нанесение ран чинам полиции всех степеней и т.д. [11, с.87]. В период масштабного применения высшей меры наказания разворачивается активная общественно-политическая борьба против нее в печати, на трибунах Государственной думы и Государственного совета.

Революция открыла возможность свободно говорить о жестоком наказании. В 1905 г. либеральное правительство Витте стало обсуждать вопрос об отмене смертной казни в России. 12 ноября премьер запросил министра юстиции С.С. Манухина дать доклад о целесообразности отмены смертной казни. В своем докладе от 1 декабря Манухин сообщал, что смертную казнь надо отменить. Так он приводил много аргументов за и против, и, в конечном счете, настаивал на ее отмене [33, л.1-10]. Позиция Манухина, судя по всему, стала одной из причин его отставки, последовавшей еще до падения кабинета Витте. Также сопротивление императора вызвало предложение барона А.А. Будберга отменить смертную казнь (октябрь 1905 года). Тем не менее, вопрос об отмене стал обсуждаться на заседаниях Совета министров в начале 1906 г. Понимая отношение императора Витте, стремился упорядочить применение казни, а не отменить ее. При этом с его подачи было отвергнуто введение военно-полевых судов. Порядок применения казни был унифицирован и определен, компетенция военных судов сокращалась. Что интересно, против принятия проекта выступили, в первую очередь праволиберальные политики: министры А.Д. Оболенский и В.И. Тимирязев и легалист Н.С. Таганцев. Мотивом протеста послужило то, что не нужно регулировать вопрос о смертной казни - нужно ее вовсе отменить. Госсовет поддержал премьера. Однако император отказался подписывать новый порядок применения смертной казни [3, с.246-247; 6, с.406-408; 19, с.100,113-115,158,184-190,263].

П.А. Гейден, лидер новой либеральной партии и легалист в апреле 1906 года выступил против немедленного принятия закона об отмене смертной казни. Пусть решает император. В программе партии мирного обновления (ПМО) (весна 1906) пункт 24 именовал: «Смертная казнь отменяется навсегда» [15, с.187]. Нерешительность лидеров консервативных либералов в вопросе

о смертной казни привела к тому, что проект об ее отмене внесли кадеты – В.Д. Набоков. Предложение об ее отмене было включено в ответный адрес императору. Причем "за" высказалась вся Госдума, за исключением одного депутата. В поддержку законопроекта пламенно выступил Кузьмин-Караваев. По его утверждению "нельзя говорить за что? - надо говорить - зачем?" Однако министры и император проигнорировали требование Госдумы. Тогда 18 мая партия кадетов подготовила короткий проект закона об отмене казни, из двух пунктов.

Депутаты ссылались на работу комиссии 1880-х гг. по УУ, предлагающую отменить смертную казнь. Проект отмены рассмотрели в комиссии Госдумы и единогласно поддержали отмену. В июне поступили заключения от трех министерств, в которых предлагалось не торопиться с принятием "сложного" законопроекта. На заседаниях Думы основным докладчиком выступал Набоков. 19 июня Кузьмин-Караваев вновь защищал отмену смертной казни указывая, что казни политических врагов режима лишь создают им популярность. Ему возражал министр юстиции Щегловитов, указавший, что смертная казнь защищает государственных служащих. Попытка защиты сурового наказания со стороны главных военно-морского и военного прокуроров сопровождалась скандалами и протестами. Затем либеральные депутаты по частям "разбили" все доводы официальных лиц.

Немедленно сформированная комиссия 15-ти (в ней участвовали, в числе прочих Кузьмин-Караваев, М. Ковалевский и много кадетов) представила Думе законопроект из двух статей. Госдума успела утвердить проект (это был единственный закон, который парламент вообще успел принять) и направить его в Госсовет. В конце июня там состоялось обсуждение. В его защиту пламенно выступил Н.С. Таганцев. Была сформирована комиссия по рассмотрению проекта. В ее состав вновь включили 15 человек, в том числе таких сторонников отмены, легалистов, как А.А. Сабуров (председатель), Н.С. Таганцев, С.Ф. Платонов, С.С. Манухин и пр. Старый "враг" смертной казни Таганцев два часа выступал с пламенной речью против ее применения. Возникла вероятность положительного решения комиссии по проекту об отмене смертной казни. В 1906 году председатель Думы С.А. Муромцев подготовил воззвание об отмене смертной казни. К нему присоединились многие общественные деятели. Члены Госсовета Н.С. Таганцев, С.В. Иванов и генерал Косач составили воззвание с просьбой об отмене смертной казни [16, с.75-88; 28, л.4; 29, л.1,12]. В 1907 г. новый состав Госсовета рассмотрел проект и отверг отмену казни.

В июле 1906 г. во время переговоров о формировании "ответственного министерства" А.Ф. Кони направил премьеру Столыпину программу реформ, которая включала, в том числе отмену смертной казни. Во время приема у премьера Кони на вопрос об отмене смертной казни получил категорический отказ [17]. Это стало одной из основных причин отказа Кони от поста министра юстиции. Также Столыпин об отмене казни запрашивали другие потенциальные участники либерального правительства (Стахович и пр.).

Внутри новой либерально-консервативной партии Союз 17 октября назревал внутренний конфликт. И именно по вопросу о смертной казни. А.И. Гучков заявлял о поддержке правительства в вопросе о применении казни к революционерам. В конце концов, в октябре 1906 г. Гучков направил Е.Н. Трубецкому письмо

с обоснованием необходимости применения смертной казни. Публикация письма вызвала скандал. Ее первым следствием стал выход из партии ее основателя Д.Н. Шипова, который перешел в ПМО [35, л.184].

В октябре 1906 г. вышла статья В.Д. Набокова. Изучая, ее князь Е.Н. Трубецкой усмотрел в ней скрытое одобрение террора. Ухватившись за мнимое иезуитство (по выражению князя), лидер мирнообновленцев яростно напал на своих бывших союзников без конца педалируя их двуличие. Кадетам пришлось много месяцев оправдываться, объясняя, что ни о каком одобрении убийств в статье Набокова не говорится. Сам Трубецкой уже через два дня извинялся, что он был "дезинформирован". Так или иначе, выпад Трубецкого помогал легалистам размежеваться и отмежеваться от кадетов по принципиальному вопросу [36, л.229,241,256,282,287].

21 октября 1906 года в газете "Страна" была опубликована программа партии демократических реформ (М.М. Ковалевский). Пункт 6 программы значил: "Смертная казнь подлежит отмене" [36, л.45]. Название Партии мирного обновления было выбрано не случайно. Е.Н. Трубецкой 23 декабря 1906 г. на дебатах во всеуслышание заявил, что одна из главных целей партии - прекращение всякого насилия. Таким образом, борьба с насилием и отмена смертной казни стали одной из главных целей партии. Так как партия "топталась" на одном поле с кадетами и октябристами было важно размежеваться с ними. Трубецкой указывал, что октябристы говорят о "свободе мнений" по казни, то есть допускают ее. Кадеты осуждают смертную казнь, но не выражают своего отрицательного отношения к политическим убийствам слева. Таким образом, они нивелируют запрет на смертную казнь. Отвергая возражения кадетов на доклад князя, его активно поддержали Григорий Трубецкой и К.К. Арсеньев [34, л.36,38; 37, л.237-243,264]. Вскоре кадеты и трудовики зимой 1906-1907 гг. энергично возражали тезисам Трубецкого, косвенно подтверждая возможность политических убийств. Вообще в преддверии выборов во 2-ю Государственную Думу на политических площадках (например, в Тенишевском училище) вопрос о смертной казни обсуждался особенно бурно.

19 марта 1907 г. 2-я Госдума вновь стала рассматривать законопроект об отмене смертной казни. Но в итоге проект стадии рассмотрения не прошел [14, с.180].

Новый законопроект об отмене смертной казни был внесен в Госдуму 19 июня 1908 г. Его подписали 103 человека. Он был передан в комиссию по судебной реформе. Но комиссия решила, что ей нельзя вмешиваться в военно-уголовные законы и отвергла проект [21, с.13]. Тем не менее, либеральная общественность не успокаивалась. Летом 1908 года поднялась волна требований об отмене казни. Инициативная группа создания "Лиги борьбы против смертной казни имени Л.Н. Толстого" подготовила новое воззвание "К русскому обществу". В ней с правовой, психологической, философской, моральной, религиозной точек зрения развенчивалась необходимость применения смертной казни. Воззвание собрало сотни подписей общественных деятелей. В числе подписантов были легалисты: К.К. Арсеньев, Л. Бабунов, М.В. Голицын, А.А. Жижиленко, С.В. Иванов, И.И. Иванюков, В.Д. Кузьмин-Караваев, Н.С. Таганцев, И.И. Толстой, Е.Н. Трубецкой, С.Д. Урусов, Д.Н. Шипов. Большинство же подписантов составили члены кадетской партии (тоже зачастую юристы) или их симпатизанты [30, л.1-3].

19 февраля 1909 г. группа общественных деятелей (В.Д. Кузьмин-Караваев, М.М. Ковалевский, В.Д. Набоков, Н.Н. Львов, А.И. Шингарев, С.Н. Прокопович, В.А. Маклаков и пр.) подали заявление на регистрацию Лиги. Целью Лиги хотели сделать пропаганду в России отмену смертной казни законодательным путем. С этой целью Лига собиралась собирать данные о применении смертной казни, издавать публикаций по проблеме, проводить конференции. В состав общества не включалась учащаяся молодежь. Члены должны были платить взносы. Предполагалось сформировать общее собрание и Правление. Лидерами общества должны были стать Кузьмин-Караваев и Набоков. Аналогичное общество пытались создать в Москве.

Попытка создания лиги борьбы против смертной казни провалилась. Сначала отказ в регистрации был получен в Москве. 17 марта 1909 г. лига не прошла утверждение в Санкт-Петербургском присутствии по делам об обществах и союзах по мотиву "незаконности" целей лиги, со ссылкой на статью 6 Временных правил (1906) "О союзах и обществах". Якобы борьба против смертной казни означала борьбу с законными установлениями империи. Также придирались к мелким техническим нормам Устава. Попытки В.Д. Набокова с правовых позиций переубедить членов присутствия ни к чему не привели. Юристы тут же обжаловали постановление в 1-й Департамент Сената. Они указывали, что прекращение любой пропаганды за изменение законов означает прекращение политической деятельности и отмену свободы слова. Далее вопрос очень долго рассматривался в Сенате. Лига так и не была создана [31, л.865; 38, л.1-13]. В 1913 г. Таганцев выпустил книгу "Смертная казнь", в которой он вновь страстно выступал за ее отмену. Тем не менее, тема отмены казни постепенно затухала и почти перестала обсуждаться в интеллигентских кругах.

Наконец 12 марта 1917 г. Временное Правительство, состоящее почти целиком из либералов, отменило в России смертную казнь. Легалисты приветствовали. Например, в апреле 1917 г. Кузьмин-Караваев выступил с радостной речью об отмене казни. Ему вторили

С.Н. Карабчевский, К.К. Арсеньев, Н.С. Таганцев и другие "ветераны" борьбы за отмену казни [26, л.127; 27, л.51]. Уже через четыре месяца смертная казнь была возвращена.

Результаты. Либеральные легалисты всесторонне проанализировали институт смертной казни в Российской империи (в контексте общеевропейских тенденций развития уголовного права) и практику его применения. С научной точки зрения они доказывали, что смертная казнь не являлась эффективным способом борьбы с преступностью, особенно, в части политических убийств. Также отмечали неприемлемость высшей меры наказания с религиозной (христианской) позиции. Кроме того, легалисты рассматривали смертную казнь через призму социокультурно-ценностного измерения. И сделали принципиальные выводы о том, что смертная казнь действовала деструктивно на нравственное здоровье общества (часто провоцируя насилие) и высшая мера наказания не являлась потребностью русского народа.

В выводах либеральных легалистов о среднесрочной перспективе отмены смертной казни в России мы можем увидеть идеалистические черты. Они искренне верили в начале XX в., что совсем скоро наступит то время, когда их потомкам будет казаться странным спор о целесообразности смертной казни, как например, спор о необходимости и справедливости колесования или сожжения преступников, а исключительная мера наказания исчезнет из уголовных кодексов [20, с.139].

Вопрос о смертной казни - вопрос принципиальный для легалистов позволяет нам определить их положение в политической системе империи в начале XX века. Их оппоненты справа - октябристы поддерживали смертную казнь, осуждали революционный террор. Оппоненты слева - кадеты - осуждали смертную казнь и косвенно соглашались с террором. Легалисты, исходя из своих убеждений (либерально-христианских) и не считаясь с политическим интересом, оказались наиболее последовательной группой, добивающейся безусловного запрета смертной казни.

Литература

1. Валицкий А. Философия права русского либерализма. М.: Мысль, 2012. 567 с.
2. Викторский С. К. История смертной казни в России и современное ее состояние. М.: Тип. Моск. ун-та, 1912. 387 с.
3. Витте С. Ю. Воспоминания. Т.2. Л.: Гос. изд-во, 1924. 518 с.
4. Давыдов Н. В. Смертная казнь // Против смертной казни. Сб. ст. по ред. М. Н. Гернета. М.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1906. С. 68-74.
5. Жильцов С. В. Смертная казнь в истории России. М.: Зерцало-М, 2002. 464 с.
6. Ильин С. В. Витте. 2-е изд. М. Молодая гвардия, 2012. 511 с.
7. Кони А. Ф. Юридические исследования / ред.-сост. А. Я. Кодинцев, Д. В. Рыбин, Е. Ю. Плужникова; авт. вступ. ст. А. Я. Кодинцев, Д. В. Рыбин. СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2023. 332 с.
8. Кузьмин-Караваев В. Д. Еще о смертной казни // Из эпохи освободительного движения. До 17 октября 1905 года. Т.1. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1907. С. 111-114.
9. Кузьмин-Караваев В. Д. Справка о смертной казни по русскому праву // Из эпохи освободительного движения. До 17 октября 1905 года. Т.1. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1907. С. 34-42.
10. Кузьмин-Караваев В. Д. Смертная казнь // Из эпохи освободительного движения. До 17 октября 1905 года. Т.1. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1907. С. 179-183.
11. Кузьмин-Караваев В. Д. Наказание смертью несовершеннолетних // Из эпохи освободительного движения. До 17 октября 1905 года. Т.1. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1907. С. 87-90.
12. Кузьмин-Караваев В. Д. Вопиющее беззаконие // Против смертной казни. М.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1906. С. 76-81.
13. Либерализм: pro et contra, антология. СПб.: РХГА, 2016.
14. Маклаков В. А. Вторая Государственная Дума. Воспоминания современника. 20 февраля - 2 июня 1907 г. М.: Центрполиграф, 2006. 333 с.
15. Партия мирного обновления. Ее образование и деятельность в первой Государственной Думе. СПб.: типо-лит. п/ф. "Эл.-тип. Н. Я. Стойковой", 1907. 194 с.
16. Первая Государственная Дума. Выпуск 2. Законодательная работа. Сб. ст. СПб.: издание А. А. Муханова и В. Д. Набокова, 1907. 231 с.
17. Рыбин Д. В. К вопросу о формировании ответственного правительства (министерства) Витте - Столыпина: факты и их интерпретация // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2024. № 1. С. 117-133.

18. Рыкачев А. М. Вопрос об отмене смертной казни в Государственной думе. М.: Нар. Право, 1906. 32 с.
19. Совет министров Российской империи. 1905-1906 гг. Документы и материалы. Л.: Наука, 1990. 478 с.
20. Таганцев Н. С. Смертная казнь. Сборник статей Н. С. Таганцева. СПб: Государственная Типография, 1913. 177 с.
21. Таганцев Н. С. Отмена смертной казни // Журнал Министерства Юстиции. 1917. № 4. С.12-13.
22. Томсинский С. Г. Борьба классов и партий во второй Государственной думе. М.: Красная новь, 1924. 173 с.
23. Туманова А. С., Мамцев Р. В. Движение за отмену смертной казни в Российской империи начала XX в.: политико-правовой аспект // Правосудие. 2024. Т. 6. № 1. С. 34–46.
24. Цумарева Е. П. К вопросу о борьбе либеральной интеллигенции за отмену смертной казни в Российской империи в период первой русской революции // Интеллигенция и мир. 2023. № 2. С. 50-67.
25. Шишов О. Ф. Смертная казнь в истории России // Смертная казнь: за и против. М.: Юридическая литература, 1989. С. 10-96.
26. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.539. Оп.1. Д.165.
27. ГАРФ. Ф.539. Оп.1. Д.1310.
28. ГАРФ. Ф.539. Оп.1. Д.1411.
29. ГАРФ. Ф.564. Оп.1. Д.693.
30. ГАРФ. Ф.569. Оп.23. Д.86.
31. ГАРФ. Ф.1723. Оп.2. Д.101.
32. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1405. Оп.542. Д.1330.
33. РГИА. Ф. 1405. Оп.543. Д.1264.
34. РГИА. Ф.1470. Оп.1. Д.245.
35. РГИА. Ф.1470. Оп.1. Д.246.
36. РГИА. Ф.1470. Оп.1. Д.247.
37. РГИА. Ф.1470. Оп.1. Д.253.
38. Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга. Ф.287. Оп.1. Д.103.

References

1. Valitsky A. Philosophy of Law of Russian Liberalism. Moscow: Mysl; 2012. 567 p. (In Russ.).
2. Viktorsky SK. History of the Death Penalty in Russia and its Current State. Moscow: Type. Moscow University, 1912. 387 p. (In Russ.).
3. Witte SYu. Memories. Vol. 2. Leningrad: State Publishing House; 1924. 518 p. (In Russ.).
4. Davydov NV. Death Penalty. Against the Death Penalty. Collection of Articles edited by M.N. Gernet. Moscow: Printing House of Comrade ID Sytin; 1906. P. 68-74. (In Russ.).
5. Zhiltsov SV. Death Penalty in the History of Russia. Moscow: Zertsalo-M; 2002. 464 p. (In Russ.).
6. Ilyin SV. Witte. Moscow: Molodaya Gvardiya; 2012. 511 p. (In Russ.).
7. Koni AF. Legal Studies. Ed. and comp. by AYa Kodintsev, DV Rybin, EYu Pluzhnikova; author of the introduction. AYa Kodintsev, DV Rybin. St. Petersburg: St. Petersburg Institute (Branch) of VSUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia); 2023. 332 p. (In Russ.).
8. Kuzmin-Karavaev V.D. More on the Death Penalty. From the Era of the Liberation Movement. Before October 17, 1905. Vol. 1. St. Petersburg: printing house M. Stasyulevich. 1907. p. 111-114. (In Russ.).
9. Kuzmin-Karavaev VD. Certificate of the death penalty under Russian law. From the era of the liberation movement. Before October 17, 1905. Vol. 1. St. Petersburg: M. Stasyulevich printing house; 1907. P. 34-42. (In Russ.).
10. Kuzmin-Karavaev VD. Death penalty. From the era of the liberation movement. Before October 17, 1905. Vol. 1. St. Petersburg: type. M. Stasyulevich printing house; 1907. P. 179-183. (In Russ.).
11. Kuzmin-Karavaev VD. Punishment by death of minors. From the era of the liberation movement. Before October 17, 1905. Vol. 1. St. Petersburg: M. Stasyulevich printing house; 1907. Pp. 87-90. (In Russ.).
12. Kuzmin-Karavaev VD. Blatant Lawlessness. Against the Death Penalty. Moscow; 1906. Pp. 76-81. (In Russ.).
13. Liberalism: pro et contra, anthology. St. Petersburg: RHGA; 2016. (In Russ.).
14. Maklakov VA. The Second State Duma. Memories of a contemporary. February 20 - June 2, 1907. Moscow: Centerpoligraf; 2006. 333 p. (In Russ.).
15. The Party of Peaceful Renewal. Its formation and activities in the First State Duma. St. Petersburg: 1907. 194 p. (In Russ.).
16. The First State Duma. Issue 2. Legislative work. Coll. of articles. St. Petersburg: published by AA Mukhanov and VD Nabokov, 1907. 231 p. (In Russ.).
17. Rybin DV. On the Formation of the Responsible Government (Ministry) of Witte - Stolypin: Facts and Their Interpretation. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2024;(1):117-133. (In Russ.).
18. Rykachev AM. The Question of the Abolition of the Death Penalty in the State Duma. Moscow: People's Law. 1906. 32 p. (In Russ.).
19. Council of Ministers of the Russian Empire. 1905-1906. Documents and Materials. Leningrad: Science, 1990. 478 p. (In Russ.).
20. Tagantsev NS. Death Penalty. Collection of articles by N. S. Tagantsev. St. Petersburg: State Printing House, 1913. 177 p. (In Russ.).
21. Tagantsev NS. Abolition of the death penalty. *Zhurnal Ministerstva Yustitsii*. 1917;4:12-13. (In Russ.).
22. Tomsinsky SG. Struggle of classes and parties in the Second State Duma. Moscow: Krasnaya Nov, 1924. 173 p. (In Russ.).
23. Tumanova AS, Mamtsev RV. Movement for the abolition of the death penalty in the Russian Empire at the beginning of the 20th century: political and legal aspect. *Pravosudiye*. 2024;6(1):34-46. (In Russ.).
24. Tsumareva EP. On the issue of the struggle of the liberal intelligentsia for the abolition of the death penalty in the Russian Empire during the first Russian revolution. *Intelligentsiya i mir*. 2023;(2):50-67. (In Russ.).
25. Shishov OF. The Death Penalty in the History of Russia. The Death Penalty: Pros and Cons. Moscow: Legal Literature; 1989. P. 10-96. (In Russ.).
26. State Archives of the Russian Federation (GARF). F.539. Inv.1. D.165. (In Russ.).
27. GARF. F.539. Inv.1. D.1310. (In Russ.).
28. GARF. F.539. Inv.1. D.1411. (In Russ.).
29. GARF. F.564. Inv.1. D.693. (In Russ.).
30. GARF. F.569. Inv.23. D.86. (In Russ.).
31. GARF. F.1723. Inv.2. D.101. (In Russ.).
32. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1405. Inv. 542. D.1330. (In Russ.).
33. RGIA. F. 1405. Inv. 543. D.1264. (In Russ.).
34. RGIA. F.1470. Inv.1. D.245. (In Russ.).
35. RGIA. F.1470. Inv.1. D.246. (In Russ.).
36. RGIA. F.1470. Inv.1. D.247. (In Russ.).
37. RGIA. F.1470. Inv.1. D.253. (In Russ.).
38. Central State Archives of St. Petersburg. F.287. Inv.1. D.103. (In Russ.).

Научная статья

УДК 327(479.22):351.86

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.14>

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В ПОЛИТИКЕ ГРУЗИИ (2012 – 2022 ГГ.)

Батраз Гарикович Таучелов¹, Елизавета Георгиевна Макиева^{2*}

^{1,2} Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова (д. 44-46, ул. Ватутина 362000, Владикавказ, РСО-Алания, Российская Федерация)

¹ Соискатель
tauchelov2020@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0006-8148-9750>

² Кандидат исторических наук, доцент
lisa.elizaveta94@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-8958-7657>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Статья посвящена исследованию вопросов безопасности на Южном Кавказе в контексте политики Грузии за период 2012 – 2022 гг. Регион, находящийся на пересечении интересов крупных международных и региональных акторов, оставался зоной постоянной напряженности. Политическая нестабильность и внешнее вмешательство западных структур, таких как НАТО и ЕС, способствовали обострению этнополитических конфликтов. Основное внимание в статье уделено анализу влияния западных сил на региональную политику Грузии и поиску мирных решений, направленных на обеспечение безопасности в условиях сложных международных реалий. **Материалы и методы.** Исследование основано на сравнительном анализе и политической ретроспекции. Основными источниками выступают официальные документы Грузии по вопросам безопасности, а также отчеты международных организаций. Особое внимание уделено взаимодействию Грузии с НАТО и ЕС, чья политика зачастую приводила к росту напряженности в регионе и эскалации конфликтов, несмотря на их заявленные мирные инициативы. **Анализ.** Основными вызовами для Грузии оставались этнополитические конфликты в Абхазии и Южной Осетии, усугубляемые западной политикой вмешательства. Вместо того чтобы искать истинно нейтральные пути решения, Грузия активизировала сотрудничество с НАТО и ЕС, что лишь усилило региональные противоречия. Несмотря на развитие транспортных и энергетических про-

ектов, стремление к евроатлантической интеграции создавало дополнительные риски для стабильности в регионе. **Результаты.** В исследуемый период Грузия, опираясь на западные структуры, добилась определенных успехов в международных контактах. Однако нерешенные конфликты и напряженные отношения с Россией продолжали угрожать стабильности. Политика зависимости от Запада, нацеленная на укрепление безопасности, привела к углублению геополитической нестабильности, что подчеркивало риски избранного внешнеполитического курса Грузии.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Грузия, безопасность, этнополитические конфликты, НАТО, ЕС, внешняя политика, геополитическая нестабильность

Для цитирования: Таучелов Б. Г., Макиева Е. Г. Проблема безопасности на Южном Кавказе в политике Грузии (2012 – 2022 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 116–121. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.14>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 14.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 21.03.2025.

Статья принята к публикации: 25.03.2025.

Research article

THE SECURITY ISSUE IN THE SOUTH CAUCASUS IN THE POLICY OF GEORGIA (2012 – 2022)

Batraz G. Tauchelov¹, Elisaveta G. Makieva^{2*}

^{1,2} North Ossetian State University after K. L. Khetagurov (44-46, Vatutin St., Vladikavkaz, 362000, RSO-Alania, Russian Federation)

¹ PhD applicant
tauchelov2020@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0006-8148-9750>

² Cand. Sc. (History), Associate Professor
lisa.elizaveta94@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-8958-7657>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The article focuses on the study of security issues in the South Caucasus in the context of the policy of Georgia from 2012 to 2022. The region, situated at the crossroads of interests of major international and regional actors, remained a zone of constant tension. Political instability and external intervention by Western structures such as NATO and the EU contributed to the exacerbation of ethno-political conflicts. The article primarily analyzes the influence of Western powers on Georgia's regional policy and the search for peaceful solutions aimed at ensuring security in complex international conditions. **Materials and Methods.** The research is based on comparative analysis and political retrospection. The main sources include official Georgian documents on security issues as well as reports from international organizations. Special attention is given to interaction of Georgia with NATO and the EU, whose policies

often led to increased tension in the region and the escalation of conflicts, despite their stated peaceful intentions. **Analysis.** The main challenges for Georgia remained the ethno-political conflicts in Abkhazia and South Ossetia, which were aggravated by Western interventionist policies. Instead of seeking truly neutral solutions, Georgia intensified its cooperation with NATO and the EU, further deepening regional contradictions. Despite the development of transport and energy projects, the drive for Euro-Atlantic integration created additional risks for regional stability. **Results.** During the studied period, Georgia, relying on Western structures, achieved certain successes in international contacts. However, unresolved conflicts and strained relations with Russia continued to threaten stability. The dependence of Georgia on Western policies, aimed at strengthening security, resulted in deeper geopolitical instability, highlighting the risks of its chosen foreign policy course.

© Таучелов Б. Г., Макиева Е. Г., 2025

Keywords: South Caucasus, Georgia, security, ethno-political conflicts, NATO, EU, foreign policy, geopolitical instability

For citation: Tauchelov BG, Makieva EG. The security issue in the South Caucasus in the policy of Georgia (2012 – 2022). *Humanities and law research*. 2025;12(1):116-121. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.14>

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interests.

Введение. Проблема безопасности на Южном Кавказе является одной из ключевых в международной политике, поскольку этот регион находится на пересечении интересов крупных мировых и региональных акторов, таких как Россия, Турция, Иран, страны Запада и международных организаций, включая НАТО и Европейский Союз [3, с. 203]. На протяжении многих лет Южный Кавказ остается зоной постоянной напряженности, что обусловлено исторически сложившимися этнополитическими конфликтами, нерешенными территориальными спорами и отсутствием устойчивых механизмов мирного урегулирования. В этих условиях вопросы безопасности приобретают особую актуальность для Грузии, которая стремится выстроить свою внешнеполитическую стратегию с учетом сложной геополитической обстановки.

В период 2012–2022 гг. политика Грузии была направлена на укрепление национальной безопасности и поиск решений, способствующих стабилизации ситуации в регионе. Этот период характеризовался активизацией дипломатических усилий, направленных на интеграцию с евроатлантическими структурами, что рассматривалось Тбилиси как важный фактор в обеспечении защиты от внешних угроз и повышения международного статуса страны. Однако такая стратегия сопровождалась значительными вызовами, связанными с противодействием со стороны России и ухудшением отношений с бывшими автономными регионами Абхазии и Южной Осетии.

Значительная часть региональной политики Грузии в этот период была сосредоточена на укреплении связей с НАТО и ЕС, а также на развитии региональных транспортных и энергетических проектов. В то же время влияние западных акторов в регионе нередко провоцировало рост напряженности, что осложняло процесс мирного урегулирования конфликтов и создавало дополнительные вызовы для стабильности. В данном исследовании анализируются ключевые аспекты региональной политики Грузии, ее стремление сбалансировать интересы различных глобальных игроков и укрепить собственную безопасность в условиях постоянных вызовов и геополитической нестабильности.

Материалы и методы. В данном исследовании используются методы сравнительного анализа, историко-политической ретроспекции и содержательного анализа документов. Основным материалом для исследования послужили официальные документы Грузии, касающиеся национальной безопасности и внешней политики в период с 2012 по 2022 гг. [6; 9; 12; 14; 15; 18]. Особое внимание уделено стратегическим планам и доктринам, касающимся региональной безопасности и сотрудничества с международными организациями, такими как НАТО и Европейский Союз. Важным источником информации также стали аналитические отчеты международных организаций, исследующие проблемы безопасности на Южном Кавказе [13; 16; 17]. Помимо этого, использовались научные публикации о проблемах безопасности на Южном Кавказе [3; 4; 7]. Применение метода сравнительного анализа позволило выявить изменения в политике Грузии в разные годы, а политическая ретроспекция помогла проследить влияние исторических факторов на современные решения.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 14.01.2025.

The article was approved after reviewing: 21.03.2025.

The article was accepted for publication: 25.03.2025.

Анализ. Евроатлантический курс Грузии после прихода к власти коалиции «Грузинская мечта» оставался важным направлением её внешней политики, ориентированной на интеграцию в НАТО и Европейский Союз. Несмотря на провозглашённые цели по укреплению безопасности, демократизации и модернизации экономики, реальность показала, что эти усилия часто приводили к усилению зависимости от западных структур, утрате суверенитета и дестабилизации отношений с ключевыми соседями, особенно с Россией.

Активное взаимодействие с НАТО, начавшееся ещё в 2000-е гг., усилилось с 2012 г., когда Грузия значительно ускорила свои усилия по присоединению к Альянсу. Однако эта политика с самого начала вызвала серьёзные вопросы о её обоснованности и целесообразности для самой Грузии. Стремление выполнить условия НАТО, включая военные реформы и модернизацию вооружённых сил, привело к существенным затратам на оборонные нужды, в то время как реальная безопасность страны не улучшилась.

Западные партнёры, несмотря на риторику поддержки, не предоставили Грузии реальных гарантий членства в НАТО, что свидетельствует о том, что их интересы в первую очередь касаются расширения влияния на постсоветском пространстве, а не реальной помощи Тбилиси. Более того, действия Грузии, направленные на сближение с Альянсом, только усилили противоречия с Россией, что в итоге привело к негативным последствиям для региональной стабильности [4, с. 343]. Таким образом, несмотря на декларации о совместной безопасности, Запад фактически использовал Грузию в своих геополитических интересах, не предлагая реальных решений её безопасности.

Попытки Грузии интегрироваться в ЕС также оказались не столь выгодными, как это первоначально представлялось. Подписание Соглашения об ассоциации с ЕС в 2014 г. [12] и дальнейшая либерализация экономики привели к росту зависимости Грузии от европейских рынков и западных финансовых структур. Политика Европейского Союза, под видом поддержки демократических и экономических реформ, фактически навязывала Грузии модель развития, которая не учитывала национальные особенности и нужды местного населения.

Одним из наиболее символических, но поверхностных шагов стало введение безвизового режима с ЕС в 2017 году [14]. Хотя это событие преподносилось как важное достижение, оно не решило ключевых проблем, с которыми сталкивалась Грузия. Экономические и политические реформы, требуемые ЕС, зачастую приводили к внутренним социальным проблемам, включая рост неравенства и усиление влияния иностранных корпораций на стратегические отрасли экономики Грузии.

Активное сотрудничество с Международным валютным фондом (МВФ), Всемирным банком и Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР) в реальности усиливало экономическую зависимость Грузии от западных финансовых структур. Эти организации часто навязывали

зывали стране экономическую политику, ориентированную на интересы внешних инвесторов, что приводило к приватизации национальных ресурсов и ослаблению контроля государства над собственной экономикой.

Кроме того, участие Грузии в таких проектах, как Южный газовый коридор [16, p.132], имело целью не столько развитие экономики страны, сколько обеспечение энергетической безопасности Европы в противовес российским интересам. Грузия оказалась втянута в этот проект как транзитное государство, играющее второстепенную роль в глобальных энергетических играх Запада.

Стратегический курс на интеграцию с НАТО и ЕС имел далеко не однозначные последствия для безопасности Грузии. Хотя Запад обещал усилить обороноспособность страны, предоставляя доступ к военным технологиям и политической поддержке, эти действия привели к нарастанию напряжённости в регионе и ухудшению отношений с Россией. Модернизация вооружённых сил по стандартам НАТО и участие в международных военных миссиях Альянса только углубляли противоречия с Москвой, которая воспринимала такие шаги как прямую угрозу своей безопасности.

Попытки Грузии сблизиться с НАТО фактически провоцировали Россию на ответные меры, включая поддержку этнополитических движений в Абхазии и Южной Осетии. В результате этого евроатлантического курса Грузия оказалась в положении государства, которое теряет свои позиции в регионе и сталкивается с возрастающими угрозами со стороны сильного соседа. Несмотря на обещания Запада о помощи, конкретные шаги по защите Грузии так и не были предприняты, оставив страну один на один с геополитическими вызовами.

В период с 2012 по 2023 год Россия играла ключевую роль в формировании региональной политики на Южном Кавказе, придерживаясь стратегии, направленной на обеспечение стабильности и защиту своих национальных интересов в регионе. Российская политика в отношении Грузии и Южного Кавказа была обусловлена необходимостью противодействия попыткам Запада расширить своё влияние в этом стратегически важном районе, который исторически находился в сфере российских интересов.

Основной целью российской политики в отношении Южного Кавказа в указанный период было поддержание стабильности и предотвращение экспансии НАТО и Европейского Союза в регионе. Москва активно противодействовала евроатлантическому курсу Грузии, воспринимая его как прямую угрозу своей безопасности и региональной стабильности. В этой связи Россия использовала комплекс мер, включая политическое и экономическое давление, а также военное сдерживание, чтобы не допустить вступления Грузии в западные военно-политические блоки.

Россия последовательно укрепляла своё стратегическое партнёрство с Абхазией и Южной Осетией, обеспечивая их безопасность и экономическое развитие. После признания независимости этих республик в 2008 г. Москва подписала с ними ряд соглашений о военном сотрудничестве и интеграции [10; 11; 2; 8], что включало размещение российских военных баз на их территории и создание совместных группировок войск. Эти действия были направлены на предотвращение возможных военных провокаций со стороны Грузии и её западных союзников.

Процесс евроатлантической интеграции Грузии, активно поддерживаемый Западом, вызвал резкую реак-

цию со стороны России. Москва воспринимала стремление Тбилиси к вступлению в НАТО и ЕС как попытку Запада создать военный плацдарм у своих границ и дестабилизировать обстановку на Южном Кавказе. В ответ на это Россия усилила своё военное присутствие в регионе, а также активизировала поддержку политических сил и движений в Грузии, выступающих против западной ориентации страны.

Кроме того, Россия использовала экономические рычаги для воздействия на Грузию. Это включало введение торговых ограничений и эмбарго на грузинскую продукцию, что нанесло ощутимый удар по экономике страны, которая сильно зависела от российского рынка [7, с. 75–76]. Однако Москва также предложила Тбилиси возможность экономического сотрудничества и восстановления торговых связей в обмен на отказ от курса на интеграцию с НАТО и ЕС, подчёркивая, что сотрудничество с Россией принесёт Грузии больше реальных выгод, чем иллюзорные обещания Запада.

Российско-грузинские отношения имели значительное влияние на безопасность всего Южного Кавказа. С одной стороны, поддержка Россией Абхазии и Южной Осетии способствовала обеспечению стабильности в этих регионах и сдерживанию возможных военных авантюр со стороны Грузии. С другой стороны, напряжённость в отношениях между Москвой и Тбилиси создавала потенциальные риски для региональной безопасности, особенно в контексте провокационных действий Грузии, подстрекаемых Западом.

Присутствие российских военных сил в Абхазии и Южной Осетии служило гарантией того, что попытки дестабилизации ситуации со стороны НАТО и его партнёров будут пресечены. Однако в то же время это также приводило к росту военной напряжённости в регионе, поскольку западные страны, используя Грузию в своих геополитических интересах, наращивали военную помощь Тбилиси и проводили военные учения вблизи российских границ. Это обострение ситуации создавало угрозу для общей безопасности и способствовало милитаризации региона.

В период с 2012 по 2023 год роль США в обеспечении безопасности Грузии была неотъемлемой частью их стратегии по укреплению своего влияния на Южном Кавказе. Стратегическое партнёрство Вашингтона с Тбилиси имело целью не столько защиту самой Грузии, сколько продвижение американских геополитических интересов в регионе, что привело к ряду негативных последствий как для самой Грузии, так и для безопасности региона в целом.

Сотрудничество между Грузией и США развивалось в рамках т.н. «стратегического партнёрства» [17, с. 11–12], которое фактически предполагало вовлечение Грузии в орбиту американских интересов. США оказывали Грузии значительную политическую и экономическую поддержку, что включало программы по модернизации армии, реформы в области управления и укрепление демократических институтов. Однако эти шаги часто были направлены на усиление зависимости Грузии от внешних акторов и подрывали её реальный суверенитет.

Вашингтон активно поддерживал курс Грузии на евроатлантическую интеграцию, включая стремление страны к вступлению в НАТО, несмотря на очевидные риски, которые это представляло для региональной стабильности. США использовали Грузию как рычаг для давления на Россию, превращая её в плацдарм для

распространения своего влияния в стратегически важном регионе, что не могло не вызвать негативной реакции со стороны Москвы.

Одной из важнейших составляющих стратегического партнёрства между США и Грузией было военное сотрудничество, которое включало поставки вооружений, проведение совместных учений и подготовку грузинских военных по стандартам НАТО. США выделяли значительные средства на модернизацию грузинской армии, что формально должно было способствовать повышению обороноспособности Грузии [18]. Однако на практике эти меры имели противоположный эффект, обостряя ситуацию на Южном Кавказе и провоцируя эскалацию напряжённости.

Совместные военные учения, такие как Agile Spirit и Noble Partner [1], проходившие при участии американских военных и натовских союзников, носили откровенно провокационный характер. Они проводились в непосредственной близости от российских границ, что усиливало напряжённость в отношениях между Тбилиси и Москвой и ставило под угрозу региональную безопасность. Вместо того чтобы способствовать урегулированию конфликта, эти учения создавали дополнительную угрозу военного столкновения.

Более того, военное сотрудничество с США превратило Грузию в инструмент реализации американских интересов в регионе, что поставило её в зависимость от внешних решений. В то время как США продолжали усиливать свои позиции в регионе, обещая Грузии защиту и поддержку, они фактически использовали её для продвижения своих стратегических целей, не предоставляя реальных гарантий безопасности. В результате Грузия оказалась втянута в глобальные геополитические игры, рискуя стать жертвой конфронтации между крупными державами.

Политика США в отношении Грузии и региона в целом способствовала росту нестабильности на Южном Кавказе. Вмешательство Вашингтона привело к тому, что Грузия оказалась в изоляции, зависимой от западной поддержки, но без реальных инструментов для обеспечения своей безопасности. При этом американская помощь, хотя и носила значительные масштабы, не решала ключевые проблемы Грузии, такие как нерешённые этнополитические конфликты в Абхазии и Южной Осетии. США избегали участия в реальных переговорах по урегулированию этих конфликтов, оставляя Грузию один на один с этими вызовами, но в то же время использовали обострение ситуации в своих интересах.

Американское присутствие в регионе также подрывало возможности для дипломатического диалога и мирного урегулирования. Агрессивная внешняя политика США, направленная на сдерживание России, фактически препятствовала конструктивному взаимодействию между странами региона. Вместо того чтобы способствовать мирному разрешению конфликтов, США оказывали Грузии только ту помощь, которая укрепляла её ориентацию на Запад и обостряла отношения с Москвой, создавая дополнительную угрозу для региональной безопасности.

Влияние Европейского Союза на Грузию в период с 2012 по 2023 г. оказало значительное воздействие на политическую и экономическую ситуацию в стране, но часто сопровождалось скрытыми рисками для её суверенитета и стабильности. Под видом помощи и поддержки ЕС продвигал свои интересы, навязывая политические и экономические реформы, которые не всегда

соответствовали национальным интересам Грузии и её культурно-историческим особенностям. Хотя Европейский Союз преподносил свои действия как поддержку демократизации и модернизации страны, на практике это привело к росту зависимости Грузии от западных структур и ухудшению её внутренней стабильности.

С 2014 г., когда было подписано Соглашение об ассоциации между Грузией и Европейским Союзом [9], Брюссель активно влиял на политический курс Тбилиси. Это соглашение стало основой для проведения масштабных политических реформ, которые декларировались как направленные на укрепление демократических институтов, обеспечение верховенства права и защиту прав человека. Однако эти реформы часто диктовались внешними политическими условиями, которые не учитывали внутренние реалии Грузии и её общественные устои.

Европейский Союз активно продвигал концепцию либеральной демократии, которая на практике вызвала раскол в грузинском обществе. Под давлением западных структур в политическую повестку страны были включены темы, такие как права меньшинств, гендерное равенство и другие инициативы, ориентированные на западные ценности. Это вызвало сопротивление консервативных кругов и традиционно настроенной части общества, что привело к росту внутренней напряжённости и поляризации. Вместо того чтобы способствовать единству и укреплению государства, реформы, продвигаемые ЕС, усилили раскол между различными социальными группами, подрывая общественную стабильность.

Экономические реформы, навязанные Европейским Союзом, также оказали неоднозначное воздействие на Грузию. В рамках Соглашения о глубокой и всеобъемлющей зоне свободной торговли (DCFTA) Тбилиси обязался адаптировать своё законодательство и экономическую политику под стандарты ЕС [6]. Однако эти реформы, направленные на либерализацию экономики и приватизацию государственных активов, привели к росту социального неравенства и ослаблению контроля государства над ключевыми отраслями экономики.

ЕС придерживался экономической политики, которая благоприятствовала крупным международным корпорациям и иностранным инвесторам, в то время как местный бизнес и население часто оставались за бортом этих процессов. Массовая приватизация и дерегуляция подрывали национальный экономический суверенитет, что привело к усилению зависимости Грузии от внешних источников финансирования и иностранных инвесторов. В результате страна оказалась в ситуации, когда значительная часть её стратегических ресурсов и активов перешла под контроль иностранных компаний, что ослабило способность правительства контролировать экономические процессы и принимать решения в интересах населения.

Программы помощи и поддержки, предлагаемые Европейским Союзом, также имели скрытые негативные последствия для Грузии [13]. Хотя ЕС предоставлял значительные гранты и кредиты на развитие инфраструктуры и модернизацию различных секторов экономики, эта помощь сопровождалась рядом условий, которые ограничивали возможности Грузии самостоятельно формировать свою политику. Брюссель настаивал на выполнении своих политических и экономических требований в обмен на финансовую поддержку, что ставило Тбилиси в зависимое положение.

Помощь ЕС в области безопасности [18] была также ограничена декларативными обещаниями, без реальной готовности вовлечься в решение ключевых проблем Грузии, таких как этнополитические конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Европейский Союз не предложил действенных механизмов для урегулирования этих конфликтов, что оставляло Грузию в уязвимом положении перед лицом региональных вызовов. В то время как ЕС продвигал идеи мирного урегулирования и политической интеграции [5], его фактические действия не способствовали решению проблем безопасности, что вынуждало Тбилиси продолжать находиться в состоянии напряжённости с соседями и усиливало внутреннюю нестабильность.

Политический и экономический курс на интеграцию с ЕС, вопреки ожиданиям, не улучшил безопасность Грузии, а напротив, усугубил ряд существующих проблем. Вмешательство ЕС во внутренние дела Грузии, навязывание либеральных политических и экономических моделей, а также отсутствие реальной поддержки в урегулировании территориальных конфликтов ослабили позиции страны на международной арене и внутри региона.

Европейский Союз, стремясь расширить своё влияние на Кавказе, фактически использовал Грузию как инструмент в борьбе за геополитическое доминирование, не предоставив ей реальных гарантий безопасности. Поддержка ЕС была больше направлена на выполнение своих стратегических целей в регионе, чем на решение насущных проблем грузинского государства. В итоге Грузия оказалась в ситуации, когда, следуя навязанной западной повестке, она теряла независимость в принятии решений, что делало её уязвимой перед внешними вызовами.

Результаты. Анализ политики безопасности Грузии в контексте её взаимодействия с западными структурами, такими как НАТО и Европейский Союз, демонстрирует противоречивые результаты. С одной стороны, интеграция с западными организациями предоставила Грузии возможность укрепить международные связи, получить экономическую и военную поддержку, а также усилить свою роль в международных институтах. С другой стороны, углубление отношений с Западом привело к значительным вызовам в сфере внутренней и региональной безопасности, а также к увеличению зависимости страны от внешних сил, что оказало негативное влияние на её самостоятельность в принятии решений.

Политическая ориентация на евроатлантические структуры привела к росту напряжённости в отношениях с Россией, что существенно обострило этнополитические конфликты в Абхазии и Южной Осетии. В то время как Запад обещал поддержку в укреплении безопасности Грузии, на практике это не привело к реальному разрешению конфликтов или снижению уровня напряжённости. Более того, стремление Грузии к вступлению в НАТО стало триггером для ужесточения политики России в отношении региона, что привело к увеличению её военного присутствия в конфликтных зонах и ещё большему укреплению контроля над сепаратистскими регионами.

Экономическая политика, ориентированная на интеграцию в западные рыночные структуры, также принесла смешанные результаты. Либерализация экономики и приватизация стратегических активов усилили зависимость страны от международных финансовых институтов и транснациональных корпораций. Это привело к утрате контроля над ключевыми секторами экономики, что, в свою очередь, ослабило экономический суверенитет Грузии. В результате социальное неравенство в стране увеличилось, а значительная часть населения оказалась в условиях экономической нестабильности, что породило рост недовольства среди граждан и усилило социальную напряжённость.

Кроме того, стремление Грузии следовать западным моделям управления привело к кризису идентичности в обществе. Внедрение либеральных демократических ценностей, которые зачастую не учитывают исторические и культурные особенности региона, вызвало противоречивую реакцию среди разных слоёв населения. Поляризация общества усилилась, что в долгосрочной перспективе создаёт дополнительные риски для внутренней стабильности страны.

Таким образом, результаты внешнеполитического курса Грузии, ориентированного на Запад, не принесли ожидаемых успехов в вопросах безопасности и экономической стабильности. Вместо укрепления позиций на международной арене и разрешения внутренних конфликтов, Грузия оказалась в ситуации нарастающей зависимости от внешних акторов, что ослабило её суверенитет и усложнило процесс достижения внутренней и региональной стабильности.

Литература

1. В Грузии стартовали учения стран-членов НАТО и партнеров «Проворный дух 2023» // Коммерсантъ. 2023. 23 августа.
2. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия (подписан в сентябре 2008 года) // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20080917/151255605.html> (дата обращения: 22.10.2024).
3. Дудайти А. К. Геополитическая динамика Южного Кавказа в постсоветскую эпоху // Россия и Иран на Южном Кавказе / Отв. ред. А. К. Дудайти. Владикавказ: СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 2024. С. 196–338.
4. Дудайти А. К. Геополитическое влияние России и Ирана на Южном Кавказе // Россия и Иран на Южном Кавказе: опыт исторического взаимодействия и современные проблемы / Отв. ред. А. К. Дудайти. Владикавказ: СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 2024. С. 338–427.
5. ЕС выступает за мирное урегулирование конфликтов в Грузии // Свободная Грузия. 07.08.2018. URL: <https://www.svobodnaya.info/ru/politics/2495-es-vystupaet-za-mirnoe-uregulirovanie-konfliktov-v-gruzii> (дата обращения: 22.10.2024).
6. Отношения ЕС-Грузия в фактах и цифрах // Eastern Partnership. 2017. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eap_factsheet_georgia_ru_web_0.pdf (accessed: 18.09.2024).
7. Папава В. Экономическая составляющая российско-грузинского конфликта // Кавказ и глобализация. 2012. Т. 6. Вып. 1. С. 71–81.
8. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о совместных усилиях в охране государственной границы Республики Южная Осетия // Президент России. 2009. 30 апреля. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/191> (дата обращения: 22.10.2024).
9. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Грузией 1996 г. URL: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravuv-evropejskogo-soyuza/soglashenie-o-partnerstve-i-sotrudnichestve-mezhdu-es-i-gruziej-1996-g/> (дата обращения: 22.10.2024).
10. Указ Президента Российской Федерации от 26 августа 2008 года № 1260 «О признании Республики Абхазия» // Сборник законодательства Российской Федерации. 2008. № 35. Ст. 4041.

11. Указ Президента Российской Федерации от 26 августа 2008 года № 1261 «О признании Республики Южная Осетия» // Сборник законодательства Российской Федерации. 2008. № 35. Ст. 4042.
12. Association Agreement with Georgia // European Union. 2014. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/association-agreement-with-georgia.html> (accessed: 24.10.2024).
13. Bujashvili D. How did the European Union help Georgia and why should Georgia join the European Union? // Infocenter.gov. 17.12.2022. URL: <https://infocenter.gov.ge/en/blog-en/how-did-the-european-union-help-georgia-and-why-should-georgia-join-the-european-union/> (accessed: 18.09.2024).
14. EaP Summit Declaration: Key Points for Georgia. [Electronic resource] // Civil Georgia. 25.11.2017. URL: <https://civil.ge/archives/218854> (accessed: 18.09.2024).
15. Georgia - European Commission // European Commission. 2023. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/european-neighbourhood-policy/countries-region/georgia_en (accessed: 18.09.2024).
16. Siddi M. The EU's botched geopolitical approach to external energy policy: The case of the Southern Gas Corridor / *Geopolitics*. 2019. Vol. 24. No 1. Pp. 124–144.
17. Smolnik F. *The Strategic Partnership between Georgia and the United States: Vision Wanted*. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2020. 33 p.
18. U.S. Embassy Statement on Military Cooperation with Georgia in 2023 // U.S. Embassy in Georgia. 03.05. 2023. URL: <https://ge.usembassy.gov/u-s-embassy-statement-on-military-cooperation-with-georgia-in-2023/> (accessed: 18.09.2024).

References

1. NATO member and partner countries' exercises «Nimble Spirit 2023» have started in Georgia. *Kommersant*. August 23. 2023. (In Russ.).
2. Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between the Russian Federation and the Republic of South Ossetia (signed in September 2008). URL: <https://ria.ru/20080917/151255605.html> (accessed: 22.10.2024). (In Russ.).
3. Dudayti A.K. Geopolitical dynamics of the South Caucasus in the post-Soviet era. In: *Russia and Iran in the South Caucasus: the experience of historical interaction and modern problems*. Vladikavkaz: SOGU; 2024. P. 196-338. (In Russ.).
4. Dudayti A.K. Geopolitical influence of Russia and Iran in the South Caucasus. In: *Russia and Iran in the South Caucasus: experience of historical interaction and modern problems*. Vladikavkaz: SOGU; 2024. P. 338-427. (In Russ.).
5. The EU is in favor of a peaceful settlement of conflicts in Georgia. URL: <https://www.svobodnaya.info/ru/politics/2495-es-vystupaet-za-mirnoe-uregulirovanie-konfliktov-v-gruzii> (accessed: 22.10.2024). (In Russ.).
6. EU-Georgia Relations in Facts and Figures. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eap_factsheet_georgia_ru_web_0.pdf (accessed: 18.09.2024). (In Russ.).
7. Papava V. Economic component of the Russian-Georgian conflict. *The Caucasus and Globalization*. 2012;6(1):71-81. (In Russ.).
8. Agreement between the Russian Federation and the Republic of South Ossetia on joint efforts to protect the state border of the Republic of South Ossetia. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/191> (accessed: 10.22.2024). (In Russ.).
9. Partnership and Cooperation Agreement between the EU and Georgia, 1996. URL: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-pravu-evropejskogo-soyuza/soglashenie-o-partnerstve-i-sotrudnichestve-mezhdu-es-i-gruziej-1996-g/> (accessed: 22.10.2024). (In Russ.).
10. Decree of the President of the Russian Federation of August 26, 2008. No. 1260 "On the recognition of the Republic of Abkhazia". *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2008. No. 35. Article 4041. (In Russ.).
11. Decree of the President of the Russian Federation of August 26, 2008. No. 1261 "On the recognition of the Republic of South Ossetia". *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2008. No. 35. Article 4042. (In Russ.).
12. Association Agreement with Georgia. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/association-agreement-with-georgia.html> (accessed: 24.10.2024).
13. Bujashvili D. How did the European Union help Georgia and why should Georgia join the European Union? URL: <https://infocenter.gov.ge/en/blog-en/how-did-the-european-union-help-georgia-and-why-should-georgia-join-the-european-union/> (accessed: 18.09.2024).
14. EaP Summit Declaration: Key Points for Georgia. URL: <https://civil.ge/archives/218854> (accessed: 18.09.2024).
15. Georgia - European Commission. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/european-neighbourhood-policy/countries-region/georgia_en (accessed: 18.09.2024).
16. Siddi M. The EU's botched geopolitical approach to external energy policy: The case of the Southern Gas Corridor. *Geopolitics*. 2019; 24(1):124-144.
17. Smolnik F. *The Strategic Partnership between Georgia and the United States: Vision Wanted*. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik; 2020. 33 p.
18. U.S. Embassy Statement on Military Cooperation with Georgia in 2023. URL: <https://ge.usembassy.gov/u-s-embassy-statement-on-military-cooperation-with-georgia-in-2023/> (accessed: 18.09.2024).

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ LEGAL SCIENCES

Научная статья

УДК 340; 342

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.15>

ВЗАИМОУВАЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ НАЛИЧИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Владимир Анатольевич Винокуров

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России (д. 149, Московский пр., Санкт-Петербург, 196105, Российская Федерация)

Доктор юридических наук, доцент

tigr@igps.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0002-3010>

Аннотация. Введение. В данной статье впервые представлена исследовательская попытка с правовой точки зрения рассмотреть вопросы взаимоуважения государства и личности. В качестве примеров используются законодательные нормы, характеризующие наличие взаимоуважения или ситуации, когда такое взаимоуважение проблематично. **Материалы и методы.** Исследование основано на нормативных правовых актах Российской Федерации, а также ряда решений Конституционного Суда Российской Федерации. В работе использованы общие и общенаучные методы, в числе которых изучение государственно-правовых явлений, анализ законодательства, исследование законодательных актов и их интерпретация. **Анализ.** В числе анализируемых эпизодов, касающихся взаимоуважения государства и личности, используются нормы действующего российского законодательства. Так, в первом примере рассматриваются вопросы материнского (семейного) капитала, в частности невозможности его использования для улучшения жилищных условий до достижения ребенком возраста трех лет (за исключением ипотеки). Во втором примере – рассуждение о правилах назначения государственных пенсий, а также страховых пенсий по старости досрочно (по трудовому стажу), которые с 2018 по 2022 г. нарушали, по мнению автора, конституционные гарантии военнослужащих. Третий пример посвящен дефинициям, позволяющим монополистам – поставщикам электроэнергии получать средства за не поставленную электроэнергию. Проблемы соблюдения принципа non bis in idem,

согласно которому никто не может быть наказан дважды за одно и то же нарушение, рассмотрены в четвертом примере. **Результаты.** Автор пришел к выводу, что именно взаимоуважение государства и личности, построенное на принципах справедливости, признания и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, создания условий, обеспечивающих достойную жизнь человеку, позволит государству (а вместе с ним и личности в этом государстве) осуществлять целенаправленное и грамотное развитие. Кроме того, при соблюдении взаимоуважения государства и личности не будет тормозиться непониманием со стороны населения, сталкиваться с недовольством, отдельных категорий граждан, омрачаться некомпетентностью тех, кто подготавливает и принимает законодательные акты.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, государство, личность, взаимоуважение, материнский капитал, страховые пенсии, монополисты, принцип non bis in idem

Для цитирования: Винокуров В. А. Взаимоуважение государства и личности: проблемы наличия в российском законодательстве // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 122–127. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.15>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.10.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 21.02.2025.

Статья принята к публикации: 25.03.2025.

Research article

MUTUAL RESPECT OF THE STATE AND THE INDIVIDUAL: THE PROBLEMS OF EXISTENCE IN RUSSIAN LEGISLATION

Vladimir A. Vinokurov

Saint-Petersburg University State Fire Service of EMERCOM of Russia (149, Moskovsky Ave., St. Petersburg, 196105, Russian Federation)

Dr. Sc. (Law), Associate Professor

tigr@igps.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0002-3010>

Аннотация. Введение. One of the first articles, which from a legal point of view examines the issues of mutual respect between the state and the individual. As an example, legislative norms are used that characterize the existence of mutual respect or a situation where such mutual respect is problematic. **Materials and Methods.** The research is based on the normative legal acts of the Russian Federation, as well as a number of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. The work uses general scientific methods, including the study of state-legal phenomena, analysis of legislation, research of legislative acts and their interpretation. **Analysis.** Among the analyzed episodes concerning the relationship between the state and the

individual, the norms of effective Russian legislation are used. So, in the first example, the issues of maternal (family) capital are considered, in particular, the impossibility of using it to improve housing conditions before the child reaches the age of three (with the exception of a mortgage). In the second example, there is a discussion about the rules for awarding state pensions, as well as old-age insurance pensions ahead of schedule (according to work experience), which, from 2018 to 2022, violated, in the opinion of the author, the constitutional guarantees of military personnel. The third example is devoted to transactions that allow monopolistic electricity suppliers to receive funds for non-supplied electricity. The problems of observing the principle

© Винокуров В. А., 2025

of non bis in idem, according to which no one can be punished twice for the same violation, are considered in the fourth example.

Results. The author came to the conclusion that it is mutual respect between the state and the individual, built on the principles of justice, recognition and observance of human and civil rights and freedoms, creation of conditions ensuring a decent life for a person, that will allow the state (and with it the individual in this state) to carry out purposeful and competent development. In addition, while respecting the mutual respect of the state and the individual, it will not be hindered by misunderstanding on the part of the population, face discontent, certain categories of citizens, and be overshadowed by the incompetence of those who prepare and adopt legislative acts.

Введение. Конституция Российской Федерации (далее также – Основной Закон государства, Основной Закон страны) не содержит дефиниции о взаимоуважении государства и личности, но, по мнению автора, составители проекта Основного Закона государства вкладывали именно это содержание в каждую конституционную норму. В то же время Основной Закон страны предусматривает ряд статей, из которых можно вывести права и обязанности государства по отношению к личности, а также права и обязанности человека по отношению к Отечеству, которые, на наш взгляд, и следует расценивать как элементы взаимного уважения.

Во-первых, принимая Конституцию Российской Федерации, многонациональный народ России зафиксировал, что именно человек является высшей ценностью (статья 2). Устанавливая систему государственной власти и определяя полномочия ее органов, многонациональный народ закрепил необходимость наличия представительного и законодательного органа, включающего Государственную Думу, которая принимает обязательные для исполнения федеральные законы, а также судов Российской Федерации, в числе которых Конституционный Суд Российской Федерации, призванный защищать основы конституционного строя, основные права и свободы человека и гражданина (статьи 11, 15, 95, 105, 125).

Рассмотрим несколько конституционных положений в преломлении к взаимоотношению личности и государства, причем государства, призванного народом Российской Федерации «признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина». Это особенно важно, если исходить из тезиса, что в правовом государстве «отношения личности и государственной власти строятся на элементах взаимоуважения» [7, с. 47].

Материалы и методы. Материалами исследования послужили Конституция Российской Федерации, федеральные законы и иные нормативные правовые акты, касающиеся рассматриваемых вопросов. Методологическую основу исследования составили как общие методы, в числе которых сравнение, описание, так и общенаучные методы: диалектический метод, который позволил всестороннее рассмотреть отдельные требования государства и их оценку со стороны граждан; логический метод и системный анализ, позволивший рассмотреть выбранные примеры как систему элементов. Формально-юридический метод исследования юридических фактов и текстов, включая мнения специалистов, их интерпретация выступил в качестве специального метода исследования.

Анализ. Анализ отдельных норм законодательства. *Первый пример.* Основной Закон государства устанавливает, что материнство и детство, семья находятся

Keywords: Constitution of the Russian Federation, state, personality, mutual respect, maternity capital, insurance pensions, monopolists, principle of non bis in idem

For citation: Vinokurov VA. Mutual respect of the state and the individual: the problems of existence in Russian legislation. *Humanities and law research.* 2025;12(1):122-127. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.15>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 14.10.2024.

The article was approved after reviewing: 21.02.2025.

The article was accepted for publication: 25.03.2025.

под защитой государства (часть 1 статьи 38). В целях реализации указанной нормы в 2006 г. принят Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», на основании которого с 1 января 2007 г. введена такая мера дополнительной поддержки как материнский (семейный) капитал, для получения которого выдается сертификат. Названный Федеральный закон предусматривает направления, на которые можно использовать средства данного капитала, в числе которых, на наш взгляд, весьма значимая, особенно для молодых семей, – улучшение жилищных условий (пункт 1 части 3 статьи 7). Подробные правила использования материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий установлены в указанном Федеральном законе, по которым воспользоваться этим правом семья может только *через три года после рождения ребенка* (статья 10). Исключение сделано лишь для приобретения жилья с использованием ипотеки, что наталкивает на мысль о реальном обесценивании этого капитала, поскольку стоимость жилья, приобретаемого на условиях ипотеки, всегда выше, нежели покупка его без ипотечного кредита. По мнению специалистов, опубликованных, в частности, на сайтах «Циан – база недвижимости в Санкт-Петербурге и Ленинградской области» и «Единый ресурс застройщиков». за приобретение квартиры с использованием ипотеки переплата достигает от 2,3 до 4,0 размеров стоимости квартиры.

Насколько подобный подход народных избранников – депутатов Государственной Думы и представителей субъектов Российской Федерации – сенаторов Российской Федерации отвечает требованиям, заявленным национальным проектом «Демография», остается догадываться. По необъяснимой логике законодателей семья после рождения ребенка может и потерять три года, а уж только потом (через три года) использовать средства материнского (семейного) капитала, который к тому времени фактически потеряет часть своей ценности, несмотря на некоторое увеличение, соответствующее размеру официальной инфляции.

Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 года № 16) был утвержден паспорт национального проекта «Демография», предусматривавшего задачу внедрения механизма финансовой поддержки семей при рождении детей, включая выплаты, именуемые «материнский (семейный) капитал» в период с 2019 по 2024 гг. Необходимо заметить, что указанный паспорт определял (ориентировочно) число семей, которые могут воспользоваться средствами материнского (семейного) капитала. В обновленном виде паспорт национального проекта «Демография» появился на официальном сайте Министер-

ства труда Российской Федерации. Этот паспорт был пересмотрен в связи с Указом Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», который определил новые целевые показатели, характеризующие достижение национальных целей к 2030 г. Однако новая редакция национального проекта «Демография» под вопросом, поскольку Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» программа с таким наименованием не предусмотрена. Одновременно названным Указом Президента Российской Федерации предусмотрен целевой показатель, по которому необходимо обеспечить «граждан жильем общей площадью не менее 33 кв. метров на человека к 2030 году и не менее 38 кв. метров к 2036 году», а также повысить доступность жилья на первичном рынке (пункт 4).

Использование материнского (семейного) капитала в небольшой, конечно же, степени позволяет реализовывать поставленные цели. Но возможность использования средств материнского (семейного) капитала на приобретение жилья сразу при получении сертификата несомненно повысит уровень доверия к государству, которое должно не только объявлять цели развития, но реально помогать семьям с детьми, не создавая временных и каких-либо иных препятствий.

Второй пример. Конституция Российской Федерации предусматривает, что в Российской Федерации федеральным законом устанавливаются государственные пенсии (статья 7, 39), а система пенсионного обеспечения граждан формируется на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений (часть 6 статьи 75).

После принятия в 1993 г. Основного Закона государства, действовавший с 1990 г. Закон РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР» (далее – Первый закон о пенсиях) неоднократно подвергался различным изменениям. С 2002 года в Российской Федерации стал действовать Федеральный закон «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (далее также – Второй закон о пенсиях). Обратим внимание, что без акцентирования внимания населения страны слово «государственные» было заменено словом «трудовые», что реально сузило содержание закона. Объяснить эту замену можно тем, что наряду с трудовыми в России существуют пенсии, назначаемые военнослужащим и приравненным к ним лицам, в соответствии с принятым в начале 1993 г. Законом Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, и их семей» (настоящее время – Закон Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей»), а также устанавливаемые отдельным категориям граждан (федеральным государственным гражданским служащим; гражданам, пострадавшим в результате радиационных или техногенных катастроф; нетрудоспособным гражданам и др.) на основании Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации».

С начала 2015 г. Федеральный закон «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» перестал применяться, поскольку был принят Федеральный закон «О страховых пенсиях» (далее также – Третий закон о пенсиях), но при сохранении указанных выше законодательных актов, содержащих словосочетание «пенсионное обеспечение». Как видим, Второй пенсионный закон был принят с измененным наименованием, а в Третьем пенсионном законе вместо словосочетания «трудовые пенсии» вводится термин «страховые пенсии». Поменялись при этом и существенные условия назначения пенсий для большинства граждан России и постоянно проживающих в России иных лиц, не являющихся российскими гражданами.

Следует обратить внимание на то, что в Конституции Российской Федерации для определения данной обязанности государства используется понятие «государственные пенсии» (часть 2 статьи 7). Упоминания о трудовых или страховых пенсиях в Основном Законе государства не содержится, о чем автор отмечал в предшествующих работах [2]. Словосочетание «пенсионное обеспечение» используется лишь как определение соответствующей системы (часть 6 статьи 75), то есть в рассматриваемом нами контексте также не употребляется.

Стоит отметить, что по Первому закону о пенсиях были определены виды государственных пенсий: 1) трудовые пенсии, назначаемые «в связи с трудовой и иной общественно полезной деятельностью, засчитываемой в общий трудовой стаж», и 2) социальные пенсии – тем, кто не имел права на пенсии трудовые, то есть было понятно, что относится к государственным пенсиям (статья 3). По Второму закону о пенсиях определялась лишь трудовая пенсия как «ежемесячная денежная выплата в целях компенсации *застрахованным лицам* заработной платы и иных выплат и вознаграждений, утраченных ими в связи с наступлением нетрудоспособности вследствие старости или инвалидности» (статья 2) (курсив наш – В.В.). Третий закон о пенсиях, вводя понятие страховой пенсии, по сути, заменил в определении трудовой пенсии, введенном во втором законе о пенсиях, слова «трудовая пенсия» словами «страховая пенсия» и определил, что страховая пенсия назначается только при наличии страхового стажа, который состоит из двух частей: периода, за который «начислялись или уплачивались страховые взносы», и иного периода, который определен этим Федеральным законом (пункт 1 статьи 3).

Использование в наименованиях законов, регулирующих пенсионные вопросы, словосочетания «пенсионное обеспечение» как очередного канцеляризма, который по смыслу, вкладываемому этими законами, является синонимом понятию «пенсия» [9, с. 350, 407], что при наличии конституционной нормы, определяющей обязанность государства устанавливать именно *государственные пенсии*, лишь вводит в заблуждение жителей страны.

Вряд ли изложенная выше подмена федеральными законами конституционных норм, гарантирующих государственное пенсионное обеспечение, а также недостаточно грамотно обоснованное увеличение пенсионного возраста способствовало доверию к органам государственной власти. И в этом случае сложно говорить о каком-либо взаимоуважении государства и личности.

Использование новых, не предусмотренных Конституцией Российской Федерации понятий, привело, в частности, к необходимости определения в Треть-

ем пенсионном законе не только понятия «страховой стаж», но также установления иных периодов, которые засчитываются в этот стаж, несмотря на то, что в это время страховые взносы не начислялись и не уплачивались (статья 12). Проблемы возникли при введении исключений, касающихся возраста выхода на пенсию, в частности, при введении нормы, позволяющей назначать страховую пенсию досрочно, то есть на два года раньше установленного, но при наличии страхового стажа не менее чем 42 года (для мужчин) и 37 лет (для женщин).

В соответствии с нормами Третьего пенсионного закона в страховой стаж наравне с периодами работы и (или) иной деятельности за которые начислялись или уплачивались страховые взносы, засчитывается период прохождения военной службы, что является гарантией со стороны государства, требующего от граждан защищать Отечество (пункт 1 части 1 статьи 12).

Однако, при внесении Федеральным законом в 2018 г. поправок, связанных с назначением пенсии на два года раньше установленного нового срока, законодатель посчитали, что время военной службы не должно включаться в расчет страховой пенсии, то есть, по сути, спровоцировали ситуацию, по которой служить в российской армии, других войсках и воинских формированиях стало невыгодным, превратилось в обузу. Можно ли мужчине в 60 лет получить право на досрочную пенсию, если только страховой стаж без каких-либо иных периодов (не считая пособия обязательному социальному страхованию) должен составлять 42 года? Очевидно, что для этого надо начинать именно трудовую деятельность с 18 лет, поскольку время военной службы в подсчет стажа на получение пенсии досрочно (по трудовому стажу) не включалось.

Будет ли уважительно относиться гражданин к стране, обязывающей защищать Отечество, не предусматривая при этом в исключениях предусмотренного про общему правилу уровня гарантий для тех, кто нес и несет военную службу?

Очевидное конституционное несоответствие, закрававшееся в Третий закон о пенсиях по невнимательности, от недопонимания или правовой неграмотности – явная несправедливость по отношению к тем, кто отдавал и отдает свой долг Родине, даже несмотря на объявленную этим же актом цель: «защита прав граждан Российской Федерации на страховую пенсию, предоставляемую ... с учетом ... конституционно значимых принципов пенсионного обеспечения», к которым Конституция Российской Федерации, как уже было отмечено, отнесла формирование системы пенсионного обеспечения граждан на основе «принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений» (часть 6 статьи 75).

Попытка обратить внимание на закрававшееся противоречие была предпринята автором этих строк в опубликованной на данную тему статье [1] и обратившись в суд. Однако ни одна судебная инстанция, включая Верховный Суд Российской Федерации, не усомнилась в «справедливости» нормы, не предусматривающей включение времени военной службы в подсчет для назначения пенсии досрочно (по трудовому стажу).

Конституционный Суд Российской Федерации, принимая 21 июля 2022 г. за № 2013-О определение, также не обнаружил явного несоответствия возлагаемых государством на граждан страны обязанностей по прохождению военной службы с гарантиями, которые по указанной в Третьем законе о пенсиях логике построения

«правового государства с социально ориентированной рыночной экономикой» (часть 2 статьи 1) государство должно предоставлять военнослужащим, что весьма странно для высшего судебного органа конституционного контроля, призванного защищать права и свободы человека и гражданина (часть 1 статьи 125).

Лишь специальная военная операция [3] и проблемы с комплектованием Вооруженных Сил Российской Федерации [4] заставили обратиться к данной проблеме и решить ее так, как требует Конституция Российской Федерации, предусматривая установление гарантий тем, кто выполняет обязанность по защите Отечества. Так, с ноября 2022 г. в страховой стаж для назначения страховой пенсии досрочно стали включаться (засчитываться) не только периоды работы и (или) иной деятельности, за которые начислялись или уплачивались страховые взносы, но и периоды прохождения военной службы, к которым добавили периоды участия в специальной военной операции.

В данном случае с опозданием на четыре года были внесены исправления в допущенную несправедливость по отношению ко всем тем, кто защищал и защищает Родину, что позволяет говорить о восстановлении в данном случае уважения государством своих граждан, что, несомненно, положительно скажется на их отношении к своей державе, что приведет к восстановлению потерянного взаимоуважения.

Третий пример. Конституция Российской Федерации не допускает экономическую деятельность, направленную на монополизацию (часть 2 статьи 34). Однако, монополизм в отдельных отраслях российской экономики присутствует в виде естественных монополий, что зафиксировано в Федеральном законе «О естественных монополиях». В число сфер, в которых предусмотрена деятельность субъектов естественных монополий, включены услуги по передаче электрической энергии.

Федеральный закон «Об электроэнергетике» определяет, что учет электрической энергии (мощности) в целях оказания коммунальных услуг по электроснабжению обеспечивают гарантирующие поставщики и сетевые организации с применением приборов учета электрической энергии в соответствии с правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, установленными в соответствии с жилищным законодательством (пункт 5 статьи 37), при этом понесенные ими расходы включаются в состав бытовой надбавки гарантирующего поставщика (пункт 63 статьи 231).

На основании указанной нормы и в соответствии с Жилищным кодексом Российской Федерации (статья 157) постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 года № 354 утверждены Правила предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов.

Названными Правилами предусмотрено, что замена индивидуальных, общих (квартирных) приборов учета электрической энергии в многоквартирном доме должна быть осуществлена гарантирующим поставщиком не позднее шести месяцев с даты получения обращения потребителя или исполнителя о выходе прибора учета электрической энергии из строя и (или) его неисправности (пункт 802). В этот период плата за предоставленную услугу для жилого помещения определяется следующим образом: не более трех расчетных периодов

(то есть за первые три месяца после подтверждения неисправности прибора учета) – исходя из рассчитанного среднемесячного объема потребления коммунального ресурса потребителем, определенного по ранее представленным показаниям (пункт 59);

по истечении трех расчетных периодов, то есть за время до установленного законодательством срока замены счетчика (ещё три месяца) – исходя из нормативов потребления коммунальных услуг с применением повышающего коэффициента, величина которого принимается равной 1,5 (пункт 60).

На практике гарантирующий поставщик не спешит оформлять необходимые документы для замены вышедших из строя счетчиков электроэнергии, потому как расчет за потребленную электроэнергию в течение шести месяцев осуществляется в повышенном размере (особенно в во второй трехмесячный период), то есть позволяет гарантирующему поставщику получать доходы за непоставленную электроэнергию, что косвенно санкционировал Гражданский кодекс Российской Федерации, норма которого предусматривает: «оплата энергии производится за фактически принятое абонентом количество энергии в соответствии с данными учета энергии, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или соглашением сторон» (статья 544) (курсив наш – В.В.). Таким образом, правовые акты Правительства Российской Федерации позволяют гарантирующим поставщикам безосновательно обогащаться.

Подобный, официально зафиксированный правительственным актом подход, не учитывающий реальное потребление электроэнергии конкретным потребителем, добросовестно сообщившим о выходе из строя прибора учета, и не предусматривающий ответственности гарантирующего поставщика за затягивание замены прибора учета (при наличии технических возможностей), никак не способствует взаимоуважению. Наоборот, в этом случае потребитель электроэнергии будет стараться всеми способами обмануть энергоснабжающую организацию.

Справедливость в описанной ситуации может быть восстановлена, например, с введением для потребителя понижающего коэффициента от рассчитанного среднемесячного объема потребления электроэнергии, начиная со второго месяца, скажем на пять, затем на третий месяц – на десять, а начиная с третьего месяца – на двадцать процентов. Такое решение будет стимулировать гарантирующих поставщиков оперативно решать вопросы с заменой приборов учета.

При существующем порядке, когда на «законных основаниях» монополист обирает потребителя, говорить о взаимоуважении не приходится.

Четвертый пример. Вопрос невозможности второй ответственности в Конституции Российской Федерации определяется лишь в рамках уголовного преследования: «никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление» (часть 1 статьи 50). Подтверждением указанному выводу служат нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, фиксирующие, что «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление» (часть 2 статьи 6), Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, устанавливающие, что «никто не может нести административную ответственность дважды за одно и то же административное правонарушение» (часть 5 статьи 4.1), а также ряд постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, в кото-

рых разъясняется порядок применения названных законодательных норм (см., например, постановления от 10 февраля 2017 года № 2-П; от 17 мая 2023 года № 24-П).

Однако действие указанного принципа следует распространять и на иные отрасли права, в которых предусмотрена какая бы то ни была юридическая ответственность. По мнению адвоката Генри Резника, принцип законодательного регулирования юридической ответственности *non bis in idem*, согласно которому никто не может быть наказан дважды за одно и то же нарушение, является универсальным принципом. Кроме того, Г. Резник справедливо полагает, что «запрет двойной публично-правовой (карательной) ответственности за одно и то же деяние не знает исключений» [11].

В той связи интересна позиция высшего судебного органа конституционного контроля в Российской Федерации, согласно которой «в трактовке правила *non bis in idem* Конституционный Суд Российской Федерации исходит из того, что оно конкретизирует общий принцип справедливости, который относится и к основаниям публично-правовой ответственности, включая налоговую и административную, когда ее наступление с объективной стороны обусловлено одним и тем же деянием с теми же обстоятельствами его совершения» (п. 3.2 мотивировочной части постановления от 12 мая 2021 г. № 17-П, то есть данный принцип следует применять во всех отраслях российского права).

Однако данный вывод не помешал Конституционному Суду Российской Федерации санкционировать возможность применения двойного наказания за одно и то же нарушенное правило. Так, рассматривая жалобу гражданки И.И. Пантелеевой, полагающей неконституционным привлечение к административной ответственности по статье 15.332 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях за нарушение порядка и сроков представления сведений (документов) в органы Пенсионного фонда Российской Федерации (в настоящее время – Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации) с одновременным применением финансовых санкций за те же деяния по статье 17 Федерального закона «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системах обязательного пенсионного страхования и обязательного социального страхования», Конституционный Суд Российской Федерации, не обратив внимание на финансовые санкции, своим постановлением от 20 октября 2022 г. № 45-П обязал правоприменительные органы специально обосновывать возможность применения норм статьи 15.332 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях для привлечения должностных лиц к ответственности.

Вряд ли продемонстрированный выше подход органов государственной власти приведет к уважению должностным лицом (как личностью) государства, создавшего систему наказаний вопреки декларируемому принципу не наказывать дважды за одно и то же нарушение.

В классической теории права, исходя из видов правонарушений, к штрафной, карательной ответственности относят уголовную, административную и дисциплинарную ответственность [8, с. 605]. В дальнейшем в многочисленных работах юристов-теоретиков к указанным видам ответственности добавляется гражданско-правовая [10, с. 617; 13, с. 380; 5, с. 442]. При этом финансовые санкции как вид ответственности современная теория права не выделяет, что не мешает законодателю их вводить.

Справедливо ли наказывать рублем дважды, то есть фактически несколько раз взыскивать денежные средства с организации или должностного лица сначала как финансовую санкцию, а затем в виде штрафа? Применительно в основополагающему принципу *non bis in idem*, решения, позволяющие на законодательном уровне наказывать несколько раз за одно нарушение вызывают, по меньшей мере, удивление, переходящее в непонимание, что, в конечном итоге, приводит к потере взаимоуважения.

Вопросы взаимоуважения государства и личности в научных работах рассматриваются весьма редко. Как правило, авторы анализируют взаимоотношения государства и общества [6], государства и личности [12]. Однако, отсутствие исследований на данную тему не говорит об отсутствии проблемы, связанной с взаимоотношением государства и личности, базой для которой должно выступать взаимоуважение.

Результаты. Рассмотрев несколько моментов, связанных с законодательным регулированием государством повседневной жизни людей, живущих в нашей стране, через призму взаимоуважения, возможно, несколько обострив известные многим правовые проблемы, приходим к следующему.

Именно взаимоуважение государства и личности, построенное на принципах справедливости, признания и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, создания условий, обеспечивающих достойную жизнь человеку, позволит государству (а вместе с ним и личности в этом государстве) осуществлять целенаправленное и грамотное развитие. И такое развитие при соблюдении взаимоуважения государства и личности не будет тормозиться непониманием со стороны населения, сталкиваться с недовольством, отдельных категорий граждан, омрачаться некомпетентностью тех, кто подготавливает и принимает законодательные акты.

Литература

1. Винокуров В. А. Проблемы взаимосвязи обязанности гражданина России защищать Отечество с его правом на государственную пенсию по старости досрочно (по трудовому стажу) // Военно-юридический журнал. 2020. № 11. С. 3–7.
2. Винокуров В. А. Рассуждения о понятиях «пенсия», «государственная пенсия» и о праве человека и гражданина на государственную пенсию в Российской Федерации // Экономика. Социология. Право. 2022. № 4 (28). С. 94–101.
3. Винокуров В. А. Специальная военная операция: проблемы правового характера // Военно-юридический журнал. 2024. № 1. С. 6–10.
4. Кондратьев С. В. Проблемы комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации в современных условиях // Военная мысль. 2021. № 5. С. 105–107.
5. Комаров С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов – 9-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2020. 506 с.
6. Маилан С. С., Миронов А. Л. Взаимоотношение государства и общества // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. С. 166–168.
7. Музыканкина Ю. А. Методологические проблемы формирования научного знания о юридической ответственности государства перед человеком // История государства и права. 2010. № 8. С. 43–47.
8. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. Под ред. проф. М. Н. Марченко. Том 2. Теория права. М.: Издательство «Зерцало», 2000. 656 с.
9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2009. 736 с.
10. Поляков А. В. Общая теория права. Курс лекций. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. 642 с.
11. Резник Г. Не допускать двойной ответственности // Адвокатская газета URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ne-dopuskat-dvoynou-otvetstvennosti/?ysclid=m2g4p3cb6i364630408> (дата обращения 19 октября 2024 года).
12. Шулакова А. А. Принципы предоставления государственных услуг и их связь с основными конституционными принципами взаимоотношений государства и личности // Российская юстиция. 2015. № 2. С. 56–59.
13. Юридическая ответственность в правовой системе России: нормативные и правореализационные проблемы взаимосвязей, взаимодействия и противоречий: монография / Д. А. Липинский, А. В. Малько, А. А. Мусаткина и др.; под ред. А. В. Малько, Д. А. Липинского, А. А. Мусаткиной. М.: ООО «Издательский центр РИОР», 2020. 658 с.

References

1. Vinokurov VA. Problems of the relationship between the duty of a citizen of Russia to defend the Fatherland and one's right to an early state old-age pension (based on work experience). *Voенno-juridicheskij zhurnal*. 2020;(11):3-7. (In Russ.).
2. Vinokurov VA. Reasoning about the concepts of "pension", "state pension" and the right of a person and citizen to a state pension in the Russian Federation. *Jekonomika. Sociologija. Pravo*. 2022;(4(28)):94-101. (In Russ.).
3. Vinokurov VA. Special military operation: legal issues. *Voенno-juridicheskij zhurnal*. 2024;(1):6-10. (In Russ.).
4. Kondrat'ev SV. Problems of staffing the Armed Forces of the Russian Federation in modern conditions. *Voennaja mys'*. 2021;(5):105-107. (In Russ.).
5. Komarov SA. General Theory of State and Law: textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House; 2020. 506 p. (In Russ.).
6. Mailjan SS, Mironov AL. Relationship between the state and society. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2015;(12):166-168. (In Russ.).
7. Muzykankina JuA. Methodological problems of the formation of scientific knowledge about the legal responsibility of the state to a person. *Istorija gosudarstva i prava*. 2010;(8):43-47. (In Russ.).
8. General Theory of State and Law. Academic course in 2 volumes / ed. by M.N. Marchenko. Vol 2. Theory of Law. Moscow: Zertsalo Publishing House; 2000. 656 p. (In Russ.).
9. Ozhegov SI. Explanatory Dictionary of the Russian Language: approx. 100,000 Words, Terms, and Phraseological Expressions / ed. L.I. Skvortsov. Moscow: Onyx Publishing House LLC: Mir and Education Publishing House LLC; 2009. 736 p. (In Russ.).
10. Poljakov AV. General Theory of Law. Lecture Course. St.Petersburg: Publishing house "Law Center Press"; 2001. 642 p. (In Russ.).
11. Reznik G. Do not allow double liability in *Advokatskaja gazeta*. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ne-dopuskat-dvoynou-otvetstvennosti/?ysclid=m2g4p3cb6i364630408> (accessed: 19.10.2024).
12. Shulakova AA. Principles of the provision of public services and their connection with the basic constitutional principles of relations between the state and the individual. *Rossijskaja justicija*. 2015;(2):56-59. (In Russ.).
13. Legal liability in the legal system of Russia: regulatory and law-enforcement problems of interrelations, interactions and contradictions: monograph / DA Lipinskij, AV Mal'ko, AA Musatkina etc.; ed AV Mal'ko, DA Lipinskii, AA Musatkina. Moscow: RIOR Publishing Center LLC; 2020. 658 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 349.414

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.16>

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ

Кирилл Андреевич Долгополов^{1*}, Дмитрий Олегович Буркин²

^{1,2} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

¹ Доктор социологических наук, доцент
nadal06@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4496-1789>

² Доктор философских наук, доцент
burkindmitry@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1336-6146>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Актуальность вовлечения минеральных природных ресурсов в глубокую переработку, а также вовлечение в системный промышленный оборот доли российских твердых полезных ископаемых имеет стратегическое значение для Российской Федерации. Страна, столкнувшись с санкционной войной перестраивает своё законодательство под требования времени и национальных задач, как в области экономической независимости, так и в области национальной безопасности. Такая точечная диверсификация нашего гражданского и административного права, а также их трансформация при сближении частного и публичного в недропользовании, предсказывалась нашими правоведом.

Материалы и методы. Исследование затрагивает анализ взглядов ряда ученых юристов, которые условно смотрят на отношения пользования недрами как имущественный характер или же преимущественно отношения недропользования находятся в рамках административно правового метода.

Анализ. Исторически Российская Федерация имплементировала большую часть действующего сегодня законодательства регулирующего отношения недропользования с западных правовых лекал, что ситуативно дало свои результаты в начале нулевых, но такая модель постепенно обнажила нетождественную вариацию желания большего контроля над столь значимой отраслью экономики России, а в противовес выступили принципы и понятия гражданского законодательства, защищающие частный интерес предпринимательства. Следом за желанием оставить за собой право собственности на недра, и принятие Закона «О Недрах» где фиксировалась задача охраны и использования, государство всё остальные понятия о «вещи», «собственности», «объекте гражданского права», «недвижимом имуществе», «имущественном ком-

плексе», «юридическом лице» оставили гражданскому законодательству. **Результаты.** Предметом исследования стали некоторые вопросы частного и публичного регулирования отношений недропользования. Проанализированы некоторые исторические аспекты слияния частного и публичного в недропользования. Рассмотрены взгляды ряда исследователей на вопрос о правовой природе права пользования недрами и лицензии на право пользования недрами. Замечена усилившаяся роль государственного управления в области недропользования, не только как контролирующая, регулятивная и охранительная, но и как национально ориентированная, с приоритетом к экономике замкнутого цикла, где расширение частного правовых возможностей нацелено на предпринимателя, находящегося в юрисдикции нашей страны.

Ключевые слова: административно-правовой характер недропользования, гражданско-правового регулирования отношений недропользования, право пользования недрами, лицензия на пользование недрами, соглашение о разделе продукции, отношение недропользования

Для цитирования: Долгополов К. А., Буркин Д. О. Взаимодействие частного и публичного регулирования отношений недропользования // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 128–132. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.16>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 14.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 21.03.2025.

Статья принята к публикации: 25.03.2025.

Research article

INTERACTION OF PRIVATE AND PUBLIC REGULATION OF SUBSOIL USE RELATIONS

Kirill A. Dolgoplov^{1*}, Dmitry O. Burkin²

^{1,2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355017, Stavropol, Russian Federation)

¹ Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor
nadal06@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4496-1789>

² Dr. Sc. (Philosophy), Associate Professor
burkindmitry@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1336-6146>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The relevance of involving mineral natural resources in deep processing, as well as involving the share of Russian solid minerals in systemic industrial circulation is of strategic importance for the Russian Federation. The country, faced with a sanctions war, is restructuring its legislation to meet the requirements of the time and national objectives, both in the field of economic independence and in the field of national security. A precise diversification of the civil and administrative law, as well as their transformation with the convergence of the private and the

public in subsoil use, was predicted by the scholars. **Materials and Methods.** The study concerns the analysis of the views of a number of legal scholars who conditionally look at relations of subsoil use as of a property nature, or predominantly relations of subsoil use are within the framework of the administrative-legal method. **Analysis.** Historically, the Russian Federation implemented most of the current legislation regulating subsoil use from Western legal patterns, which situationally gave its results in the early 2000s, but such a model gradually revealed a

© Долгополов К. А., Буркин Д. О., 2025

non-identical variation of the desire for greater control over such a significant sector of the Russian economy, and principles and concepts acted as a counterbalance civil legislation protecting the private interests of entrepreneurship. Following the desire to retain ownership of the subsoil, and the adoption of the Law "On Subsoil", which fixed the task of protection and use, the state all other concepts of "thing", "property", "object of civil law", "real estate", "property complex", "legal entity" were left to civil law. *Results.* The subject of the study was some issues of private and public regulation of subsoil use relations. Some historical aspects of the merger of private and public subsoil use are analyzed. The views of a number of researchers on the issue of the legal nature of the right to use subsoil and the license for the right to use subsoil are considered. An increased role of public administration in the field of subsoil use has been noticed, not only as a controlling, regulatory and protective one, but also as a nationally oriented one, with a priority to the circular economy,

Введение. Нет смысла говорить о том, насколько целесообразно для государства и общества, которое его выбирает, иметь на своей территории ценный природный ресурс. Современные экспертные оценки свидетельствуют о том, что природно-ресурсный потенциал страны устойчиво высок. Нельзя сказать, что сегодня РФ всецело зависит от добычи и использования полезных ископаемых, но горнодобывающий сектор создает запас прочности для устойчивости нашей экономики. Даже не добытые, а только разведанные запасы играют большую роль для всей финансовой системы, кроме того, и перспективные проекты, которые даже не исследованы, ценны своим вкладом в общий экономический рейтинг страны и нашего рынка, так как инвесторы склонны рисковать средствами в проекты с высокой долей прибыли.

Данное замечание, например, справедливо для нового правоприменительного акта Распоряжение Правительства РФ от 16.04.2024 N 939-р «Об утверждении Перечня дефицитных видов твердых полезных ископаемых и Перечня продукции с высокой долей добавленной стоимости, производимой с использованием добытых дефицитных видов твердых полезных ископаемых». Данный документ является одним из комплекса принятых и перспективных нормативных подзаконных правовых актов в контексте системной и скооперированной работы исполнительной и законодательной власти. Он призван обеспечить свою часть комплексной работы в области потребностей экономики РФ в минеральном сырье с дефицитной номенклатурой. Президент РФ В.В. Путин ещё в 2022 г. указывал на создание спроса на национальные твердые полезные ископаемые.

Материалы и методы. Исследование затрагивает анализ взглядов ряда ученых юристов, которые условно смотрят на отношения пользования недрами как имущественный характер или же преимущественно отношения недропользования находятся в рамках административно правового метода.

Анализ. Цель такого требования В.В. Путина абсолютно понятна, ведь обеспечение комплексного заказа со стороны промышленности, а также прямая закольцованность в цепочке создания конкурентных технологичных и инновационных видов товаров из своего сырья, имеет первостепенный смысл для будущего страны. Так как ранее цепочка рынка твердых полезных ископаемых выглядела менее комбинированной и замкнутой. Сегодня задача предложить глубокую конвертацию как самой схемы сырья, добычи, обработки, производства, продажи, так и систематизировать подходы к пониманию заказа и унификации цепочки изготовления прибегая к механизмам государственных закупок

where the expansion of private legal opportunities is aimed at an entrepreneur under the jurisdiction of our country.

Keywords: administrative and legal nature of subsoil use, civil regulation of subsoil use relations, subsoil use right, subsoil use license, production sharing agreement, subsoil use relationship

For citation: Dolgoplov KA, Burkin DO. Interaction of private and public regulation of subsoil use relations. *Humanities and law research.* 2025;12(1):128-132. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.16>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 14.01.2025.

The article was approved after reviewing: 21.03.2025.

The article was accepted for publication: 25.03.2025.

или операционного лизинга. К мерам, которые необходимо разработать или трансформировать под новую модель относятся инструменты поддержки создания российских производственных мощностей и технологий переработки, добычи, разведки полезных ископаемых, геологического изучения недр, актуализация перечня основных видов стратегического минерального сырья с включением в него ресурсов для удовлетворения текущих и перспективных нужд промышленности. На законодательные процессы и правоприменительные решения в этой связи возлагаются сложные задачи. В этой связи усложняются отношения частного и публичного в сфере недропользования. Корректный и выстроенный в рамках порядка способ пользования недрами определен в Законе «О недрах». Также в редакции данного закона указано, что недра являются собственностью государства. Но, также в части 3 ст. 1.2 закона указано, что добытые из недр полезные ископаемые и иные ресурсы по условиям лицензии могут находиться и в частной собственности, что наиболее значимо соприкасается и сближает специальную отрасль с гражданско-правовым способом регулирования.

Стоит сразу отметить, что продолжительное время считалось, что законодательное регулирование управления отношений недропользования нужно выстраивать в рамках доминирования преимущественно административно правового метода. Ретроспектива развития отечественного законодательства считает такой взгляд на проблему слишком ангажированным, так как изначально здесь вплетаются гражданско-правовые нормы и институты в области регулирования отношений недропользования, а их по политическим, идеологическим и правовым смыслом нельзя обойти. Перестройка государства, диверсификация права и самой идеи жизни страны в 1991 г. стали иными, можно сказать кардинально иными.

С появлением в России такой формы собственности как частная и гражданского кодекса предопределило направленность дальнейшего взаимодействия. Уместно упомянуть, что законодатель, усиливая и трансформируя нормативно правовую базу должен стимулировать пользователя недр к правомерному, рациональному и взаимовыгодному с государством использованию участков недр. Отчасти именно та система, которая устоялась сегодня, её взаимодополняющие правовые свойства и средства учитывают интересы государства и пользователя.

Но в чем же сама дилемма взаимодействия публично правовой природы регулирования недропользования и дополнением частно правовыми элементами взаимодействия государства и инвесторов (предпри-

нимателей)? Поиск ответа нужно начать в истории вопроса и событий, которые происходят сегодня.

Российская Федерация провозгласила себя федеративным правовым государством в первой статье конституции. В этой же главе в ст. 8 и 9 говорится о приверженности нашего государства к свободной коммерческой деятельности и признании частной собственности, и в том числе на землю и другие природные ресурсы, к которым относятся и недра. На наших глазах происходила эволюция идеологии права, в области переформатирования советского взгляда на капиталистический. Новое законодательство было призвано снять затруднения для новой модели юридического равенства и свободы предпринимательства. «Пригодность права» определялось его адаптацией к новой экономической модели поведения, где система производства и распределения основана на частной собственности. Объективно гражданский кодекс был новым правовым фундаментом для адаптации изменившихся экономических отношений.

Следствием необходимости стала правовая интеграция гражданских правил в области недропользования, так как в кризисный период Россия нуждалась в частных инвестициях и технологиях, нужны были значительные деньги в реальный сектор экономики. Горнодобывающий сектор нуждался в свободных деньгах и был на грани истощения технической базы, такие ресурсы могли быть заимствованы только извне. Западные большие акционерные компании имеют комплексную частно-публичную основу, но в основном нефтяная промышленность, например в США находится в частных руках. Поскольку состояние данного сектора экономике было стагнирующим, в национальное законодательство России имплементировалось правовое содержание по западному лекалу, в которых доминировало два подхода (две правовые формы). Первый административно-правовой подход и выдача лицензии, в котором государство выступало в качестве администратора имея в собственности недра, предьявляло право пользование: добычи, разработки, разведки и т.д. И второй подход гражданско-правовой с заключением договоров концессии, соглашения о разделе продукции, риск-сервисных и др. контрактов. Учитывая выше сказанное можно дополнить картину, сказав о специальном подходе в США, так как в Соединенных Штатах сама собственность на недра может быть частной, поэтому принимающий инвестора может быть частным лицом. Но во всех этих случаях любое государство берет на себя задачи охраны, контроля и управления данной деятельностью, по средствам требований, нормативов, ограничений, учета, условий, оценки, стандартов, правовых мер и средств. Такой исчерпывающий правовой багаж мы заимствовали как монолитный фундамент для нашего законодательства. Естественно, многие правоприменители отчетливо понимали важность обеспечения защиты окружающей природной среды в рамках процесса недропользования, а конъюнктура регулирования этого вопроса полностью осталось за государственными институтами. Нельзя также забывать, что целью разделения сферы условно добычи и контроля между частным и публичным, для государство являлось монетизация и получение дохода, а также возможность модернизировать этот сектор экономики за внешний или же внутренний частный денежный ресурс. Этот абсолютно транспарантный процесс был взаимосвязан с частичной приватизационной деятельностью в отношении крупных предприятий энергетики, добывающих отраслей [1].

Усилие страны и её госорганов преломить прошлое состояние отрасли и увеличить темпы перемен чтобы обеспечить развитие в новых условиях, в которых оказалось государство интенсифицировалось в последние пару лет. Внешняя беспрецедентная и антиправовая санкционная повестка заставила наше государство в зажатые сроки изменить вектор не только политики, но и права. Принимая во внимание вышеперечисленное, необходимо сказать, что сегодня у ряда авторов, существует взгляд на задачи гражданско-правового регулирования отношений недропользования так:

1) в области вопросов, связанных с правом собственности на недра, так как само определение права собственности раскрывается в ГК РФ, вопрос с правом государственной собственности также лежит в плоскости разъяснения ст. 214 ГК РФ. Также определение участка недр отнесено ГК РФ в ст. 130 к недвижимой вещи.

2) Предоставление прав недропользования находится в плоскости договорных отношений, в том числе на основании соглашения о разделе продукции.

3) Проведение аукциона на право пользования участком недр, так как право на участие в аукционе имеют субъекты предпринимательской деятельности, в том числе участники простого товарищества, иностранные граждане и юридические лица (далее – заявители). Которые выстраивают свою коммерческую деятельность в соответствии с ГК РФ, начиная с принятия устава организации.

4) Специфические договоры, направленные на разведку, разработку и добычу полезных ископаемых (концессионное соглашение, соглашение о разделе продукции, сервисные контракты), а также договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности и предоставленного для осуществления пользования недрами.

5) В области добытых полезных ископаемых, права пользования недрами.

6) По поводу имущественного комплекса, необходимого для целей добычи минерального сырья, а также других объектов

7) По поводу ответственности, возникающей в рамках гражданско-правовых норм [3].

Заметим, что ряд судебных решений последних лет в рамках взаимодействия государства и недропользователя при оформлении выдачи лицензии и лицензионным договором рассматриваться как обязательственные отношения. Но в тоже время, есть множество решений, где данные правоотношения рассматриваться как административные (властно-волевые). Причина такой разнонаправленности в незаконности действий законодателя в области построения строгой гражданско-правовой формы регулирования отношений недропользования, которая должна базироваться на диспозитивных началах воли сторон. Закон «О недрах» в целом скорее имеет больше норм публичного характера, и уже с ними сживаются нормы частноправового характера.

Сейчас, мы бы хотели обратить внимание на признаки характерные объектам гражданских прав в недропользовании, которые имеют роль системообразующих в рамках регулирования правоотношений. Как отмечал В.В. Левченко, что объектам гражданских прав в недропользовании присущи следующие признаки: указание в законе в качестве объекта прав (юридическая привязка), дискретность, системность, присутствие в отношениях недропользования, специфичный правовой режим. Что касается правового режима объектов гражд-

данского права в недропользование, то среди них выделяют: свободу выбора контрагента и свободу договора т.е. юридическую диспозитивность; повышенное содержание обязывающих и запрещающих юридических средств, к ним также отнесены направленные на ограничение оборотоспособности объектов, а также смещенное регулирования нормами гражданского права в сочетании со специальными нормами законодательства о недрах [2].

Уже длительное время идет разговор о том, что само право пользования недрами связано с правом собственности государства на недра, в этой цепочки есть некоторые особенности, которые выглядят следующим образом. Очевидно, что право собственности на недра и право собственности на полезные ископаемые это не одно и то же. Второе это право недропользователя извлекать из недр полезные ископаемые, которые превращаются в товар. Утрата собственности государства на недра происходит в момент их извлечения или же в тот момент, который определен в лицензии или разделе продукции. Строго говоря государство предоставляя право пользования не утрачивает правомочие пользования, продолжая получать лицензионные платежи [4].

Существует естественный спор по поводу не административного, а имущественного характера прав на недра, ряд цивилистов считают, что способ передачи прав недропользования, такие как: разделение, выделение, объединение или преобразование, приобретение имущественного комплекса и т.д. Как мы указывали ранее ст. 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относит «вещи», т.е. имущественные права включая участки недр, а в свою очередь Конституция в ст. 35 также предполагает возможность лишения имущества в том числе и право пользования недрами.

Стоит отметить, что сама по себе лицензия на право пользования недрами оформляется административным ненормативным правовым актом, а в этом случае вещное право не применимо с точки зрения имущественного подхода к вопросу.

В этой связи, хотелось бы отметить, что право пользования недр обладает признаками вещных прав.

Что бы еще подробнее рассмотреть, и не упрощать сложный вопрос нашей темы, нужно спросить в чем же дилемма взаимодействия публично-правовой природы регулирования недропользования и дополнением частноправовыми элементами взаимодействия государства и инвесторов (предпринимателей). Некоторые ответы нужно проследить в истории вопроса и событий, которые происходят сегодня.

Сегодня мы видим новую динамику законодательно-го процесса частного и публичного в недропользовании, она связана вот с чем. Кризис и санкционное давление заставляют Россию пересматривать свою национальную политику, и тем более в такой чувствительно сфере как недропользование.

С одной стороны, принципиальный интерес России обеспечить суверенитет своих прав над недрами. В этой связи уже были предприняты шаги. Внесены изменения 28 июня 2022 г. в Закон о недрах, где указано что иностранные компании должны переоформить лицензии на Российское Юр лиц. Самое главное в этой ситуации, что российское юрлицо, к которому перешло право пользования недрами, будет вправе подать заявку на переоформление лицензии на пользование недрами с приложением необходимых документов в течение 180 дней со дня направления. А это означает, что государство подчеркивает неизбежность оборотоспособности

природных ресурсов через гражданско-правовые инструменты, а с другой стороны оставило за собой право решить переоформить лицензию или отказать в переоформлении. Здесь государство осуществляет экономическое влияние на иностранных инвесторов, которых заставляет определиться: будут ли они инвестировать дальше не взирая на санкции; будет ли их финансовая отчетность прозрачна и подотчетно российской юрисдикции; понять с чем нам придется столкнуться, когда иностранные компании захотят уйти и что они заберут с собой. Определенность и прозрачность — это цель политики природопользования.

Важным этапом защиты своих национальных интересов стал Указ Президента РФ от 25.04.2023 N 302 (ред. от 08.04.2024) "О временном управлении некоторым имуществом", который нацелен предупредить недружественные шаги в отношении России и обеспечить её экономическую и энергетическую безопасность.

Еще одним шагом к пересмотру взгляда на возможность добычи драгоценных металлов, например золота только юридическими лицами, получившими соответствующую лицензию на пользование недрами по итогам участия в аукционе, является законопроект № 343102-8 «О старательской деятельности». Проект закона, который сейчас находится на рассмотрении предполагает введение понятия «Старательская деятельность», «Старательский участок», суть которого вывести из тени в налоговое поле незаконную (не учитываемую) нелегальную добычу и из незаконного оборота драгоценных металлов частными лицами. Законопроект нацелен увеличить привлекательность непромышленных месторождений для золотодобывающей отрасли.

Государство предпринимает попытки увеличить свой удельный вес в уставных капиталах компаний, занимающихся недропользованием. Договоры в области недропользования нельзя признать как гражданско-правовые, их нельзя закрепить в ГК. Но огосударствление горнодобывающего сектора может в перспективе изменить структуру защиты своих прав субъектов порядок которой определен и предусмотренными гражданским законодательством для надлежащего исполнения обязательств.

Результаты. В заключении хотелось бы упомянуть документ «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» (утв. Минфином России). В нем говорится об углеродной нейтральности, так называемая «декарбонизация и энергопереход». Декарбонизация зданий означает отказ от использования углеводородов в отоплении зданий и переход на тепловые насосы, использующие возобновляемую электроэнергию. Ключевым триггером спроса на нефть является транспортный сектор, который уже сегодня претерпевает стремительные изменения. Важным эффектом механизма трансграничного углеродного регулирования станет ускорение распространения в мире углеродного налогообложения и/или квотирования выбросов парниковых газов, что неизбежно скажется на спросе на углеводороды. По оценкам ряда аналитических агентств, спрос на нефть в 2050 году в сценариях нулевых нетто-выбросов парниковых газов составит 17 – 24% от спроса в 2019 г., т.е. падение спроса ожидается в четыре - шесть раз [5]. Как итог, хотелось бы поставить вопрос, который требует уже другого, гораздо более емкого и междисциплинарного исследования: Можно ли в таком случае говорить о стремлении к повальному

и массовому использованию природных ресурсов сейчас, как к экономическому фактору который определял мировую систему, но уже уходящий в прошлое безвозвратно? Либо же это поспешное идеалистическое и по-

пулистское движение, которое лишь цепляет своим благим подходом, не имея под собой реальных перспектив, а лишь попытку собрать политический урожай.

Литература

1. Берлин С. И. Мировая практика финансово-правового регулирования в нефтяной промышленности // Современные наукоемкие технологии. 2005. № 3. С.20–25.
2. Левочки В. В. Объекты гражданских прав в недропользовании: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 218 с.
3. Прокаев А. В. Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в области добычи нефти и газа: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 191 с.
4. Третьякова Е. Правовой статус пользователя недр как особопо участника предпринимательской деятельности // Энергетическая политика. 2023. № 3 (181). С. 76–88.
5. «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» (утв. Минфином России) // СПС «Консультант плюс»

Reference

1. Berlin SI. World practice of financial and legal regulation in the oil industry. *Sovremennye naukoemkie tehnologii*. 2005;(3):20-25. (In Russ.).
2. Levochko VV. Objects of civil rights in subsoil use: thesis. Moscow; 2018. 218 p. (in Russ.).
3. Prokaev AV. Civil-legal regulation of contractual relations in the field of oil and gas production: thesis. Saratov; 2005. 191 p. (in Russ.).
4. Tretyakova E. Legal status of a subsoil user as a special participant in entrepreneurial activity. *Jenergeticheskaja politika*. 2023;(3(181)):76-88. (in Russ.).
5. Main directions of budget, tax and customs-tariff policy for 2022 and for the planning period of 2023 and 2024 (approved by the Ministry of Finance of Russia) in SPS "Consultant plus"(in Russ.).

Научная статья

УДК 340.143

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.17>

ПРОБЛЕМАТИКА КОМПЕТЕНЦИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Максим Сергеевич Трофимов

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)

Кандидат юридических наук, доцент

sim-pai@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8584-6563>

Аннотация. Введение. Компетенция местного самоуправления является предметом исследования российских ученых с начала 1990-х гг. Несмотря на большое количество работ, так или иначе связанных с проблематикой компетенции местного самоуправления и органов муниципальных образований, объем вопросов местного значения и сложности в их решении требуют всестороннего изучения этого вопроса. Компетенция местного самоуправления является комплексной и состоит из собственной компетенции, делегированной компетенции и факультативной компетенции. Важной и неотъемлемой частью компетенции местного самоуправления являются вопросы охраны окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности.

Материалы и методы. При подготовке научной публикации использовались разные общенаучные и научно-научные методы научного познания. Среди специальных методов - метод толкования правовых норм, формально-юридический метод, юридико-технический метод, сравнительно-правовой метод. Были исследованы законодательные акты Российской Федерации, посвященные вопросам организации и осуществления местного самоуправления, охране окружающей природной среды и животного мира, лесных и водных объектов, земель, атмосферного воздуха, а также обеспечению экологической безопасности. Изучена литература по общей теории муниципального права и по вопросам экологических полномочий местного самоуправления российских авторов 1990-2000-х гг., 2010-х гг., а также настоящего времени.

Анализ. Компетенция местного самоуправления напрямую зависит от правового акта, которым устанавливается, способ определения компетенции и органа муниципального образования, компетенция которого устанавливается, а также вида муниципального образования. Реализуя муниципальное управление органы местного самоуправления, в том числе, решают вопросы местного значения и исполняют отдельные делегированные полномочия в природоохранной сфере и сфере обеспечения экологической безопасности. Компетенция местного самоуправления в указанной сфере устанавливается как Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», так и большим количеством законодательных актов, которые относятся к сфере экологического права.

Причем, прямо у органов местного самоуправления нет таких полномочий как «охрана окружающей природной среды» или «обеспечение экологической безопасности», так как эти полномочия комплексные и включают в себя ряд других, четко определенных вопросов местного значения, вопросов компетенции органов местного самоуправления. Вероятно, по этой причине в современной правовой науке выделяются несколько основных направлений исследования компетенции органов местного самоуправления в рассматриваемой сфере. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Полномочия органов местного самоуправления в сфере охраны окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности представляют собой совокупность прав и обязанностей, направленных на охрану природных ресурсов, обеспечение экологической безопасности, управление и утилизацию отходов, участие в экологическом нормотворчестве в пределах своей компетенции. Компетенция органов местного самоуправления в России в рассматриваемой сфере охраны окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности носит децентрализованный и производный характер. В целом органы местного самоуправления играют ключевую роль в решении локальных экологических проблем в России, но их эффективность ограничена фрагментарностью законодательства и ресурсной недостаточностью бюджетов муниципальных образований.

Ключевые слова: местное самоуправление, компетенция местного самоуправления, экологическая безопасность, охрана природной среды

Для цитирования: Трофимов М. С. Проблематика компетенции органов местного самоуправления в сфере охраны окружающей природной среды и экологической безопасности в современной Российской Федерации // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 133–139. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.17>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 16.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.03.2025.

Статья принята к публикации: 28.03.2025.

Research article

PROBLEMS OF COMPETENCE OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION AND ENVIRONMENTAL SAFETY IN THE RUSSIAN FEDERATION UNDER PRESENT-DAY CONDITIONS

Maxim S. Trofimov

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Associate Professor

sim-pai@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8584-6563>

Abstract. Introduction. The competence of local self-government has been the subject of research by Russian

scientists since the early 1990s. Despite the large number of works related in one way or another to the issues of competence

© Трофимов М. С., 2025

of local self-government and municipal bodies, the volume of issues of local importance and the difficulties in solving them require a comprehensive study of this issue. The competence of local government is complex and consists of its own competence, delegated competence and optional competence. Environmental protection and environmental safety issues are an important and integral part of the competence of local self-government. **Materials and Methods.** When preparing a scientific publication, various general scientific and private scientific methods of scientific knowledge were used. Among the special methods are the method of interpreting legal norms, the formal-legal method, the legal-technical method, and the comparative-legal method. The legislative acts of the Russian Federation devoted to the organization and implementation of local self-government, the protection of the environment and wildlife, forest and water bodies, land, atmospheric air, as well as environmental safety were studied. The literature on the general theory of municipal law and on the environmental powers of local self-government of Russian authors of the 1990s-2000s, 2010s, as well as the present has been studied. **Analysis.** The competence of local self-government directly depends on the legal act that establishes the method of determining the competence and the body of the municipality whose competence is specified, as well as the type of municipality. Implementing municipal administration, local governments, among other things, resolve issues of local importance and exercise separate delegated powers in the environmental sphere and in the field of environmental safety. The competence of local self-government in this area is established both by the Federal Law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" and by a large number of legislative acts that relate to the field of environmental law. Moreover, local governments do not have such powers as

Введение. На конституционном уровне в нашей стране закреплен институт местного самоуправления (ст.12 Конституции РФ [13]), что придает ему особенную правовую и политическую значимость.

Как следует из положений Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [25] (далее – закон о местном самоуправлении) проживающие на территории муниципальных образований люди (население) имеет право решать самостоятельно разнообразные вопросы местного значения, при этом население не может быть кем-либо, например, государством, лишено этого права. Реализация права на решение местных вопросов происходит как непосредственно, так и через органы местного самоуправления (далее – ОМСУ).

У ОМС среди прочих функций есть функция осуществления муниципального управления, которая связана с деятельностью в рамках соответствующих полномочий и предметов ведения. [18] Они связаны с решением соответствующих вопросов местного самоуправления и других задач, которые ставятся перед муниципальными образованиями государством.

Важной функцией органов публичной власти муниципальных образований, реализующих муниципальное управление в современном государстве является как охрана окружающей среды, так и обеспечение экологической безопасности, которые должны рассматриваться в неразрывной связи друг с другом.

Для ОМСУ подобная деятельность является специфической, основанной на ряде законодательных актов, в том числе не относящихся к отрасли муниципального права России и связана с рядом проблем правового и практического характера.

По указанным причинам в последние годы компетенция ОМСУ в области охраны природной среды и обеспечения экологической безопасности все чаще оказывается в центре внимания ученых-правоведов.

Материалы и методы. Исследование основано на ряде методов юридической науке, таких как метод

“protecting the environment” or “ensuring environmental safety,” since these powers are complex and include a number of other, clearly defined issues of local importance, issues of competence of local governments. Probably, for this reason, in modern legal science, several main areas of study of the competence of local governments in this area are distinguished. **Results.** Based on the results of the study, the following conclusions can be drawn. The powers of local governments in the field of environmental protection and environmental safety are a set of rights and obligations aimed at protecting natural resources, ensuring environmental safety, managing and disposing of waste, and participating in environmental rule-making within their competence. The competence of local authorities in Russia in the field of environmental protection and environmental safety under consideration is decentralized and derivative. In general, local governments play a key role in solving local environmental problems in Russia, but their effectiveness is limited by the fragmentation of legislation and resource shortages of municipal budgets.

Keywords: local self-government, competence of local self-government, environmental safety, environmental protection

For citation: Trofimov MS. Problems of competence of local self-government bodies in the field of environmental protection and environmental safety in the Russian Federation under present-day conditions. *Humanities and law research.* 2025;12(1):133-139. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.17>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 16.01.2025.

The article was approved after reviewing: 18.03.2025.

The article was accepted for publication: 28.03.2025.

толкования правовых норм, формально-юридический метод, юридико-технический метод, сравнительно-правовой метод.

Были изучены и исследованы федеральные и региональные законодательные акты Российской Федерации, посвященные вопросам организации и осуществления местного самоуправления, охране окружающей природной среды и животного мира, лесных и водных объектов, земель, атмосферного воздуха, а также обеспечению экологической безопасности.

Проведен сравнительный анализ понятий «предметы ведения», «вопросы местного значения», «полномочия», «компетенция» местного самоуправления применительно к экологической сфере, а также относительно сущности этих понятий.

Изучены существующие в российской юридической науке последних лет научные исследования компетенции местного самоуправления в сфере охраны окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности, сделаны выводы об особенностях формирования компетенции муниципальных органов в сфере экологии и способах ее формирования.

Для верификации выводов, усиления их научной составляющей, учета новейших достижений российской правовой науки изучены труды российских ученых, специализирующихся в области муниципального права.

Анализ. В науке муниципального права России с середины 1990-х гг. неоднократно выдвигались предложения о научных определениях, как компетенции местного самоуправления, так и предметов ведения.

Например, по авторитетному мнению В.И. Фадеева, под предметами ведения местного самоуправления в России следует понимать некий круг вопросов, определенных федеральными, региональными и муниципальными правовыми актами, обусловленных сущностью местного самоуправления, решение по которым принимается выборными и иными ОМСУ, либо самостоятельно населением муниципального образования, либо ими совместно. [14, с.470]

Термин компетенция в отношении органов публичной власти может пониматься как круг вопросов (предметов ведения) и прав (полномочий) по их решению. Такие полномочия должны быть установлены соответствующим правовым актом.

Применительно к местному самоуправлению термин «компетенция» используется для характеристики правового статуса его участников: населения, органов муниципального образования и его должностных лиц. Н.В. Постовой пишет, что его компетенция представляет собой «совокупность прав, обязанностей и предметов ведения, закрепленных конституционными нормами, законами и подзаконными актами. Эти полномочия направлены на реализацию функций и задач местного самоуправления». [21, с.274]

А.В. Колесников подчеркивает, что «местное самоуправление не только решает вопросы местного значения, но и служит инструментом приближения государственной власти к населению. Это достигается через: исполнение переданных государственных полномочий; формы совместной деятельности с государственными органами». [12, с.106]

Основываясь на достижениях российской юридической науки необходимо констатировать, что компетенция местного самоуправления (как населения, так и органов публичной власти), может быть классифицирована на:

1) собственную компетенцию, закрепленную непосредственно в федеральном законе о местном самоуправлении, а также в законодательных актах субъектов Федерации, посвященных о реализации тех или иных вопросов местного самоуправления;

2) делегированную компетенцию, которая в установленном законодательством России порядке передана ОМСУ соответствующего муниципального образования. [8, 18]

3) Факультативная компетенция – по сути, это отдельные вопросы, право решать которые, не отнесено к ведению государства или других муниципальных образований. На практике она может устанавливаться, в том числе, отдельными законодательными актами, не относящимися к регулированию местного самоуправления и не основываться на правилах делегирования отдельных государственных полномочий [18].

При этом современная наука муниципального права требует рассматривать компетенцию ОМСУ в соответствии с тремя основными аспектами: территориями реализации компетенции (виды муниципальных образований), субъектами компетенции (кто реализует полномочия) и источниками (нормативные акты) наделятия ОМСУ этой компетенцией.

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» пошел по пути закрепления вопросов местного значения применительно к видам муниципальных образований (от более мелких территориально до более крупных): городское, сельское поселение (ст. 14 Закона); муниципальный район (ст.15); округ городской и муниципальный (ст.16); внутригородской район (ст. 16.2).

В этой же главе Закона в ст.14.1, 15.1, 16,1 закреплены права ОМСУ на решение вопросов, которые не отнесены к вопросам местного значения в статьях 14-16.2.

Всем перечисленным выше вопросам местного значения (предметам ведения, направления деятельности) ОМСУ, соответствуют полномочия по их решения ст.17 закона о местном самоуправлении.

Компетенция местного самоуправления связана с конкретными органами муниципального образования, зависит от вида органа. Так представительные и исполнительные органы муниципального образования имеют разные полномочия, в связи с исполнением ими разных функций в рамках реализации муниципального управления.

Соответственно, структура компетенции ОМСУ включает в себя: вопросы местного значения, указанные непосредственно в законе о местном самоуправлении; полномочия органов и населения муниципального образования по их решению; делегированные полномочия; а также права ОМСУ на решение вопросов, не отнесенных к вопросам местного значения законом.

«Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ содержит открытый перечень полномочий ОМСУ, который может дополняться как федеральными, так и региональными законами» [19, с.103].

Практическая деятельность ОМСУ по решению вопросов местного значения и обеспечению жизнедеятельности муниципального образования, решению социальных и иных вопросов на территории муниципального образования в интересах населения является муниципальным управлением [18].

Одной из сфер деятельности ОМСУ, причем достаточно специфичной, является охрана окружающей природной среды, экологии и обеспечение экологической безопасности. ОМСУ организацию и осуществляют муниципальное управление как в указанной сфере, так и в целях защиты этой сферы, при осуществлении любой деятельности на территории муниципального образования.

По мнению Р.М. Усмановой, «обеспечение благоприятной окружающей среды является задачей не только органов государственной власти РФ и субъектов РФ, но и задачей ОМСУ. Особенность заключается в том, что отношения в этой сфере регулируются не общим законом об охране окружающей среды, а нормами, которые содержатся в различных отраслевых законах» [23, с.173].

Охрана окружающей среды в соответствии с положениями Федерального закона «Об охране окружающей среды», представляет собой «деятельность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений и других негосударственных некоммерческих организаций, иных юридических лиц, граждан, направленная на сохранение и восстановление природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию ее последствий» [26].

В свою очередь, экологическая безопасность - это «состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий» [26].

Такие понятия, как «охрана окружающей природной среды» и «экологическая безопасность» в тексте федерального закона о местном самоуправлении отсутствуют, как и нет в нем специальных полномочий ОМСУ по обеспечению экологической безопасности. Компетенция ОМСУ в этом вопросе комплексная, состоящая

из целого ряда статей, как муниципального законодательства России, так и законодательства экологического.

В России сфера охраны окружающей природной среды и экологической безопасности регулируется рядом других законодательных актов.

Прежде всего, речь идет о Конституции России, в которой закрепляют право на благоприятную окружающую среду (ст. 42) и обязанность сохранять природу (ст. 58).

Дополняют конституционные нормы ряд отраслевых федеральных законодательных актов. К ним необходимо относить «базовый закон, регулирующий отношения в области охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования» [31] - Федеральный закон «Об охране окружающей среды»; кодексы: Земельный кодекс РФ от 25.10.2001 № 136-ФЗ [10], Лесной кодекс РФ от 04.12.2006 № 200-ФЗ [16], Водный кодекс РФ от 03.06.2006 № 74-ФЗ [3]; Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» [28]; Федеральный закон от 19.07.1998 № 113-ФЗ «О гидрометеорологической службе» [27]; Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» [29]; Федеральный закон от 04.05.1999 № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» [24]. Каждый из указанных законодательных актов, как следует из их названия, регулирует определенную сферу общественных отношений, так или иначе связанную с природой, окружающей средой, состоянием экологии.

Эти законодательные акты формируют правовую основу для обеспечения экологической безопасности в России, регулируя как общие вопросы охраны окружающей среды, так и специфические аспекты природопользования и экологической безопасности.

Также необходимо отметить, что на сегодняшний день, все субъекты Российской Федерации наделены компетенцией на собственное регулирование экологических отношений, в том числе на разработку и принятие собственных правовых актов (законов и нормативных актов подзаконного характера) в области охраны окружающей природной среды. Это право закреплено в ст.72 Конституции России, в которой охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности отнесены к вопросам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов.

В субъектах Российской Федерации законодательные и подзаконные правовые акты принимаются по вопросам охраны водных объектов и лесных ресурсов, установления нормативов качества окружающей среды и их соблюдения, порядка обращения с отходами, развития экологического образования и культуры населения, организации и проведения экологического мониторинга и др.

При этом региональные законы не должны противоречить федеральному законодательству, что обеспечивает единство правового регулирования в области экологии на всей территории России.

Компетенцию федеральных и региональных органов государственной власти России в сфере охраны окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности, закрепленную в законодательстве России о местном самоуправлении, можно представить следующим образом.

В ст. 14 (вопросы городского, сельского поселения) федерального закона о местном самоуправлении, указаны:

- участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций на территории муниципального образования (ст. 14.1.6); организация сбора и вывоза бытовых отходов (ст. 14.1.8); озеленение территорий, создание и содержание зеленых зон (создание парков, защита зеленых зон) (ст. 14.1.9); контроль за использованием муниципальных земель и водных объектов (ст. 14.1.10).

В ст. 15 (муниципальный район) содержатся следующие вопросы:

- организация мероприятий по охране природы межпоселенческого масштаба, включая проведение общественных обсуждений планируемой хозяйственной деятельности на территории района в соответствии с экологическим законодательством (ст. 15.1.9); участие в организации системы обращения с твердыми коммунальными отходами (включая отдельный сбор, транспортировку, переработку и захоронение) на территории района, а также ликвидацию несанкционированных свалок (ст. 15.1.14); контроль за охраной и использованием особо охраняемых природных территорий местного значения (ст. 15.1.22); осуществление муниципального лесного контроля (ст. 15.1.29); выявление объектов накопленного экологического ущерба и организация работ по его ликвидации в границах муниципальных земельных участков (ст. 15.1.37).

В ст. 16 (муниципальный, городской округ) следующие вопросы:

- организация мероприятий по охране окружающей среды, в том числе организация и проведение общественных обсуждений планируемой хозяйственной и иной деятельности на территории округа (ст. 16.1.11); участие в организации деятельности по накоплению, сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, захоронению твердых коммунальных отходов (ст. 16.1.24); создание особо охраняемых природных территорий (ООПТ) местного значения (ст.16.1.30); осуществление муниципального лесного контроля (ст. 16.1.38); осуществление выявления объектов накопленного вреда окружающей природной среде и организация ликвидации такого вреда в границах муниципального округа, городского округа (ст.16.1.45).

При всем этом, ОМСУ не могут заменять собой федеральные и региональные органы экологического надзора (Росприроднадзор, Роспотребнадзор), самостоятельно вводить штрафы за нарушения в сфере охраны окружающей среды и природопользования, не предусмотренные КоАП РФ, а также не вправе принимать решения самостоятельно о ликвидации опасных производств без соответствующего согласования с органами государственной власти.

За неисполнение полномочий в сфере охраны природной среды и экологической безопасности органы и должностные лица местного самоуправления могут быть привлечены к юридической ответственности (административной и уголовной).

В последние годы в России выросло внимание ученых, в том числе правоведов, к проблематике обеспечения ОМСУ экологической безопасности.

Можно выделить следующие направления исследований полномочий ОМСУ в обеспечении экологической безопасности, регламентированные и основанные на нормах Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» и экологического законодательства:

1. Организация мероприятий по охране окружающей среды. В данном случае речь идет об исследованиях полномочий ОМСУ по организации мероприятий по охране окружающей среды [1, 4, 6, 33, 34, 33, 34].

2. Выявление и ликвидация экологического ущерба. В научных работах рассматривается роль местных органов власти в выявлении объектов накопленного вреда окружающей среде и организации их ликвидации, что особенно важно для территорий с историческими экологическими проблемами [7, 11, 17, 34].

3. Участие общественности в экологических инициативах. Исследования направлены на вовлечение населения в решение экологических проблем, включая организацию субботников и меры по предотвращению образования несанкционированных свалок [9, 30, 33, 34].

4. Разработка нормативных актов в сфере охраны окружающей природной среды и экологической безопасности и их реализация. В научных исследованиях современных авторов анализируются полномочия ОМСУ по разработке и исполнению нормативных актов, регулирующих охрану окружающей среды, включая совместную деятельность в указанном направлении с региональными и федеральными органами власти [4, 9, 31, 32, 33, 34].

5. Контроль за соблюдением экологических стандартов. Исследования включают анализ полномочий местных органов власти в области контроля за соблюдением экологических стандартов на предприятиях и в городских территориях, что способствует снижению уровня загрязнения [5, 20, 34].

Результаты. Подводя итог проведенному исследованию, представляется возможным сделать ряд выводов.

Полномочия ОМСУ в сфере охраны окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности можно определить как совокупность прав и обязанностей, направленных на охрану природных ресурсов, обеспечение экологической безопасности, управление и утилизацию отходов, участие в экологическом нормотворчестве в пределах своей компетенции.

Компетенция ОМСУ в России в сфере охраны окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности носит децентрализованный и производный характер. Она основывается на правовом закреплении вопросов местного значения (ст. 14–16 Федерального закона от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ») и включает делегированные государственные полномочия (например, муниципальный лесной контроль, ликвидация накопленного экологического ущерба).

Также необходимо выделить ряд проблем правового регулирования компетенции ОМСУ в рассматриваемой сфере.

Во-первых, нечеткое разграничение полномочий между федеральными, региональными и муниципальными органами публичной власти, ведущее к дублированию полномочий или бездействию должностных лиц.

Во-вторых, отсутствие системности, т.е. компетенция ОМСУ основывается на множестве нормативно-правовых актов из сферы экологического и муниципального права, что затрудняет их реализацию полномочий и решение вопросов местного значения органами муниципального управления.

В-третьих, многие экологические задачи (например, ликвидация свалок) требуют значительных финансовых средств, однако бюджеты муниципальных образований зачастую не имеют необходимых средств в достаточном для решения этого вопроса размере.

В-четвертых, у ОМСУ нет полноценных достаточных властных полномочий для принуждения юридических лиц, находящихся на территории муниципального образования, к соблюдению экологических норм. К тому же контрольные механизмы на муниципальном уровне недостаточно эффективны.

В-пятых, правовая регламентация участия ОМСУ в осуществлении экологической экспертизы и экологическом мониторинге недостаточна.

В-шестых, традиционной является проблема взаимодействия ОМСУ с органами государственной власти, в особенности это касается ряда вопросов крупных загрязнений или негативной для окружающей среды деятельности крупных промышленных объектов.

ОМСУ играют ключевую роль в решении локальных экологических проблем в России, но их эффективность ограничена фрагментарностью законодательства и ресурсной недостаточностью бюджетов муниципальных образований. Для повышения качества муниципального управления в сфере охраны окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности требуются новые системные подходы, которые позволят решить проблемы разграничения и четкого закрепления полномочий органов публичной власти разных уровней, будут способствовать совершенствованию финансового обеспечения мероприятий и полномочий ОМСУ, а также повлияют на усиление межведомственного взаимодействия как между органами государственной власти и ОМСУ, так и между ОМСУ разных муниципальных образований.

Литература

1. Акимова Р. А., Сайпулаева Г. И. Проблемы экологической безопасности муниципального образования и пути их решения // Нефтегазовое дело, техносферная безопасность, рациональное природопользование: сборник материалов конференции / ДГТУ (Дагестанский государственный технический университет). Махачкала: АЛЕФ, 2022. С. 170–173.
2. Валеева Р. В., Минина Н. Н. Эколого-биологическое состояние села Шаран Шаранского района Республики Башкортостан // Символ науки. 2024. Т. 12. № 1. Ч. 2. С. 55–58.
3. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60683/ (дата обращения: 31.03.2025).
4. Водянова М. А., Ушакова О. В., Савостикова О. Н., Русаков Н. В. Система обращения с отходами: санитарно-эпидемиологические и природные аспекты // Медицина труда и промышленная экология. 2024. Т. 64. № 10. С. 636–643.
5. Воробьева Д. С. Полномочия органов местного самоуправления в сфере охраны окружающей среды: некоторые проблемные аспекты // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 12. С. 25–29.
6. Глухов В. В. Качество окружающего воздуха и продуктивность труда: учебное пособие. СПб: Политех-Пресс. 2024. 61 с.
7. Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации: участие органов местного самоуправления в реализации национальных проектов / Под ред. К. А. Ивановой. М: Изд-во «Проспект». 2020. 456 с.
8. Забелина Е. П. Муниципальная власть и ее процессуальное обеспечение // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 74–79.

9. Закон Самарской области от 6.04.2010 № 36-ГД «О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями в сфере охраны окружающей среды» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/945027198> (дата обращения: 01.04.2025).
10. Захарова В.А. Экологическое поведение молодежи Юга России: структура, институты и барьеры развития: дисс. докт. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2024. 348 с.
11. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 01.02.2025).
12. Кожевников О. А., Мочалов А. Н. К вопросу о роли местного самоуправления в научно-технологическом развитии России: нормативно-правовые аспекты // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2023. № 1. С. 89–101.
13. Колесников А. В. Задачи, элементы, цели и принципы современной муниципально-правовой политики // Правовая политика и модернизация государственности. Материалы международной научно-практической конференции 13-14 декабря 2012 г. Т. 1. Пятигорск: РИА КМВ. 2012. С. 104–107.
14. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 10.01.2025).
15. Кутафин О. Е., Фадеев В. И. Муниципальное право Российской Федерации. М.: Проспект. 2006. 669 с.
16. Лазарев Б. М. Компетенция органов управления. М.: Юридическая литература, 1972. 280 с.
17. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/ (дата обращения: 01.02.2025).
18. Муниципальное управление и местное самоуправление: учебник / Под ред. И. А. Алексеева. М.: ИНФРА-М. 2018. 353 с.
19. Оль Е. М., Шадров М. А. Теоретико-правовой анализ полномочий территориальных форм органов местного самоуправления в экологической сфере // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 2(44). С. 96–104.
20. Постановление Правительства РФ от 14 марта 2024 г. № 300 «Об утверждении Положения о государственном экологическом мониторинге (государственном мониторинге окружающей среды)». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1305207762> (дата обращения: 30.01.2025).
21. Постовой Н. В. Муниципальное право России: Учебник. М.: Издательство «Юриспруденция», 1998. 349 с.
22. Рубченко Н. А. Полномочия органов местного самоуправления в сфере охраны окружающей среды // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 5. С. 62–67.
23. Усманова Р. М. Правовое регулирование полномочий органов местного самоуправления по обеспечению экологической безопасности // Правовое государство: теория и практика. № 4(58). 2019. С. 172–177.
24. Федеральный закон от 04.05.1999 № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22971/ (дата обращения: 01.04.2025).
25. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 01.02.2025).
26. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/bb9e97fad9d14ac66df4b6e67c453d1be3b77b4c/ (дата обращения: 01.02.2025).
27. Федеральный закон от 19.07.1998 № 113-ФЗ «О гидрометеорологической службе». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19456/ (дата обращения: 01.02.2025).
28. Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8515/ (дата обращения: 01.02.2025).
29. Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6542/ (дата обращения: 01.02.2025).
30. Чалая В. Ю. Роль гражданского общества в решении экологических проблем // Сборник материалов конференции «Кооперация без границ: расширение рамок социальной экономики» (Белгород) 03–07 апреля 2017 г. Часть 4. Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2017. С. 590–595.
31. Чертова Н. А. Конституционно-правовые основы обеспечения экологической безопасности Российской Федерации: на опыте северных регионов: дисс. ... докт. юрид. наук. М, 2007. 409 с.
32. Чижикина А. Г. Экологическая безопасность как основа стабильного развития России сегодня. URL: <https://apni.ru/article/10087-ekologicheskaya-bezopasnost-kak-osnova-stabilnogo-razvitiya-rossii-segodnya> (дата обращения: 28.01.2025).
33. Экологическая ситуация в России: мониторинг / ВЦИОМ. — 2023 // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-20230309> (дата обращения: 20.01.2025).
34. Экологическое право (особенная часть) / О. А. Глушко, Ю. А. Новикова; Министерство сельского хозяйства Российской Федерации, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина. Краснодар: КубГАУ, 2024. 110 с.

References

1. Akimova RA, Saipulaeva GI. Problems of environmental safety of the municipality and ways to solve them in oil and gas industry, technosphere safety, rational use of natural resources: conference proceedings. Mahachkala: Alef; 2022. P. 170-173. (In Russ.).
2. Valeeva RV, Minina NN. The ecological and biological condition of the village of Sharan in the Sharan District of the Republic of Bashkortostan. *Simvol nauki*. 2024;12(1):55-58. (In Russ.).
3. Water Code of the Russian Federation 03.06.2006 № 74-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60683/ (accessed: 31.03.2025). (In Russ.).
4. Vodyanova MA, Ushakova OV, Savostikova ON, Rusakov NV. Waste management system: sanitary, epidemiological and natural aspects. *Meditcina truda i promyshlennaya ekologiya*. 2024;64(10):636-643. (In Russ.).
5. Vorob'eva DS. Powers of local governments in the field of environmental protection: some problematic aspects. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 2024;(12):25-29. (In Russ.).
6. Glukhov VV. Ambient Air Quality and Productivity. St. Petersburg: Politekh-Press. 2024. 61 p. (In Russ.).
7. Report on the state of local self-government in the Russian Federation: participation of local governments in the implementation of national projects / ed KA Ivanova. Moscow: Prospekt; 2020. 456 p. (In Russ.).
8. Zabelina EP. Municipal power and its procedural support. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2022;(7):74-79. (In Russ.).
9. Law of the Samara Region dated 6.04.2010 No. 36-GD On vesting local self-government bodies with certain state powers in the field of environmental protection URL: <https://docs.cntd.ru/document/945027198> (accessed: 01.04.2025). (In Russ.).
10. Zakharova VA. Environmental behavior of young people in the South of Russia: structure, institutions and barriers to development: thesis. 2024. 348 p. (In Russ.).

11. Land Code of the Russian Federation 25.10.2001 № 136-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (accessed: 01.02.2025). (In Russ.).
12. Kozhevnikov OA, Mochalov AN. On the role of local self-government in the scientific and technological development of Russia: regulatory and legal aspects. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya*. 2023;(1):89-101. (In Russ.).
13. Kolesnikov AV. Objectives, elements, goals and principles of modern municipal legal policy in Legal policy and modernization of statehood. Materials of the international scientific and practical conference December 13-14, 2012. Vol. 1. Pyatigorsk: RIA KMV; 2012. P. 104-107. (In Russ.).
14. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (accessed: 10.01.2025). (In Russ.).
15. Kutafin OE, Fadeev VI. Municipal law of the Russian Federation. Moscow: Prospekt; 2006. 669 p. (In Russ.).
16. Lazarev BM. Competence of management bodies. Moscow: Legal Literature; 1972. 280 p. (In Russ.).
17. Forest Code of the Russian Federation 04.12.2006 № 200-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/ (accessed: 01.02.2025). (In Russ.).
18. Municipal government and local government: a textbook. pod red. IA Alekseeva. Moscow: INFRA-M; 2018. 353 p. (In Russ.).
19. Ol' EM, Shadrov MA. Legal and theoretical analysis of the powers of territorial forms of local self-government bodies in the environmental sphere. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal*. 2016;2 (44):96-104. (In Russ.).
20. Decree of the Government of the Russian Federation of March 14, 2024 No. 300 "On approval of the Regulation on state environmental monitoring (state environmental monitoring)". URL: <https://docs.cntd.ru/document/1305207762> (accessed: 30.01.2025). (In Russ.).
21. Postovoi NV. Municipal Law of Russia: Textbook. Moscow: Izdatel'stvo "Yurisprudentsiya"; 1998. 349 p. (In Russ.).
22. Rubchenko NA. Powers of local authorities in the field of environmental protection. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2022;5:62-67. (In Russ.).
23. Usmanova RM. Legal regulation of the powers of local authorities to ensure environmental safety. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2019;(4(58)):172-177. (In Russ.).
24. Federal Law No. 96-FZ of May 4, 1999 On the Protection of Atmospheric Air. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22971/ (accessed: 01.04.2025). (In Russ.).
25. Federal Law No. 131-FZ of October 6, 2003 "On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (accessed: 01.02.2025). (In Russ.).
26. Federal Law No. 7-FZ of January 10, 2002 "On Environmental Protection" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/bb9e97fad9d14ac66df4b6e67c453d1be3b77b4c/ (accessed: 01.02.2025). (In Russ.).
27. Federal Law No. 113-FZ of July 19, 1998 "On the Hydrometeorological Service" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19456/ (accessed: 01.02.2025). (In Russ.).
28. Federal Law No. 174-FZ of November 23, 1995 "On Environmental Expertise" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8515/ (accessed: 01.02.2025). (In Russ.).
29. Federal Law No. 52-FZ of April 24, 1995 "On Wildlife". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6542/ (accessed: 01.02.2025). (In Russ.).
30. Chalaya VYu. The role of civil society in addressing environmental issues in Collection of materials from the conference "Cooperation without borders: expanding the framework of social economy" (Belgorod), April 3-7, 2017. Part 4. Belgorod: Belgorod University of Cooperation, Economics and Law; 2017. P. 590-595. (In Russ.).
31. Chertova NA. Constitutional and legal basis for ensuring environmental safety of the Russian Federation: based on the experience of the northern regions: thesis. Moscow; 2007. 409 p. (In Russ.).
32. Chizhikova AG. Environmental safety as the basis for Russia's stable development today. URL: <https://apni.ru/article/10087-ekologicheskaya-bezopasnost-kak-osnova-stabilnogo-razvitiya-rossii-segodnya> (accessed: 28.01.2025). (In Russ.).
33. Environmental situation in Russia: monitoring / VTsIOM. - 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-20230309> (accessed: 20.01.2025). (In Russ.).
34. Environmental law (special part). Ed. by OA Glushko, YuA Novikova. Krasnodar: KubSAU publ.; 2024. 110 p. (In Russ.).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
PHILOLOGICAL SCIENCESНаучная статья
УДК 81-25<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.18>СПЕЦИФИКА ДИНАМИКИ СОДЕРЖАНИЯ НОМИНАЦИИ РОЗОВЫЙ
И ЕЕ ПРОИЗВОДНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Татьяна Васильевна Алейникова

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)
Аспирант
tanyshaaleinikova46@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0004-1128-4368>

Аннотация. Введение. Проблематика семантизации системы цветообозначений в лингвистике рассматривается, во-первых, с точки зрения систематизации цвета как компонента культуры, отражающего этнокультурные ценности. Во-вторых, в рамках категориальной системы, где цвет является универсумом, поскольку характеризует свойства объектов материального мира, которые воспринимаются посредством зрительных ощущений и получают свое языковое выражение через цветообозначения. Актуальность статьи основана на отсутствии работ, посвященных различным проявлениям процесса семантизации номинации *розовый* в русском языке. **Материалы и методы.** Материалом работы послужила лексема *розовый* и ее производные в толковых словарях и выборка высказываний, включающих данные номинации, из Национального корпуса русского языка и Интернет-форумов. Использовались общенаучные и специальные лингвистические методы. **Анализ.** Автор выявляет значения (прямые и переносные) лексемы *розовый* в словарях и анализирует динамику отражения номинации в словарях, обращается к изучению функционирования лексемы *розовый* в разговорной речи, формирует корпус узуальных значений. На основе собранного материала автор составляет перечень

узуальных значений, характерных для лексемы *розовый*, в разговорной речи: 1) лексема *розовый* в её узуальных значениях; 2) лексемы в авторском значении; 3) устойчивые сочетания, в состав которых входит номинация *розовый*. **Результаты.** Изучение влияния специфики динамики содержания номинации *розовый* и ее производных в русском языке позволяет выявить особенности семантизации розового как объекта симпатий и антипатий в разговорной речи. Сама номинация *розовый* меняется, появляются смыслы, обусловленные интересами общества.

Ключевые слова: цветообозначение, узуальное значение, семантизация, динамика содержания, оценочный компонент, разговорная речь

Для цитирования: Алейникова Т. В. Специфика динамики содержания номинации *розовый* и ее производных в русском языке // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. №1. С. 140–147. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.18>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 16.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.03.2025.

Статья принята к публикации: 28.03.2025.

Research article

SPECIFICS OF THE DYNAMICS OF THE CONTENT OF THE NOMINATION PINK
AND ITS DERIVATIVES IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Tatiana V. Aleynikova

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)
Postgraduate student
tanyshaaleinikova46@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0004-1128-4368>

Аннотация. Введение. The problem of semanticizing the system of color meanings in linguistics is considered, firstly, from the point of view of systematization of color as a component of culture reflecting ethnocultural values. Secondly, within the framework of a categorical system, where color is a universe, since it characterizes the properties of objects in the material world, which are perceived through visual sensations and receive their linguistic expression through color meanings. The relevance of the article is based on the lack of works devoted to various manifestations of the process of semanticizing the pink nomination in the Russian language. **Materials and Methods.** The material of the work was the pink lexeme and its derivatives in explanatory dictionaries and a selection of statements including these nominations from the National Corpus of the Russian Language and Internet forums. General scientific and special linguistic methods were used. **Analysis.** The author identifies the meanings (direct and figurative) of the pink lexeme in dictionaries and analyzes the dynamics of the reflection of the nomination in dictionaries, turns to the study of the functioning of the pink

lexeme in colloquial speech, forms a corpus of conventional meanings. Based on the collected material, the author makes a list of the usual meaning characteristics of the pink lexeme in colloquial speech: 1) the pink lexeme in its usual meanings; 2) lexemes in the author's meaning; 3) stable combinations, which include the pink nomination. **Results.** Studying the influence of the specifics of the dynamics of the content of the pink nomination and its derivatives in the Russian language allows the author to identify the features of the semantics of pink as an object of likes and dislikes in colloquial speech. The nomination itself is constantly changing, there are meanings determined by the interests of society.

Keywords: color designation, conventional meaning, semantics, dynamics of content, evaluative component, colloquial speech

For citation: Aleynikova TV. Specifics of the dynamics of the content of the nomination pink and its derivatives in the Russian language. *Humanities and law research*. 2025;12(1):140-147. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.18>

© Алейникова Т. В., 2025

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 16.01.2025.

The article was approved after reviewing: 18.03.2025.

The article was accepted for publication: 28.03.2025.

Введение. Проблематика семантизации системы цветообозначений в лингвистике рассматривается, во-первых, с точки зрения систематизации цвета, как компонента культуры в области смыслов и толкований, отражающего культурные ценности. На современном этапе развития русского языка область теоретической лингвистики, посвященная системе цветообозначений, является достаточно разработанной. Наибольший вклад в данную область научного знания привнесли Т.А. Михайлова, Н.Н. Корж, О.В. Сафуанова, А.П. Василевич, В.Г. Кульпина и др. Р.М. Фрумкина предложила дифференциацию цветообозначений по 9 классам [7, л. 40]. Более развернутую классификацию системы цветообозначений представил А.П. Василевич [1, л. 20-37]. В.А. Москович анализирует семантический фон цветообозначений при помощи системного статистического метода, формально выделяя базовые обозначения цвета [4].

Во-вторых, проблематика семантизации системы цветообозначений изучается в рамках категориальной системы, где цвет является универсумом, поскольку именно он характеризует свойства объектов материального мира, которые воспринимаются посредством зрительных ощущений и получают свое языковое выражение через цветообозначения. Цветообозначения – это организованная и динамическая система, способная развиваться самостоятельно в нескольких векторах, куда включаются обозначения цветов и оттенков в разнообразных областях человеческой деятельности, а также морфологическая и семантическая деривация.

Для любого слова характерна динамика его значения. Зафиксированные в словарях дефиниции отражают нормативное значение слова, однако оно не является исчерпывающим для любого языка. Кроме него всегда есть реальное содержание той или иной лексемы, зафиксированное в речи, которое включает в себя множество узуальных значений, возникающих под влиянием социокультурных, политических, профессиональных, возрастных факторов. Некоторые узуальные значения являются результатом разговорной речевой деятельности автора или коллектива авторов, некоторые обусловлены ситуацией (газетно-публицистический стиль).

Материалы и методы. Материалом работы послужила лексема *розовый* и ее производные в различных толковых словарях русского языка и выборка высказываний, включающих данные номинации, из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Интернет-форумов. Кроме общенаучных исследовательских методов использовались следующие специальные лингвистические методы: компонентный анализ значения языковых единиц, метод дефиниционного анализа словарных статей, метод контекстологического анализа. Цель статьи — выявить специфику употребления лексемы *розовый* в современной разговорной речи.

Анализ. Объектом данной статьи является лексема *розовый* и ее производные в толковых словарях и в разговорной речи. Предметом работы служит семантизация *розового* как объекта симпатий и антипатий в разговорной речи. В нашей статье анализ сосредоточен на изучении узуальных значений и авторских употреблений лексемы *розовый* в разговорной речи.

В нашем материале нами выделены три группы номинаций, активно функционирующих в разговорной речи. Первая группа включает лексему *розовый* в её узуальных значениях; вторая группа номинаций представлена лексемами в авторском значении; к третьей группе относятся устойчивые сочетания, в состав которых входит исследуемая номинация. Полагаем, что в определенных вариантах употребления номинации *розовый*, её значение или смысл не исчерпывается словарными дефинициями. Кроме того, что язык существует в непрерывной динамике, а лексикографическая система является сложным образованием, которое неспособно мгновенно реагировать на изменения в значении лексем и лексическом составе в целом и фиксировать их, некоторые оттенки значения так и не становятся регулярными или быстро уходят из употребления. Тогда разговорный язык остается практически единственной сферой, в которой узуальные значения (иногда авторские употребления), а не нормативные, функционируют и получают некоторое закрепление. Например: «История начинается с классического разделения игрушек «для мальчиков» на синих полках и игрушек «для девочек» на *розовых* полках». Мультifest. Анимация, реклама (2022); «Пожалуйста не носите *розовые* вещи. Возрастные женщины (20 +) в розовом это выглядит плохо и несуразно. Вам нравятся *розовые* тряпки?». Woman.ru; «Попробуй посмотреть что-то другое, а не только розовые сопки. Чат для художников. telegram Чат для художников» (11.08.2020); «Я снова на позитиве своего *розового мира!*» chunts_natalia. Beauty-блогер, шоппинг (22.12.2020) и т.п.

В приведенных примерах номинация *розовый* обладает реальным содержанием, которое зафиксировано в разговорной речи носителей языка, но не закреплено наравне с нормативным значением в словарях. Для цветообозначений характерно формирование узуальных значений, независимых от того, с каким предметом соотносится тот или иной цвет. Так, например, *зеленый* – это такой цвет, который есть у капусты и травы, но в современной русской языковой картине мира в речи носителей языка данная лексема, как и любая другая, способна обретать новые узуальные значения, рождающиеся под влиянием исторически сложившихся культурных установок, народных представлений, политического и социального контекста. Как правило, подобные узуальные значения приобретают статус устойчивых: одни имеют более высокую степень устойчивости, другие менее. Основной массив представляют субстантивированные лексемы, а также цветочные наименования, вошедшие в состав устойчивых выражений, которые носят в определенной степени фразеологический характер.

Первым термин «узуальное значение» изучил Г. Пауль – немецкий лингвист. Г. Паулем узуальное значение рассматривалось как «вся совокупность представлений, составляющих для члена данной языковой общности содержание данного слова» [5, л. 94].

Актуальное для современной лингвистической науки определение термина узуальное значение дает доктор филологических наук, профессор И.М. Кобозева: «Узуальное значение слова, или узема, есть абстракция

от в принципе бесконечного ряда актуальных значений слова в речи, инвариант актуальных значений, все различия между которыми могут быть объяснены действием экстралингвистических факторов» [3, л. 158].

Таким образом, в рамках нашего исследования в первую очередь нас интересуют те варианты употребления лексемы розовый, которые фиксируют широко распространенные в разговорной речи и известные носителям языка значения (узультальные), не вошедшие в число нормативных на данном этапе развития русского языка.

Прежде чем перейти к нюансировке узультальных значений, покажем фиксацию значений номинации розовый в толковых словарях русского языка, указав их в соответствии с позицией того или иного значения в словарной статье: от основного к второстепенным:

1. Значение *розового* как относящегося к розе является основным и представлено в подавляющем большинстве толковых словарей современного русского языка: в Словаре современного русского литературного языка. В 17 т. (далее БАС) 'Относящийся к розе' (<<На полу, на разостланном холсте, сушился розовый лист и липовый цвет. Салт. Благонам. речи, 13. [Роза] росла и красовалась; на другой день она должна была распусться полным цветом, а на третий начат вянуть и осыпаться. Вот и вся розовая жизнь! Гарш. Ск. о жабе и розе. Розовые кусты еще давали — в третий раз за это лето — бутоны и розы. Купр. Гранат, браслет, 2>>); 'Приготовленный из лепестков роз' (<<Розовое варенье. ° — Даже личико отекло. Дай-ка вытру тебе глаза и щеки розовой водой. Гонч. Обыкн. ист. I, 1.>>) (БАС); в Сл. Кузнецова 'к Роза' (<<Р. куст. Р-ое варенье (из лепестков розы). Р-ое масло (из лепестков розы). Р-ое дерево (южноамериканское вечнозеленое растение с древесной розоватой цвета; амарант)>>) (Сл. Кузнецова). Авторы классических и современных словарей в данной дефиниции подчеркивают два значения: 'относящийся к розе' и 'сделанный из лепестков роз'. Данное смысловое наполнение лексемы обнаруживается на материале приведенных в словарных статьях примеров.

2. Вслед за этим лексикографы приводят другую дефиницию, которая уже имеет в своем составе сему цвета. Под *розовым* словари понимают светлый оттенок красного: 'светло-алый, цвета бледно-красной розы' (<<[Корсаков] стал поспешно одеваться. Француз камердинер подал ему башмаки с красными каблуками, ..розовый кафтан, шитый блестками. Пушк. Арап Петра Вел. 3. Изредка грустная улыбка., появлялась на розовых устах ее. Загоск. Юр. Милославский, I, 9>>) (БАС); 'бледно-красный' (<<Р-ая ленточка. Р-ые ногти. Р-ое платье. Р-ые губы. Р-ые щёки. Р-ое лицо>>) (Сл. Кузнецова). Основываясь на данных проанализированных словарных статей, приходим к выводу, что традиционно в представлении носителей языка розовый полноценным цветом не является, то есть не входит в состав базовых цветов, на что указывает его толкование через красный — розовый мыслится лишь как оттенок, его слабое проявление. Компонент невысокой степени проявления в семантическом значении приведенных толкований выражен имплицитно, что проявляется в лексемах *бледно-, неярко, светло-, оттенок*, имеющих общую сему 'слабовыраженный'.

В Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов Н.Ю. Шведовой наблюдается динамика базового значения лексемы *розовый*. Слово омонимизировалось, дефиниция 'относящийся к розе' выделяется в отдельной словарной статье:

'см. роза' (Сл. Шведовой). В основной словарной статье базовым толкованием лексемы розовый является дефиниция с семантическим компонентом цвета: 'цвета незрелой мякоти арбуза, цветков яблоны, белый с красноватым оттенком' (<<Розовая заря. Розовые щёчки (румяные). Розовые перья фламинго>>) (Сл. Шведовой). Подобные структурные изменения свидетельствуют о переосмыслении значения лексемы розовый. Это значит, что на данном этапе развития языка на первое место выдвигается именно цветовая семантика. Значение *розового* как прилагательного к существительному роза отошло на периферию.

3. Наконец, третьим широко распространенным значением лексемы *розовый* является предствление о ней как о явлении, заключающем в себе положительную коннотацию: *розовым* называют что-то хорошее, приятное: **розовый** 'Такой, который включает в себе только радостное, приятное; ничем не омраченный' (<<— Надо быть снисходительным .к маленьким слабостям; у кого их нет, Andre! Ты не забудь, что она воспитана и выросла в свете. И потом ее положение теперь не розовое. Л. Толст. Война и мир, т. I, I, 25. Уж лучше трудней зарисовать обстановку, чем выкрасить ее в розовое благополучие. Фурм. Мятаж, 2.>>) (БАС); 'То же, что радужный (во 2 знач.)' (<<Розовые мечты>>) (Сл. Шведовой); 'Ничем не омраченный, заключающий в себе только приятное, радостное, светлое; радужный (2 зн.)' (<<Р-ые надежды. Р-ые мечты. Р-ое благополучие. Р-ое детство>>) (Сл. Кузнецова). Данное значение является переносным, в некоторых словарях приводится с соответствующей пометой. На уровне синтагматики выявляются дополнительные смыслы, которые имплицитно выражены семами 'иллюзорный', 'безупречный'. Значение лексема приобрела в силу наличия в сознании носителей языка ассоциативной связи цветообозначения с нежностью, легкостью, невинностью.

Перечень значений, выявленных на основании рассмотренных частных референций, выглядит следующим образом: **розовый** 1) относящийся к розе; 2) светлый оттенок красного; 3) явление, заключающее в себе что-то хорошее, приятное.

Уместно отметить, что в разговорной речи возникли производные лексемы *розовый*, которые от нее отличаются. Это такие слова и словосочетания как: *барби-розовый, королевский розовый, зефирно-розовый, интенсивно-розовый, сложный розовый*.

В первую очередь покажем на примерах употребление однословной номинации *розовый* в её узультальных значениях:

1. Одним из наиболее частотных является употребление лексемы *розовый* в качестве цвета для девочек. Дефиниция коррелирует со словарным значением 'светло-алый, цвета бледно-красной розы' (БАС) в наличии семы 'цвет', однако, имеет эксплицитное указание на отнесенность к женскому полу, отсутствующее в толковых словарях. Возникновение данного значения обусловлено экстралингвистическими факторами: в Америке второй половины XX века, после войны, сформировалось представление о гендерной принадлежности розового цвета женскому полу — мужчины, отказавшиеся от ношения розового в период войны, к нему не вернулись, а женщины, в большинстве своем взявшие на себя роль домохозяйек, стали активно включать розовый в свой гардероб. Цвет стал восприниматься исключительно как девичий: **розовый** — 'это цвет для девочек': «История

начинается с классического разделения игрушек «для мальчиков» на синих полках и игрушек «для девочек» на **розовых** полках». Мультифест. Анимация, реклама (2022); «Розы и лилии на одежде учеников Иерофанта буквально означает половое деление на мальчиков и девочек (как в роддоме перевязывают одеяльца младенцев голубыми и **розовыми** ленточками». Владислав Чумаков. Гадание. Обучение ТАРО. Воронеж (2020); «Будет большой шар или она ещё что-то придумает! Если **розовые** — девочка, а голубые — мальчик. Я буду очень радоваться, обещаю!» botanovna_. Лайфстайл блог (24.12.2020).

Узуальное значение 'цвет для девочек' имеет в своем составе имплицитно выраженную сему 'молодость' — в нормативном значении лексемы девочка данная сема представлена эксплицитно (*девочка* — это 'ребенок или подросток женского пола. <...> Об очень молодой, юной, неопытной девушке' (МАС)). Носителям языка свойственно употреблять лексему **розовый** преимущественно по отношению к маленьким девочкам, также молодым девушкам. В данном случае **розовый** имеет нейтральную коннотацию и не содержит оценочного компонента.

Существует и отрицательное проявление стереотипного представления о розовом цвете по отношению к лицам женского пола: «Да_ да.. я опять ломаю стереотипы, что у девочек все должно быть **розовое**» Яна. Рецепты. Контент-Съемка. (08.06.2017); «Однажды я наблюдала, как две девочки дрались из-за чёрного лака для ногтей и зелёных теней, потому что "задолбал этот **розовый**, сами им себя мажьте"». Vk (01.06.2016); «Наталья Радулова — о том, чего хочет не каждая девочка Девочки против **розовых** бантиков В шесть лет я всерьёз мечтала стать лётчицей "Самолет!" vk (27.05.2016).

Узуальное значение реализуется в речи благодаря окружению лексемы **розовый** в предложении. В выявленных нами примерах компонент «развенчивание стереотипа» выражается словами *ломаю* (*ломать* — 'уничтожать, разрушать (что-либо установившееся, традиционное)' (БАС)), *дрались* (*драться* — 'бороться за что-л., добиваться чего-л.' (МАС)), *против* (*против* — 'враждебно или с противодействием по отношению к кому-, чему-либо' (БАС)), в которых содержится сема 'противодействие'.

2. Отрицательный компонент в значении номинации розовый появляется, когда лексема употребляется при описании внешней характеристики уже взрослых женщин. Узема имеет связь с денотативным компонентом основного значения — является цветообозначением. Рассматриваемое узуальное значение имеет отрицательную коннотацию, когда розовый цвет используется взрослыми людьми. **Розовый** — 'это цвет, который выглядит неуместно, когда его носят взрослые женщины': «Можно ли в 38 лет носить **розовое** платье или это выглядит инфантильно. в этом платье похожа на молодую девушку». Woman.ru.

Данное узуальное значение реализуется в речи при помощи лексического окружения. На отрицательный характер оценки лексемы **розовый** указывает слово *инфантильно* (*инфантильный* — 'свойственный детскому возрасту; недоразвитый' (БАС)), которое имеет в нормативном значении сему 'неуместность'.

3. Номинация **розовый** выступает средством характеристики внешнего вида мужчины, его склонности в поведении. Отрицательный оценочный компонент

в данном узуальном значении появляется при описании облика лица мужского пола; формируется под влиянием фоновых знаний адресанта — в современном представлении носителей языка розовый цвет соотносится с женским полом. Узуальное значение возникло на базе нормативного и также является номинацией цвета. **Розовый** — 'несвойственный мужчинам цвет, ношение которого ими считается недопустимым, порицаемым, вызывает презрение у окружающих': «В Лондоне можно встретить, что угодно: парня в **розовых** шортах, сорокалетних дам, одевающихся в стиле маргиналов». vk (27.05.2016).

Реализация узуального значения возможна и посредством лексического окружения. Так в представленном ниже примере компонент «несвойственность» выражается лексемой *девчачий* (*девчачий* — 'прил. к девочка; принадлежащий, свойственный ей' (МАС)) — эксплицитно выражена сема 'женский пол', а компонент «недопустимость» лексемой *фу* в функции междометия (*фу* — 'употребляется при выражении укоризны, досады, презрения, отвращения и т. п.' (МАС)), которая в своем нормативном значении имеет ярко выраженную сему 'презрение': «Но даже не это так расстроило приехавшего из Германии трехлетнего Луиса — Он хотел синюю маску, а про эту говорил: *фу, розовая, девчачья*». «Ухань, цзя ёу»: медики назвали время перелома в развитии эпидемии коронавируса // Vesti.ru, 18.02.2020.

4. Проявление стереотипного представления о розовом может иметь положительную коннотацию. Лексема **розовый** употребляется при характеристике женского пола с позиции привлекательности, как эталона красоты, который достигается благодаря использованию данного цвета. В этом случае женственность определяется как достоинство, смысл лексемы не сводится к типизированному представлению о женщинах как слабом поле. Данное узуальное значение сформировалось под влиянием экстралингвистических факторов: в послевоенные годы женщины по всему миру стремились к спокойствию, жизни в статусе прекрасного пола, а потому часто стали носить розовый, исторически выступающий символом утонченности и изящности. Надолго такое представление не закрепилось, однако оставило свой отпечаток в общественном сознании и крепко укоренилось в качестве ассоциации. **Розовый** — 'цвет, символизирующий женственность, изящество': «♥ **Розовый**... Потому что каждую весну, какие бы цвета не заполнили подиумы и модные журналы, душа все равно просит чего-то нежного и девичьего..» Екатерина Покусаева. Катя Покусаева Стилист (24.03.2018).

Лексическое окружение лексемы **розовый** формирует данное узуальное значение. Положительная оценка в приведенном примере выражается с помощью слова *нежный* (*нежный* — 'приятный по очертаниям, окраске, звучанию и т. п.' (МАС)), в состав которого входит сема 'приятный'. Основным средством реализации анализируемого значения является лексема *девчачий*, (*девчачий* — 'принадлежащий, свойственный девице, девушке' (МАС)) содержащая эксплицитно выраженную сему 'женский пол'.

5. Следующее узуальное значение лексема **розовый** приобретает в качестве номинации внешней характеристики женщин, которых в разговорной речи называют «блондинками», в русской языковой картине мира «блондинки» определяются как недалекие, легкомысленные, заурядные. Отрицательная коннотация в данном употреблении имеет высокую степень проявления,

формируется на базе фоновых знаний говорящего. Такое представление стало стереотипным и оказало большое влияние на формирование отношения к розовому цвету – в силу этого розовый стал восприниматься как признак невежественности, глупости. **Розовый** – ‘цвет, который характеризует девушек определенного склада ума с низким интеллектом’: «После того, как присниться такой вот сон не про сон, хочется прикинуться блондинкой в квадрате, залезть на ручки и попросить **розовые** сандалики с бусиками из бриллиантов, но шевроны не позволяют – придется вспомнить всё». Валентина Артемчук. Дневники Валентины - Ангела света (2022).

Дефиниция представляет собой модификацию основного значения – лексема обозначает цвет. Компонент узуального значения «низкий интеллект» реализуется в речи при помощи лексем *блондинка*, *блондинистый*, которые имеют в составе своего значения сему ‘глупый’. Значение слова *блондинка* – ‘глупая женщина’ также является узуальным, оно не зафиксировано в нормативных или специальных словарях, однако активно функционирует в разговорной речи.

Далее обратимся к случаям, в которых однословная номинация розовый обладает уникальным авторским значением.

1. В русском языке часто возникают значения лексем базовых наименований цветов, не имеющих в своем составе семы цвета. Так, например, лексема **розовый** употребляется для характеристики возраста человека. Данное значение обусловлено ассоциированием розового с цветом отразившегося на щеках смущения, а подобного рода эмоция в большей степени свойственна молодым людям. Экстралингвистическим фактором, оказавшим влияние на формирование данного смысла, является демографический – лексема употребляется, когда необходимо осуществить дифференциацию носителей языка по возрастному признаку – отметить молодой возраст: **розовый** – ‘это молодой, юный, незрелый (о возрасте)’: «Я познакомилась с мужем в “**розовом**” возрасте, он так меня сразил, что мне было пофиг кто он и что у него есть, я бы сама ему всё отдала, мысли не было о том какая у него машина (кстати была дедова рухлять. так что ищи проблему в себе!». 35+ «Хочу семью, ребенка» (2012-2020). Данное авторское употребление сформировалось под влиянием узуального значения ‘цвет для девочек’ (см. анализ выше), которое содержит имплицитную сему ‘молодость’, – розовый цвет традиционно воспринимается как свойственный девушкам именно юного возраста. Сема дублируется в сформулированном нами значении анализируемого авторского употребления.

2. Следующее авторское употребление лексемы **розовый** обусловлено фактором языковой игры. Распространенное в молодежном жаргоне выражение «мне фиолетово» (в молодежном жаргоне словом фиолетово заменяют слова «безразлично, всё равно» (Сл. Дмитриева)) было трансформировано говорящим в процессе коммуникации, произошла субституция лексемы *фиолетово* наречием розово. **Розово** – ‘то же, что фиолетово; субститут слов «безразлично», «наплевать», «все равно»’: «У меня Nexus 5. Мне вообще как-то **розово**». Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (01.02.2020).

Затем необходимо выделить устойчивые сочетания, в состав которых входит исследуемая номинация, поскольку для русского языка характерно образование устойчивых сочетаний, в рамках которых формируются узуальные значения лексем:

1. Одним из таких является уже ставшее фразеологизмом, но, тем не менее, не получившее закрепление в нормативных словарях выражение **розовые сопли**. Лексический оборот относится к сфере культуры. Данное устойчивое сочетание широко используется носителями языка в качестве характеристики явления, которое отличается душещипательностью, слезливостью. Коннотация в большей степени отрицательная, используется как способ негативной характеристики какого-либо явления: **розовые сопли** – ‘это что-то чрезмерно сентиментальное, мелодраматичное, отличающееся излишней чувствительностью’.

Отметим, что устойчивое сочетание **розовые сопли** в выделенном узуальном значении может выражать оценку:

а) результата творческой деятельности человека, а именно фильма, книги, музыки, публикации в Интернете и т. п.: «Попробуй посмотреть что-то другое, а не только **розовые сопли**». Чат для художников. telegram Чат для художников (11.08.2020).

б) действий, поведения человека: «"пф бедные несчастные мамашки одиночки. кормить перестали вас, забыли, закинули и за муж с приплодом не берут. опять **розовые сопли**". SOS! Корабль любви бьется о быт! (2007-2018).

Лексическое окружение фразеологизма **розовые сопли**, а также его состав формируют узуальное значение. Узема возникла на базе нормативного значения лексемы **розовый** – ‘такой, который включает в себе только радостное, приятное; ничем не омраченный’ (БАС) – сема ‘хороший’. Отрицательная коннотация выражается посредством лексемы *сопли* (*сопли* – ‘это слизь, вытекающая из носа’ (БАС)), которая содержит сему ‘неприятный’.

Уместно отметить, что устойчивое сочетание **розовые сопли** в выделенном узуальном значении может выражать оценку:

а) действий, поведения человека: «Так же я опущу все **розовые сопли**, ибо любовь была и есть (как бы само собой)». **Стал Другим**» 24.08.15 12:07.

б) действий, поведения человека как представителя женского пола (1 контекст в картотеке): «Вброс, язык бабский, построение фраз и **розовые сопли** явно не мужские». **skuniv** » 22.07.15 00:46.

Узуальное значение ‘чрезмерно сентиментальное поведение, свойственное женскому полу’ имеет в своем составе имплицитно выраженную сему ‘женский пол’. Данное узуальное значение формирует лексическое окружение фразеологизма **розовые сопли**. В анализируемом контексте оно реализуется при помощи лексического окружения, а именно лексемы *бабский* – в нормативном значении слова *бабский* данная сема представлена эксплицитно (*бабский* – ‘то же что бабий’ (МАС); *бабий* – ‘обычно *пренебр.* принадлежащий бабе’ (МАС); *баба* – ‘женщина вообще’ (МАС)). Отрицательная коннотация в приведенном контексте выражается в том числе лексемой *бабский* – в Малом академическом словаре данное значение имеет помету *пренебрежительное*.

2. Другим примером устойчивого сочетания, в состав которого входит лексема **розовый**, является **розовые слюни**. Лексический оборот используется в разговорной речи (бытовая сфера) для выражения уничижительного отношения к испытываемой кем-то эмоции умиления, проявляющейся в высокой степени. Не соотносится с основными значениями лексемы **розовый**, зафиксиро-

ванными в нормативных толковых словарях, в силу своего негативного оттенка. Имеет отрицательную коннотацию – носители языка употребляют его для выражения насмешки: **розовые слюни** – ‘это презрительное наименование эмоции умиления’: «Родительство — не **розовые слюни** и бесконечное умиление». Валерия Робустова. Робустова - Блогер Про Воронеж (12.11.2019).

Данный факт подтверждает тезис о том, что языковым единицам присуще образование новых смыслов. Даже такие варианты употребления, которые не являются достаточно регулярными и закрепившимися в речи носителей языка, способны обретать новое семантическое наполнение.

3. В сфере Интернета часто используется ставшее устойчивым сочетание (*мир*) **розовых пони** (встречается синонимичный вариант (*мир*) **розовых единорогов**). Узуальное значение данной фразеологической единицы обусловлено одной из основных дефиниций лексемы **розовый**, а именно её толкованием как чего-то хорошего, приятного. Значение анализируемого лексического оборота совпадает со значением фразеологизма **смотреть на мир через розовые очки** в том, что тоже имеет в своем составе сему ‘идеализировать’ (**смотреть на что-либо сквозь розовые очки, стекла, сквозь розовую призму** – ‘не замечать недостатков, темных сторон; идеализировать’ (БАС)). Коннотация – отрицательная. Говорящий, используя фразеологизм, стремится подчеркнуть ошибочность точки зрения оппонента, указать на её несостоятельность. Выбор зависимого компонента в составе словосочетания обусловлен наличием семы ‘невинный’ (а в случае лексемы **единорог** и семы ‘вымышленный’). Фразеологизм активно используется в современной речи, о чем свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка: (*мир*) **розовых пони (единорогов)** – ‘это характеристика нереалистичного, идеализированного представления об окружающей действительности’: «Девочка выросла, из мира **розовых пони** вышла в реальность и увидела, что не только она красивая, не только она умная, не только она талантливая». Елена Кириллова. Психология (2022).

Данный фразеологизм формируется из выделенного нами в первую очередь узуального значения, которое содержит в себе стереотипное представление о том, что **розовый** является цветом для девочек. Распространение этого стереотипа повсеместно: производители игрушек, одежды и других детских товаров, традиционно предназначенных для девочек, выпускают свою продукцию в розовом цвете, в результате чего он становится символом женского детства. Этим обусловлена и семантика анализируемого фразеологизма. В буквальном понимании (*мир*) **розовых пони (единорогов)** – ‘это беззаботная действительность, полная розовых игрушек и одежды, в которой пребывает подавляющее большинство девочек определенного возраста’. Она (действительность) существует в отрыве от реальной, является иллюзорной. Женский пол в данном случае воспринимается как наивный, слабый, неспособный существовать в реальности в том виде, в каком она есть, что и формирует отрицательную коннотацию фразеологизма, однако сам устойчивый оборот может употребляться по отношению к представителям обоих полов: «Во первых-Ваш МЧ живёт пока **в мире розовых пони** с розовыми очками. Это не разрушить без причины извне». Aleksusnord » 17.08.19 16:34.

4. Еще одним примером узуального значения лексемы **розовый** является лексический оборот **строить розовые замки**. Данное употребление возникло в результате замены лексического состава фразеологизма **строить воздушные замки** (‘Планировать сделать что-то хорошее, не имея реальных условий для выполнения намеченного, *уподобляясь человеку, строящему значительные сооружения из ненадежного материала*. * мечтать, фантазировать’ (Сл. Баранова)), в рамках которой **розовый** выступает в качестве субститута. Значение основного фразеологизма и трансформированного совпадают. Устойчивое сочетание имеет отрицательную коннотацию, используется говорящим для выражения отрицательной характеристики планов и идей реципиента. Лексема **розовый** в данном случае имеет в своем составе сему ‘иллюзорный’: **строить розовые замки** – ‘мечтать, фантазировать о чем-то несбыточном, бесплодном, свойственном женщинам’: «Да, я реалист и не привыкла строить розовые замки: я просто работаю». Оксана Гущина. Визажист, Макияж, Прически, Воронеж (2018).

Истоки формирования смысла данного фразеологизма обусловлены теми же факторами, что смысл устойчивого сочетания (*мир*) **розовых пони (единорогов)**. Он непосредственно связан с выделенным нами в первую очередь смыслом лексемы **розовый** – ‘цвет для девочек’. Субституция призвана подчеркнуть специфику фантазий – они таковы, что свойственны в первую очередь женщинам. Нами выявлен ряд примеров употребления фразеологизма в речи носителей языка, зафиксированных в НКРЯ, а также на Интернет-форуме «Woman.ru», которые свидетельствуют о том, что чаще его используют в качестве характеристики женщин, а именно их планов с точки зрения невозможности осуществления. Однако встречаются и те контексты, в которых образ мышления представителей мужского пола получает оценку с включением данного устойчивого сочетания. В целом семантика сохраняется: мужчина, который строит розовые замки, мечтает, фантазирует о несбыточных вещах, которые свойственны женщинам: «За эти 5 лет ничего не изменилось в финансовом плане, ездим все также на колымаге, которой давно пора на покой, у меня уже сил нет так пахать, а муж все **строит** какие-то свои **розовые замки**», огород городит». Woman.ru.

5. Сходным значением обладает устойчивое сочетание **розовый мир**. Узуальное значение данной фразеологической единицы обусловлено одной из основных дефиниций лексемы **розовый**, а именно её толкованием как чего-то хорошего, приятного. Коннотация – отрицательная. Говорящий, используя фразеологизм, стремится подчеркнуть ошибочность точки зрения оппонента, указать на её несостоятельность. **Розовый мир** – ‘это характеристика фантазийного, идеализированного представления об окружающей действительности’. Данная узема употребляется как по отношению к мужчинам, так и по отношению к женщинам, о чем свидетельствует выбор лексического окружения – говорящим в речи используются лексемы **человек, обитатели**, местоимение **вы**, которые обобщают круг адресатов: «Если вы считаете, что танцы-это безграничное веселье, классное времяпрепровождение с друзьями, отличная музыка, вечно прекрасное настроение, то настало время разрушить ваш **розовый мир** в щепки!!». vk (08.05.2016).

6. Наблюдаются и другие примеры трансформации устойчивых выражений, например, устойчивое сочетание **розовый и пушистый**. Возникло путем субституции

компонента давно закрепившегося в русском языке фразеологизма *белый и пушистый* ('иронично-шуточная фраза о невинности кого-либо и т.п.; происходит из анекдота о зеленой и склизкой лягушке' (Сл. Мостицкого)). В целом значение основного фразеологизма и трансформированного совпадают, замена лексического состава обусловлена фактором языковой игры, необходимой для акцентирования внимания на том, что данная характеристика употребляется по отношению к женскому полу. Выбор конкретного цветообозначения объясняется сложившимся представлением о розовом как о цвете для девочек: *розовый и пушистый* – 'это ироническое утверждение о невинности по отношению к женщине': «Подозрительно даже... как будто женщины, после скандала с Вайнштейном, всему миру стремились заявить: «я *розовая и пушистая!*». Екатерина Покусаева. Катя Покусаева Стилист (12.03.2018).

На основании выделенных нами узуальных значений предпримем собственную попытку составить перечень узуальных значений, характерных для лексемы *розовый*, в разговорной речи:

Розовый

1. Цвет для девочек.

2. Цвет, который выглядит неуместно, когда его носят взрослые женщины.

3. Несвойственный мужчинам цвет, ношение которого ими считается недопустимым, порицаемым, вызывает презрение у окружающих.

4. Цвет, символизирующий женственность, изящество.

5. Цвет, который характеризует девушек определенного склада ума с низким интеллектом.

6. Молодой, юный, незрелый (о возрасте).

7. То же, что фиолетово; субститут слов «безразлично», «наплевать», «все равно».

♦ **Розовые сопли.** Что-то чрезмерно сентиментальное, мелодраматичное, отличающееся излишней чувствительностью. **Розовые слюни (нюни).** Презрительное наименование эмоции умиления. **(Мир) розовых пони (единорогов).** Характеристика нереалистичного, идеализированного представления об окружающей действительности. **Строить розовые замки.** Мечтать, фантазировать о чем-то несбыточном, бесплодном, свойственном женщинам. **Розовый мир.** Характеристика фантазийного, идеализированного представления об окружающей действительности. **Розовый и пушистый.** Ироническое утверждение о невинности по отношению к женщине.

Проанализированный корпус узуальных значений позволяет разделить их на группы по четырем признакам:

- обладающие семантикой цвета: *розовый* – 'цвет для девочек'; 'цвет, который выглядит неуместно, когда его носят взрослые женщины'; 'несвойственный мужчинам цвет, ношение которого ими считается недопустимым, порицаемым, вызывает презрение у окружающих'; 'цвет, символизирующий женственность, изящество'; 'цвет, который характеризует девушек определенного склада ума с низким интеллектом';

- не обладающие семантикой цвета: *розовый* – 'молодой, юный, незрелый (о возрасте)'; 'то же, что фиолетово; субститут слов «безразлично», «наплевать», «все равно»'. Отметим здесь, что не имеют в составе своего значения сему 'цвет' авторские употребления лексемы;

- выражающие оценку фрагмента действительности: **розовые сопли, розовые слюни (нюни), розовый и пушистый;**

- выражающие взгляд на окружающую действительность: **(мир) розовых пони (единорогов), строить розовые замки, розовый мир.**

Присутствие того или иного компонента оценки в значении лексемы *розовый* зависит от того, какое чувство говорящий испытывает по отношению к называемому объекту: симпатии или антипатии. Дифференцируем выделенные нами узуальные значения и авторские употребления лексемы *розовый* в разговорной речи на предмет выражения говорящим симпатии и антипатии и подтвердим оппозицию.

Результаты. Результаты исследования показали, что нейтральным является толкование *розового* в значении 'молодой, юный, незрелый (о возрасте)'. *Розовый* в качестве объекта симпатии употребляется в значении 'цвет, символизирующий женственность, изящество', а так же в качестве цвета для девочек, когда говорящий вкладывает в узуальное значение положительную коннотацию.

Представление о *розовом* как объекте антипатии является наиболее устойчивым и распространенным в отечественной лингвокультуре, о чем свидетельствует целый ряд выделенных нами смыслов, присущих как самостоятельным словам, так и фразеологизмам: 'цвет для девочек (отрицательная коннотация)'; 'цвет, который выглядит неуместно, когда его носят взрослые женщины'; 'несвойственный мужчинам цвет, ношение которого ими считается недопустимым, порицаемым, вызывает презрение у окружающих'; 'цвет, который характеризует девушек определенного склада ума с низким интеллектом'; 'то же, что фиолетово; субститут слов «безразлично», «наплевать», «все равно»'; '**розовые сопли** – что-то чрезмерно сентиментальное, мелодраматичное, отличающееся излишней чувствительностью'; 'розовые **слюни (нюни)** – презрительное наименование эмоции умиления'; '**(мир) розовых пони (единорогов)** – характеристика нереалистичного, идеализированного представления об окружающей действительности'; '**строить розовые замки** – мечтать, фантазировать о чем-то несбыточном, бесплодном, свойственном женщинам'; '**розовый мир** – характеристика фантазийного, идеализированного представления об окружающей действительности'; 'розовый и пушистый – ироническое утверждение о невинности по отношению к женщине'.

Изучение влияния специфики динамики содержания номинации *розовый* и ее производных в русском языке позволяет выявить значения и смыслы, которые не закреплены в словарях, а функционируют только в разговорной речи. Формирование узуального значения осуществляется под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов. Проанализированный корпус узуальных значений позволяет разделить их на группы по четырем признакам: а) обладающие семантикой цвета; б) не обладающие семантикой цвета; в) выражающие оценку фрагмента действительности; г) выражающие взгляд на окружающую действительность.

Дифференцировав узуальные значения и авторские употребления лексемы *розовый* в разговорной речи на предмет выражения говорящим симпатии и антипатии, мы подтвердили оппозицию. Для отечественной лингвокультуры характерно негативное отношение к данному цветообозначению. Несмотря на попытки популяризировать розовый цвет, участвовавшие в последние годы, в русской языковой картине мира все еще устойчиво представление о *розовом* как предмете насмешек. Представление о *розовом* как о симво-

ле женственности и красоты существует в сознании говорящих, однако чаще в речи встречаются указания на негативную коннотацию. Розовый цвет ассоциируется с глупостью, невежественностью, поверхностностью,

слабостью. Выявленные нами фразеологизмы, закрепленные как в нормативных словарях, так и в разговорной речи, являются средством отрицательной оценки человека, преимущественно женщины, или явления.

Литература

1. Василевич А. П. О современных тенденциях развития лексики цветообозначения // Проблемы цвета в этнолингвистике, истории и психологии: Круглый стол / Отв. ред. Василевич А.П. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. С. 5–14.
2. Грязнова В. М. Десемантизация как специфика обиходного общения // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 698–706. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.20>.
3. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: УРСС, 2000. С. 156–179.
4. Москович В. А. Семантическое поле цветообозначений (опыт типологического исследования семантического поля): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1965. 18 с.
5. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 500 с.
6. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.
7. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 176 с.
8. Академический словарь русской фразеологии / Баранов А. Н., Вознесенская М. М., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЛЕКSRUS, 2020. 896 с.
9. БАС: Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. / М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950–1965.
10. Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка: Ок. 7000 словар. ст.: Свыше 35000 значений: более 70000 иллюстрат. примеров / Под ред. Д. В. Дмитриева. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 1586 с.
11. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб: Норинт, 2000. 1536 с.
12. МАС: Словарь русского языка: В 4-х т./ 3-е изд. М.: Русский язык, 1985–1988.
13. Мостицкий И. Л. Универсальный дополнительный практический толковый словарь. М.: Триумф, 2012.
14. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 31.10.2024).
15. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. 1613 с.

References

1. Vasilevich AP. On modern trends in the development of the vocabulary of color designation in Problems of color in ethnolinguistics, history and psychology. Moscow: MSU publ.; 2004. P. 5-14. (In Russ.).
2. Gryaznova VM. Desemantization as a specificity of everyday communication. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2023;10(4):698-706. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.20> (In Russ.).
3. Kobozeva IM. Linguistic semantics. Moscow: URSS; 2000. P. 156-179. (In Russ.).
4. Moskovich, VA. Semantic field of color meanings (experience of typological research of the semantic field): abstract of thesis. Moscow; 1965. 18 p. (In Russ.).
5. Paul G. Principles of the history of language. Moscow: Izdatelstvo inostrannoi literatury; 1960. 500 p. (In Russ.).
6. Rakhilina EV. Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility. Moscow: Russkie slovari; 2008. 416 p. (In Russ.).
7. Frumkina PM. Color, meaning, ascent. Aspects of psycholinguistic analysis. Moscow: Nauka; 1984. 176 p. (In Russ.).
8. Academic Dictionary of Russian phraseology. Ed. by Baranov AN, Voznesenskaya MM, Dobrovolsky DO, Kiseleva KL, Kozerenko AD. 3rd ed., reprint. and add. Moscow: LEKSRUS; 2020. 896 p. (In Russ.).
9. Dictionary of modern Russian literary language. In 17 vols. Vol. 1–17. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1950-1965. (In Russ.).
10. Dmitriev DV. Explanatory dictionary of the Russian language: approx. 7000 dictionary. art.: Over 35,000 meanings: More than 70,000 illustrations. examples / Edited by DV. Dmitriev. Moscow: LLC "Izdatel'stvo Astrel": LLC "Izdatel'stvo AST"; 2003. 1586 p. (In Russ.).
11. Kuznetsov SA. A large explanatory dictionary of the Russian language. St. Petersburg: Norint; 2000. 1536 p. (In Russ.).
12. Dictionary of the Russian language. In 4 vols. Moscow: Russkii yazyk; 1985-1988. (In Russ.).
13. Mostitsky IL. Universal additional practical explanatory dictionary / IL. Mostitsky. Moscow: Triumf; 2012. (In Russ.).
14. National Corpus of Russian language URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 31.10.2024). (In Russ.).
15. Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words. Ed by NYu Shvedova. RAS. VV Vinogradov Institute of the Russian Language. Moscow: Publishing center "Azbukovnik"; 2007. 1613 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 81`2; 81`37; 81`38

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.19>

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ РЕСУРС НОМИНАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА)

Александр Архипович Буров^{1*}, Галина Петровна Бурова²

¹ Пятигорский государственный университет (д. 9, просп. Калинина, Пятигорск, 357532, Российская Федерация)

Доктор филологических наук, профессор
professorburov@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6839-4833>

² Ставропольский государственный педагогический институт - филиал в г. Ессентуки (д. 7, ул. Долина Роз, Ессентуки, 357635, Российская Федерация)

Доктор филологических наук, доцент
burova_nauka@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0180-0988> *

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Вопрос о способах номинации в русском языке остается актуальным прежде всего в плане определения списка единиц, участвующих в решении задач авторского обозначения денотатов, формирующих поэтическую картину мира. Настоящее исследование основано на анализе текстов русской поэзии XIX – XX веков. **Материалы и методы.** При анализе стихотворного материала использованы как традиционные методы, такие как структурно-функциональный, так и положения авторской методики, разработанной в теории номинационно-синтаксического семиозиса образных синтаксических единиц художественного текста. **Анализ.** Производные номинационно-синтаксического семиозиса поэтической номинации в тексте рассматриваются в качестве наиболее ярких способов эстетической трансформации авторской экспрессии. Наиболее ярко эвристический ресурс экспрессивного наименования проявляется при употреблении поэтических образных средств. Высказывается предположение, что истоки поэтической эвристики восходят к пушкинскому «сильному» тексту, поэтика которого пронизана эстетической синергией, рожденной соработничеством мастера и Творца. Номинационно-синтаксический способ атрибуции в условиях «сжатия стихового ряда» формирует особый язык описания, свидетельствующий о трансформации поэтического знака: «экспрессема → эврестема». Предполагается, что тем самым обнаруживается эвристико-

эстетический энергетический импульс автора, проявляющийся как на словарном, так и на синтаксическом уровне поэтического текста. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод, согласно которому номинационно-синтаксический семиозис способствует открытию глубинности внутренней формы образного наименования, достигающего в поэзии «неслыханной простоты» (Б.Л. Пастернак), а синергия синтаксической номинации в русском поэтическом тексте выражает коммуникативно-эстетический идеал славянского языкового сознания.

Ключевые слова: русский язык, языковое сознание, поэтическая образность, экспрессия, номинационно-синтаксический семиозис, атрибуция, эвристическая номинация

Для цитирования: Буров А. А., Бурова Г. П. Эвристический ресурс номинации в русском языке (на материале поэтического текста) // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. №1. С. 148–154 <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.19>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 11.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.03.2025.

Статья принята к публикации: 28.03.2025.

Research article

HEURISTIC RESOURCE OF NOMINATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON POETIC TEXT)

Alexander A. Burov^{1*}, Galina P. Burova²

¹ Pyatigorsk State University (9, Kalinina Ave., Pyatigorsk, 357532, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor
professorburov@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6839-4833>

² Stavropol State Pedagogical Institute - branch in Essentuki (7, Dolina Roz St., Essentuki, 357635, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Associate Professor
burova_nauka@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0180-0988>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The question of the methods of nomination in the Russian language remains relevant primarily in terms of determining the list of units involved in solving the problems of the author's designation of denotates that form a poetic picture of the world. This study is based on the analysis of texts of Russian poetry of the XIX – XX centuries. **Materials and Methods.** In the analysis of the poetic material, both traditional methods were used, such as structural-functional, and the provisions of the author's methodology developed in the theory of nomination-syntactic semiosis of figurative syntactic units of a literary text. **Analysis.** Derivatives of nomination-syntactic semiosis are considered poetic nomination in the text are considered as the most striking ways of aesthetic transformation of the author's expression. The heuristic resource of expressive

naming is most clearly manifested in the use of poetic figurative means. It is suggested that the origins of poetic heuristics go back to Pushkin's "strong" text, the poetics of which is permeated with aesthetic synergy born of the collaboration of the master and the Creator. The nomination-syntactic method of attribution in the conditions of "compression of the verse series" forms a special language of description, indicating the transformation of the poetic sign: "expresseme → heuristeme". It is assumed that this reveals the heuristic-aesthetic energetic impulse of the author, manifested both at the dictionary and syntactic levels of the poetic text. **Results.** Based on the results of the study, we can conclude that the nomination-syntactic semiosis contributes to the discovery of the depth of the internal form of the figurative name, reaching "unheard-of simplicity" in poetry

© Буров А. А., Бурова Г. П., 2025

(B.L. Pasternak), and the synergy of syntactic nomination in the Russian poetic text expresses the communicative-aesthetic ideal of the Slavic linguistic consciousness.

Keywords: Russian language, linguistic consciousness, poetic imagery, expression, nomination-syntactic semiosis, attribution, heuristic nomination

For citation: Burov AA, Burova GP. Heuristic resource of nomination in the Russian language (based on poetic text). *Humanities and law research*. 2025;12(1):148-154. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.19>

Введение. Вопрос о способах и единицах номинации и их функциях в русском языке, интересовавший на рубеже XX и XXI веков представителей структурно-семантического и функционально-стилистического направлений лингвистики, прежде всего в ономазиологическом ракурсе [24; 25; 3; 10 и др.], и получивший заметный импульс в исследованиях антропоцентрического (когнитивного и лингвокультурологического) характера [1; 12 и др.], по-прежнему остается актуальным. В частности, это относится к характеристике наименований, которые образуются в художественном тексте и участвуют в решении задач авторского экспрессивно-эстетического обозначения денотатов, формирующих поэтическую картину мира.

Цель работы: обосновать авторское представление об эстетико-эвристическом ресурсе синтаксической номинации в русском поэтическом дискурсе. Задачи исследования: представить специфику семиозиса синтаксической номинации в пространстве поэтического текста как целостного эстетического знака; выявить особенности метаморфозы экспрессема → эвристиема в поэтическом тексте как явления антропогенного номинационно-синтаксического семиозиса, который открывает, с одной стороны, выход наименования в особое измерение поэтической эвристики, а с другой – является метатекстовым средством авторского художественного самопознания.

Открытие эвристического ресурса поэтической номинации в русской художественной словесности, по нашим наблюдениям, связано с именем А.С. Пушкина, чья поэтика как индивидуально-авторский путь эстетического познания и образного воплощения действительности в языке запечатлела в структурной ткани авторского идиостиля *многоголосие души русского народа как этноса*, – феномен, получающий мощное развитие в послепушкинской отечественной поэзии.

Материалы и методы. Настоящее исследование проведено на материале текстов русской поэзии XIX – XX вв. При анализе стихотворного материала использованы не только традиционные методы, такие как структурно-семиотический и структурно-функциональный, но и положения авторской методики, которая разработана в теории синтаксической номинации [3 и др.] и связана с анализом номинационно-синтаксического семиозиса образных синтагматических комплексов, возникающих в художественном тексте [4]. Данная методика базируется на принципе знаковой репрезентации внутренней формы атрибутивной номинации фрагментов авторской поэтической картины мира разноструктурными синтаксическими единицами [23, с. 387 и след.]. Они выступают производными номинационно-синтаксического семиозиса, способными употребляться на уровне образного эстетико-эвристического бытия в поэтическом тексте. Единицы синтаксической номинации рассматриваются при этом как средства метаописания индивидуально-личностного погружения в «остановленное мгновение» художественной атрибуции, лежащей в основании наименования денотата.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 11.01.2025.

The article was approved after reviewing: 18.03.2025.

The article was accepted for publication: 28.03.2025.

Ставшее уже привычным мнение, согласно которому познание действительности и его закрепление в языковой картине мира происходит в процессе деятельности человека и утверждения в сознании определенной антропоцентрической системы материальных и духовных ценностей, получающих свое именование [см., например: 1 и др.], справедливо, на наш взгляд, лишь тогда, когда языковые факты отражают синергию автора и Творца, чей промысел заложен в органике языка и является источником его эстетической энергии. Сказанное определяет ракурс применения в работе аналитических элементов лингвистического, текстологического, синергетического плана, когнитивно-дискурсивного, синергетического плана, а также принципа гармонической организации текста и метатекста [22].

Определение и характеристика эстетико-эвристического принципа, лежащего в основе организации поэтического языка описания как ракурса открытия эвристической образности авторской экспрессии, опирается на использование соответствующих языковых структур. Это и есть то «проблемное «звено», характеристика которого обуславливает научно-исследовательскую *целесообразность и ценность* нашей работы. *Новизна* же её видится нам в характеристике специфики эвристического измерения поэтического знака, которое открывается благодаря семиозису синтаксической номинации в русском поэтическом тексте.

Анализ. *Nomen est omen*. Слово есть знак. Язык – это знаковая система, а слово – одно из знаковых средств, осуществляющих номинацию. В русском языке семантическая емкость словарной единицы номинации в сочетании с целью оформленностью и грамматической гибкостью обеспечивают ей особую функционально-прагматическую универсальность, усиливающуюся благодаря богатству деривационной синтагматики (внутрисловный синтаксис) и парадигматике формообразования. Сказываются многовековая практика словоупотребления и специфика исторического развития национального русского языка, с его уникальным синтезом полидиалектного устно-речевого многоголосья и тысячелетней Кирилло-Мефодиевской письменной литературной традиции, а также сложный и неоднозначный опыт различных по своему характеру контактов великорусского словаря с лексиконами как родственных, так и далеких, с точки зрения родства и дружественности, языков. Отметим и собственно человеческий фактор – этноментальную специфику, душевность, дружелюбие и открытость великого народа как хранителя данного словаря и носителя русского языка (вспомним знаменитую характеристику нашего языка, данную М.В. Ломоносовым в преамбуле к «Российской грамматике» 1755 г. [14]). Резюмируем: русская традиция речевого наименования обладает неисчерпаемо богатыми и разнообразными антропоморфными ресурсами как плана содержания, так и плана выражения языковых *единиц антропогенного характера*. Среди них – и те, что свя-

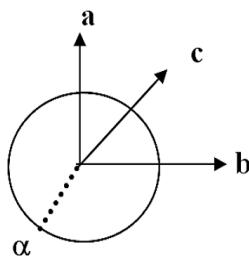
заны с решением задач авторской номинации, в том числе и экспрессивно-эстетического плана.

Богатейшие изобразительно-выразительные ресурсы поэтики отечественного стихотворного текста открыты гением А.С. Пушкина. Ему было суждено решить три задачи: «во-первых, освободить звуки из родной безначальной стихии, в которой они пребывают; во-вторых, привести эти звуки в гармонию, дать им форму; в-третьих – ввести эту гармонию во внешний мир» [2, с. 162]. Только так рождается «сильный» текст (В.П. Григорьев), высокая художественность которого соответствует духовным и нравственным критериям оценки.

Пушкинский подход к поэтике слова уже на протяжении более двух веков не только определяет развитие русского литературного языка, но и творит историю отечественного эстетического сознания. Именно поэтому так важен эстетический принцип, сформулированный В.М. Жирмунским: «...исходить из материала вполне бесспорного и, независимо от вопроса о сущности художественного переживания, *изучать структуру эстетического объекта, в данном случае - произведения художественного слова* (выделено нами. – Г.Б., А.Б.)» [8, с. 23]. Анализ текста должен определяться структурой идиостилии его автора как языковой личности, с присущим ей эстетическим мировосприятием (пушкинское: «Велению божию, о муза, будь послушна...»).

В процессе поэтической номинации рождающаяся в сознании энергия образного Духовного посыла приобретает словесное выражение в ткани текста (textill), в чьих «складках» (Ж. Делёз) формируются его элементы – языковые единицы. Характеризуя конструктивно-стилевую вектор «беллетристикум», В.Г. Костомаров говорит об авторском «постижении в себе то ли сознанием, то ли ощущением... строя образов, мыслей, чувств, звуков в такой связи, в какой они до того не связывались никем. Это позволяет писателю (а поэту – в первую очередь! – А.Б., Г.Б.) вскрыть правду о мире, показав его через самопознание в новом виде, посмотрев на него с новой, лично-индивидуальной, «авторской» точки зрения» [9, с. 107-108].

Правда о мире, представляемая «через самопознание в новом виде... с новой, лично-индивидуальной, «авторской» точки зрения» главное назначение поэзии. Поэтический текст характеризуется своим конструктивно-стилевым вектором, организующим его пространственную семиотическую структуру, в которой помимо традиционно выделяющихся трех континуумных измерений знака (словарь, синтаксис, прагматика) [15], на наш взгляд, следует выделять и четвертое измерение, которое целесообразно считать *эстетико-эвристическим*.

- a - парадигматика (словарь) текста
- b - синтагматика текста
- c - прагматика текста
- α - эвристика текста

Опираясь на философскую традицию, мы придерживаемся утверждения, согласно которому эвристика представляет собой «1) момент открытия нового; 2) методы, используемые в процессе такого открытия» [18, с. 532]. Собственно филологический ракурс актуальности выделения эстетико-эвристического подхода к употреблению языковых средств поэтическом тексте находим в трудах В.П. Григорьева [6, с. 675 - 676], Н.А. Фатеевой [17, с.20], И.И. Чумак-Жуль [20, с.211] и др. исследователей. Очевидно, что такое базовое понятие филологии, как категория поэтическое, непременно включает вектор эвристики как качества, определяющего специфику художественного сознания автора и выход сотворенного им в особое эстетическое измерение языка и его единиц. «Эстетико-эвристический вектор языка», по мнению Н.А. Фатеевой, объясняет появление в творчестве А.С. Пушкина всех поэтических новаций, или «трансформаций», которые «имеют особую мотивацию и работают на приращение смысла, прежде всего на его эстетическую составляющую» [17, с. 20].

Проанализируем наши наблюдения над тем, какую роль играет номинация в открытии эстетико-эвристического измерения поэтического знака.

В русском поэтическом дискурсе эвристический метод художественного познания как обнаружения остановленного мгновения эстетического бытия («чуждое мгновенье») впервые обозначился у А.С. Пушкина, когда поэт не только свободно оперирует синтезом образных средств, но и открывает в привычной номинации как речевом знаке новый, необычный ракурс восприятия глубинной структуры его внутренней формы. Мы убеждены, что с эстетическими принципами пушкинской речевой стратегии лирического восприятия картины окружающего мира и ее отдельных фрагментов коррелирует идиостилевый подход к структуризации текстового пространства – организации поэтического текста на основе принципа номинационно-синтаксического семиозиса отрезков, одновременно осуществляющих номинацию денотатов в тексте и их авторскую метатекстовую (метамодальную) характеристику и оценку.

Синтаксическую номинацию мы рассматриваем в качестве текстового способа представления внутренней формы авторского образа – представления об обозначаемом денотате. При этом задействуются динамические механизмы текста, включающие весь синтаксический арсенал сочетаемости в процесс номинации [3 и др.]. Обозначение любого денотата в тексте, и прежде всего предметного, связано с позиционной фиксацией в тексте, вербальным закреплением за внутренней формой обозначаемого структурного бинорма НАП (носитель атрибутивного признака) – АП (атрибутивный признак).

В поэтическом тексте актуализации денотативной позиции того синтаксического отрезка, который закрепляется за номинацией как производным номинационно-синтаксического семиозиса, помимо естественной ритмии (спондей, пиррихий и под.), а также характера системы стихосложения (так, тоническая стихосложение построено на позиционной актуализации «ступеней» текстовой «лесенки», прежде всего в денотативных позициях), естественной ритмии (спондей, пиррихий и под.), а также характер системы стихосложения (так, тоническая стихосложение построено на позиционной актуализации «ступеней» текстовой «лесенки», прежде всего в денотативных позициях), – во многом способствует ритмомелодическое «сжатие стихового ряда», меняющее привычные структурно-семантические и функциональные связи слов [10].

Ср. пушкинское послание А.П. Керн (К***):

Я помню чудное мгновенье:

Передо мной явилась ты,

Как мимолетное виденье,

Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,

В тревогах шумной суеты,

Звучал мне долго голос нежный

И снились милые черты.

Совершенно очевидно, что задачи авторской образной экспрессии здесь возложены на употребление определений, выражающих признаки взволнованного душевного состояния лирического героя: **чудное мгновенье**, **мимолетное виденье**, **гений чистой красоты**, **голос нежный**, **милые черты**. Однако ясно и то, что возникающее явление эпитетации связано не только с употреблением прилагательных-определений, но с процессом номинации, в котором одновременно называется денотат и выражается отношение к нему говорящего. Текст номинации неизбежно обозначен целым эпитетным комплексом, словосочетанием, синтаксическим отрезком текста, причем самой различной степени сложности и конфигурации [3; 4 и др.]. Более того, называемый денотат запечатлевается в нашем сознании как остановленное мгновение эстетического бытия, которое может длиться бесконечно долго.

Вполне понятно, что подобные эпитетно-синтагматические комплексы, обладая экспрессивно-эстетическим пространством (АП + НАП), участвуют в выражении особого эмоционального состояния автора, передающегося реципиентам. Возникающее состояние душевного подъема или духовного прозрения и т.д., по-видимому, и есть то, что в античности именовалось катарсисом.

Номинация традиционной тропики у Пушкина – яркий показатель нового принципа речевой стратегии поэтической экспрессии, на протяжении двух столетий определяющего специфику поэтической номинации в «сильной» русской поэзии.

В самом деле, при переносном употреблении самостоятельной лексической номинации атрибутивный признак, уже генетический ставший частью ее внешней формы, не требует особой вербальной формы выражения. Ср. метонимию слова «зоря» у А.С. Пушкина:

Зорю бьют... Из рук моих

Ветхий Данте выпадает.

На устах начатый стих

Недочитанный затих —

Дух далече улетает.

Звук привычный, звук живой

Сколь ты часто раздавался

Там, где тихо развивался

Я давнишнею порой.

(«Зорю бьют...»)

В этом же контексте метонимическое употребление имени собственного (*Данте*) получает у автора эпитетное расширение, значительно повышающее «коэффициент» экспрессии. Налицо очевидное эстетическое взаимодействие эпитета-атрибута (*ветхий*) как АП и представляемого метонимически основного носителя признака (томик стихов Данте Алигьери) – НАП.

Отметим в рассматриваемом лирическом тексте еще два случая проявления номинационно-синтаксического семиозиса:

а/ На устах начатый стих/ Недочитанный затих — здесь подтверждается авторский подход к эпитетации как синтаксическому расширению АП (*недочитанный*

затих) и употреблению эпитетного комплекса с контекстно маркированным НАП (*начатый стих*);

б/Звук привычный, звук живой, /Сколь ты часто раздавался/ Там, где тихо развивался/ Я давнишнею порой. В данном случае мы имеем дело с метонимическим (вплоть до синекдохи) развитием начального лейтмотива (*Зорю бьют...*) за счет двух случаев инверсионной эпитетации к НАП «звук» (*привычный; живой*) в актуализированной позиции обращения, а также с употреблением фразового синтаксического наименования (*там, где тихо развивался я давнишнею порой*), позволяющего поэту включить в номинацию момент авторской самохарактеристики за счет метатекстового комментария. Автор считает важным выразить своё субъективное, индивидуальное, личностное представление как открытие образа денотата.

Мы видим, что пространство всего синтаксического наименования, которое может быть заполнено самыми различными отрезками текста, принимает участие в репрезентации внутренней формы образного представления как своеобразного «созначения»-посредника между содержательной и формальной стороной номинации, отражая культурно-исторический опыт народа и соотносясь со значением употребляемого слова, как предположил В.В. Виноградов [5, с. 20]. «Созначаемое» (или «ближайшее этимологическое значение», по А.А. Потебне [13]), и является собственно атрибутивной составляющей образной синтаксической номинации, где динамически уравновешены атрибутивный признак и его носитель

Любая номинация по природе своей синтаксична, поскольку основана на атрибуции как закреплении за внешней, вербальной, формой знака, мотивирующего смысл признака атрибута, признака, определяющего и различающего данный денотат в ряду ему подобных его как данность [11]. В языковом сознании коммуниканта атрибут-«мотиватор» номинации кладется в основание внутренней формы наименования, представления о денотате – «образа образа», как сам А.А. Потебня, разрабатывая свою оноματοпоэтическую концепцию развития языка, определял внутреннюю форму поэтического знака, причем не только лексического, но и являющегося целым поэтическим текстом [13, с.130].

В поэтическом тексте, с его установкой на экспрессивность выражения, номинационно-синтаксический семиозис свидетельствует о взаимодействии семантического, синтаксического и прагматического измерений текста как знака, создавая условия для синтеза приемов и средств тропики и фигуративного синтаксиса. Происходит вполне закономерная естественная трансформация экспрессии, связанная с её переходом в эвристическое измерение.

В языке поэзии номинация как ни в какой иной речевой сфере раскрывает динамичность своей атрибуционной основы. В поэтическом тексте нередко наблюдается проявление динамики самого процесса атрибуционного поиска автором внутренней формы номинации за счет определенных синтаксических моделей семантизации слова. Авторская «лексикография» свидетельствует о колоссальных образно-экспрессивных номинационных ресурсах русского поэтического синтаксиса: дескрипций различного плана, синонимических рядов, фразовых дефиниций («тот, кто...», «то, что...», «всё, что...» и под.), и др. Сравним пастернаковское «Определение поэзии»:

Это — круто налившийся свист,

Это — щелканье сдавленных льдинок.

*Это – ночь, леденящая лист,
 Это – двух соловьев поединок.
 Это – сладкий заглохший горох,
 Это – слезы вселенной в лопатках,
 Это – с пультов и с флейт – Figaro
 Низвергается градом на грядку.
 Всё. что ночи так важно сыскать
 На глубоких купаленных доньях,
 И звезду донести до садка
 На трепещущих мокрых ладонях*

В данном тексте первые восемь строк соответствуют бинарной атрибуционной модели, где НАП выражен дейктивом «это», замещающим определяемое слово «позиция», в то время как АП в начальных шести случаях представлен параллельным рядом непредикативных словосочетаний (синтагму «ночь, леденящая лист» можно рассматривать как полупредикативную), насыщенных метафоризацией, эпитетацией и метонимией, варьированием порядка слов и необычной авторской сочетаемостью смыслов. Седьмой по счету АП – предикативный (пропозитивная номинация с актуализированным детерминантом «с пультов и с флейт»). Девятую и десятую строчки занимает парцеллянт – обобщающая фразовая номинация, выраженная субстантивным местоименно-соотносительным придаточным с коррелятом «всё».

Все авторские производные номинационно-синтаксического семиозиса насыщены метафоризацией, эпитетацией и метонимией, варьированием порядка слов, для них характерна необычная сочетаемость смыслов.

Заметим, что в поэтическом тексте атрибуция основана на динамическом равновесии прагматики и эстетики, рационального и эмоционального, причем последнее за счет ритмомелодики и рифмованного «сжатия стихового ряда» усиливает звучание мелоса, ослабляя информационный план и усиливая экспрессию синтагматики.

В поэтическом дискурсе ярко обозначена творческая антропогенность языковой личности автора и его идиостиля, в структуре которого проявляются субъективность, индивидуальная ощущаемость образности и имманентность эстетической позиции [20]. Подтверждается предлагаемая Н.Ю. Шведовой интерпретация базового для лингвистического антропоцентризма «тезиса о человеке, стоящем во главе языковой картины мира, ее организующем и оценивающим» (выделено нами – А.Б., Г.Б.)» [21, с. 38]. Автор «сильного» поэтического текста (чья поэтика соответствует критериям высокой художественной энергетики [ср.:б]) следует эстетическому принципу античной эстетики – синергии как взаимодействию художника и Творца в процессе со-творения и открытия Красоты. Явление Музы божественно, потому что позволяет поэту остановить и запечатлеть в вербальном знаке прекрасное мгновение особого эстетического бытия как эвристического состояния открытия Истинной Красоты, которая обретает облик естественной «неслышанной простоты» Б.Л. Пастернака. Сместем предположить, что ни один из известных современной филологической науке методов эстетического анализа не способен приблизиться к объяснению явления Музы художнику, – это подвластно лишь методу остановленного мгновения эвристического бытия Красоты. Суть эвристики состоит в обратности этой свободы добровольного и бескорыстного служения Тому, Кто или Что в Начале. Чтобы обрести – надо верить, ибо только Вера есть основа эвристического пути поэтического познания.

Об этом убедительно свидетельствует номинационно-синтаксический семиозис номинации крест в одноименном тексте стихотворения Н.С. Гумилева. Мы переносимся в ночной игорный дом начала прошлого века в тот кульминационный момент, когда герой, страстный картежник, оказывается, казалось бы, в безвыходной ситуации:

*Так долго лгала мне за картою карта,
 Что я уж не мог опьяниться вином.
 Холодные звёзды тревожного марта
 Бледнели одна за другой за окном.
 В холодном безумьи, в тревожном азарте
 Я чувствовал, будто игра эта — сон.
 «Весь банк — закричал — покрываю я в карте!»
 И карта убита, и я побеждён.
 Я вышел на воздух. Рассветные тени
 Бродили так нежно по нежным снегам.
 Не помню я сам, как я пал на колени,
 Мой крест золотой прижимая к губам.*

Герой – православный христианин, видимо, дворянин и, по давнему обычаю, носит нательный золотой крест. Здесь крест – лексическая номинация, обозначающая культовый христианский символ из золота, висющий на груди. Повинуясь какому-то внутреннему порыву (может быть, и пытаясь покаяться), персонаж Гумилева чисто рефлекторно подносит к губам свой нательный крест.

В сознании героя внезапно возникают слова, кто их произносит, неясно, но мы вместе с автором и героем их отчетливо слышим:

*– Стать вольным и чистым, как звёздное небо,
 Твой посох принять, о, Сестра Ниццета,
 Бродить по дорогам, выпрашивать хлеба,
 Людей заклиная святыней креста!*

«Святыня креста» – данный номинационно-синтаксический контекст обозначает то, что призвано не просто прояснить, а категорически усилить, актуализирует силу нравственной экспрессии главной семы слова *крест* – символ спасения и искупления человеческого греха, знак, который оставил нам Спаситель, добровольно пойдя на смерть и завещав нам путь тяжелой доли, испытаний судьбы, страданий [7]. Кажется, вот-вот наступит мгновение покаяния – это единственная альтернатива для героя как верующего человека в сложившейся ситуации. Но происходит совершенно обратное, и главный символ Веры теряет свою святую духовную ипостась, и остается только «золотой предмет в форме двух пересекающихся линий», украшение, которое имеет лишь материальную ценность. Выходит, остановить мгновения Откровения и Очищения души, а уж тем более продлить его не удалось...

*Мгновенье... и в зале весёлой и шумной
 Все стихли и встали испуганно с мест,
 Когда я вошёл, воспалённый, безумный,
 И молча на карту поставил мой крест.*

Вторая, нравственная, кульминация текста гумилевского стихотворения, являющаяся одновременно и развязкой действия, потрясает наше воображение. Эвристическое мгновение – но уже не Красоты, а Правды (как некое «антисостояние» торжества греха над Добродетелью) – все-таки наступает и даже пролонгируется, оно как бы «застывает» в нашем сознании, причем у каждого из нас: финальная синтаксическая номинация как уже устойчивое сочетание *мой крест* (не «мой крест золотой» – свободное словосочетание, как

звучало в конце третьего катрена) характеризуется вектором перволичного дейксиса («я»). Адресация автора очевидна: это может быть как прощение, сожаление, сочувствие, сострадание, так и внутреннее неприятие, протест, возмущение, осуждение, гнев. Но это далеко не равнодушные.

Внутренний голос Свыше, прозвучавший в нашем сознании одновременно с героем, ставит нас самих перед нравственным выбором: каждый из нас в данное остановленное автором мгновение текста ощущает в душе возможность выбора (он всегда у нас есть!) – *эстетически реальное мгновение бытия Правды*. Само состояние добровольного отречения от самого себя как Божьего творения даже трудно себе вообразить, а значит – и невозможно описать: «*мой крест*» – закономерный финал. Герой Гумилева добровольно выбирает свою судьбу – *свой крест как состояние бездуховности, предательства своей души, отречение от Веры как самоуничтожение*, и метатекстовая семантизация данного состояния, обычно не выделяемая толковыми словарями (ср.: [7]) происходит в подтексте: работает эвристический эффект умолчания. Вместе с тем, в стихотворном тексте за счет употребления целого синтаксического ряда инфинитивных конструкций автором предложен вариант решения проблемы. (авторский внутренний голос – Господь? совесть?). Но цепочка атрибутивных признаков – насыщенных семантической экспрессией гипотетических императивов, но нейтральных инфинитивов, которые могут стать индикативами, оказывается лишь последовательностью формальных знаков-символов. Зато лексическая номинация *крест* приобретает в тексте символическое (назовем его эвристическим) значение. в котором *открывается* реальная сила неизбежности Божьей кары за осквернение чистоты Веры.

Номинационно-синтаксический семиозис в поэтическом тексте рассматривается нами одновременно и как

акт антропогенного выхода в эвристическое познание мира, и как метод авторского метатекстового самопознания языковой личностью поэта. Результат данного семиозиса – метаморфоза *экспрессема* → *эвристиема*.

Результаты. По итогам проведенного исследования можно сделать вывод, согласно которому номинационно-синтаксический семиозис способствует открытию глубинности внутренней формы образного наименования, достигающего в поэзии «неслыханной простоты» (Б.Л. Пастернак), а синергия синтаксической номинации выражает коммуникативно-эстетический идеал славянского языкового сознания, основанного на высоких гражданских нравственных идеалах и исторически руководствующегося мыслью о единстве, гармонии и согласии в мире.

Мы предполагаем, что эвристический метод художественно-образного познания мира заключается в открытии запечатленных («остановленных») мгновений эстетического бытия в поэтическом тексте. Одним из способов речевого выражения внутренней формы данных эвристических мгновений (состояний) в языке русской поэзии выступают производные синтаксической номинации.

Номинационно-синтаксический семиозис в поэтическом тексте рассматривается одновременно и как акт антропогенного выхода в эвристическое познание мира, и как путь авторского метатекстового самопознания. Поэтический текст как комплексный художественный знак и формирующиеся в нем синтаксические наименования образуют образный ресурс особого эстетико-эвристического измерения, в котором формируется текстовое и метатекстовое пространство образной атрибуции и проявляется синкретизм художественно-изобразительных средств авторской поэтики. Возникает индивидуально ощущаемое состояние естественной гармонии и единения, неразделимости людей, вещей и положений.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография. М.: Флинта; Наука, 2009. 344 с.
2. Блок А. А. О назначении поэта // Блок А. А. Собр. соч. в 8 т. М.-Л.: ГИХЛ, 1962. Т. 6. Проза. 1918 - 1921. С. 160–168.
3. Буров А. А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке: дис. ... доктора филол. наук. Ставрополь, 2000. 412 с.
4. Буров А. А., Бурова Г. П. Эпитет в поэтическом тексте А.С. Пушкина: семиозис синтаксической номинации // Вестник Пятигорского государственного университета. 2024. № 1. С. 4654.
5. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 613 с.
6. Григорьев В. П. Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка: Избр. работы: 1958–2000-е годы. М.: Языки славянской культуры, 2006. 813 с.
7. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 20.12.2024).
8. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. 407 с.
9. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики / В.Г. Костомаров. М.: Гардарики. 2005. 287 с.
10. Косых Е. А. Русская ономазиология [Электронный ресурс]: учебное пособие. Барнаул: АлтГПУ, 2016. URL: <https://library.altspu.ru/dc/pdf/kosih2.pdf> (дата обращения: 01.12.2024).
11. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. Казань, 1883. 153 с. URL: <https://www.directmedia.ru/book-99343-ocherk-nauki-o-yazyke/> (дата обращения: 30.12.2024).
12. Маслова Ж. Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке: автореф. дис. ... доктора филол. наук. Тамбов, 2011. 44 с.
13. Потенба А. А. Мысль и язык // Потенба А. А. Слово и миф. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 17–200.
14. Российская грамматика Михаила Ломоносова. СПб: Печ. при Импер. Акад. наук, [1757]. 210 с.
15. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: ЛЕАНД, 2021. 334 с.
16. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка // Вавилон: Вестник молодой литературы. 1993. 2 (18). М.: АРГО-РИСК, 1993. С. 86–90.
17. Фатеева Н. А. Языковая креативность: подступы к теме // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 7. М., 2016 С. 13–28.
18. Философская энциклопедия. В 5 т. / ред. Ф. В. Константинов. Т.5. М.: СЭ, 1970. С. 532–534.
19. Чумак-Жунь И. И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков. Белгород: БелГУ, 2009. 302 с.
20. Чумак-Жунь И. И. К вопросу об эвристическом ракурсе поэтического дискурса Б.Л. Пастернака // Русский язык в поликультурном мире: мат-лы VI Международного симпозиума. Ялта, 2022. С. 210–215.

21. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл М.: Азбуковник, 1998. 176 с.
22. Штайн К. Э. Гармоническая организация поэтического текста: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 – русский язык. Ставрополь, 1993. 441 с.
23. Штайн К. Э., Петренко Д. И. О концепции синтаксической формы наименования в монографии А. А. Бурова «Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке» // Буров А. А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке. Монография. / Под ред. проф. К. Э. Штайн. Ставрополь-Пятигорск: Изд-во СГУ «Академический проект», 2012. С. 383–396.
24. Языковая номинация. Виды наименований / АН СССР; Ин-т языкознания. М.: Наука, 1977. 360 с.
25. Языковая номинация. Общие вопросы / АН СССР; Ин-т языкознания. М.: Наука, 1977. 357 с.

References

1. Alefirenko NF. The "Living" word: Problems of functional lexicology: monograph. Moscow: Flinta; Nauka; 2009. 344 p. (In Russ).
2. Blok AA. On the appointment of a poet in Blok AA. Collected works in 8 volumes. Moscow: State Publishing House of Fiction; 1962. Vol. 6. Prose. 1918 - 1921. P. 160-168. (In Russ).
3. Burov AA. Substantive syntactic nomination in the Russian language: thesis. Stavropol; 2000. 412 p. (In Russ).
4. Burov AA, Burova GP. Epithet in the poetic text of A.S. Pushkin: semiosis of syntactic nomination. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2024;(1):46-54. (In Russ).
5. Vinogradov VV. Russian language: a grammatical teaching of the word. Moscow: Higher School; 1972. 613 p. (In Russ).
6. Grigoriev VP. Velimir Khlebnikov in the four-dimensional space of language: Selected works: 1958-2000-ies. Moscow: Languages of Slavic culture; 2006. 813 p. (In Russ).
7. Efremova TF. New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-forming. Moscow: Russian Language; 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (accessed: 12.20.2024). (In Russ).
8. Zhirmunsky VM. Theory of literature. Poetics. Stylistics. Leningrad: Nauka; 1977. 407 p. (In Russ).
9. Kostomarov VG. Our language in action: Essays on modern Russian stylistics. Moscow: Gardariki; 2005. 287 p. (In Russ).
10. Kosykh EA. Russian onomasiology: textbook. Barnaul: Altai State Pedagogical University, 2016. URL: <https://library.altspu.ru/dc/pdf/kosih2.pdf> (accessed: 12.01.2024). (In Russ).
11. Krushevsky NV. An essay on the science of language. Kazan; 1883. 153 p. URL: <https://www.directmedia.ru/book-99343-ocherka-nauki-o-yazyke/> (accessed: 12.30.2024). (In Russ).
12. Maslova ZhN. The poetic picture of the world and its representation in language: abstract thesis. Tambov; 2011. 44 p. (In Russ).
13. Potebnya AA. Thought and language in Potebnya AA. Word and Myth. Moscow: Pravda Publishing House; 1989. P. 17-20. (In Russ).
14. Mikhail Lomonosov's Russian Grammar. St. Petersburg: Published by the Imperial Academy of Sciences; 1757. 210 p. (In Russ).
15. Stepanov YuS. In the three-dimensional space of language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, and art. Moscow: LENAND; 2021. 334 p. (In Russ).
16. Tynyanov YuN. The problem of poetic language. *Vavilon: Vestnik molodoi literatury*; 1993. 2 (18). Moscow: ARGO-RISK; 1993. P. 86-90. (In Russ).
17. Fateeva NA. Linguistic creativity: approaches to the topic in Proceedings of the Vinogradov Institute of the Russian Language. Issue 7. Moscow; 2016. P. 13-28.
18. Philosophical Encyclopedia. In 5 volumes. Ed. by FV Konstantinov. Vol. 5. Moscow: SE; 1970. P. 532-534. (In Russ).
19. Chumak-Zhun II. Poetic text in the Russian lyrical discourse of the late XVIII – early XXI centuries. Belgorod: Belgorod State University; 2009. 302 p. (In Russ).
20. Chumak-Zhun II. On the issue of the heuristic perspective of B.L. Pasternak's poetic discourse // Russian language in the multicultural world: proceedings of the VI International Symposium. Yalta; 2022. P. 210-215.
21. Shvedova NY. Pronoun and meaning Moscow: ABC Book; 1998. 176 p. (In Russ).
22. Stein KE. Harmonic organization of the poetic text: thesis. Stavropol; 1993. 441 p. (In Russ).
23. Stein KE, Petrenko DI. On the concept of the syntactic form of the name in AA Burov's monograph "Substantive syntactic nomination in the Russian language" in Burov AA. Substantive syntactic nomination in the Russian language. The monograph. Ed. by KE Stein. Stavropol-Pyatigorsk: Publishing Stavropol State University Publishing House "Academic Project"; 2012. p. 383-396. (In Russ).
24. Language nomination. Types of names. USSR Academy of Sciences; Institute of Linguistics. Moscow: Nauka; 1977. 360 p. (In Russ).
25. Language nomination. General questions. USSR Academy of Sciences; Institute of Linguistics. Moscow: Nauka; 1977. 357 p. (In Russ).

Научная статья

УДК 81'373.45; 81'373.612

https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.20

РЕФЛЕКСЫ СТРАСТИ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Сергей Григорьевич Воркачев

Кубанский государственный технологический университет (д. 2, ул. Московская, Краснодар, 350072, Российская Федерация)

Доктор филологических наук, профессор

svork@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-6290-2582

Аннотация. Введение. Понятия страсти и бесстрастия находятся в фокусе исследовательского интереса с времен Античности и поныне остаются «ключевыми концептами» религиозного дискурса. **Материалы и методы.** Материалом исследования послужили тексты лексикографического дискурса: толковые, этимологические и терминологические словари русского языка, словари старославянского и церковно-славянского языков, древнегреческо-русский и орфоэпический словари русского языка. **Анализ.** Большую часть списка славяно-русских сложных слов, образованных с участием страсти и её видовых ипостасей (любовь, боязнь/страх, ненависть), занимают слова с корнем *люб-*, за которыми идут слова с корнем *страст-*, несколько раз здесь вербализуются ненависть и страх. Из всех многочисленных видов любви в функции активного словообразовательного компонента принимают участие три: *филия* (φιλία), *мания* (μανία) и *эрос* (ἔρως), а среди отрицательных словообразовательных компонентов страсти, доминирует аффиксоид *-фоб(ия)*. **Результаты.** Устанавливается, что словарные единицы, образованные при помощи формантов с семантикой страсти, легко выстраиваются в семантическую парадигму, включающую синонимы, антонимы и омонимы. Синонимические ряды здесь формируются как за счет вариативности как активных словообразовательных компонентов, так и за счет вариативности мотивирующего компонента. Антонимические отно-

шения в парадигме лексических единиц, образованных с помощью форманта страсти, достаточно редко выстраиваются на основании антонимии мотивирующего компонента, чаще всего эти отношения создаются на основе противопоставления активного словообразовательного компонента по градуальному либо контрастному признаку. Субъектом страсти в словообразовании выступает, как правило, человек, однако, иногда протагонистами страсти бывают растения, организм в целом или его отдельные органы и речь здесь идет о метафоризации – уподоблении субъектов страсти существам с высокоорганизованной психикой.

Ключевые слова: лексикография, словообразование, словосложение, калькирование, заимствование, страсть, любовь, ненависть, синонимия, омонимия, аффикс, аффиксоид

Для цитирования: Воркачев С. Г. Рефлексы страсти в словообразовании русского языка (на материале лексикографического дискурса) // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 155–163. https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.20

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 23.11.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 30.02.2025.

Статья принята к публикации: 25.03.2025.

Research article

REFLEXES OF PASSION IN WORD FORMATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON LEXICOGRAPHICAL DISCOURSE)

Sergey G. Vorkachev

Kuban State Technological University (2, Mosrovskaya St., Krasnodar, 350072, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

svork@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-6290-2582

Abstract. Introduction. The concepts of passion and dispassion have been in the focus of research interest since Antiquity and remain “key concepts” of religious discourse to this day. **Materials and Methods.** The study material was the texts of lexicographical discourse: explanatory, etymological and terminological dictionaries of the Russian language, dictionaries of Old Church Slavonic and Church Slavonic, ancient Greek-Russian and orthoepic dictionaries of the Russian language. **Analysis.** Most of the list of Slavic-Russian compound words formed with the participation of passion and its species hypostases (love, fear, hatred) are occupied by words with the root *lyub*, followed by words with the root *strast*, here hatred and fear are verbalized several times. Of all the numerous types of love, three participate in the function of the active word-formation component: *philia* (φιλία), *mania* (μανία) and *eros* (ἔρως), and among the negative word-formation components of passion, the affixoid *-fobia(ia)* dominates. **Results.** It is established that vocabulary units formed with the help of formants with the semantics of passion are easily arranged in a semantic paradigm that includes synonyms, antonyms and homonyms. Synonymous series are formed here both due to the variability of active word-formation components and due to the variability of the motivating

component. Antonymic relations in the paradigm of lexical units formed with the help of the formant of passion are quite rarely built on the basis of the antonymy of the motivating component; most often, these relations are created on the basis of the opposition of the active word-forming component according to a gradual or contrasting feature. The subject of passion in word formation is, as a rule, a person, however, sometimes the protagonists of passion are plants, the organism as a whole or its individual organs, and here we are talking about metaphorization – likening the subjects of passion to creatures with a highly organized psyche.

Keywords: lexicography, word formation, compounding, calque, borrowing, passion, love, hate, synonymy, homonymy, affix, affixoid

For citation: Vorkachev SG. Reflexes of passion in word formation of the Russian language (based on lexicographical discourse). *Humanities and law research*. 2025;12(1):155-163. (In Russ). https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.20

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 23.11.2024.

The article was approved after reviewing: 30.02.2025.

The article was accepted for publication: 25.03.2025.

© Воркачев С. Г., 2025

Введение. Понятия страсти (др.-греческое *πάθος*, латинское *passio*) и бесстрастия (др.-греческие *ἀπάθεια* и *ἀταραξία*, латинское *impatientia* в учении стоиков) находились в фокусе исследовательского интереса уже во времена Античности, они же были и остаются «ключевыми концептами» религиозного дискурса начиная с раннего средневековья.

Изначально в истории науки страсть изучалась в составе бинарного семантического единства как противочлен бесстрастия, однако бинарная эвристическая модель здесь достаточно свободно может принимать вид тернарной, когда в неё включается еще и третий смысловой элемент, как это происходит, например, с желанием и безразличием, где желание противопоставлено безразличию и нежеланию [5, с. 28].

«Страсть» – имя родового понятия для сильных, выходящих за пределы обыденной нормы эмоциональных проявлений. Однако специального имени для обозначения понятия анти-страсти как «активного» оператора в тернарной логике «пассионарных оценок», насколько известно, не существует – он замещается именами его видовых воплощений: ненавистью, ревностью и страхом. В русском языке складываются особо близкие отношения между понятиями *страсти* и *страха*: помимо фонетического подобия значение страха фиксируется в одной словарной статье со страстью в подавляющем большинстве толковых словарей, *страсть* и *страх* отмечены общностью происхождения [37, т. 3, с. 771], *страсть* и *страх* в русском языковом сознании объединены желанием: «*Страх* и *страсть* суть два *потрясения* или два *трепетания* душевные, вместе соединенные, одно от желания иметь любимую вещь, другое от боязни лишиться или не получить ее» [43].

Словообразование (деривация) как создание новых слов по уже существующим в языке образцам и моделям включает в себя такие способы, как аффиксация (словопроизводство), словосложение, конверсия (транспозиция), аббревиация, контаминация (междусловное совмещение, наложение, ср. французское *télescopage* – «столкновение»), нулевая суффиксация (усечение) и, возможно, другие, из которых наиболее продуктивными в русском языке, являются, конечно, первые два – аффиксация и словосложение.

Резкой, четко выраженной границы между аффиксацией и словосложением нет, в языке существуют промежуточные, гибридные формы словообразовательных формантов [7, с. 190], которые выделялись в особый словообразовательный разряд под именами *полуаффиксы*, *префигурованные словоэлементы*, *субаффиксы*, *радиксоиды*, *агглютинаторы*, *молодые аффиксы*, *псевдоаффиксы* и пр. [13, с. 131–132; 31], но в конечном итоге за ними закрепилось название *аффиксоидов* – термина, предложенного более полувека тому назад (в 1959 году) Н. М. Шанским.

На сегодняшний день выработано общее определение аффиксоидов, под которыми понимаются морфемы гибридного типа, занимающие промежуточное положение между корневыми и аффиксальными морфемами, функционирующие как компоненты сложного или сложносокращенного слова, повторяющиеся с одним и тем же значением в составе ряда слов, приближающиеся по своей способности образовывать новые слова с тем же компонентом к аффиксу [31; 30, с. 7; 4, с. 307; и пр.], но в то же самое время сохраняющие в сознании носителей языка свои семантические связи с корнями, от которых они образованы [42, с. 16].

Материалы и методы. Материалом исследования послужили тексты лексикографического дискурса: базовые толковые словари русского языка [8; 12; 19; 27; 33; 36], этимологические словари [37], словари старославянского [34] и церковно-славянского [10] языков, древнегреческо-русский [9] и новогреческо-русский [39] словари, словари иностранных слов [18; 40; 16, 11], словари медицинских [28], психиатрических [17], сексологических [29; 14], психологических [23; 24] и ботанических [1] терминов и орфоэпический [32] словари, интернет-источники (Словари и энциклопедии на Академике – <https://dic.academic.ru>; Викисловарь – ru.wiktionary.org).

Анализ. В количественном отношении список сложных слов, образованных с участием страсти и её видовых ипостасей (любовь, боязнь/страх, ненависть) относительно невелик – несколько десятков лексических единиц и по существу закрыт. Большую часть этого списка занимают слова с корнем *люб-* (*дружелюбие*, *самолюбие*, *честолюбие*, *миролюбие*, *правдолюбие*, *любопытность*, *любопытство* и пр.), за которым идут слова с корнем *страст-* (*сладострастие*, *страстотерпец*, *страстоцвет* и пр.). Несколько раз здесь вербализуются ненависть (*человеконенавистничество*, *женоненавистничество*) и страх (*водобоязнь*, *светобоязнь*, *цветобоязнь*, *страхолюдина*).

В подавляющем большинстве случаев лексические единицы с семантическими рефлексамии страсти и страстей образованы путем словосложения и легко разворачиваются в соответствующее словосочетание: *дружелюбие* → *любовь к дружбе*; *правдолюбие* → *любовь к правде*; *любопытность* → *любовь к знанию*, из этого ряда, пожалуй, выпадает *любопытство*, поскольку в *любовь к пыткам* оно явно не разворачивается, а разворачивается, скорее, в *любовь к пытливости*, а формант *пыт*, встречающийся также в словах *следопыт* и *следопытство*, функционирует здесь как суффиксоид.

В современных толковых словарях в сложных словах с компонентом, вербализующим страсть, этот компонент чаще всего стоит на втором месте (*честолюбие*, *дружелюбие*, *славолюбие*, *властолюбие*, *корыстолюбие*, *сребролюбие* и пр.), на первом месте он оказывается значительно реже (*любопытность*, *любвеобилие*, *страстотерпец* и пр.). Однако в старославянском языке, откуда в русский язык пришло большинство моделей словообразования сложных лексических единиц, «страстный компонент» как раз идет преимущественно на первом месте (*любочестіе*, *любодружіе*, *любославіе*, *любоиманіе*, *любомолчаніе*, *любоначаліе*, *любомудріе* – [10, с. 292–293], что, как представляется, свидетельствует о том, что в ходе эволюции этих лексических единиц довольно часто имела место своего рода «лексическая метатеза» – перестановка словообразующих корней.

Большая часть сложных слов с компонентом страсти на втором месте, несмотря на свое старославянское происхождение, в современном языке вполне «натурализовались» и в толковых словарях представлены без каких-либо помет. С пометой «устаревшее» и «книжное» идут, как правило, слова с «инвертированным» порядком появления компонентов, где вербализатор страсти стоит на первом месте: *любомудріе*, *любострастіе*, *любостяжаніе* [36, т. 2, с. 105–106; 12, т. 1, с. 811], *страстотерпец* [36, т. 4, с. 547; 12, т. 2, с. 715]. Такие же сложные слова с вербализаторами страсти, как *любодружіе*, *любопреніе*, *любомолчаніе*, *любопраздній*, *любоначалный*, *любосластный*, еще представленные

в словаре Владимира Даля [8, т. 2, с. 283], из современных толковых словарей русского языка уже ушли. С пометой «разговорно-сниженное» и «просторечное» идут слова *страхолоуд*, *страхолоудина*, *страхолоудный* [19, с. 1277; 12, т. 2, с. 716; 27, с. 772]. *Любодейство* и *любодейние* представлены с пометой «народно-разговорное» [19, с. 510]. В общенародный язык вошли лексемы научного происхождения – изначально медицинские термины *водобоязнь* и *светобоязнь*, приводимые в толковых словарях без помет [12, т. 2, с. 194, т. 2, с. 561; 19, с. 139, 1158], в то время как *цветобоязнь* не вышла за пределы медицинской терминологии [28].

Сложные слова старославянского происхождения образованы преимущественно путем калькирования греческих образцов [6, с. 46], в современном языке некоторые из них претерпевают определенные семантические сдвиги и подвергаются переосмыслению. Так, например, *любомудрие* с пометой «устарелое» толкуется как «то же, что философия» [33, т. 6, с. 437], калькой с которой оно и является (φιλοσοφία – «любовь к мудрости» – [9, т. 2, с. 1733]), однако в церковно-славянском языке *любомудрие* означало «подвижничество, благочестивая жизнь» [10, с. 293]. Слово *страстолобие*, образованное двумя корнями с семантикой страсти и означавшее в церковно-славянском языке «любострастие, порабощение страстями» [10, с. 671], сохраняясь приблизительно в этом же значении в словаре Владимира Даля – «предание самого себя на волю страстей своих, похотей» [8, т.3, с. 336], из современных толковых словарей русского языка уходит. В то же самое время такой старославянизм с компонентом страсти, как *страстотерпец* в значении «мученик» [9, с. 671], в современных словарях присутствует с пометой «церковно-книжное, устарелое» и «церковное» [36, т. 2, с. 547: 19, с. 1276] – «мученик, пострадавший из-за религиозных убеждений» [33, т. 14, с. 999]. Как представляется, в семантике страсти здесь опосредованно реализуется одно из значений греческого оригинала πάθος – «страдание, болезнь» [9, т. 2, с. 2016–2017], воспроизведенное в старославянском языке, где страсть – «страдание, боль, муки» [34, т. 4, с. 177].

Любовь в русском языке достаточно многозначное слово, которому в древнегреческом языке соответствует целый ряд отдельных лексических единиц, вербализующих оттенки этого важнейшего межличностного чувства: *эрос* (ἔρως), *сторге* (στοργή), *агапэ* (ἀγάπη), *филия* (φιλία) и пр. [21]. В свою очередь в старославянском языке слово жена обозначало как женщину, так и супругу, а слово муж – как мужчину, так и супругу [10, с. 181, 319; 34, т. 1: 598, т. 2, с. 269]. Тогда в общем-то неудивительно, что в старославянском и русском *женолюбии* (*женолюбивый* – «пристрастный к женскому полу» – [10, с. 181]; «слишком любящий женщин» – [19, с. 303]) вербализуется любовь-эрос – страстная и плотская любовь, а в старославянском слове *мужелюбица* («жена, искренно любящая своего мужа» – [10, с. 319]) воплощается любовь-филия – любовь-преданность и любовь-нежность.

«Активный» словообразовательный компонент с семантикой страсти в заимствованных лексических единицах восходит в конечном итоге к греческому языку. Несмотря на прогрессирующее «онаучивание» современного общенародного русского языка [31], заимствованные специальные термины, в том числе и с компонентом страсти, в толковых словарях представлены не столь уж обильно: *философия*, *филология*, *филате-*

лия, *педофилия*, *ксенофобия*, *руссофобия*, *графомания*, *наркомания*, *мизантропия*..., что напоминает, скорее, вершину лексического айсберга, поскольку основная их масса содержится в словарях иностранных слов и, главным образом, в специальных терминологических словарях. И если счет исконных сложных лексических образований с компонентом страсти идет на десятки, то счет заимствованных терминов идет уже сотни: если заглянуть, например, в медицинский словарь [28] или же в словарь терминов психиатрии [17] либо сексологии [14; 29], то создается впечатление, что нет такой части тела человека или органа, которые не подвергались патологическим изменениям, и нет такого предмета или явления в окружающем мире, которые не вызвали бы патологического страха либо патологической одержимости.

Функционально «активный» словообразовательный компонент с семантикой страсти в заимствованных лексических единицах выступает исключительно в качестве аффикса или аффиксоида: греческие корни *пат(о/и)*, *фил(о/и)* и *миз(о)* функционируют как префиксы (*патология*, *филология*) и как суффиксы (*психопатия*, *гемофилия*, *мизантропия*, *мизогения*), поскольку соотносительных с ними отдельных слов (*патия, *филия, *мизос) в русском языке не существует, греческие корни *ман(и)* (*пиромания*, *наркомания*), *фоб(и)* (*ксенофобия*, *гидрофобия*) функционируют как суффиксоиды, поскольку в современном языке есть соотносимые с ними отдельные слова: *мания*, *фобия* [12, с. 259; 4, с. 308].

В самом широком смысле понятие страсти соотносимо с понятием жизни и приложимо только к тем объектам, которые *живут*: у которых есть генетическая программа, определяющая специфику их метаболизма и способ самовоспроизведения. Тем самым в понятийную область страсти из пяти «царств» Владимира Соловьева (минерального, растительного, животного, человеческого и Божия) совершенно определенно попадают животное и человеческое царства, обитатели которых могут страдать, и с некоторыми оговорками представители царства растительного, которые могут только болеть. Поэтому вполне ожидаемо термины со словообразовательными компонентами страсти присутствуют преимущественно в специальных словарях по медицине, психологии, психиатрии, сексологии и в значительной мере в словарях по биологии и сельскому хозяйству.

В составе медицинских терминов, образованных с помощью активного компонента страсти *-пат-*, последний утратил многозначность, присущую его этимону – греческому πάθος, семантика которого обеднилась до значения *болезнь*, *аномалия*, значения собственно страсти как интенсивного эмоционального проявления в нем практически уже не осталось [9, т. 2, с. 1216]. Эти лексемы номинируют главным образом объекты органики, способные функционировать аномально (*кардиопатия*, *остеопатия*), либо патологические процессы, происходящие в этих объектах (*патогенез*, *патоморфоз*), либо дисциплины, занимающиеся изучением их болезней (*аллопатия*, *гомеопатия*), причем в профессиональной речи медиков *-патия*-вид заболевания отличается от *-пати*-способа лечения болезни местом ударения, которое падает на предпоследний слог, если термин обозначает вид заболевания (*нефропатия*, *миопатия*), и на третий слог от конца, если он обозначает способ лечения. Суффикс *-патия*, присутствует также в слове *телепатия* – термина парапсихологии, скон-

стрированного в конце 19-го века (1882 г.) британским психологом-экспериментатором Фредериком У. Х. Майерсом, где этот словообразовательный формант также возводится к древнегреческому *τάθος* и толкуется как *чувство* [18, с.: 766], однако в семантике древнегреческого этимона просто чувства нет, есть лишь характеристика интенсивности эмоциональных проявлений – «страсть, волнение, возбуждение, аффект» [9, т. 2, с. 1216], что вообще-то не то же самое. И, наконец, словообразования с суффиксом *-патия* отличаются многоосновностью: число корней в их морфологическом составе может доходить до четырех, не считая самого суффикса – *аденотонзиллосинусопневмопатия, гелатозцефаломиелопатия*.

Испытывать чувства, к числу которых относятся такие видовые воплощения страсти, как любовь, страх и ненависть, могут лишь существа, наделенные сознанием и обладающие высокоорганизованной психикой, прежде всего, люди, хотя, безусловно, свои страхи и пристрастия (фобии и мании) присущи некоторым животным: собак, например, приводят в стрессовое состояние громкие звуки (гроза, взрывы петард, выстрелы), присутствие в доме чужих людей, поездки на автомобиле, одиночество, посещения ветеринара [2], однако специальных имен, даже в зоопсихологии, насколько известно, эти «страсти» не получили.

К числу «положительных» словообразовательных компонентов страсти, семантизирующих её видовые воплощения и направленных на её объект, относятся аффиксы *-фил(ия)/фил(о)-* и *-ε/эро/а-*, а также аффиксоид *-ман(ия)*, к числу «отрицательных», направленных от её объекта, – аффикс *миз-* и аффиксоид *-фоб(ия)*. Лексические единицы с этими компонентами частично представлены в толковых словарях и словарях иностранных слов, но основной областью их бытования являются специальные терминологические системы.

Из всех многочисленных «цветов любви» (colors of love – [44]) в функции активного словообразовательного компонента принимают участие три: *филия* (*φιλία*), *мания* (*μανία*) и *эрос* (*ἔρως*).

Слово *φιλία* в древнегреческом языке, помимо привязанности, дружбы и предмета любви, означало также стремление и жадю [9, т. 2, с. 1727]. За русским аффиксом *фил(ия)/фил(о)-* в общих чертах сохранились все значения его греческого этимона: он передает склонность к занятиям чем-либо (*философия, филология*), увлеченность чем-либо, чаще всего коллекционированием каких-либо предметов (*библиофилия, филателия, филокартия* – коллекционирование открыток, *магнетофилия* – коллекционирование магнетиков, *стилофилия* – коллекционирование разного вида карандашей, средств письма и пр.), которое может выглядеть вполне невинным чудачеством (*бирофилия* – коллекционирование банок и бочонков из-под пива, кружек, пробок и открывалок, *гумофилия* – коллекционирование обёрток и вкладышей от жевательной резинки, *филлумения* – коллекционирование предметов, связанных со спичками, *аренофилия* – коллекционирование песка, *арктофилия* – коллекционирование плюшевых медвежат и пр.). В то же самое время это увлечение может перерасти в болезненное пристрастие, вредную привычку психоз, фетишизм и извращение (*агонофилия* – страсть к псевдоизнасилованию, *тератофилия* – влечение к физически уродливым и безобразным людям, *гибристофилия* – влечение к преступникам, *симфорофилия* – влечение ко всему, что связано со смертью и катастрофами, *бело-*

нефилия – влечение к прокалыванию различных частей тела острым предметом, *клаустрофилия* – навязчивое стремление закрывать окна и двери из страха оказаться одному в незапертом помещении и пр.). Подобное влечение может осуждаться морально (*геронтофилия* – болезненное влечение к лицам пожилого возраста, *граофилия* – влечение к пожилым, старым женщинам и пр.), однако оно может рассматриваться и как преступление (*педофилия* – половое влечение к детям и к лицам, не достигшим совершеннолетия, *некрофилия* – сексуальное влечение к мертвому телу и разнообразным манипуляциям с ним, *зоофилия* – влечение к действиям сексуального характера с животными и др.). *Филия* иногда способна синонимизироваться с похотью (*λαγνεία*) и наслаждением (*ἡδονή*): *пирофилия=пиролагия* – *любовь к огню, алгофилия=алгедония* – *любовь к боли*.

В число основных видов античной любви (*эрос*, *сторге*, *агапе* и *филия*), выделяемых Платоном [20, с. 230], *мания* (*μανία*) не входила и считалась комбинацией *эроса* и *людуса* [3]. *Мания*, «безумие от богов» – это деструктивное чувство – любовь-наваждение, любовь-одержимость, несущая страдания и полностью порабащая своего субъекта. Слово *μανία* означало, с одной стороны, «сумасшествие, душевную болезнь, безумие» и, с другой, – «исступление, вдохновение» [9, т. 2, с. 1051]. В принципе, все эти значения в какой-то степени сохранились за аффиксоидом *-ман(ия)*: образованные с его помощью лексические единицы отправляют преимущественно к психическим отклонениям от нормы и заболеваниям – *аблютомания* – навязчивое мытье рук в связи с обсессивными или бредовыми идеями заражения, загрязнения, *графомания* – болезненное пристрастие к сочинительству бездарного в литературном отношении человека, *грацидомания* – непреодолимое стремление похудеть, боязнь полноты, *дакномания* – навязчивое стремление кусать окружающих, *дипсомания* – периодически возникающие состояния запойного пьянства, *кентомания* – патологическое пристрастие к инъекциям, *клептомания* – болезненное влечение к совершению краж, *круомания* – импульсивное стремление наносить себе удары по голове, чаще всего биться головой о стену, *мифомания* – патологическая жливость, *некромания* – болезненное влечение к осквернению трупов, *пиромания* – непреодолимое влечение к поджогам, *томомания* – непреодолимое влечение подвергать себя хирургическим операциям и пр. В границах «парадигмы страсти» имена с формантом *-ман(ия)* противостоят именам с формантом *-фил(ия)/фил(о)-* по таким признакам, как 1) интенсивность проявления («пылкость»), 2) патологичность, 3) неподконтрольность воле (навязчивость, одержимость).

Эрос (*ἔρως*) – чуть ли не главное божество античного «любовного пантеона» и доминантный «цвет любви», любовь-жажда. Его имя в древнегреческом языке означало *страсть, страстное желание, горячее стремление, предмет любви и наслаждение, радость* [9, т. 1, с. 670]. Тем не менее, участие в словообразовании суффикса *-ε/эро/а* оказывается минимальным: с его помощью созданы лишь несколько лексических единиц: *педерастия* и *падерозия* – то же самое, что *педофилия*; *зооэротия* и *зооэрастия* – то же самое, что *зоофилия*.

Среди «отрицательно-векторных» словообразовательных компонентов страсти, доминирует, безусловно, аффиксоид *-фоб(ия)*: список лексем, образованных с его помощью, из которых далеко не все именуют психические расстройства, насчитывает более двух сотен

единиц [35]. Этот аффиксоид восходит, конечно, к древнегреческому слову φόβος, означавшему «страх, ужас, боязнь» [9, т. 2, с. 1739–1740], однако слова φόβια, присутствующего в новогреческом языке с пометой *мед.* [39, с. 792], там нет, что свидетельствует, очевидно, о том, что эта лексическая единица сконструирована относительно недавно по аналогии с *филией*, *манией* и прочими терминами, заканчивающимися на *-ия*. В числе лексических единиц, кстати, созданных с помощью аффиксоида *-фоб(ия)*, присутствует и шестисносное бразование *гексакосиойгексеконтагексафобия* – страх числа 666.

Фобия в медицинской литературе определяется как устойчивый, патологический страх перед определенными предметами, живыми существами, явлениями, обстоятельствами, действиями, поступками, процессами, ситуациями, качествами, состояниями и пр., т. е. его содержанием может быть практически любое явление обыденной жизни. Фобии достаточно легко кластеризуются и распределяются в семантические разряды по своему объекту – «фактору страха». Тогда наиболее многочисленным и детализированным семантическим разрядом объектов, внушающих патологический страх, будут живые существа – люди (*андрофобия* – боязнь мужчин, *гинекофобия* – боязнь женщин, *калигинефобия* – боязнь красивых женщин, *коулпрофобия* – боязнь клоунов, *антропофобия* – боязнь людей, *дентофобия* – боязнь стоматологов, *эфебифобия* – боязнь подростков, *ятрофобия* – боязнь врачей, *сингенезофобия* – боязнь родственников, *харпаксофобия* – боязнь разбойников и пр.), животные (*зоофобия* – боязнь животных, *земмифобия* – боязнь кротов, *кинофобия* – боязнь собак, *мусофобия/сурифобия* – боязнь мышей и крыс, *гиппофобия* – боязнь лошадей, *хироптофобия* – боязнь летучих мышей, *орнитофобия* – боязнь птиц, *галеофобия/селахофобия* – боязнь акул, *герпетофобия* – боязнь рептилий, *офиофобия* – боязнь змей, *ранидофобия* – боязнь лягушек, *энтомофобия* – боязнь насекомых, *мирмекофобия* – боязнь муравьёв, *апифобия* – боязнь пчёл, *арахнофобия* – боязнь пауков, *фтириофобия* – боязнь вшей, *сколецифобия* – боязнь червей и пр.). За живыми существами идут состояния, главным образом, болезни: *нозофобия* – боязнь заболеть, *маниофобия* – боязнь психических заболеваний, *алгофобия* – боязнь боли, *ангинофобия* – боязнь стенокардии, *апоплекси-фобия* – боязнь инсульта, *канцерофобия* – боязнь рака, *лепрофобия* – боязнь проказы, *лисофобия* – боязнь бешенства, *эпистаксофобия* – боязнь носового кровотечения и пр. Люди боятся головокружений (*динофобия*), интенсивного потоотделения (*идрозозофобия*), облысения (*пеладозофобия*), засыпания (*гипнофобия*), наготы (*гимнофобия*) и пр. Они боятся летать (*аэрофобия*), переходить улицу (*гаирофобия*), просто ходить (*базофобия*), жениться (*гамофобия*), общаться со стариками (*геронтофобия*), писать (*графофобия*), получать или делать подарки (*дорозофобия*), публично выступать (*пейрафобия*), наказаний (*рабдофобия*), есть (*ситофобия*), спать (*сомнифобия*), быть погребёнными заживо (*тафофобия*), уколов (*трипанозофобия*), поцелуев (*филемафобия*), поездок на транспорте (*сидеродромозофобия*) и пр. Люди боятся пыли (*аматофобия*), воды (*гидрофобия*), золота (*аурофобия*), солнца (*гелиофобия*), мостов (*гефирозофобия*), металлов (*металлофобия*), острых предметов (*айхмосфобия*). Они боятся открытых пространств (*агорафобия*), замкнутого пространства (*клаустрофобия*), высоты (*акрофобия*), темноты (*ахлу-*

офобия) и ответственности (*гипенгиофобия*), их панически пугает гром (*бронтофобия*), дождь (*омброфобия*) и мороз (*криофобия*), они боятся красоты (*калифобия*).

Еще один «отрицательно-векторный» компонент страсти – префикс *миз-*, восходящий к древнегреческому слову μίσος, означавшему «ненависть, отвращение» и, соответственно, их предмет [9, т. 1, с. 1102], особой продуктивностью не отличается: с его помощью образованы *мизантропия* – ненависть к людям, *мизогиния* – ненависть к женщинам, *мизогамия* – отвращение к браку, *мизонеизм* – отвращение ко всему новому, *мизология* – отвращение к наукам, *мизопедия* – отвращение к детям, *мизофония* – нетерпимость к звукам. Особое положение здесь занимают лексемы *мизофобия* – навязчивый страх загрязнения, осквернения и *мизофилия* – фетишизм грязи, восходящие к древнегреческому слову μῖσος – «позор, бесславие, бесчестие, пятно» [9, т. 2, с. 1117], где *миз-* выступает мотивирующей основой, а не префиксом.

Как любовь связана со стремлением к своему предмету и с положительными эмоциями, так и страх связан с отвращением и ненавистью к нему, поэтому, очевидно, страх и ненависть легко синонимизируются: *педофобия* = *мизопедия* – боязнь детей, отвращение к ним, *гинофобия* = *мизогиния* – боязнь женщин, ненависть к ним, *фонофобия* = *мизофония* – нетерпимость к звукам. С этим же, как представляется, связано переосмысление таких вошедших в широкое употребление лексем, как *ксенофобия*, *юдофобия* и сменившая последнюю ныне «по популярности» *русофобия*, которые обозначают не собственно фобии в клиническом смысле, а негативное отношение к чему-либо, не имеющее патологического характера – ненависть, отвращение [38].

Если общеупотребительная лексика – это преимущественно плод безымянного «народного творчества», то у научных терминов, как правило, имеется автор, имя которого упоминается в статьях специальных словарей – «впервые употребил ...». Научные термины конструируются своими создателями из корней, заимствованных из различных языков, главным образом из греческого и латинского, и поэтому нередко выглядят как своего рода макаронизмы – образованные путем частичного калькирования: *людомания* – латинский и греческий, *дансомания* – французский и греческий, *игромания*, *спидофобия* – русский и греческий, появились уже *ковидофобия* и *ковидомания* [25, с. 151] – от английского сокращения *coronavirus disease*.

Словарные единицы, образованные при помощи формантов с семантикой страсти, легко выстраиваются в семантическую парадигму, включающую синонимы, антонимы и омонимы.

Синонимические ряды (преимущественно, синонимические пары) здесь формируются как за счет вариативности активных словообразовательных компонентов, о чем уже шла речь (-филия = -лагния, -гедония; -фобия = миз-), так и за счет вариативности мотивирующего компонента, который, с одной стороны, может заимствоваться из разных языков (*энтомофобия*–*инсектофобия*, *зоофилия*–*бестофилия*, *кинофобия*–*канинофобия*, *гиппофобия*–*эквинофобия*, *айлуруфилия*–*гатофилия*, *гидрофобия*–*аквафобия*, *хореомания*–*дансомания*), с другой, – может формироваться путем заимствования синонимов той или иной степени близости из одного и того же языка (*гнозиофобия*–*эпистемозофобия*, *глоссофобия*–*логофобия*, *демофобия*–*охлофобия*, *пориомания*–*дромомания*, *пресбиофилия*–*геронтофилия*,

гиллофобия–ксиллофобия, ахлуофобия–никтофобия, пнигмофилия–асфиксифилия, гермофобия–мизофобия). И, наконец, синонимы могут отличаться просто местом активного компонента относительно мотивирующего: аутофилия–филутия – любовь к самому себе.

Антонимические отношения в парадигме лексических единиц, образованных с помощью форманта страсти, достаточно редко выстраиваются на основании антонимии мотивирующего компонента: агорафобия–клаустрофобия – боязнь открытого–закрытого пространства, мизогения–мизандрия – отвращение к женщинам–мужчинам, геронтофилия/пресбиофилия–педофилия/эфебофилия – любовь к старикам–детям, граофилия–корофилия – любовь к старухам–девочкам.

Чаще всего эти отношения создаются на основе противопоставления активного словообразовательного компонента по градуальному либо контрарному признаку. Так, по степени «пристрастия» к своему предмету противостоят лексемы с формантами *-филия* и *-мания*: некрофилия–некромания, дорофилия–доромания, пиреофилия–пиромания, танатофилия–танатомания, глоссофилия–глоссомания. В контрарные отношения вступают лексемы с формантами *-мания* и *-фобия*: гамомания–гамофобия – одержимость стремлением вступить в брак – боязнь вступления в брак, графомания–графофобия – одержимость писательством – боязнь писать, кентомания–трипанофобия – патологическое пристрастие к инъекциям– боязнь игл и уколов, ситомания–ситофобия – болезненное влечение к еде– боязнь приема пищи, токсикомания–токсикофобия – привыкание к приему лекарств–боязнь отравления, фармакомания–фармакофобия – пристрастие к употреблению лекарств–боязнь принимать лекарства. Чаще всего, однако, в антонимические отношения контрарного типа вступают форманты *-филия* и *-фобия*: агорафилия–агорафобия, акрофилия–акрофобия, гелиофилия–гелиофобия, дисморфофилия–дисморфофобия, криофилия–криофобия, ксенофилия–ксенофобия, нозофилия–нозофобия, педофилия–педофобия, рабдофилия–рабдофобия, тафефилия–тафефобия и пр. Нужно заметить, однако, что нередко антонимия здесь чисто формальная, а по существу речь идет о псевдо-антонимиях, семантически друг другу вовсе не противостоящих. Так, в паре гемофилия–гемофобия первое имя называет болезнь крови, второе – боязнь крови, в паре гидрофилия–гидрофобия первое имя называет свойство некоторых растений, второе – боязнь воды, в паре хронофилия–хронофобия первое имя называет влечение к общению с сексуальными партнерами со значительной разницей в возрасте, второе – невротический страх времени, в паре метрофилия–метромания первое имя, где *метро-* – сокращение от *метрополитен* из французского *métropolitain*, называет любовь к метро и коллекционирование сопутствующих предметов, а второе, производное от греческого *μητρα* – матка, синонимично нимфомании – патологически повышенной потребности женщины в эротико-сексуальных действиях. Совсем редко противопоставляются форманты *фил(о)-* и *миз(о)*: филантропия–мизантропия, филология–мизология.

Некоторые лексические единицы, образованные с помощью формантов страсти, образуют трехчленные ряды противопоставлений на основании градуального и контрарного признаков одновременно: некрофилия–некромания–некрофобия, танатофилия–танатомания–

танатофобия, глоссофилия–глоссомания–глоссофобия, дорофилия–доромания–дорофобия, пиреофилия–пиромания–пиреофобия. Однако в трехчленном ряду филология–филофобия–мизология *филия* функционирует не как активный словообразовательный формант, а как мотивирующая основа: филофобия – боязнь влюбленности. И уж совсем редко антонимия сочетается с изменением места активного компонента относительно мотивирующего: филоклеизия–клаустрофобия.

Отношения омонимии в лексической парадигме единиц, образованных с участием форманта страсти, встречаются относительно редко. Так, *парафилия*, где мотивирующая часть образована греческим *παρά* «подле, возле, вблизи» [9, т. 2, с. 1233], в психиатрии и сексологии означает расстройство сексуального предпочтения – достижение полового удовлетворения с помощью необычных или культурно неприемлемых стимулов, в то время как *парафилия* в биологии означает принцип эволюции групп организмов, заключающийся в независимом приобретении ими сходных черт строения на основании особенностей, унаследованных от общих предков, *-филия* здесь восходит к греческому *φίλον* «фила, род, племя» [9, т. 2, с. 1753], к любви и страсти отношения не имеет и является результатом случайного фонетического совпадения. Опять же *глоссомания* в психиатрии означает навязчивое рассматривание собственного языка в зеркале, в то время как словари иностранных слов дают ей значение страсти к изучению языков, часто не имеющей в основе никакого научного интереса («страсть говорить на иностранных языках» – [40, с. 252]), а в лингвистике встречается её понимание как пристрастия к игре словами [15, с. 382–383]. Как представляется, омонимия здесь объясняется метонимическим переносом имени основного органа артикуляции звуков на систему знаков и инструмент общения, что фиксируется уже в древнегреческом языке, где *ὕψωσα* означает и анатомический орган, и речь [9, т. 1, с. 326].

Субъектом страсти в словообразовании выступает, конечно, человек как существо, наделенное сознанием и способное любить, увлекаться, бояться и ненавидеть. Тем не менее, иногда протагонистами страсти бывают растения (*гидрофилия* – любовь к воде, *анемофилия* – приспособленность растений к перекрёстному опылению с помощью ветра), организм в целом (*эозинофилия* – повышение в крови уровня эозинофилов – форм зернистых лейкоцитов, цитоплазма клеток которых содержит гранулы, окрашивающиеся в оттенки красного цвета эозином [18, с. 924–925], где эозин произведен от греческого *ἔως* заря и *ζῶον* животное) или его отдельные органы (*метромания*, о которой уже шла речь). Как представляется, речь здесь идет о метафоризации – уподоблении субъектов страсти существам с высокоорганизованной психикой.

Впечатляет обилие лексических единиц, составленных исключительно из компонентов страсти: здесь и *фобофилия*, *мизофобия*, *мизофилия*, *филофобия*, *маниофобия*, *эротомания*, *эротифобия* и даже *фобофобия*, где, однако, один из компонентов (первый) в обязательном порядке функционирует как мотивирующая основа: *фобофилия* – любовь к страхам, «страхолюбие»; *филофобия* – боязнь влюбленности; *маниофобия* – боязнь психически заболеть; *мизофобия* – боязнь загрязнения; *мизофилия* – фетишизм грязи, *эротомания* – одержимость сексуальным влечением; *эротифобия* – боязнь секса, а *фобофобия* – боязнь страхов, боязнь испытать испуг.

В соответствии с современными орфоэпически-

ми нормами общенародной русской речи ударение в словах, заканчивающихся на *-патия*, *-филия*, *-фобия* и *-мания* падает на третий слог от конца, что однозначно фиксируется толковыми словарями. Однако эти нормы в профессиональной речи (профессиональном жаргоне) медиков не соблюдаются, и если в словах, заканчивающихся на *-патия*, место ударения выполняет смыслоразличительную функцию, о чем уже шла речь: *-пáтия* отправляет к способу лечения болезни, а *-патíя* – к её разновидности, то в словах, заканчивающихся на *-филия*, *-фобия* и *-мания*, медики упорно ставят ударение на второй от конца слог [22; 25] вопреки нормам правильного словоупотребления: нимфофилия, парафилия, клептомания, наркомания, и даже, вопреки прямому запрету словаря правильности русской речи [32, с. 943], агорафобия, гидрофобия и пр.). Сдвиг ударения в профессиональном жаргоне медиков, как и в любом жаргоне, – представляется свидетельством корпоративной принадлежности говорящего и выполняет чисто прагматическую функцию: «Если вы не являетесь медработником, никаких маній для вас не существует: только *-мáния*» [26]. Знак ударения в словниках терминологических словарей, как правило, не ставится, а если он и появляется, то в его расстановке никакого единства не наблюдается.

В современном русском языке есть немало синонимических пар, состоящих из лексических единиц, образованных компонентами страсти различного языкового происхождения: *гидрофобия–водобоязнь*, *мизантропия–человеконенавистничество*, *мизогения–женоненавистничество*, *пассифлора–страстоцвет*, *филантропия–человеколюбие*, *филаутия(филалия)–себялюбие*, *философия–любомудрие*, *фотофобия–светобоязнь*, *хромофобия–цветобоязнь*. В этих парах один из членов представлен прямым заимствованием, как правило, из греческого языка, а другой является результатом словообразовательного калькирования первого. Заимствованная и калькированная лексические единицы могут семантически функционировать как эквиваленты и выступать инструментом лексикографического толкования (*гидрофобия=водобоязнь*, *фотофобия=светобоязнь*, *хромофобия=цветобоязнь*), однако в паре педофилия–чадолюбие отношения синонимии вряд ли полные, поскольку форманты в них отправляют к достаточно различным видам любви – эротической и родительской.

Считается, что заимствованные аффиксоиды в системе аффиксоидных морфем поддерживают оппозиция «свое-чужое» [31], однако в случае обыденного речевого употребления единиц с формантами страсти здесь, скорее, оппозиция внутри «своего»: когда употребляют, например, *мизогению* вместо *женоненавистничества* или *филаутию* вместо *себялюбия*, или же *любомудрие* вместо *философии*, то, как подметил Антон Павлович Чехов, «хочут свою образованность показать».

Результаты. В количественном отношении список славяно-русских сложных слов, образованных с участием страсти и её видовых ипостасей (любовь, боязнь/страх, ненависть) относительно невелик – несколько десятков лексических единиц. Большую часть этого списка занимают слова с корнем *люб-*, за которым идут слова с корнем *страст-*, несколько раз здесь вербализуются ненависть и страх. В подавляющем большинстве случаев такие лексические единицы образованы путем словосложения и легко разворачиваются в соответствующее словосочетание. Сложные слова старославян-

ского происхождения образованы преимущественно путем калькирования греческих образцов и в современном языке некоторые из них подвергаются переосмыслению. В современных толковых словарях в сложных словах с компонентом, вербализующим страсть, этот компонент чаще всего стоит на втором месте, на первом месте он оказывается значительно реже, однако в старославянском языке, откуда в русский язык пришло большинство моделей словообразования сложных лексических единиц, «страстный компонент» как раз стоит преимущественно на первом месте, что свидетельствует о том, что в ходе эволюции этих лексических единиц имела место своего рода «лексическая метатеза» – перестановка словообразующих корней.

В самом широком смысле понятие страсти может относиться лишь к живым объектам и поэтому термины со словообразовательными компонентами страсти присутствуют преимущественно в специальных терминологических словарях. В составе медицинских терминов, образованных с помощью активного компонента страсти *-пат-*, последний утратил многозначность, присущую его этимону *πάθος*, семантика которого упростилась до значения *болезнь*, *аномалия*, значения собственно страсти как интенсивного эмоционального проявления в нем практически уже не осталось.

К числу «положительных» словообразовательных компонентов страсти, семантизирующих её видовые воплощения и направленных на её объект, относятся аффиксы *-фил(ия)/фил(о)-* и *-э/эро/а-*, а также аффиксоид *-ман(ия)*, к числу «отрицательных», направленных от её объекта, – аффикс *миз-* и аффиксоид *-фоб(ия)*.

Из всех многочисленных видов любви в функции активного словообразовательного компонента принимают участие три: *филия* (*φιλία*), *мания* (*μανία*) и *эрос* (*ἔρως*), а среди «отрицательно-векторных» словообразовательных компонентов страсти, доминирует, безусловно, аффиксоид *-фоб(ия)*. Еще один «отрицательно-векторный» компонент страсти – префикс *миз-*, восходящий к древнегреческому слову *μῖσος*, означавшему «ненависть, отвращение», особой продуктивностью не отличается.

Словарные единицы, образованные при помощи формантов с семантикой страсти, легко выстраиваются в семантическую парадигму, включающую синонимы, антонимы и омонимы. Синонимические ряды здесь формируются как за счет вариативности как активных словообразовательных компонентов, так и за счет вариативности мотивирующего компонента, который, с одной стороны, может заимствоваться из разных языков, с другой, – может формироваться путем заимствования синонимов той или иной степени близости из одного и того же языка. Антонимические отношения в парадигме лексических единиц, образованных с помощью форманта страсти, достаточно редко выстраиваются на основании антонимии мотивирующего компонента, чаще всего эти отношения создаются на основе противопоставления активного словообразовательного компонента по градуальному либо контрастному признаку. Так, по степени «пристрастия» к своему предмету противостоят лексемы с формантами *-филия* и *-мания*, в контрастные отношения вступают лексемы с формантами *-мания* и *-фобия*. Отношения омонимии в лексической парадигме единиц, образованных с участием форманта страсти, встречаются относительно редко, и омонимичные лексемы принадлежат различным дискурсивным областям.

Субъектом страсти в словообразовании выступает,

как правило, человек, тем не менее, иногда прототипами страсти бывают растения, организм в целом или его отдельные органы и речь здесь идет о метафо-

ризации – уподоблении субъектов страсти существам с высокоорганизованной психикой.

Литература

1. Биологический энциклопедический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/biology> (дата обращения: 21.07.2024).
2. Боязнь ветеринаров, темноты и одиночества: кинолог назвал топ-5 собачьих страхов. URL: <https://tvzvezda.ru/news/20201115420-uOVj4.html> (дата обращения: 21.07.2024).
3. Виды любви в греческой философии. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/vidy-lyubvi-v-grecheskoy-filosofii> (дата обращения: 21.07.2024).
4. Волкова Н. А., Драчева С. И. Аффиксоиды как морфемы переходного типа в словообразовательной системе русского языка // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83). С. 307–309.
5. Воркачев С. Г. Семантические комплексы в российской антропологической лингвистике: смысловые единства и их составляющие // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8. № 2. С. 24–40. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-2>
6. Григорьев В. П. О границах между словосложением и аффиксацией // Вопросы языкознания. 1956. № 4. С. 38–52.
7. Гущина Л. Н. К вопросу об аффиксоидах // Журнал. Гродненский государственный медицинский университет. 2003. № 2. С. 19–24.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб: Диамант, 1998.
9. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2-х томах. М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1958.
10. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М.: Отчий дом, 2000. 1120 с.
11. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800с.
12. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2001.
13. Зеленин А. В. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 131–141.
14. Капустин Д. З. Сексологический словарь. Мн: MET 2006. 302 с.
15. Карасик В. И. Языковое преобразование реальности. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2023. 500 с.
16. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО-пресс, 2000. 672 с.
17. Крук И. В., Блейхер В. М. Толковый словарь психиатрических терминов: около 3 тысяч терминов Воронеж: Модэк, 1995. 640 с.
18. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006. 944 с.
19. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
20. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: АСТ-Фолио, 2000. 848 с.
21. Любовь. URL: <https://studwood.ru/913440/psihologiya/lyubov> (дата обращения: 21.07.2024).
22. Медицинская орфоэпия. URL: https://pikabu.ru/story/meditsinskaya_orfoepiya_5232241 (дата обращения: 21.07.2024).
23. Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 672 с.
24. Новые слова и словари новых слов. 2020. Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. 220 с.
25. Об ударениях в медицинской практике. URL: https://vk.com/wall-119871980_160474 (дата обращения: 21.07.2024).
26. Немов Р. С. Психологический словарь. М.: Владос, 2007. 560 с.
27. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1998. 944 с.
28. Петровский Б. В. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т. М.: Советская Энциклопедия, 1982–1984. (т. 1 – 1982, 464 с., т. 2 – 1983, 448 с., т. 3 – 1984, 512 с.)
29. Прокопенко Ю. П. Полный сексологический словарь. М.: Рипол Классик. 1999. 400 с.
30. Русакова О. В. Аффиксоиды в деривационной системе русского языка: автореф. дисс... канд. филол. наук. Орел, 2013. 24 с.
31. Сенько Е. В. Префиксоиды как сложившаяся система современного русского словообразования // Современные проблемы науки и образования. Владикавказ, 2014. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16059> (дата обращения: 03.06.2024).
32. Скворцов Л. И. Большой толковый словарь правильной русской речи. Более 8 000 слов и выражений. М.: Оникс–Мир и образование, 2009. 1104 с.
33. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.-Л.: АН СССР, 1951–1965.
34. Словарь старославянского языка: в 4 т. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006.
35. Список фобий. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_фобий (дата обращения: 03.06.2024).
36. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Астрель-АСТ, 2000.
37. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Астрель-АСТ, 2003.
38. Фобия // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фобия> (дата обращения: 03.06.2024).
39. Хориков И. П., Малев М. Г. Новогреческо-русский словарь: около 67000 слов. М.: Культура и традиция, 1993. 856 с.
40. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: В. И. Губинский, 1894. 989 с.
41. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М.: МГУ, 1968. 308 с.
42. Шанский Н. М. Аффиксоиды в словообразовательной системе современного русского литературного языка // Исследования по современному русскому языку. М.: МГУ, 1970. С. 257–271.
43. Шишков А. С. Славянорусский корнеслов. Язык наш – древо жизни на земле и отец наречий иных. URL: <https://studylib.ru/doc/118528/slavyanorusskij-korneslov-yazyk-nash---drevo-zhizni-na-zemle-...> (дата обращения: 03.06.2024).
44. Lee J. A. The colors of love: An exploration of the ways of loving. Don Mills (Ontario): New Press, 1973. 294 p.

References

1. Biological Encyclopedic Dictionary. URL: <https://gufo.me/dict/biology> (accessed: 21.07.2024). (In Russ.).
2. Fear of veterinarians, darkness and loneliness: a cynologist named the top 5 dog fears. URL: <https://tvzvezda.ru/news/20201115420-uOVj4.html> (accessed: 21.07.2024). (In Russ.).
3. Types of love in Greek philosophy. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/vidy-lyubvi-v-grecheskoy-filosofii> (accessed: 21.07.2024). (In Russ.).
4. Volkova NA, Dracheva SI. Affixoids as morphemes of transitional type in the word-formation system of the Russian language. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2020;(4(83)):307-309. (In Russ.).
5. Vorkachev SG. Semantic complexes in Russian anthropological linguistics: semantic unities and their components. *Nauchnyi rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki*. 2022;8(2):24–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-2>

6. Grigor'ev VP. On the boundaries between compounding and affixation. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1956;4:38-52. (In Russ.).
7. Gushchina LN. On the issue of affixoids. *Zhurnal. Grodnenskii gosudarstvennyi meditsinskii universitet*. 2003;(2):19-24. (In Russ.).
8. Dal', VI. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes. St. Petersburg: Diamant; 1998. (In Russ.).
9. Dvoret'skii I. Ancient Greek-Russian Dictionary: in 2 volumes. Moscow: Gosizdat inostrannykh i natsional'nykh slovarei; 1958. (In Russ.).
10. D'yachenko G. Complete Church Slavonic Dictionary. Moscow: Otchii dom; 2000. 1120 p.
11. Egorova TV. Dictionary of Foreign Words of the Modern Russian Language. Moscow: Adelant; 2014. 800 p. (In Russ.).
12. Efremova TF. New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Formation: in 2 volumes. Moscow: Russkii yazyk; 2001. (In Russ.).
13. Zelenin AV. Affixoids of the Russian Language. Experience of a dictionary-reference book. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2012;(1):131-141. (In Russ.).
14. Kapustin DZ. Sexological Dictionary. Minsk: MET; 2006. 302 p. (In Russ.).
15. Karasik V.I. Language Transformation of Reality. Moscow: A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language; 2023. 500 p. (In Russ.).
16. Komlev NG. Dictionary of Foreign Words. Moscow: Eksmo; 2000. 672 p. (In Russ.).
17. Kruk IV, Bleikher VM. Explanatory Dictionary of Psychiatric Terms: About 3 Thousand Terms. Voronezh: Modek; 1995. 640 p. (In Russ.).
18. Krysin LP. Explanatory Dictionary of Foreign-Language Words. Moscow: Eksmo; 2006. 944 p. (In Russ.).
19. Kuznetsov SA. Large Explanatory Dictionary of the Russian Language. St. Petersburg: Norint; 1998. 1536 p. (In Russ.).
20. Losev AF. History of Ancient Aesthetics. Sophists. Socrates. Moscow: AST-Folio; 2000. 848 p. (In Russ.).
21. Love. URL: <https://studwood.ru/913440/psihologiya/lyubov> (accessed: 21.07.2024). (In Russ.).
22. Medical Orthoepy. URL: https://pikabu.ru/story/meditsinskaya_orfoyepiya_5232241 (accessed: 21.07.2024). (In Russ.).
23. Meshcheryakov BG, Zinchenko VP. Large Psychological Dictionary. St. Petersburg: praim-EVROZNAK; 2004. 672 p. (In Russ.).
24. Nemov RS. Psychological Dictionary. Moscow: Vlados; 2007. 560 p. (In Russ.).
25. New Words and Dictionaries of New Words. 2020. Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences. St. Petersburg: Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; 2020. 220 p. (In Russ.).
26. About stresses in medical practice. URL: https://vk.com/wall-119871980_160474 (accessed: 21.07.2024). (In Russ.).
27. Ozhegov SI, Shvedova NYu. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow: Azbukovnik, 1998. 944 p. (In Russ.).
28. Petrovskii BV. Encyclopedic Dictionary of Medical Terms: in 3 Volumes. St. Petersburg: Sovetskaya Entsiklopediya; 1982–1984. (vol. 1 – 1982, 464 p., vol. 2 – 1983, 448 p., vol. 3 – 1984, 512 p.) 37. (In Russ.).
29. Prokopenko YuP. Complete Sexological Dictionary. Moscow: Ripol Classic; 1999. 400 p. (In Russ.).
30. Rusakova OV. Affixoids in the Derivational System of the Russian Language: thesis abstract. Orel; 2013. 24 p. (In Russ.).
31. Sen'ko EV. Prefixoids as an established system of modern Russian word formation. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2014; 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16059> (accessed: 03.06.2024). (In Russ.).
32. Skvortsov LI. Large Explanatory Dictionary of Correct Russian Speech. More than 8,000 Words and Expressions. Moscow: Oniks–Mir i obrazovanie; 2009. 1104 p. (In Russ.).
33. Dictionary of the Modern Russian Literary Language: in 17 volumes. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences; 1951–1965. (In Russ.).
34. Dictionary of Old Church Slavonic: in 4 volumes. St. Petersburg: St. Petersburg University; 2006. (In Russ.).
35. List of phobias. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Spisok_fobii (accessed: 03.06.2024). (In Russ.).
36. Ushakov DN. Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. Moscow: Astrel-AST; 2000. (In Russ.).
37. Fasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. Moscow: Astrel-AST; 2003. (In Russ.).
38. Phobia. Vikipediya. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Fobiya> (accessed: 03.06.2024). (In Russ.).
39. Khorikov IP, Malev MG. Modern Greek-Russian dictionary: about 67,000 Words. Moscow: Kul'tura i traditsiya; 1993. 856 p. (In Russ.).
40. Chudinov AN. Dictionary of Foreign Words Included in the Russian Language. St. Petersburg: V. I. Gubinsky; 1894. 989 p. (In Russ.).
41. Shanskii NM. Essays on Russian Word Formation. Moscow: MGU; 1968. 308 p. (In Russ.).
42. Shanskii NM. Affixoids in the word-formation system of the modern Russian literary language in Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku. Moscow: MGU; 1970. P. 257–271. (In Russ.).
43. Shishkov AS. Slavic-Russian Root Dictionary. Our Language Is the Tree of life on Earth and the Father of Other Dialects. URL: <https://studylib.ru/doc/118528/slavyanorusskij-korneslov-yazyk-nash---drevno-zhizni-na-zemle-...> (accessed: 03.06.2024). (In Russ.).
44. Lee J. A. The Colors of Love: An Exploration of the Ways of Loving. Don Mills (Ontario): New Press, 1973. 294 p.

Научная статья

УДК 81'42; 811.111

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.21>

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ТЕКСТ КАК РЕЗУЛЬТАТ МЕЖДИСКУРСНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Ростислав Игоревич Кибкало

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Аспирант

rostkib@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0006-6568-3772>

Аннотация. Введение. Ключевым шагом в раскрытии свойств и категориальных признаков научно-популярного дискурса (НПД) является анализ областей прямого пересечения различных типов дискурса, определение маркеров междискурсного взаимодействия и их функциональной специфики в процессе популяризации научных знаний. Актуальным представляется исследование социолингвистических параметров НПД, позволяющее выявить степень и формы участия других дискурсов в процессах популяризации научного знания и формирования НПД как самостоятельной дискурсивной практики контаминированного типа. **Материалы и методы.** Основой для проведения комплексного анализа НПД астрономии К. Сагана послужил социолингвистический подход, позволяющий исследовать системные признаки институциональных дискурсивных практик. В качестве дополнительного метода использовались приемы дискурс-анализа, позволяющего исследовать специфику дискурса в различных коммуникативных ситуациях. **Анализ.** НПД как гибридный коммуникативный феномен формируется с приоритетным учетом фактора адресата, содержательного наполнения и цели распространения научного знания среди широких слоев населения. Будучи особой моделью специальной коммуникации, исследуемый НПД астрономии обнаруживает наиболее тесное взаимодействие с научным дискурсом, с которым он разделяет единую коммуникативную парадигму общения специалиста с неспециалистом. Анализ социолингвистических параметров выявил области пересечения НПД астрономии с дискурсами педагогики и

публицистики, что свидетельствует о его полидискурсивном контаминированном характере. **Результаты.** Объединяя в своем пространстве характеристики научного, педагогического, публицистического и других видов дискурса, НПД трактуется как результат коммуникативно обусловленного взаимодействия базовых институционально-дискурсивных параметров. В процессе анализа установлены лингвопрагматические маркеры пересечения НПД с научным, педагогическим и публицистическим видами дискурса. Комбинация способов представления когнитивной информации, речевых стратегий педагогического дискурса и клише дискурса публицистического позволяет говорить о контаминированном характере НПД астрономии, находящегося на стыке нескольких разновидностей дискурса.

Ключевые слова: научно-популярный дискурс, контаминированный тип дискурса, междискурсное взаимодействие, маркированность, субъективизация повествования, диалогизация

Для цитирования: Кибкало Р. И. Научно-популярный текст как результат междискурсного взаимодействия // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. № 1. С. 164–170 <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.21>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 16.12.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.02.2025.

Статья принята к публикации: 28.03.2025.

Research article

POPULAR SCIENTIFIC TEXT AS A RESULT OF INTER-DISOURSE INTERACTION

Rostislav I. Kibkalo

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Postgraduate student

rostkib@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0006-6568-3772>

Abstract. Introduction. The key step in outlining the founding characteristics and parameters of popular science discourse (PSD) lies in the analysis of areas of direct overlap between different types of discourse, in specifying markers of discourse interaction and their functional specifics in the process of popularization of scientific knowledge. The topicality of the research lies in the clarification of the sociolinguistic parameters of PSD aimed at determining the degree and form of involvement of other types of discourse in the processes of scientific knowledge popularization and the formation of PSD as an independent contaminated type of discourse practice. **Materials and Methods.** The sociolinguistic method, which allows exploring the systematic features of institutional discourse practices, served the basis for thorough analysis of C. Sagan's astronomy PSD. Discourse-analysis was used as a secondary method to study discourse features in various communicative situations. **Analysis.** PSD as a hybrid communicative phenomenon is shaped with the focus on the addressee factor, the content and the goal of transmitting scientific knowledge among the majority of the population. As

a unique model of special communication, the astronomy PSD reveals an immediate connection with the scientific discourse, with which it shares an identical communicative paradigm of interaction between an expert and a non-specialist. The analysis of sociolinguistic parameters has revealed the areas of intersection between the astronomy PSD and the pedagogy and journalism discourses, which suggests its polydiscourse contaminated nature. **Results.** Combining elements of scientific, journalistic, pedagogical and other types of discourse, PSD is defined as a result of an interaction of basic institutional discourse parameters, conditioned by the communicative situation. The analysis has revealed linguopragmatic markers of PSD interaction with the scientific, pedagogy and journalism discourse types. The combination of the way of representing cognitive information, communicative strategies of pedagogy discourse and journalistic speech patterns allow us to establish the astronomy PSD as a contaminated type discourse, which rests at the intersection between several discourse types.

© Кибкало Р. И., 2025

Keywords: popular science discourse, contaminated type discourse, inter-discourse interaction, markedness, narrative subjectivization, dialogization

For citation: Kibkalo R.I. Popular scientific text as a result of inter-discourse interaction. *Humanities and law research*. 2025;12(1):164-170. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.21>

Введение. Набирающий обороты прогресс технологий, несомненно, оказывает большое влияние на жизнедеятельность каждого человека и общества в целом, диктуя потребность в изучении теоретических и практических достижений современной науки, позволяющих повысить эффективность и скорость решения профессиональных задач. В этой связи актуализируются проблемы приобщения людей к передовым достижениям науки и техники, адекватной передачи научного знания рядовым гражданам, не имеющим достаточных познаний в интересующей их области, активизации их когнитивной активности. Знакомство с результатами исследований, стимуляция интереса к достижениям научного сообщества происходят благодаря посреднической просветительской деятельности популяризаторов науки, реализующих различные виды коммуникации в пространстве научно-популярного дискурса.

В современной лингвистике до сих пор не существует однозначного консенсуса в отношении места научно-популярного типа дискурса (далее НПД) в системе институциональных коммуникативных практик. В настоящий момент прослеживаются две основные концепции, определяющие подходы к исследованию дискурсивной области научной популяризации. Вторичный характер НПД по отношению к научному, идентичность прецедентных текстов обусловили появление концепций на основе его корреляции с собственно научным дискурсом. Согласно первому подходу, принятому за основу в традиционной функциональной стилистике и ряде современных исследований, коммуникативно-прагматические различия между этими дискурсивными типами не могут служить достаточным основанием для признания независимого статуса НПД, поэтому он трактуется как подстиль научного функционального стиля [12, с. 128; 16, с. 29; 4 с. 195]. Второй подход сводится, напротив, к делимитации НПД от других видов дискурсов, признанию его статуса как самостоятельной дискурсивной практики, с учетом существенных различий с научным стилем в плане задач, адресата и содержания [15, с. 19-24; 14, с. 297], при этом НПД характеризуется как особая модель специальной коммуникации [1].

Гибридный характер дискурса популяризации научно-технического знания обусловлен фактором адресованности, диктующим смещение функциональных акцентов и диверсификацию коммуникативных стратегий с привлечением потенциала других дискурсов. Актуальным представляется поэтому изучение форм участия и влияния различных типов институционального дискурса на категориальные признаки НПД. Акцент в данной статье сделан на выявлении характера междискурсивных пересечений и определении маркеров различных дискурсов в рамках научно-популярного дискурсивного пространства, находящегося на стыке нескольких разновидностей дискурса. Выработанная в результате данного исследования концепция позволит уточнить место НПД в системе институциональных дискурсов, определить его коммуникативно-прагматическую специфику.

Основная цель данного исследования состоит в выявлении и описании на материале англоязычного НПД

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 16.12.2024.

The article was approved after reviewing: 18.02.2025.

The article was accepted for publication: 28.03.2025.

астрономии лингвопрагматических маркеров междискурсивного взаимодействия, форм и способов участия других дискурсов, способствующих эффективной трансляции научного знания широкой аудитории,

Материал и методы. Основным объектом данного исследования выступает НПД астрономии как особый контаминированный тип дискурса, характеризующийся изменением агентов коммуникации и обнаруживающий ряд особенностей других дискурсивных практик, актуализируемых в специфическом виде и в иных коммуникативно-прагматических условиях в НПД. Эмпирическим материалом послужил текст англоязычной научно-популярной книги известного американского астронома и популяризатора науки Карла Сагана «Космос» [21], из которой методом сплошной выборки были извлечены лингвопрагматические маркеры взаимодействия НПД с научным, педагогическим и публицистическим видами дискурса.

Анализ форм и способов взаимодействия различных дискурсивных практик в пространстве НПД производится на основе комплексной антропоцентрически ориентированной методологии. Базовую методологическую основу, с помощью которой проводился анализ материала, предоставил социолингвистический подход к изучению дискурсивных практик, разработанный В.И. Карасиком [9] и в дальнейшем апробированный в исследованиях А.Ю. Багияна [1], С.А. Канащук [8] и А.И. Дубских [6] и др. Социолингвистический подход позволяет изучить в сопоставительном контексте прагматически значимые для НПД категориальные свойства и типологические признаки различных дискурсов. Коммуникативно-прагматический подход предполагает изучение особенностей текстопорождения в аспекте стимулирования когнитивной активности адресата и текстовосприятия как коммуникативного единства [20, с. 15]. В ходе исследования наряду с методами наблюдения и описания были применены приемы дискурс-анализа, предполагающего учет внешних по отношению к тексту условий коммуникации, а также количественного анализа.

Анализ. В рамках социолингвистики дискурс воспринимается, как «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе, или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, например институциональное общение» [9, с. 233-234]. В связи с многомерностью и масштабностью типов институционального общения, а также появлением необходимости в систематизации и описании дискурсивной деятельности общественных институтов как особой культурной системы, в научных кругах актуализировалось понятие «институциональный дискурс», трактуемое как особая форма общения между индивидами, принадлежащими к разным общественным слоям и вынужденными прибегнуть к общению друг с другом в соответствии с социальными установками, главенствующими в обществе.

Понятие «научно-популярный дискурс» воспринимается и трактуется исследователями вариативно, в зависимости от объекта и цели исследования. В.Е. Чернявская, автор многих работ, описывающих различные

сферы научной коммуникации, понимает дискурс как «совокупность тематически соотнесенных текстов» [20, с. 173], и следовательно, изучение научно-популярного дискурса означает прежде всего обращение к научно-популярным текстам как результату просветительской дискурсивной деятельности с акцентом на коммуникативно-прагматических условиях и социальной среде их функционирования.

Наиболее очевидной является корреляция НПД с научным дискурсом, при этом научные и научно-популярные (популяризаторские) тексты противопоставляются по целям, содержательному наполнению и, главное, характеру адресата. В то же время научно-популярные тексты можно отнести к научной парадигме, поскольку они отражают одну из коммуникативных ситуаций научного общения, а именно, «коммуникацию между ученым специалистом и неспециалистом, дилетантом о предмете, относящемся к сфере научных» [19, с. 41-42].

Описание особенностей междискурсного взаимодействия, обусловленного коммуникативно прагматическими условиями общения, предполагает обращение к основным социолингвистическим параметрам НПД. В.Е. Чернявская относит научно-популярные произведения к «текстовым гибридам», указывая на диалогическую контаминацию текстотипов [20, с. 116]. Это во многом обусловлено уникальным набором типовых участников НПД как антропоцентров коммуникации популяризатора науки, часто ученого, и его адресата неподготовленного, но интересующегося научными проблемами индивида. Хронотоп НПД охарактеризован нечеткой фиксацией пространственно-временных параметров, отсутствием ограничения по месту и времени. Цели НПД включают в себя распространение специальных знаний на широкую аудиторию, в кругу непрофессионалов.

Анализ социолингвистических параметров НПД позволяет выявить области его пересечения с другими типами дискурсов, степень их участия в процессах популяризации научного знания и формировании НПД как самостоятельной дискурсивной практики контаминированного типа. Взаимодействие дискурсов представляет собой многоплановый комплексный процесс, результатом которого становится комбинированный дискурс, обладающий собственным набором социолингвистических параметров и нацеленный на решение специфических коммуникативных задач. В данном случае можно говорить о таких категориях, как полидискурсивность, или одновременное присутствие в пространстве НПД нескольких типов дискурсов, интертекстуальность, предполагающая отсылку к другим текстам, а также интердискурсивность, [2, с. 15-19; 20, с. 202-203], если, например, научно-популярная статья реализует рекламные стратегии.

Непосредственная связь с научным дискурсом подтверждается сохранением в научно-популярном тексте когнитивной информации, хотя и в модифицированном виде, обусловленном фактором адресата массовым неподготовленным читателем. Несмотря на различия в способах передачи информации, научно-популярный текст также характеризуется объективностью, логичностью, доказательностью, диалогичностью, авторской оценочностью, которые в совокупности помогают создать системную основу для упрощения когнитивной информации для массового читателя, преподнести ее в декодированном виде [3, с. 142].

Важным параметром эффективизации процессов популяризации науки является компрессивность или информационная плотность. Автор научного текста, путем повышения плотности когнитивной информации и использования средств речевой экономии, выполняет задачу сообщения доминантной информации, составляющей суть передаваемого научного знания, стремясь достичь максимальной эффективности коммуникативного воздействия с применением наименьшего количества речевых средств [5, с. 31]. Данную особенность научной коммуникации можно проследить и в научно-популярном тексте. Как показал анализ, повышение плотности информации обеспечивается в астрономическом научно-популярном тексте посредством использования терминов, приемов экспликации, компрессирующих знаков препинания и иллюстрации когнитивной информации с помощью схем. Передача терминов часто сопровождается раскрытием в скобках неизвестного для читателя смысла и контекста, которые необходимы для понимания дальнейшего содержания: *museum (literally, an institution devoted to the specialties of the Nine Muses)* [21, с. 24]. Например, при описании принципа работы закона Кеплера ученый прибегает к расширению контекста в отношении малознакомых читателю терминов астрономии, чтобы не перегружать его комплексной когнитивной информацией: *Kepler's third or harmonic law states that the squares of the periods of the planets (the times for them to complete one orbit)...* [21, с. 54]. Часто употребляемые в астрономическом дискурсе термины, имеющие латинское происхождение, также подвергаются этимологическому раскрытию содержания: *There are about a thousand craters larger than a kilometer across in the maria (Latin for "seas")* [21, с. 69].

Специфика астрономического дискурса предполагает использование огромных чисел со степенями для упрощения их написания: *one in a billion trillion trillion* (1033, a one followed by 33 zeroes)* [21, с. 18]. Кроме того, автор иногда приводит вычисления с математическими формулами, которые также содержат числа со степенями. Назначение таких элементов научной коммуникации способствует обеспечению объективности, убедительности приведенных фактов в целях активизации мыслительной деятельности читателя: *With a continuous 1 g acceleration, after one year in space we would be traveling very close to the speed of light [(0.01 km/sec²) × (3 × 10⁷ sec) = 3 × 10⁵ km/sec]* [21, с. 148]. Междисциплинарный характер области астрономической науки предполагает использование элементов когнитивной информации из нескольких научных направлений, включая химию, что обуславливает употребление ученым-популяризатором символов химических элементов, взятых непосредственно из терминосистемы химии: *Air is made mostly of the atoms nitrogen (N), oxygen (O), carbon (C), hydrogen (H) and argon (Ar), in the molecular forms N₂, O₂, CO₂, H₂O and Ar* [21, с. 156].

Прагматически значимым можно считать использование автором разных компрессирующих знаков препинания, включающих в себя двоеточие, процент, номер, а также скобки, которые позволяют сократить написание слова до одного символа: *Probability of survival (per 100 yr): 40%* [21, с. 219].

Когнитивная информация в тексте научно-популярного дискурса подкрепляется дополнительным контекстом в виде схематичных изображений и рисунков, как это происходит, например, при иллюстрации результатов эксперимента Эрастофена с отбрасыванием теней,

позволившего доказать, что Земля является сферой, а также определить её окружность [21, с. 24].

В отношении междискурсного взаимодействия важную роль играет понятие маркированности, предполагающей наличие на всех уровнях языка лингвистических сигналов межтекстового диалога [20, с. 198]. Целью маркированных единиц в тексте, представляющих собой интенциональные заимствования из иных видов дискурса, является облегчение декодирования сообщения путем создания оптимальной формы репрезентации информации, в результате чего читатель самостоятельно постигает заложенные автором смыслы: *A school girl who survived the American nuclear attack on Hiroshima, the event that ended the Second World War, wrote this first-hand account: Through a darkness like the bottom of hell, I could hear the voices of the other students calling for their mothers* [21, с. 198]. Данный пример проиллюстрирует воздействующую функцию маркированной единицы, представленной в виде прямой цитаты, раскрывающей эффекты атомной бомбардировки от лица очевидца событий. Эффективность декодирования межтекстовых связей повышается посредством изменения размера шрифта.

Инструментом создания условий для гармоничной организации информации служит прагматическое фокусирование, которое предполагает существование особых зон концентрации внимания и периферийных зон, которые не столь значимы для полного восприятия информации. Адресант сообщения особыми средствами обращает внимание адресата на отдельное высказывание, выделяя его в череде других и оказывая влияние на концентрацию внимания и интереса к прочитанному [20, с. 198]: *Democritus invented the word atom, Greek for "unable to be cut"* [21, с. 127]. Мы приводим это предложение в оригинальном виде, чтобы выделить использование курсива для слова *atom* как примера сознательного авторского акцентирования для последующего введения важного для дальнейшего содержания термина.

Тексты НПД содержат большое количество имплицитных единиц маркированности, отражающих высокий уровень межтекстового взаимодействия и размытость границ между своим текстом и чужим. Язык популярной науки позволяет внедрять в ткань повествования различные скрытые отсылки и упрощенные объяснения, которые не всегда очевидны для читателя: *We have now reached our own backyard, a light-year from Earth* [21, с. 127]. Популяризатор употребляет метафорическое сравнение ближайших к Земле областей космоса с задним двором, что является нормой для бытового дискурса, но в дискурсе популярной науки свидетельствует о креативности авторского мышления.

Введение и интерпретация научной информации, транслируемой в научно-популярном тексте, происходит через призму подходящих по целям и возможностям реализации дискурсивных стратегий, характерных для других видов дискурса, позволяющих обеспечить адекватное понимание научного знания и повысить эффективность его восприятия неспециалистом. Используемые в НПД дискурсивные стратегии, по нашему мнению, обнаруживают прагматически значимые пересечения с педагогическим дискурсом; речь идет, в частности, о привлечении различных коммуникативных стратегий, под которыми принято понимать «комплекс действий, направленный на достижение коммуникативной цели» [7, с. 54]. В отношении коммуникативных стратегий педагогического дискурса отметим их наце-

ленность на конкретизацию ситуации общения и интенций коммуникантов. Прагматически значимая для НПД речевая стратегия педагогического дискурса – это «последовательность интенций речевых актов в типовой ситуации социализации. Они могут быть охарактеризованы, как пояснение, объяснение нового материала, оценка результатов работы, контроль, взаимодействие и организация деятельности основных участников данного дискурса учителя и учеников» [18, с. 58].

Согласно нашим наблюдениям, НПД активно использует такие коммуникативные стратегии педагогического дискурса, как объяснение, оценивание и содействие. Значительным прагматическим потенциалом в плане информирования читателя, передачи актуальных для его жизненной и профессиональной деятельности сведений, стимулирования его когнитивной активности обладает объясняющая стратегия, предполагающая в контексте НПД авторскую интерпретацию научной информации, пояснение своей позиции: *I had not discovered a macro-mutation. I had merely stumbled upon another lovely adaptation in nature, itself the product of micromutation and natural selection* [21, с. 32], а также построение своеобразного виртуального диалога с читателем, стимулирующего его познавательную активность и интерес к обсуждаемым проблемам: *Let me tell you a story about one little phrase in the music of life on Earth* [21, с. 28]. Прагматически отмеченной является и постановка наводящих вопросов, позволяющих читателю прийти к ответу естественным путем: *Why are they published as unapologetically as sports statistics and stock market reports?* [21, с. 44].

Значительным прагматическим потенциалом в НПД астрономии обладает авторская оценочность, эксплицирующая позицию популяризатора в отношении описываемых проблем, событий и объектов. Привлекаемые для реализации этой функции средства индивидуально-авторской оценочности активизируют различные средства выразительности, отражающие субъективный аспект научно-популярной речи и способствующие эффективной популяризации знания [17, с. 76]. Так, автор может выражать собственные эмоции, такие как восхищение или удивление, маркируя их с помощью восклицательного знака: *In our time we have sifted the sands of Mars, we have established a presence there, we have fulfilled a century of dreams!* [21, с. 44].

Помимо рассмотренных стратегий, оказывающих косвенное влияние на эффективность познавательной деятельности и научную картину мира читателя, содействующая функция напрямую воздействует на личность адресата путем диалогизации авторского способа коммуникации: *Once you knew the Earth to be a sphere of modest diameter, would you not be tempted to make voyages of exploration, to seek out undiscovered lands, perhaps even to attempt to sail around the planet?* [21, с. 21]. Ученый-популяризатор, вступая в диалог с читателем, перемещает его в описываемую историческую эпоху, активируя в его сознании когнитивный процесс, отвечающий за способность воображения, наглядного представления об описываемых фактах и явлениях, стимулирующих интерес к освоению научного знания. Автор научно-популярного текста использует эмотивно-экспрессивные выражения, элементы критики и эмпазии для подтверждения возникающих у адресата предположений: *I do not think life anywhere else would look very much like a reptile, or an insect or a human even with such minor cosmetic adjustments as green skin, pointy*

ears and antennae. But if you pressed me, I could try to imagine something rather different [21, с. 39]. Данный пример демонстрирует, что автор в некоторых случаях вступает в неформальный диалог с читателем, предлагает возможные вопросы и его предположения, употребляя выражение *to press someone*, которое означает *заставить кого-то сделать что-то*. Можно утверждать, что функция содействия направлена на активизацию интереса и стимулирование когнитивной активности читателя, исключение ошибок в восприятии описываемого явления.

Современный НПД проявляет все более заметную тенденцию к сближению при передаче информации с публицистическим дискурсом в плане экспрессивизации и интимизации общения с широкой аудиторией с использованием ряда дискурсивных формул и речевых клише, способствующих расширению и амплификации контекста, что в целом повышает информационную избыточность текста и снижает сложность восприятия [1, с. 84]. Проиллюстрировать эту тенденцию можно на следующем примере: *You, too, can make up your own very large numbers and give them strange names. Try it* [21, с. 155]. Популяризатор использует типичное речевое клише дискурса масс-медиа с функцией побуждения читателя к действию. Целью автора в данном случае является активизация абстрактного мышления, создание диалогической связи с адресатом.

Присущие публицистическому дискурсу средства экспрессивного воздействия и диалогизации повествования реализуют в НПД астрономии выполнение оценивающей и содействующей функций, решая, однако, и иные задачи, заключающиеся не столько в воздействии с целью убеждения и агитации адресата, сколько в активизации роли интерпретирующего субъекта, что можно считать свидетельством контаминированного характера изучаемого дискурса, его сближения с художественной и публицистической литературой.

А.Ю. Багиян, изучив социолингвистические признаки научно-популярного дискурса, отмечает характерную для него эклектичность сущностных параметров научного дискурса, с одной стороны, и лингвопрагматических особенностей медиадискурса, с другой [1, с. 85-86]. Ученый приходит к выводу о совпадении прагматических пресуппозиций по формам репрезентации с жанровым репертуаром СМИ, фактически полную идентичность жанровых характеристик с текстами публицистического стиля. Сближение основополагающих признаков научно-популярного и публицистического дискурсов констатирует также М.А. Кобозева, однозначно трактуя при этом НПД как «речевые произведения публицистической жанровой принадлежности, объединенные целью представления научного знания в текстовых формах, доступных для неподготовленного адресата, который при этом достаточно мотивирован для восприятия нового знания» [11, с. 8].

Прагматически значимой характеристикой НПД астрономии, в отличие от других типов дискурса, является высокая степень субъективизации повествования, присутствие эксплицитных и имплицитных знаков авторского присутствия как индикаторов его оценочной позиции и стимулов интерпретационной деятельности читателя. Лексико-грамматическим индикатором субъективности выступают местоимения 1 и 2 лица, а также средства выражения субъективной модальности. Употребление этих грамматических элементов в научном и научно-популярном дискурсе свидетельствует о раз-

ной степени авторского присутствия, обусловленной как лингвокультурными различиями, так и традициями, сложившимися в науке разных стран. Так, в английских научных статьях присутствие автора маркируется преимущественно личным местоимением «I» (я), что объясняется индивидуалистическим типом английской культуры; в традициях коллективистского типа русской культуры предпочтение отдается авторскому «мы» («множественное число скромности») [10, с. 424].

Анализ англоязычного НПД астрономии К. Сагана показал достаточно высокую степень авторского присутствия, реализуемого активным использованием личных и притяжательных местоимений единственного и множественного числа 1 лица. Так, в рассматриваемом тексте было зафиксировано 1954 производных от личного местоимения «we» и 502 производных от «I», из чего следует, что соотношение местоимений 1 лица множественного числа и единственного составило 80%/20% соответственно. По нашему мнению, коллективное «we»/«мы» в НПД, так же как и в публицистическом дискурсе, вовлекает читателя в диалог, наделяя его статусом участника коммуникации и важного собеседника.

Наряду с местоимениями 1 и 2 лица прагматически значимая степень субъективизации повествования обеспечивается посредством субъективной модальности как способа эксплицитного и имплицитного выражения авторской позиции и научной картины мира посредством использования эмоционально-оценочных выражений достоверности, призванных дать адресату ощущение правильности и объективности авторской интерпретации научного знания, что характерно и для стиля публицистики. Как подчеркивает И.Ю. Кукса, оценка автором степени достоверности сообщения предстает одним из компонентов значения вводных слов [13, с. 27].

В англоязычном НПД астрономии разная степень достоверности передается полярными выражениями уверенности/неуверенности. Демонстрация неоспоримости излагаемых фактов служит созданию у читателя представления об их безальтернативности, несомненной правильности. Среди различных вводных слов, встречающихся в тексте, наибольшую активность имеет *of course*, выражающее полную верность описываемых фактов. Кроме того, в тексте встречаются *clearly, without a doubt, certainly*, подчеркивающие высокую степень уверенности. Противоположные по значению вводные слова, выражающие неуверенность, играют важную роль в астрономическом дискурсе они информируют читателя о предположениях, теориях, догадках, которым ученые не нашли научного подтверждения. Здесь можно выделить вводные слова *I believe, I think*, поскольку они также включают в себя личностный компонент, являющийся уникальной особенностью английской речи. Низкую степень уверенности чаще всего демонстрируют вводные слова *probably, presumably*.

Результаты. Взаимодействие дискурсов представляет собой многоплановый комплексный процесс, результатом которого становится комбинированный дискурс популяризации научных знаний, обладающий собственным набором социолингвистических параметров и нацеленный на решение специфических коммуникативных задач. Гибридный характер НПД обусловлен фактором адресованности, диктующим смещение функциональных акцентов и диверсификацию коммуникативных стратегий с привлечением потенциала других дискурсов. Анализ показал, что НПД астрономии как особый

вид специальной коммуникации является результатом взаимодействия, в первую очередь, научного, педагогического и публицистического дискурсов, позволяющим решать стоящие перед популяризатором задачи. Коммуникативно-прагматическая специфика НПД обусловлена синергией нескольких базовых коммуникативных компонентов: высокая степень сохранения и плотности присущей научному дискурсу когнитивной информации, влияющей на научную картину мира адресата; использование коммуникативных стратегий педагогического дискурса (объяснение, оценивание и содействие), стимулирующих когнитивную активность и адекватное усвоение научной информации посредством различных форм диалогизации; активное привлечение характерных для публицистического дискурса средств индивидуально-авторской оценочности, эмотивно-экспрессивных выражений, речевых клише, снижающих сложность восприятия информации и активизирующих познавательную деятельность интерпретирующего субъекта. Присутствие эксплицитных и имплицитных знаков авторского присутствия как индикаторов его оценочной позиции и стимулов интерпретационной деятельности

читателя является прагматически значимой характеристикой НПД. Исследование англоязычного НПД астрономии К. Сагана показало достаточно высокую степень субъективизации повествования и авторского присутствия, реализуемого активным использованием личных и притяжательных местоимений единственного и множественного числа 1 лица, а также средств выражения субъективной модальности как способа эксплицитного и имплицитного обозначения авторской позиции, обеспечивающих эффективное взаимодействие автора-популяризатора с читателем и реализацию оценивающей и содействующей функций. Среди маркеров прямого междискурсного взаимодействия, служащих для облегчения процесса декодирования когнитивной информации, выделяются интенциональные заимствования, прагматическое фокусирование, авторские пояснения. Таким образом, уникальный набор социолингвистических параметров НПД астрономии обеспечивается симбиозом коммуникативно значимых параметров научного, педагогического и публицистического дискурсов, что позволяет рассматривать его как дискурс контаминированного типа.

Литература

- Багиян А. Ю. Сущностные свойства и основные характеристики научно-популярного дискурса // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 3. С. 81–86.
- Белоглазова Е. В. О вариативности проявления дискурсивной гетерогенности // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332. С. 15–19.
- Бредихин С. Н., Серебрякова С. В., Лиховид А. А. Способы компрессии когнитивной информации в научно-популярном тексте // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 3. С. 139–145.
- Граудина Л. К. Культура русской речи. Учебник для вузов / под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА М, 1998. 550 с.
- Глухов Г. В., Белякова О. В. Лингвистическая компрессия в англоязычных текстах сферы обслуживания // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения и педагогики. 2016. № 1(3). С. 31–36.
- Дубских А. И. Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации личности в масс-медиа дискурсе: на материале "звездных" интервью : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2014. 225 с.
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС, 2002. 284 с.
- Канащук С. А. Инструктивный дискурс IT корпораций: социолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 227 с.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
- Кипиани Н. А. Об авторском «я» в академическом дискурсе // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сб. науч. трудов. Вып. 2. М.: Университетская книга, 2018. С. 423–426.
- Кобозева М. А. Когнитивные и речевые стратегии ввода темы в научно-популярном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011. 25 с.
- Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М.: ФЛИНТА; Наука, 2008. 464 с.
- Кукса И. Ю. Субъективная модальность в газетном тексте (на примере публикаций М. Горького середины 90-х годов XIX века) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2010. № 1 (11). С. 26–30.
- Лазаревич Э. А. С веком наравне. Популяризация науки в России. Книга. Газета. Журнал. Москва: Книга, 1984. 384 с.
- Маевский Н. Н. Особенности научно-популярного стиля: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1979. 25 с.
- Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика. М.: Оникс; Мир и Образование. 2008. 416 с.
- Серебрякова С. В., Кибкало Р. И. Оценочность как прагматически значимый маркер авторского присутствия в научно-популярном дискурсе астрономии (на материале текстов В. Г. Сурдина) // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2024. Т. 28. № 3. С. 72–83.
- Тленкопачева М. Н. Основные элементы педагогического // Актуальные вопросы филологических наук: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2015 г.). Казань: Бук, 2015. С. 57–60.
- Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста: Учебное пособие. Изд. 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. 128 с.
- Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 248 с.
- Sagan C. Cosmos. New York: Random House, 1980. 366 p.

References

- Bagiyan AY. Essential parameters and fundamental characteristics of the popular science discourse. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2014;(3):81-86. (In Russ.).
- Beloglazova EV. On variability in manifestation of discursive heterogeneity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010;(332):15-19. (In Russ.).
- Bredikhin SN, Serebriakova SV, Likhovid AA. Ways of cognitive information compression in a popular science text. *Aktualnyye Problemy Filologii i Pedagogicheskoy Lingvistiki*. 2019;(3):139-145. (In Russ.).
- Graudina LK. Culture of Russian speech. Workbook for universities. Edited by prof. LK Graudina and prof. EN Shiryayeva. Moscow: NORMA-INFRA Publishing Group; 1998; 550 p. (In Russ.).
- Glukhov GV, Belyakova OV. Linguistic compression in English service industry texts. *Aktual'nye problemy lingvistiki, perevodovedeniya i pedagogiki*. 2016;(1(3)):31-36. (In Russ.).
- Dubskikh AI. Realisation of the communicative strategy of personality self-representation in mass media discourse: based on "star" interviews: thesis. Chelyabinsk; 2014. 225 p. (In Russ.).

7. Issers OS. Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moscow: Editorial URSS; 2002. 284 p. (In Russ.).
8. Kanashyuk SA. Instructive discourse in IT-corporations: sociolinguistical aspect: thesis. Tomsk; 2012. 227 p. (In Russ.).
9. Karasik VI. Circle of Language: personality, concepts, discourse. Moscow: Gnozis; 2004. 390 p. (In Russ.).
10. Kipiani NA. On author's "I" in academic discourse. Language in Culture. Translation. Communication: coll. of sci. works. Issue 2. Moscow: Universitetskaya kniga; 2018. P. 423-426. (In Russ.).
11. Kobozeva MA. Cognitive and communicative strategies of topic introduction in popular science discourse: abstract of thesis. Stavropol, 2011. 25 p. (In Russ.).
12. Kozhina MN, Duskaeva LR, Salimovskiy VA. Stylistics of Russian language. Moscow: FLINTA; Science; 2008. 464 p. (In Russ.).
13. Kuksa IY. Subjective modality in newspaper text (based on publications of M. Gorkiy in the middle of 1890s). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010;1(11):26-30. (In Russ.).
14. Lazarevich EA. On par with the century. Science popularization in Russia. Book. Newspaper. Magazine. Moscow: Kniga; 1984; 384 p. (In Russ.).
15. Maevskiy NN. Peculiarities of popular scientific style: abstract of thesis. Rostov-on-Don, 1979. 25 p. (In Russ.).
16. Rozental DE. Book of reference of the Russian language. Practical stylistics. Moscow: Onyx; World and Education; 2008. 416 p. (In Russ.).
17. Serebriakova SV, Kibkalo RI. Evaluation as a pragmatically significant marker of the author's presence in astronomical popular scientific discourse (based on VG. Surdin's texts). *Proceedings of Southern Federal University. Philology*. 2024;28(3):72-83. (In Russ.).
18. Tlenkopacheva MN. Basic elements of pedagogical discourse in Current issues of philological sciences: materials of the III Intern. Sci. conference. (Kazan, October 2015). Kazan: Buk, 2015. P. 57-60. (In Russ.).
19. Chernyavskaya VE. Interpretation of scientific text. Workbook. 3rd Edition, stereotyped. Moscow: KomKniga; 2006. 128 p. (In Russ.).
20. Chernyavskaya VE. Text linguistics: Polycodivity, Intertextuality, Interdiscursivity. Workbook. Moscow: LIBROCOM Publishing house; 2009. 248 p. (In Russ.).
21. Sagan C. Cosmos. New York: Random House; 1980. 366 p.

Научная статья

УДК 81'42 = 161.1 = 112.2

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.22>

ЛЕКСИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КОНЦЕПЦИИ ВРЕМЕНИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ Э.М. РЕМАРКА

Юрий Петрович Нечай

Кубанский государственный университет (д. 149, ул. Ставропольская, Краснодар, 350040, Российская Федерация)
 Доктор филологических наук, профессор
 nechay_ur@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6041-1683>

Аннотация. Введение. Статья посвящена лингвистическому анализу лексических средств реализации концепта «время» в текстах романов Э.М. Ремарка. Отмечается, что время представляет собой многогранный и многомерный феномен, имеющий тесную связь с осмыслением, как самого человека, так и его жизни. **Материал и методы.** В качестве практического материала взяты примеры из текстов романов Э.М. Ремарка «Der Weg zurück» / «Возвращение», «Im Westen nichts Neues» / «На Западном фронте без перемен», «Zeit zu leben und Zeit zu sterben» / «Возвращение», написанные в разные периоды времени, и их переводов на русский язык. В работе использованы метод обобщения, метод лингвистического описания, метод стилистического и контекстуального анализа. Установлено, что представление абстрактных понятий характеризуется рядом отличительных особенностей из-за их противопоставления предметным именам. **Анализ.** Делается вывод о том, что лексические средства реализации времени подчеркивают в текстах временной ритм событий и употребляются часто при описании значительных событий. **Результаты.** Время – это многогранное явление. Изучение полного его понимания пока что непосильная задача. Реальное время постоянно движется

вперед, из прошлого в будущее. В художественной литературе ему свойственно как поступательное, так и обратное движение. Его словесная реализация позволяет соприкоснуться не только с взаимосвязью лексических и грамматических средств, но и с авторским смыслом. Воплощаясь в слове, общезыковые временные значения лексемы начинают дополняться индивидуально-авторскими смыслами, выстраивая особую художественную картину мира.

Ключевые слова: художественный текст, концепт, время, средства реализации, семантическая связь, языковая единица

Для цитирования: Нечай Ю. П. Лексические репрезентанты концепции времени в художественных текстах Э.М. Ремарка // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. № 1. С. 171–176. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.22>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 13.10.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 30.01.2025.

Статья принята к публикации: 25.03.2025.

Research article

LEXICAL REPRESENTATIVES OF THE CONCEPT OF TIME IN LITERARY TEXTS BY E.M. REMARQUE

Yuri P. Nechai

Kuban State University (149, Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation)
 Dr. Sc. (Philology), Professor
 nechay_ur@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6041-1683>

Abstract. Introduction. The article analyzes the lexical means of implementing the concept of time in novels by E.M. Remarque. It is noted that time is a multifaceted and multidimensional phenomenon that has a close connection with the understanding of both the person himself and his life. **Material and Methods.** As practical material, examples are taken from the texts of E.M. Remarque's novels Der Weg zurück / The Return, Im Westen nichts Neues / All Quiet on the Western Front, Zeit zu leben und Zeit zu sterben / A Time to Love and a Time to Die, written in different periods, and their translations into Russian. The work uses the method of generalization, the method of linguistic description, the method of stylistic and contextual analysis. It has been specified that the representation of abstract concepts is characterized by a number of distinctive features due to their opposition to subject names. **Analysis.** It is concluded that lexical means of realizing time emphasize the temporal rhythm of events in texts and are often used when describing significant events. **Results.** Time is a multifaceted phenomenon. Studying its full understanding is still an impossible

task. Real time is constantly moving forward, from the past to the future. In fiction, it is characterized by both forward and backward movement. Its verbal implementation allows one to come into contact not only with the relationship of lexical and grammatical means, but also with the author's meaning. Embodied in a word, the general linguistic temporal meanings of the lexeme begin to be supplemented with individual author's meanings, building a special artistic picture of the world.

Keywords: literary text, concept, time, means of implementation, semantic connection, linguistic unit

For citation: Nechai YuP. Lexical representatives of the concept of time in literary texts by E.M. Remarque. *Humanities and law research*. 2025;12(1):171-176. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.22>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 13.10.2024.

The article was approved after reviewing: 30.01.2025.

The article was accepted for publication: 25.03.2025.

Введение. Время представляет собой, как известно, не только многогранный, но и многомерный феномен, с которым тесно связаны осмысления жизни, как самого человека, так и его жизни. Понятие концептуализация

времени, рассматривается лингвистами как характерное представление времени в индивидуальной картине мира писателя, интерпретация смысла его форм, явлений и признаков, что проявляется в оценках и коммента-

риях повествователя или героев произведения; использование тропов, характеризующих разные признаки времени; в субъективном восприятии и разделение временного потока; противопоставлении разных временных планов и аспектов в структуре текста [3]. Следует подчеркнуть, что художественное время выступает в неразрывной связке с генерализованным пространством художественного повествования и детерминруется социально-историческим контекстом, что создает в рамках «жизнеподобия» объективный художественный хронотоп [7, с. 181].

Материалы и методы. В качестве практического материала взяты примеры из текстов романов Э.М. Ремарка «Der Weg zurück» / «Возвращение», «Im Westen nichts Neues» / «На Западном фронте без перемен», «Zeit zu leben und Zeit zu sterben» / «Время жить и время умирать», написанные в разные периоды времени, и их переводов на русский язык. Эмпирическим материалом послужили отечественные и зарубежные исследования, монографические работы и словари. В работе использованы метод обобщения, метод лингвистического описания, метод стилистического и контекстуального анализа. Цель работы заключается в выявлении специфики концепта «Время» и лингвистический анализ индивидуально-авторских замыслов, как в художественных текстах писателя, так и в русских переводах.

Анализ. В текстах романов Э.М. Ремарка темпоральная архитектура складывается за счет оппозиции военного и послевоенного времени, результатом которой является образование пространственно-временной структуры, реализуемой на разных уровнях. В романах имеют место также и случаи, когда основная сюжетная линия является вектором новых, иногда и с трагическим завершением, путей в жизни героев, обусловленных, как правило, особыми обстоятельствами.

Интерес вызывает и переплетение прошлого, настоящего и будущего в текстах романов, представляемое в виде размышлений и воспоминаний, тесно связанных в цепочке временных отрезков. Например, в романе «На Западном фронте без перемен» перед читателем предстает молодое поколение, которое нещадно погублено войной. Главный же герой погибает, не только физически, но и морально, не выдержав всех ужасов войны.

На страницах романа одного из главных героев не покидают воспоминания о юности и постоянно выстраивают в его сознании сопоставление настоящей и прошлой жизни: „*Ich will es dir mal sagen – ich habe auch schon darüber nachgedacht – dies da, er zeigt auf die Wiesen vor uns, das war Leben, es blühte und wuchs, und wir wuchsen mit. Und das hinter uns – er deutet mit dem Kopf zurück in die Ferne, das war Tod, es starb und zerstörte uns ein bisschen mit. Er lächelt wieder. Wir sind ein wenig reparaturbedürftig, mein Junge*“ [10]. / «*Вот что я тебе скажу. Я тоже много об этом думал. Вот это все, – он показывает на луга перед нами, – было жизнью. Она цвела и росла, и мы росли с нею. А что за нами, – он показывает головой назад, – было смертью, там все умирало, и нас малость прихватило. – Он опять горько улыбается. – Мы нуждаемся в небольшом ремонте, дружище*» [5].

Но оказывается не так просто заново начать послевоенную жизнь. Происходит осознание того, что они ничего не знают, кроме того, как прятаться в окопах, спасаться от стрельбы и убивать. „*Wir glaubten, es ginge um die Zukunft! Aber es ging gegen die Zukunft. Unsere Zukunft ist*

tot, denn die Jugend ist tot, die sie trug. Wir sind nur noch Übriggebliebene, Reste!“ [10]. / «*Мы думали, что воюем за будущее, а воевали против него. Наше будущее мертво, ибо молодежь, которая была его носительницей, умерла. Мы лишь уцелевшие остатки ее!*» – *говорит Людвиг Брайер* [5].

Столкнувшись с реальностью послевоенной действительности, герои романа не в силах выдержать этого и снова пытаются вернуться к армейской жизни, но не находят в ней того, что было на фронте, а именно дружбы. Каждый пытается найти это «возвращение» к новой жизни, но не всем это удается.

В романе «Возвращение» солдат возвращается домой с надеждой начать новую жизнь, и почувствовать свободу. И здесь самым главным для них становится психологическая адаптация к совсем другой жизни – к мирной, которая осталась где-то далеко в юности и абсолютно забыта. Когда-то в юные годы военная жизнь казалась чем-то героическим, но гибель многих товарищей и близких, холод, голод и кровавое месиво быстро отрезвляют их боевой пыл и приводят к полному разочарованию. Бойцы понимают, что это был обман, они защищали не родину, а рваншистские и экономические интересы буржуазии. И герои Э.М. Ремарка, зеркально отражающие своих многочисленных сограждан, стремятся вновь обрести смысл жизни. Георг Рахе возвращается из отпуска на фронт, но там он не находит прежних отважных солдат, какими были его товарищи. Вокруг него нет уже настоящих патриотов, а остались лишь обычные искатели приключений.

Во многих случаях герои, не находя прежних идеалов и ценностей, ностальгируют по ушедшим временам, утраченной юности и пытаются пережить настоящее, об этом ярко повествует монолог Людвиг Брайера: „*Es ist alles umsonst, Ernst. Wir sind kaputt, aber die Welt geht weiter, als wenn der Krieg nicht dagewesen wäre. Es wird nicht lange mehr dauern, und unsere Nachfolger auf den Schulbanken werden mit gierigen Augen den Erzählungen aus dem Kriege lauschen und sich aus der Langeweile der Schule heraus wünschen, auch dabei gewesen zu sein. Jetzt schon laufen sie zu den Freikorps – und kaum siebzehnjährig begehen sie politische Morde. Ich bin so müde, Ernst*“ [10]. / «*Все наши усилия напрасны, Эрнст. Мы люди конченые, а жизнь идет вперед, словно войны и не было. Пройдет немного времени, и наша смена на школьных скамьях будет жадно, с горящими глазами, слушать рассказы о войне, мальчики будут рваться прочь от школьной скуки и жалеть, что они не были участниками героических подвигов. Уже сейчас они бегут в добровольческие отряды; молокососы, которым едва исполнилось семнадцать лет, совершают политические убийства. Я так устал, Эрнст...*» [5].

Как правило, послевоенное время формирует мотив, как смерти, так и определяет поступки персонажей. Например, в романе «Время жить и время умирать» Эрнст Гребер движим желанием вернуться в отчий дом, но возвращение оказывается невозможным. Его приезд с фронта отмечен несколькими событиями, суть которых состоит в том, что облик города, в котором герой отсутствовал два года, в значительной степени меняется, и он понимает, что потерял способность ориентироваться в нем: „*Die Stadt, die er gekannt hatte seit seiner Kindheit, war so verändert, dass er sich nicht mehr zurecht fand*“ [11]. / «*Этот город, который был так хорошо знаком ему с детства, теперь настолько изменился, что Гребер уже не знал куда идти*» [6].

Герой романа испытывает страшное потрясение от увиденного и понимает, что больше нет возможности возвращения в мир как родного, так и родительского города.

Особенность художественного времени в романах Э.М. Ремарка обусловлена тем, что их сюжеты связаны с историческим контекстом, и центральное событие в них – война, которая для героев служит преградой, разделяющей их от довоенного прошлого, настоящего и будущего и делает возвращение домой невозможным. Все это – наглядный пример того, насколько властно время над героями писателя.

Реализацию времени, как известно, может выполнять целый набор языковых единиц, в том числе: морфологические (вербализованная форма категория времени), лексические (слова с временным значением) и синтаксические (в виде темпоральных значений).

Выразителями времени рассматриваются такие показатели как календарные даты, секунды, минуты и часы, небесные тела, сама лексема «время» и др.

Набор лексических средств, представляющих время, может включать в себя эксплицитные средства (семантическая структура лексемы содержит временную сему) и неэксплицитные (лексемы, выражающие время посредством указания объектов, жизненных процессов природы и общество, зафиксированное во времени). Эту роль могут выполнять и глаголы, которые отражают изменения в состоянии или характеристиках объекта с течением времени. В то же время временные отношения в тексте также могут быть выражены посредством лексических единиц, у которых временной показатель проявляется только в условиях определенного контекста.

Лингвистический анализ текстов романов Э.М. Ремарка позволяет отметить, что присутствие определенных лексических средств обусловлено представлением в текстах конкретного временного промежутка. Автор оформляет текст во многих случаях статичными лексическими экспликаторами, манипулируя тем самым сознанием читателя, и соотнося его внимание с прошедшими событиями, ранее уже описанными, с потенциально будущими, или акцентирует его внимание на некой важной детали сюжета. Лексические реализаторы времени способны, не только реализовать временной ритм, заданный писателем в романе, но и выступать непосредственными конкретизаторами повествования и фиксаторами определенного темпорального отрезка, создавая эффект выразительности временного континуума. При этом экспликаторный потенциал вербализаторов хронотопа способен изменять течение художественного времени (закольцовывать как в мифе; жестко привязывать, конкретизировать и растягивать как в произведениях реализма; формировать ретротопические аллюзии в исторических и биографических произведениях) транслируя тем самым индивидуальные векторы рецепции и интерпретации событий, описываемых в произведении [8].

Для представления процесса протекания времени в текстовом поле имеет место и присутствие существительных с семантикой длительности типа *eine Zeitlang*, *die Zeitlang* [1; 2], реализующих процесс протекания гражданской или военной жизни человека. В романе «Время жить и время умирать», например, словосочетание *die Zeitlang* присутствует в 22, «На Западном фронте без перемен» – в 10, а в романе «Возвращение» – в 20 случаях, например: „*Wir können noch eine*

Zeitlang warten. Unsere Etage brennt noch nicht“ [11]. / «Подождем. Наш этаж еще не горит» [6].

Или

„*Zum ersten Male seit langer Zeit sind wir wieder zusammen. Wir sehen uns nur noch selten*“ [10]. / «Впервые за долгое время мы опять вместе. Мы редко теперь встречаемся» [5].

Данные лексемы в приведенных примерах демонстрируют процесс протекания событий и формируют в сознании читателя четкую картину времени.

Нельзя не отметить и присутствие разных вербальных цепочек с лексемой «*der Tag*» с разными семантическими значениями: «*jeden Tag*», «*den ganzen Tag*», «*tagelang*», «*tagsüber*» [1; 2]. В разных романах их количество разное: «Возвращение» – 13; «Время жить и время умирать» – 36; «На Западном фронте без перемен» – 20. Например: „*Jetzt aber, wo bekannt geworden ist, dass der Frieden jeden Tag da sein kann, hat jede Stunde tausendfaches Gewicht, und jede Minute im Feuer erscheint uns fast schwerer und länger als die ganze Zeit vorher*“ [10]. / «А с тех пор как мы знаем, что мир не за горами, каждый час кажется в тысячу раз тяжелее, и каждая минута в огне тянется едва ли не мучительнее и дольше, чем вся война» [5].

Или

„*Nicht jeder kann schweigen, wenn er den ganzen Tag Parteireden in seiner eigenen Wohnung hört*“ [11]. / «Не каждый в силах молчать, когда с утра до ночи слышишь в собственной квартире национал-социалистическое декларацию» [6].

В текстах романов имеют место и примеры с лексемой «*der Tag*» с числовым уточнением, что свидетельствует о полноте и цельности временного отрезка: „*Keiner antwortete – denn Schröder hätte eigentlich vor acht Tagen auf Urlaub gehen müssen, Seelig aber hatte ihm das versaut, weil er ihn und Kosole nicht leiden konnte*“ [10]. / «Никто не ответил. Шредер неделю тому назад должен был получить отпуск, но Зеэлиг постарался помешать этому. Шредера, как и Козоле, он терпеть не мог» [5].

Нельзя не отметить и тот факт, что в романе «Время жить и время умирать» словосочетание «*drei Tage*» часто употребляется с отрицанием «*keine*» и с существительным «*der Urlaub*». Связано это с тем, что «трехдневный отпуск» – счастье для главного героя, в которое он не мог поверить, и что эти «три дня» для него самое ценное в данный период его жизни: „*Ich aber habe nur noch drei Tage Urlaub. Wie soll ich denn in drei Tagen die Frau anfüttern*“ [11]. / «А у меня всего три дня осталось. Ну как я за эти три дня успею ее откормить» [6].

Следует отметить значительную роль наречий в экспликации категории темпоральности. В романах отмечены примеры употребления наречий в роли определителей временной ориентации. Вследствие своей специфики они выступают иногда в довольно общей форме, а иногда и в более конкретной, разделяя абстрактный временной континуум относительно момента речи на три основные формы (прошедшее, настоящее, будущее) и чаще выражаются такими лексемами как «*früher*», «*jetzt*», «*damals*», «*zukünftig*»: „*Früher war alles klar, und jetzt ist alles durcheinander. Ich mochte einschlafen und in einer anderen Zeit aufwachen*“ [11]. / «Прежде все было ясно, а теперь все смешалось. Хорошо бы заснуть и проснуться в совсем другие времена» [6].

Значительное присутствие разнофункциональных наречий требует некоторого их упорядочения:

1) наречия, конкретизирующие временное действие: *morgens, vormittags, mittags, nachmittags, abends, nachts, mittenachts, jetzt, damals, bald, früh, spät*, например: „Jeder hatte **nachmittags** bei der letzten Kontrolle einen Zettel bekommen, den er jetzt abgeben musste“ [11]. / «При последней проверке каждый отпускник получил талон, который должен был теперь вернуть» [6].

2) наречия, которое конкретизируют одновременность и разновременность действий: *anfangs, vorher, nachher, gleichzeitig, zugleich*, например: „**Gleichzeitig** wetten sie um eine Flasche Bier auf einen Fliegerkampf, der sich gibt“ [9]. / «Одновременно они заключили пари на бутылку пива об исходе воздушного боя, который сейчас разыгрывается над нами» [4].

3) наречия, конкретизирующие временной отрезок: *lang, kurz, schnell, ewig*, например: „Im Galopp greife ich **schnell** noch zu, schmeiße sie mit einem Schwung über die Mauer und klettere selbst noch“ [9]. / «Я успеваю на бегу подхватить его, одним взмахом швыряю его через ограду и сам взбираюсь на нее» [4].

4) наречия однократности и многократности: *stündlich, täglich, monatlich, montags, wieder, oft, oftmals, manchmal, immer, niemals, nie*, например: „Nach einer Stunde ist der Eingang **wieder** frei, und wir sind etwas gefasster, weil wir Arbeit hatten“ [9]. / «Через час мы снова освободили вход, и нам стало спокойнее, потому что были заняты делом» [4].

Примечательно и то, что измерение времени и кратность действий формируются разного рода наречиями. Такие наречия как (*die ganze Zeit, immer, ewig*) и некоторые другие могут нейтрализовать значение временной формы и изменять временную форму, например, настоящее – в будущее или прошедшее: „Sie wusste, dass in wenigen Minuten das Leben, das stark in ihren gesunden Adern lief, aufhören würde **für immer** – doch sie stand ruhig da, als wäre es weiter nichts, und als fröre sie nur ein wenig in der kalten Morgenluft“ [11]. / «Она знала, что это смертный приговор и что через несколько минут жизнь, которая так неукротимо бьется в ее жилах, будет оборвана навеки: и все-таки она стояла

спокойно, как будто ничего особенного не происходило и она просто немного озябла на утреннем морозе» [6].

Наречие *morgen* может выступать ориентиром на будущее: „Ich brauche **morgen** nicht zur Fabrik. Ich habe zwei Tage Urlaub“ [11]. / «Мне завтра не надо на фабрику. У меня отпуск на два дня» [6].

Нельзя не заметить, что наречия способствуют расширению семантических рамок, участвуют в экспликации временных значений (*stundenlang*) и кратности действий (*oft, selten, nie*): „Vorne ist es doch **nie** etwas damit, und vierzehn Tage jedes Mal sind eine lange Zeit“ [9]. / «На передовой ведь никогда толком не поспишь, а две недели тянутся долго» [4].

Значительная роль в реализации темпоральности отводится также предлогам *in, an, seit, vor, bis, ab, von, bis, über, innerhalb, während, von ... an u др.* в сочетании с существительными: „Er konnte nicht mehr weitersuchen, und er begriff, dass er Geduld haben musste. Ihm graute **vor dem langen Abend**. Zur Kaserne wollte er noch nicht“ [11]. / «Продолжать поиски уже не возможно; и он понял, что нужно набраться терпения. Впереди был нескончаемо длинный вечер. В казармы возвращаться еще не хотелось» [6].

Отметим также и тот факт, что в качестве средств передачи времени в немецком языке могут участвовать и темпоральные предлоги типа: *während, in, an, nach, seit, ab, bis, vor*, а также наречия, числительные и предлоги: *jedesmal, nur einmal, auf einmal, noch einmal, zum ersten mal, einstmals, diesmal, mehrmals, das erste mal, zweimal, die beiden ersten Male, manchmal u m.д.*: „Ein Stück Leben kann manchmal verdammt kurz sein, was? Und dann kommt ein anderes, von dem man absolut nichts kennt“ [11]. / «Кусок жизни может иногда быть чертовски коротким, правда? А потом начинается другой, о котором не имейшь ни малейшего представления» [6].

В последующей таблице представлены результаты лингвистического анализа, в которых отмечается значительный разброс по частности присутствия данной категории слов в произведениях писателя как в целом, так и в разных типах предложений.

Таблица 1/ Table 1

Наиболее употребительные лексические экспликативы времени в художественных текстах 3 романов Э.М. Ремарка / The most commonly used lexical explicators of time in the literary texts of 3 novels by E.M. Remarque

Лексические экспликативы времени	Der Weg zurück		Im Westen nichts Neues		Zeit zu leben und Zeit zu sterben	
	Колич.	Проценты	Колич.	Проценты	Колич.	Проценты
jetzt	150	29,4%	140	27,5%	220	43,1%
damals	350	50,7%	100	14,5%	240	34,8%
vormittags, nachmittags, mittags,	14	26,9%	16	30,8%	22	42,3%
bald	28	34,1%	17	20,7%	37	45,1%
früh	65	60,7%	35	32,7%	7	6,5%
spät	43	41%	20	19%	42	40%
ewig	8	36,4%	5	22,7%	9	40,9%
lang (eine Zeit lang)	135	34%	115	29%	147	37%
schnell	2	4,8%	17	40,5%	23	54,8%
anfangs	2	28,6%	4	57,1%	1	14,3%
vorher, nachher	26	30,2%	26	30,2%	34	39,5%
gleichzeitig	5	45,5%	0	0	6	54,5%

zugleich	2	66,7%	0	0	1	33,3%
taglich, monatlich	4	40%	3	30%	3	30%
einmal, jedesmal, diesmal	168	36,1%	105	22,5%	193	41,4%
manchmal	3	4,3%	33	47,8%	33	47,8%
nach, seit, ab	275	31,4%	296	33,8%	305	34,8%
wahrend	2	10,5%	15	78,9%	2	10,5%
bis, vor	202	38%	175	32,9%	155	29,1%
jeden Tag, den ganzen Tag, tagelang, tagsuber	13	18,8%	20	29%	36	52,2%

В романе «Время жить и время умирать» наблюдается довольно большое количество наречия *«jetzt»* – 220 единиц, функциональный аспект которого заключается в указании на повтор событий и началом какого-либо новым действия. Данное наречие сопровождает все временные формы, определенные даты, придает событиям актуальность и действительность. С его помощью реализуется также возможность более нейтрального указания на определенный момент в настоящем.

Значительная частотность употребления наречия *«damals»* в романе «Возвращение» (350 единиц) обоснована нахождением героев в рамках настоящего и прошлого времени и уточнения соответствующего момента в прошлом.

Сочетания наречий с существительными позволяют с большей точностью отразить временное пространство, например, *jeden Tag, den ganzen Tag, eine Zeit lang*. Несмотря на то, что процентные соотношения трех романов разнятся, их присутствие способствует конкретизации действий определенного временного отрезка в жизни героев.

Как свидетельствуют данные таблицы, значительное место в текстах романов занимают темпоральные союзы и предлоги – *wahrend, nach, seit, nachher, vorher, bis*. Они являются универсальными, а значение следствия передается предлогами *nach, seit*.

Наречия *einmal, jedesmal, diesmal* указывают на начальный этап действия, которое имело свое начало, продолжалось какое-то время и закончилось к моменту речи.

Достаточно неожиданным оказалось употребление наречия *«manchmal»* в равном процентном отношении (47,8 %) в романах «На Западном фронте без перемен» и «Время жить и время умирать». Его функция заключается в данном случае в реализации многократности

действия и нивелировании четких временных границ. Такого рода необходимость вызвана восприятием героями только времени войны. Жизнь же без войны для них неведома, поскольку с самого юного возраста они научены только воевать.

Итак, лексические экспликативы времени в романах подчеркивают временной ритм событий и употребляются часто при описании значительных событий.

Результаты. Время – это многогранное явление, и его изучение лежит не только на основе человеческого бытия, мировоззрения, совокупности духовного и интеллектуального познания определенного индивида, но это и понимание мироустройства, которое выражает перемену общественных установок. Время исследуется с самых древних времен, в различных областях знаний было затронуто временное пространство. Вследствие всего, изучение полного понимания времени считается непосильной задачей, но многочисленные исследования показывают, что интерес к временному феномену будет существовать на протяжении долгих лет. Реальное время постоянно движется вперед, из прошлого в будущее. Человек, исходя из своих чувств, воспринимает время совершенно иначе. Ему иногда кажется, что оно протекает быстро, а порой и медленно. В художественной литературе оно может иметь поступательное и обратное движение, иногда замедляться или останавливаться.

Вербальное представление повествования позволяет увидеть не только тесную сочетаемость лексико-грамматических средств реализации времени, но и авторское смысловое оформление. Функционируя в контексте, лексемы с общеязыковой временной семантикой, наделяются дополнительными авторскими смыслами и формируют тем самым уже его личную особую картину мира.

Литература

1. Лейн К. и др. Немецко-русский (основной) словарь: ок. 95000 слов. М.: Русский язык, 1992. 1040 с.
2. Лепинг Е. И., Страхова Н. П., Лейн К., Эккерт Р. Русско-немецкий словарь: ок. 53000 слов. Изд. 7-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1976. 848 с.
3. Николина Н. А. Филологический анализ текста. М.: Академия, 2003. 256 с.
4. Ремарк Э. М. На Западном фронте без перемен. М.: АСТ, 2002. 317 с.
5. Ремарк Э. М. Возвращение. М.: Астрель, 1997. 379 с.
6. Ремарк Э. М. Время жить и время умирать. М.: Политическая литература, 1998. 316 с.
7. Сенков М. О., Бредихин С. Н. Объективный социально-исторический контекст как пропозиционал фэнтезийного хронотопа // Третьи Щеулинские чтения : Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 95-летию со дня рождения д-ра филол. наук, профессора Василия Васильевича Щеулина (Липецк, 13–14 апреля 2023 г.). Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. С. 180–184.
8. Bredikhin S. N., Kuzmenko S. A., Gorzhaia A. A., Makhova I. N. Mythologization and remythologization of marginal sense overtones (as exemplified in prison literature) // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. 2021. Vol. 107. P. 237–244.
9. Remarque E. M. Im Westen nichts Neues. Koln: Aufbau Verlag-Berlin und Weimar, 1999. 218 S.
10. Remarque E. M. Der Weg zuruck. Koln: Aufbau Verlag-Berlin und Weimar, 1998. 413 S.
11. Remarque E. M. Zeit zu leben und Zeit zu sterben. Koln: Aufbau Verlag-Berlin und Weimar, 1999. 592 S.

References

1. Lane K, et al. German-Russian (main) dictionary: approx. 95,000 words. Moscow: Russian language; 1992. 1040 p. (In Russ.).
2. Leping EI, Strakhova NP, Lane K, Eckert R. Russian-German dictionary: approx. 53,000 words. Ed. 7th, rev. and additional. Moscow: Russian language; 1976. 848 p. (In Russ.).
3. Nikolina NA. Philological analysis of the text: Moscow: Academy; 2003. 256 p. (In Russ.).
4. Remarque EM. No change on the Western Front. Moscow: AST; 2002. 317 p. (In Russ.).
5. Remarque EM. Return. Moscow: Astrel; 1997. 379 p. (In Russ.).
6. Remarque EM. A time to live and a time to die. Moscow: Political literature; 1998. 316 p. (In Russ.).
7. Senkov MO, Bredikhin SN. Objective Socio-Historical Context as a Propositional of the Fantasy Chronotope in The Third Shcheulin Readings: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with international participation dedicated to the 95th anniversary of the birth of Doctor of Philology, Professor Vasily Vasilyevich Shcheulin (Lipetsk, 13-14 April 2023). Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after PP Semenov-Tyan-Shanskiy; 2023. p. 180-184. (In Russ.).
8. Bredikhin SN, Kuzmenko SA, Gorzhaia AA, Makhova IN. Mythologization and remythologization of marginal sense overtones (as exemplified in prison literature). *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*. 2021;107:237-244.
9. Remarque EM. Nothing New in the West. Köln: Aufbau Verlag-Berlin und Weimar; 1999. 218 p. (In Germ.).
10. Remarque EM. The Way back. Köln: Aufbau Verlag-Berlin und Weimar; 1998. 413 p. (In Germ.).
11. Remarque EM. Time to Live and Time to Die. Köln: Aufbau Verlag-Berlin und Weimar; 1999. 592 p. (In Germ.).

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

Рецензия

УДК 81'27+ 81'42+ 811.161.1

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.23>

МАРЧЕНКО Т. В. ПОЛИКОДОВАЯ СПЕЦИФИКА ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В МЕДИАДИСКУРСЕ /
Т. В. МАРЧЕНКО. СТАВРОПОЛЬ: СТАВРОПОЛЬСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО “ПАРАГРАФ”,
2024. 252 С. 500 ЭКЗ.

Геннадий Геннадьевич Слышкин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (д. 82, стр. 1, пр-кт Вернадского, Москва, 119571, Российская Федерация)
Доктор филологических наук, профессор
slyshkin@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8121-0250>

Для цитирования: Слышкин Г. Г. Марченко Т. В. Поликодовая специфика прецедентности в медиадискурсе / Т. В. Марченко; Ставрополь: Ставропольское издательство “Параграф”, 2024. 252 с. 500 экз. // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 177–179. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.23>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 23.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.03.2025.

Статья принята к публикации: 25.03.2025.

Review

MARCHENKO TV. POLYCODE FEATURES OF PRECEDENCE IN MEDIA DISCOURSE.
STAVROPOL: STAVROPOL PUBLISHING HOUSE “PARAGRAF”;
2024. 252 P. 500 COPIES.

Gennady G. Slyshkin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, building 1, Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Professor
slyshkin@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8121-0250>

For citation: Slyshkin GG. Marchenko TV. Polycode features of precedence in media discourse. Stavropol: Stavropol publishing house “Paragraf”; 2024. 252 p. 500 copies. *Humanities and law research*. 2025;12(1):177-179. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.23>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 23.01.2025.

The article was approved after reviewing: 18.03.2025.

The article was accepted for publication: 25.03.2025.

Рецензируемая монография посвящена одному из комплексных междисциплинарных и многоаспектных направлений исследований в современной лингвистике – теории прецедентности. Давно вышедшие за пределы сугубо литературоведческого или лингвистического анализа вопросы прецедентности приобретают важное социокультурное значение как в контексте изучения этнокультурной специфики, так и межкультурных особенностей коммуникации. В разработке обозначенной теории принято выделять несколько подходов: лингвистический, литературоведческий, лингвокультурный, функционально-семантический и ряд других. Так, лингвокогнитивный подход предполагает анализ как непосредственно речевых, так и когнитивных аспектов, то есть прецедентные феномены выступают в качестве концептов – единиц, принадлежащих сознанию, детерминируемых культурой и опредмечиваемых в языке [6, с. 9]. Данные единицы способны формировать прецедентную концептосферу, ориентированную «на утверждение уникальности и культурной значимости индивидуального объекта» [7, с. 116].

Изучение дискурсивной актуализации прецедентных феноменов соотносится с теорией интертекстуальности, предполагающей способность к приращению смысла посредством установления межтекстовых связей разной степени выраженности (цитаты, аллюзии, реминисценции и др.). Наряду с богатым опытом осмысления вербальных форм прецедентности, в фокус исследовательских интересов попадают семиотически вариативные формы инкодирования прецедентности (см. работы Слышкин, 2000; Сметанина, 2002; Мардиева, 2006, 2007, 2011; Садуов, 2013 и др.). Возрастающая медиатизация и визуализация культуры, обуславливающая многоплановое семиотическое взаимодействие и конвергенцию механизмов трансляции информации в полидискурсивном медиапространстве [1], актуализирует исследование специфики семиотического кодирования прецедентных единиц в поликодовых текстах [2]. Именно поэтому заявленная в монографии тема исследования отличается актуальностью как в теоретическом, так и в практическом плане. Опыт изучения отдельных

аспектов поликодовой репрезентации прецедентных феноменов нашел отражение в отдельных научных статьях автора исследования [3; 5]. Рецензируемое монографическое исследование опирается на комплексный подход к решению проблем интерпретации поликодовой специфики прецедентности с позиции междисциплинарного подхода на стыке когнитивной лингвистики, филологии, дискурсологии, семиотики и межкультурной коммуникации.

В фокусе первой главы, названной «*Специфика семиотического взаимодействия в медиaprостранстве*», находятся механизмы и виды семиотической интеракции в медиадискурсе. Автор работы проводит содержательный анализ концепций и базовых терминов, отражающих вариативные форматы интеракции в рамках одного или нескольких семиотических кодов, потенциально актуализирующихся в современных медиапрактиках – интертекстуальность, интердискурсивность, интермедиаальность и др. Специфика коммуникации, опосредованной технологическими ресурсами «новых медиа» и глокальными социокультурными условиями, предопределяет выбор интермедиаального анализа как исследовательской процедуры для анализа разных феноменов дискурсивных практик в медиасреде. Интермедиаальные корреляции в медиатексте, как отмечается в монографии, осуществляются на разных уровнях (формообразование, сюжет, семантика) при взаимодействии нескольких семиотических кодов, что влечет за собой их взаимную трансформацию [4, с. 24].

Опираясь на типологию текстов по принципу их культурогенной релевантности, Т.В. Марченко обращается к гибридным форматам, наиболее ярко манифестирующим переключение между семиотическими кодами и имеющими высокий «потенциал к актуализации прецедентности в разных семиотических формах» [4, с. 27]. В данной главе справедливо отмечается, что одним из широко распространенных в медиaprостранстве типов поликодовых текстов является интернет-мем, опирающийся на принципы визуализации и фрагментации, демонстрирующий разные форматы конвергенции семиотических кодов и реализующий коммуникативно-прагматический потенциал [4, с. 32-33]. Рассмотрение семиотических, содержательных и функциональных характеристик интернет-мемов сквозь призму прецедентности позволяет автору работы обосновать вывод о свойстве интернет-мема «аккумулировать» коммуникативно-прагматический заряд, обусловленный культурной памятью и общностью фоновых знаний представителей определенного лингвосообщества, и способности порождать культурно значимые ассоциации.

Во второй главе «*Лингвокультурные особенности формирования и дискурсивная специфика объективации нового прецедентного феномена*» представлены результаты исследования коммуникативных и общекультурных условий и этапов закрепления прецедентного феномена *Brexit* в когнитивной базе англоязычного лингвокультурного сообщества. От общего описания социокультурного контекста, сопровождающего нарратив *Brexit*, и теоретических предпосылок данной части исследования автор монографии переходит к характеристике прецедентных и символических элементов, участвующих в формировании культурного фона для закрепления аксиологических потенциалов нового прецедентного феномена. Ценными как с практической, так и с теоретической точек зрения видятся обобщенные в таблице результаты параллельного анализа инкоди-

руемых на вербальном и невербальном уровнях оценочных значений [4, с. 94-95], дающие представление о доминирующем семантическом потенциале в определенный период времени, а также выводы об основном семиотическом коде дискурсивного бытования прецедентного феномена *Brexit* в англоязычной культуре. Как отмечает автор, на настоящий момент не установлены визуальные репрезентанты исследуемого прецедентного феномена, некоторые иконические элементы используются как комплементарные детерминанты значений прецедентного феномена [4, с. 89-90].

Данную главу мог дополнить раздел с кратким обсуждением специфики медиаотражения нарратива *Brexit* не только в британских, но иных англоязычных ресурсах. На наш взгляд, это позволило бы прийти к некоторым выводам о специфике семантического потенциала анализируемого прецедентного феномена как в британской лингвокультуре, так в англоязычном сообществе, представленном иными этнокультурными группами.

Третья глава, озаглавленная «*Семиотические ресурсы трансляции и интерпретации памяти и их дискурсивная актуализация*», представляет комплексный анализ поликодовых форм репрезентации прецедентных феноменов и культурных знаков, имеющих долгую историю бытования в лингвокультурном пространстве. Обращение к символическому наследию советской эпохи и прецедентным феноменам, хронологически восходящим к обозначенному историческому периоду, позволило автору рецензируемой монографии максимально полно и многоаспектно охарактеризовать способы инкодирования прецедентных феноменов, условия апелляции к ним в современных медиатекстах и способы внутрикультурной адаптации их коммуникативно-прагматического потенциала. Первый и второй подразделы главы обобщают теоретическую базу по дискурсивной актуализации артефактов советской эпохи в российском социокультурном пространстве в диахроническом ключе: от ранне-постсоветской ностальгии по ушедшей эпохе к интерпретативной рамке культурного ресайклинга.

Анализ лингвосемиотических особенностей референции к прецедентной базе, этимологически восходящей к советскому периоду, осуществляется на материале поликодовых текстов (интернет-мемов, плакатных изображений, рекламных постеров и т.д.), позволяющих получить ответы на вопросы о специфике взаимодействия кодов, особенностях инкодирования, маркерах, основных сферах-источниках, функциональном потенциале и др. По справедливому замечанию Т.В. Марченко, «интерпретационное поле прецедентных феноменов, инкодированных визуально и / или вербально, находится в непосредственной связи с контекстом эпохи источника, а прагматический потенциал усилен сопутствующими символическими элементами, актуализация каждого из которых имеет аддитивный эффект» [4, с. 201].

Комплексный анализ объектов переосмысления или культурного ресайклинга советского, которые в разной степени и форме прецедентности фигурируют в современном русскоязычном дискурсивном пространстве, позволил Т.В. Марченко наметить шесть сфер-источников прецедентных феноменов: визуальная архитектура текста и графические элементы, артефакты кино- и вокально-музыкального творчества, глуттонические прецеденты, элементы повседневности, персоналии (личности) и вербально репродуцируемые продукты речемыслительной деятельности [4, с. 197]. Каждая

из сфер охарактеризована в отдельном подразделе по нескольким ключевым параметрам, включающим маркеры поликодовой объективации, детализированные источники и типы прецедентных феноменов, виды и форматы семиотического инкодирования, особенности взаимодействия с элементами когнитивной базы иных лингвосообществ, функциональный потенциал и интеракция с другими культурными знаками, реализация полипрецедентности и синестетического эффекта.

Отдельно необходимо отметить наблюдения автора рецензируемого исследования, касающиеся маркеров прецедентных феноменов в поликодовой перспективе их дискурсивной объективации [4, с. 193-202] и вариативности степени манифестации как вербальных, так и визуальных маркеров [4, с. 204-205].

Заключительный подраздел третьей главы «*Советский пин-ап*» и маркеры поликодовой объективации прецедентных феноменов в семиотически осложненном тексте» посвящен исследованию вопросов, требующих активного научного осмысления в условиях поликодовости медиaprостранства: специфика инкодирования разных модусов перцепции и конвергенции маркеров в текстовом пространстве.

Монографическое исследование отличается инфор-

мативной насыщенностью и безукоризненной логикой. Достоверность результатов определяется широкой эмпирической базой, опорой на достижения современной лингвистики, список словарей и справочников, используемых автором в качестве лексикографической основы для интерпретации единиц анализа, перечень источников эмпирического материала (моно- и поликодовые тексты), а также применение системы адекватных объекту исследовательских методов.

Изучение поликодовой специфики прецедентности непосредственным образом формирует культурно-языковую компетенцию, предполагающую переосмысление вербальных знаков в контексте культурного кода. Монография включает богатый иллюстративный материал, может быть использована в качестве дидактического инструментария как на филологических, так и нефилологических направлениях обучения. Представленные автором обобщения процессов развития феномена прецедентности и его поликодовой дискурсивной объективации могут быть полезны филологам, лингвистам, а также культурологам и специалистам в области межкультурной коммуникации, изучающим динамику развития и трансформацию культуры.

Литература

1. Марченко Т. В. Взаимодействие форм прецедентности в синестетических полимодальных единицах: мемы в чувствах и чувства в мемах // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 1. С. 210–224.
2. Марченко Т. В. Интернет-мем как феномен медиакommunikации: типологические характеристики и потенциал прецедентности // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. – вып. 16 / отв. ред. А.Г. Пастухов. Орел: ООО «Горизонт», 2019. С. 209–221.
3. Марченко Т. В. Культурный ресайклинг советского в интернет-мемах: лингвосомиотическая интерпретация // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. № 3. С. 505–518.
4. Марченко Т. В. Поликодовая специфика прецедентности в медиадискурсе. Ставрополь: Ставропольское издательство «Параграф», 2024. 250 с.
5. Марченко Т. В., Бредихин С. Н. Системные модификации исходного содержания медийных поликодовых репрезентантов комплексных прецедентных феноменов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 2. С. 70–85.
6. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 125 с.
7. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004. 240 с.

References

1. Marchenko TV. Interaction of Precedence Forms in Synesthetic Polymodal Units: Memes in Feelings and Feelings in Memes. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023;(1):210-224. (In Russ.). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-1-210-224>
2. Marchenko TV. Internet Meme as a Phenomenon of Media Communication: Typological Characteristics and Precedence Potential. In *Genres and Types of Text in Scientific and Media Discourse*. Oryol: Oryol State University of Culture; 2019. P. 209-220.
3. Marchenko TV. Cultural recycling of the Soviet in internet memes: semiotic linguistic interpretation. *Humanities and law research*. 2022;3:505-518. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.17>
4. Marchenko TV. Polycode features of precedence in media discourse. Stavropol: Stavropol publishing house "Paragraf"; 2024. 252 p.
5. Marchenko TV, Bredikhin SN. System Modifications of the Initial Content of Media Polycode Representatives in Complex Precedent Phenomena. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023;(2):70-85. (In Russ.). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-2-70-85>
6. Slyshkin GG. From the text to the symbol: linguocultural concepts of precedent texts in the conscience and the discourse. Moscow: Academia; 2000. 125 p.
7. Slyshkin GG. Linguocultural concepts and metaconcepts. Volgograd: Peremena; 2004. 240 p.

НЕКРОЛОГИ / OBITUARIES

ДУДАРЕВ СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ (05.09.1951 – 29.03.2025)

Дударев Сергей Леонидович (05.09.1951 – 29.03.2025) – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Кубани, Почетный работник сферы образования Российской Федерации.

29 марта 2025 г. после продолжительной болезни ушел из жизни руководитель Кавказоведческой школы Сергей Леонидович Дударев, Заслуженный деятель науки Кубани, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, член-корреспондент Халле-Виттенбергского университета Мартина Лютера, доктор исторических наук, профессор, долгое время возглавлявший кафедру всеобщей и региональной истории АГПУ.

Сергей Леонидович родился 5 сентября 1951 года в г. Грозном в семье учителей. В 1972 г. он окончил Чечено-Ингушский государственный университет, в 1977–1981 гг. обучался в аспирантуре при Северо-Осетинском государственном университете им. К.Л. Хетагурова. До 1992 г. С.Л. Дударев работал преподавателем кафедры всеобщей истории, доцентом кафедры истории народов Северного Кавказа Чечено-Ингушского государственно-

го университета (г. Грозный), а в 1992 г. был вынужден переехать в Армавир. 30 лет, с 1992 по 2022 гг., Сергей Леонидович посвятил Армавирскому государственному педагогическому университету, работая сначала доцентом, затем профессором кафедр культурологии (1992–1993) и всеобщей истории (с 1993 г.). С 1998 г. служил заведующим кафедрой.

С.Л. Дударев активно участвовал в работе Диссертационного совета по историческим наукам Ставро-

польского государственного университета, а затем Северо-Кавказского федерального государственного университета.

В 1983 г. в Институте археологии Академии наук Украинской ССР он защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Ранний этап освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терека (IX–VII вв. до н.э.)», в 1999 г. в Институте востоковедения РАН защитил докторскую диссертацию по теме: «Северный Кавказ и ранние кочевники в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.)».

Научные интересы С.Л. Дударева были связаны с археологией Юга России, историей народов Кавказа (в том числе историей северокавказского казачества), проблемами всеобщей истории, особенно периодом средневековья и раннего нового времени. Этим темам посвящены около 900 его опубликованных научных и методических работ, среди которых 27 книг, в том числе 13 монографий.

С результатами своих исследований он выступил на более чем 160 научных и научно-практических конференциях в стране и за рубежом. Труды С.Л. Дударева увидели свет в 11 зарубежных странах (Германия, Турция, Греция, Нидерланды, США, Франция, Чехия, Польша и др.).

С.Л. Дударев являлся редактором свыше 120 книг, брошюр и сборников научных и научно-методических трудов. Среди его учеников есть историки-медиевисты, специалисты по новой истории, истории Отечества и археологии.

Светлая память о прекрасном ученом и педагоге Сергее Леонидовиче Дудареве навсегда останется в сердцах его коллег и учеников.

Коллеги

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2025. Том 12. № 1

Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал /
гл. ред. И. В. Крючков. 2025. Т. 12. № 1. 182 с.

– Свободная цена –

Ответственный секретарь К. Р. Амбарцумян
Технический редактор, компьютерная верстка И. С. Дубинкина
Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 18.05.2025 Дата выхода в свет 23.05.2025

Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная

Усл. п. л. 21,15
Заказ 56

Уч.-изд. л. 20,85
Тираж 500 экз.

Отпечатано в дизайн-бюро Высшей школы креативных индустрий
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2